

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

АНЖАРСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ТЕМНЫЙ МАГИСТР
ИЩЕЛЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Annotation

Что общего у младшей целительницы и магистра темных искусств? Правильно: стопка незаполненных форм и тонна взаимной неприязни. Так было ровно до тех пор, пока я не совершила три ошибки. И теперь у нас появилось еще кое-что «общее». Одна татуировка на двоих, которая не дает отойти друг от друга дальше, чем на несколько метров. И ее действие с каждым днем все сильнее. Этак мне придется переселиться в логово мрачного сира Райса! Есть плюс: магистр меня не узнает. И минус: я-то его прекрасно помню...

- [Елена Княжина](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Эпилог](#)
 - [От автора](#)
-

Елена Княжина

**Анжарская академия. Темный магистр
исцелению не подлежит**

Пролог

Кейр Райс

Дэлия призывно сместила разрез на платье в сторону и погладила жаропрочный чулок на выглянувшей точеной ножке.

Кейр устало поставил бокал на стол, намекая, что шоу желательно сократить. Последнее, чего он желал в нынешнем состоянии, – это варховых церемоний. Оба прекрасно знают, зачем Дэлию срочно вызвали в академию.

Знойная островитянка с Маути качнула бедрами и по очереди сбросила туфли. Внутри Райса привычно ничего не колыхнулось.

Не страшно... Просто эстетство и вся эта тяга к прекрасному – не его история. Сейчас Дэлия закончит «брачный танец», позволит Кейру получить нужную магрезерву разрядку... и уйдет, оставив его наконец наедине со своими демонами.

Покой. Ему нужны покой и тишина. Вархова магрень атаковала виски, «нектар» Эшерских дварфов бил по сознанию... Но организм требовал. Не заполнения – напротив, опустошения. Обнуления, низведения себя до состояния «магического ничего».

Для этого Дэлия здесь. Она знает, что ему нужно. Ей не впервые его необычная ситуация.

Массаж раскаленными стопами был лучшим способом пережить откат. Кейр много вариантов перепробовал и отлично знал все расклады...

На пару с Джонасом они за вечер заштопали с десятков мелких брешей в заслоне и один крупный разрыв материи. Последнюю неделю вызовы следовали один за другим, почти всегда – в вечернее и ночное время. Будто кто-то специально выбирал его, чтобы подтачивать защиту академии в неурочные часы.

Острые ушки Дэлии начали многообещающе просвечивать и рыжеть, походя цветом на раскаленный металл. Вокруг изящных обнаженных ступней заплясало марево.

На самом деле, эта остроухая шипящая дикарка – сокровище. Не лезет в душу, не навязывается, не болтает. Не пытается предложить

что-то сверх оговоренного в контракте академии и требовать что-то сверх обычной платы. Еще бы с церемониями не затягивала...

Ночь за окном тянулась черной патокой. Жидкой, вязкой и для кого-то сладкой... Рассвет не спешил, позволяя всем страждущим насладиться моментом. Как-никак, сегодня канун Дня сиятельных даров. Ночь, полная любви, деликатных тайн и соблазнов. Для кого-то.

Кейр помрачнел и раздраженно дернул плечом. Рано или поздно первые рассветные лучи пробьются через вязкую черноту и наступит утро. И ему придется идти в кабинет к Джонасу, а затем и на лекции...

Вероятно, придется.

Если после того, что случилось пару часов назад, он не потеряет свое место. Впрочем, плевать: оно того стоило.

Завтра будет легче. Наверняка. А пока Райс едва стоял на ногах. Губа до сих пор саднила. Воспоминания о рыжих кудрях, намотанных на чужой кулак, бередили давно затянувшуюся рану.

А Дэлия мало того, что опоздала, так теперь еще затягивала с варховыми церемониями!

– Довольно... – махнул островитянке, подтягивая к себе бутылку с эшерской дварфовой.

– Шшшшш! – возмущенно прошипела раскаленная докрасна девица.

Райс потер лицо, смахивая с кожи усталость. Покатал на ладони серебряный шарик, исчерканный рунами.

Обычное обезболивающее ему давно не помогало, и тем не менее артефактами были забиты все карманы. Сам не знал, зачем с таким упорством ходит в целительский корпус их добывать.

– Дэлия, сегодня я справлюсь с откатом сам, – выдавил из себя, качнув бокалом. – У меня есть другая помощница.

Пусть уходит. Не стоит и начинать, раз все так запущено. У него запущено.

Рыжая прядь снова манящим миражом промелькнула перед его носом и исчезла. *Она* сейчас далеко. Очень далеко после случившегося. В отличие от него, она делает то, что умеет лучше всего – бежит без оглядки.

– Ш-ш-ш, – покачала Дэлия головой и вцепилась коготками в его рубашку. Дернула ткань в стороны, вырывая с корнем ряд пуговиц.

Бешеная островитянка!

– Тогда побыстрее, – попросил, послушно подставляя под пытку оголенную грудь. – Без варховых церемоний.

– Шшшш... – протянула обиженно, морща точеный розовый носик.

– Не кривись. Академия оплатит полный сеанс. Я устал, – объяснил Райс, стирая с губ Дэлии расстроенную гримасу.

До чего странное создание. Извечная хмурость магистра Дэлию никогда не смущала. Напротив, островитянка обижалась, если он выпроваживал ее раньше положенного. Вне зависимости от оплаты.

В отличие от рыжей целительницы, стремившейся перейти на противоположную сторону коридора, едва завидит его силуэт на другом конце... Это забавляло поначалу, потом стало раздражать. Но сегодня он бы сам от себя сбежал.

– Шшш? – Дэлия размазала пальчиком кровь по его разбитой губе и с любопытством облизнула подушечку.

– Пустяки, – фыркнул Райс. – Давай, Дэлия, я готов... Сегодня можешь меня не щадить.

Островитянка игриво хмыкнула, приподняла платье над коленом и резко вжала раскаленную ступню в его грудь. Кейр откинулся на спинку, зашипел, словно сам был родом с Маути.

Нет, он не был готов. Варх дери! К такому взрыву нервных окончаний быть готовым в принципе невозможно.

– Потеше... – охнул сдавленно.

– Ш-ш-ш! – покрутила пальчиком остроухая зараза, с азартом вдавливая пятку ему в солнечное сплетение.

Вархова пытка... Ладно, да, он сам просил себя не щадить. Заслужил. То, что сейчас так паршиво, означает, что наутро ему станет лучше. Магический откат рассеется дымкой, оставив после себя звенящее ощущение пустоты.

Кипящая ступня мягко пихнула в ребро, и Кейр откинулся поглубже в кресло и закрыл глаза. Огненные пальчики поехали выше, к ключицам, потом ниже... Обласкали ребра и грудную клетку, согрели напряженный живот, наполняя каждую мышцу вулканическим жаром острова Маути.

Ф-ф-фух. Горячая девчонка... Может, и стоило предложить ей что-то сверх контракта академии на расслабляющие процедуры.

Это все весна. Розовые лепестки филии пробирались даже сквозь закрытые окна. Плясали по академическим коридорам, настраивая даже мрачных сухарей на романтический лад... Хотя, конечно, Райсу до романтика было очень далеко. Как из южного Анжара до северного Ташера, не меньше.

Ящик для магпочты задымился экстренным красным, и Кейр дернулся в кресле, ловя каменным прессом очередной импульс «спасительной боли». Дэлия сегодня была в ударе и уже дыру в нем прожгла, ей Варху.

Нащупал дрожащим пальцем письмо, вытащил на свет. Тонкин? В такой час? Да какого линялого гхарра?

«У нас проблема на болотах за полигоном.

Точнее, находка.

Но большие все-таки проблема, сир Райс.

Но зато какая!..»

Вспомнив, что «сир Райс» – это, к прискорбию, он, Кейр скривился от потока слов. Тонкин был талантливым мальчишкой, но выражался всегда сумбурно. Слова бежали впереди мысли, как бешеный гхарр перед вояжером, и парень совсем не умел помалкивать. Даже в целях самосохранения.

Райс стряхнул с себя раскаленную пятку и, игнорируя разочарованное шипение, запахнул порванную рубашку. Малодушно подумал, что не так уж не рад письму Тонкина: кожа его почти расплавилась.

Набросил на плечи плащ и торопливо спустился из своей одинокой конуры во двор. Оглянулся, очертив взглядом громаду магистерского корпуса, нашел шпиль ректорской башни. Вокруг было тихо, природа замерла в ожидании рассвета.

Вдохнув весенний воздух, напитанный ароматом филии и прочей раноцветущей чепухи, Райс, пошатываясь, двинулся к полигону. Всю дорогу морщился от дурных предчувствий: эта магическая «ночь любви» его добьет.

Чем теплее становятся анжарские вечера, тем больше случается казусов на болотах. Оставалось надеяться, что Тонкин не настолько жаждет ранней смерти, чтобы вызывать темного магистра шутки ради.

Стройный рядок его учеников (Райс насчитал четыре головы) стоял безмолвно в начале Анжарского леса. И загадочно косился на

черную воду перед собой. Такую бы тишину – да на занятия...

– Тонкин, какого гхарра вы меня вызвали? Что тут у вас?

Кейр плывущим взглядом оценил обстановку. Сначала первый план – то, что его нерадивые студенты намеренно оставили на виду. А затем и второй, наскоро припрятанный.

– Свидание, сир Райс, – голос Тонкина дрогнул, выдавая нахальное вранье. – На четверых...

Заккари Тонкин и Ровейн Диккинс усердно приминали плед ботинками к земле. Словно тут, на узком участке травы между полигоном и лесом, носился ураган, готовый в любую минуту унести тонкое одеяло...

Сверху на плед были второпях брошены пустые бокалы, плащи, какие-то лепестки, шишки. Все, что нашлось под рукой, пригодилось для имитации романтического вечера.

Третьекурсницы Фенрисса и Килира старательно краснели, изображая неловкость. Ученицы привычно отшатнулись от преподавателя: «духи» из дварфовой настойки всегда действовали на убой.

– А что у вас с рубашкой, сир? – нет, внимательный Тонкин точно не помрет своей смертью.

– Ничего, – глухо бросил Кейр, проезжаясь взглядом по «честным» лицам. – И что за вархово собрание?

– Так ведь канун «весенних даров», – пожал плечами Диккинс.

– Романтика Ахавы... Когда ночи уже теплы, а Звездносвод особенно близок, – мечтательно добавила белокурая Фенрисса, морща нос. – Сами понимаете, сир...

– Не понимаю, – мрачно буркнул Райс и резко сорвал покрывало с земли, добираясь до второго плана декораций. – Что за ритуал вы тут проводили, бездари?

В центре рисунка, прямо на земле, лежала кучка чьих-то вещей: расческа, брошь, платок, заколка, часы на цепочке... Все отдаленно знакомое. И пахнущее неприятностями.

– Это сейчас не важнее пробитых гхарровых копыт, сир Райс! – протараторил Тонкин, поддевая ботинком край одеяла. И снова накидывая его на замысловатую пентаграмму, выложенную кристаллами розового кварца и присыпанную джантарной пылью. Дорогие развлечения у современной молодежи.

– У нас тут... вот, – Диккинс ткнул пальцем вперед, в черноту.

От центра заболоченного озерца шла круговая рябь. Там кто-то возился, то уходя целиком под воду, то перекручиваясь и показываясь на поверхности... Не издавая ни звука и отчаянно работая конечностями.

«Свидание» было на четверых. А кто тогда пятый?

– Оно не с вами?

– Оно с воздуха шлепнулось, – пробормотал патлатый Ровейн. – «Бултых!» – и в воду. Мы хотели вытащить, а оно шарахнулось...

– Сейчас я вам покажу «бултых», – прохрипел Райс, потирая саднящую губу.

Эта ночь его доконает. Видит Варх, доконает.

– Думаете, русалка, сир? – ошалело выдохнул Тонкин, фамильярно стучая Райса по плечу и выводя из оцепенения. Смертник.

Оцепенеть было из-за чего. Надо признать, Райс много повидал на своем веку. Чего только не вываливалось из разрывов материи, пробираясь в Эррен с изнанки.

Как правило, это были сгустки тьмы, счастливые обладатели щупалец и изменчивых хоботков. Но такого... Нет, *такого* из разрывов обычно не вываливалось. И никакой магической водоплавающей живности в этой местности отродясь не водилось.

«Русалка» как раз ухватилась за камень, торчащий из воды. Подтянулась, позволяя себя рассмотреть, сплюнула ошметки водорослей и что-то ворчливо прощебетала. Облепленная мокрыми светлыми волосами по пояс, она пугливо жалась к скользкому валуну, мотала головой и тарачила по сторонам голубые глазищи.

Райс отсюда видел, что голубые. Зрение в темноте его никогда не подводило. И, надо признать, глазищи тут были не самым странным...

– Эй! – рявкнул Кейр монстру Варх знает какой изнанки.

«Русалка» испуганно дернулась, соскользнула со склизкого камня. С обиженным воем ухнулась обратно в воду и с удвоенной силой забила конечностями. Бултыхнулась, перекувыркнулась, ушла в черноту с головой... словно собиралась прямо при Райсе потонуть в собственной стихии.

Вот тут-то и показался над поверхностью кружевной поплавок, которого у русалок быть категорически не должно. Категорически.

– Кхм... – проморгался магистр, давая себе зарок завязывать с эшерской.

– Странная какая-то находка, сир Райс, вы не находите? – подал голос природник.

– Не нахожу, Диккинс. Потому что это не находка, – поморщился темный магистр, сбрасывая плащ и прямо в ботинках шагая в заболоченную воду. – Это вархова проблема.

– Сир Райс! – прилетело в спину от Диккинса. – Я могу ошибаться, но выглядит так, будто она захлебывается.

Кейр закашлялся, словно ему кулаком между лопаток прилетело. Да что вы говорите, молодой человек! Со стороны, видно, выглядит так, будто темный магистр решил искупаться в ночи. Романтика Ахавы и все такое.

– Какая-то сомнительная русалка, сир... просроченная, – настороженно протянул Заккари, тоже кружевной поплавок углядевший. – Может, добьем, и дело с концом?

– Отставить глупости, Тонкин! – рявкнул Райс, вспоминая огненные пяточки Дэлии. Не так они и плохи в сравнении с ледяной водой, пахнувшей болотом. – Я слишком стар для этого...

– Да вам всего сорок, – пролепетала Фенрисса, подхватывая с земли его плащ.

– Тридцать семь, – процедил сквозь зубы, чувствуя себя тоже немножко «просроченным».

– А выглядите на пятьдесят, ей Варху, – фыркнула Килира, нетерпеливо подбегая к кромке воды. – Там точно нет светящихся плотоядных пиявок?

– Если были бы, они бы светились, квахарка, – хохотнул Тонкин, не раздумывая, за что тут же получил по шее.

Ледяная вода, до которой «тепло ночей Ахавы» пока не добралось, доползла Райсу до пояса. Обожгла живот под распахнутой рубашкой.

Кружевной ориентир то терялся из виду, уступая место жадно дышащему лицу. То всплывал снова. Эта русалка точно была просроченной и плавала крайне дурно. И сильно нервничала из-за приближавшегося к ней мужчины.

– Тише! – крикнул он истерично бьющемуся в воде чудовищу.

Голубые глаза при виде Райса расширились до размера анжарских яблочек, и счастливая обладательница «поплавка» захлебнулась болотной тиной.

Кейр наскоро сплел магическую сеть, бросил перед собой. Плетение разошлось по водной ряби, заискрило серебром и, опутав «русалку», потянуло ее к магистру.

– Вот так... Вот так, тише, – подхватил замотанную девицу, скользкую, как мокрый анжарский змей.

– Ууу! – провыла болотница, дергая в сетке руками и ногами. Извиваясь всем телом и норовя выскользнуть обратно в озеро.

Торопливо прошагав обратно, Райс выбрался на берег и без лишних нежностей бросил проблему-находку на траву. Она ойкнула, зачесалась, стряхивая с себя облепившие ее водоросли. Лучше бы не стряхивала, мда...

– Тонкин, Диккинс!

– А... сир?..

– Отвернуться, живо! – рявкнул на своих оболтусов, заворачивая «русалку» в плащ.

Перед этим тщательно ощупал находку и лишний раз убедился, что хвоста у нее нет. А вот поплавков – тот был на месте. Облепленный водорослями, кружевами и иголками с земли.

Вархова проблема! Эта изматывающая бессонная ночь должна была закончиться массажем Дэлии, а не... кхм... «поплавками».

– Чтобы все «романтические атрибуты», – Райс кивнул на угол розовой пентаграммы, торчащий из-под пледа, – оказались в моем кабинете раньше меня. Тонкин, спрошу с тебя.

– Будут, сир, – понуро согласился парень.

Райс подхватил с земли замотанную в его плащ «русалку» и, хлюпая мокрыми ботинками, потащил находку в академию. Им обоим следовало согреться. Девчонку в непристойном кружеве колотило дрожью, и магистр мечтал сдать ее Граймсу поскорее. Пускай лечит, а у Кейра другие заботы.

Голубые глаза изумленно тарацились на его порванную рубашку. Райс опустил взгляд, нашел на груди красную отметину от миниатюрной стопы. Превосходно: магистр выглядел так, словно по нему изрядно потоптались. Да и чувствовал себя примерно так же.

Брюки омерзительно липли к ногам, в голове до сих пор было мутно. Кейр облизнул разбитую губу, выдохнул раздраженно.

Вот тебе, Тьма, и «бултых»...

Они вошли в главный корпус, и Райс поставил босую девчонку на пол. Благо, у нее был не хвост, а вполне себе две ноги. Обычные, белые, покрытые водорослями и мурашками. Она стояла перед ним, потирая пяткой о щиколотку, подрагивая и озираясь.

С Райса текло даже больше, чем с «болотницы». Оно и понятно: на магистре было не в пример больше мокрой одежды, пусть и местами порванной.

На ней же кроме кружевного чехла для поплавок и столь же просвечивающего «верха» были только украшения. Необычный браслет в виде серебряной змейки, кусающей свой хвост. И тонкое колечко, за которое «русалка» как раз испуганно схватилась, наскоро оценив обстановку.

– Понимаешь меня? – нахмурился магистр, стараясь не заглядывать под распахнутые полы плаща. Облепившие девушку водоросли и мокрые длинные волосы немного спасали ситуацию, но, видит Варх, не сильно.

Она быстро кивнула и ошалело ощупала свои губы. И щеки. Прокатилась дрожащей ладонью вниз по шее, добралась до кружева... и, испуганно пискнув, запахнула на себе плащ.

Вот и умница. Значит, этот «монстр изнанки» вполне разумный. И даже немножко стыдливый.

– Откуда ты вывалилась на мою голову? – допытывался Райс, сглатывая неутоленный голод.

Островитянка разбудила в нем что-то давно забытое, набив живот раскаленными углями Маути. И те умудрились не остыть даже в ледяном болоте.

– Я... я... – немой рыбой девчонка открывала рот и, с обреченным вздохом, закрывала. – А вы?..

Ее растерянный взгляд упал на его разбитую губу, переместился выше, под глаз. Там, по ощущениям, тоже должен был быть кровоподтек.

В последний раз Райс дрался на кулаках, без магии, лет в двенадцать. Точнее, то был предпоследний. Как выяснилось этой ночью.

– А я? А я, видит Варх, сейчас кого-нибудь убью. Мне очень нужно, – признался магистр, закатив глаза к высокому потолку. Подальше от просвета в плаще.

Да в бездну мрака такие «весенние дары»!

– Пойдем, – Райс схватил болотницу за локоть и потянул за собой.

За окнами коридоров расплзалась синева, намекая на близящийся рассвет. Магистр вспомнил про погром в целительском, вздохнул и направился в ректорское крыло. Не одному же ему страдать? Несмотря на ранний час, Кейр рассчитывал застать Джонаса в кабинете.

Бесхвостая русалка топала за ним нехотя, но послушно, хлюпая босыми ногами по холодному полу и кутаясь в безразмерный плащ.

Райс, конечно, не переломился бы, если бы донес замерзшую нечисть на руках. Но, во-первых, его и самого шатало, а со скользкой ношей он пересчитал бы плечами все стены в округе. Во-вторых, раскаленные кирпичи в животе намекали, что от девицы стоит держаться на расстоянии. Чем дальше от него вархов поплавок – тем лучше.

– Что понимаешь меня, это хорошо, – пробубнил магистр, подталкивая находку вперед. – Здесь, в Анжаре, спонтанные порталы – большая редкость. Вот разрывы случаются часто. Но то, что из них вываливается...

Стены коридора двоились, к горлу подкатывала муть. Он закашлялся в кулак и еще раз присмотрелся к голубоглазой. Было в ней что-то... знакомое.

Только варховой «попаданки» им тут и не хватало! Сейчас начнется: оформления, объяснения, возвраты... Благо, всю ответственность можно одним легким движением переложить на ректорские плечи. Пускай Джонас развлекается, а Райс слишком стар для этого всего. Внутренне так точно. Да и внешне, если верить рыжей подружке Тонкина.

В кармане перекатывались обезболивающие шарики. Поразмыслив, Райс активировал один: трезвый ум сейчас важнее, чем очередной поток воплей мисс Лонгвуд о несанкционированном вторжении в ее бесценный шкафчик с артефактами...

Ах да... Мисс Лонгвуд больше нет. Счастье-то какое! Рыжая заноза уволилась. И больше ее вздернутый нос, полагающий, что он лучше других знает, как надо, в поле зрения не появится.

– Тебя бы к целителю, но там сейчас пусто. Дежурная сбежала, – пояснил русалке, чтобы как-то разбавить искрящую между ними тишину. – А главного поди сыщи в такой час. И не факт, что ты переживешь его диагностику.

Хлюп, хлюп, хлюп... Девчонка молча топала вперед, не издавая более никаких звуков. Так что Райсу приходилось работать за двоих.

– Это Эррен. Мир, в который ты вывалилась, – объяснял монотонно, шлепая ботинками. – Точнее, ввалилась. Весьма некстати, смею заверить.

В беседах он никогда не был силен. Куда проще разрывы на болотах штопать и темных тварей в них возвращать.

– Академия магии, – ткнул пальцем в лестничный пролет, предлагая находке начать подъем. – Здесь учится пара сотен бездарей. И трудится с десятков взрослых идиотов, сбежавших в Анжарскую провинцию от... от чего только ни сбежавших. Здесь довольно комфортно прятаться. Но если прошлое тебя находит...

Девчонка резко развернулась, оросив его щеки холодными брызгами с волос. Выпучила на него перепуганные глаза в немом вопросе «То что?».

– То приходится бежать еще дальше, – магистр пожал плечом и вернул русалку на путь истинный. До кабинета Джонаса оставалось всего ничего.

Вот и мисс Лонгвуд сбежала, как он велел. Бросила его разгребать вархов бардак, оставленный совместными, между прочим, усилиями.

Райс половину ночи от него прятался, дожидаясь Дэлии в своей конуре. Прекрасно понимая, что утром вполне может лишиться должности. Ну да и к гхаррам.

– Сюда, – кивнул на дверь, заметив, как русалка мнетя в нерешительности.

Для «утопленницы», выброшенной в чужой мир порталом, она была на редкость спокойна и покладиста. Только озиралась изумленно и не издавала ни звука.

Джонас был не один. Еще одна вархова проблема, отдавшаяся болью в челюсти и резью в губе, сидела на широком гостевом диване.

– Кейр, драгоценный мой, я не ждал тебя до полудня, – воскликнул пузатый ректор, резво поднимаясь с кресла. – А мы с

сиром Вейроном, обнаружившимся в канаве под моими окнами, как раз обсуждали твой крайне нечеловеколюбивый поступок...

– Кто-то мог заподозрить меня в человеколюбии? – удивленно нахмурился Райс, избегая острого взгляда гостя из Хитаны.

Болотница отпрянула магистру за спину, вжалась в него сзади. Дурной знак. Только не говорите, что исчадие выбрало себе няньку в его лице!

Нет-нет, он не мамочка и не папочка, у него даже питомца нет. Последняя каффа – и та сбежала.

– Не мог, не мог... Но драка на кулаках? – охнул Джонас, бухаясь обратно в кожаное кресло. То скрипнуло жалобно, но устояло. – Тебе сегодняшних детей изнанки показалось мало?

Во всей этой идиотской ситуации радовало одно: синяков и царапин на госте из Хитаны было больше. Хотя, видит Варх, Райс слишком стар для драк с нахальными хирургами из столицы.

«Сир Вейрон» вальяжно расположился на низком диванчике, завесив светлыми волосами половину помятого, но некогда привлекательного лица. Потирал костяшки пальцев, разбитые в кровь парой часов ранее. Об Райса разбитые, мда...

– Я соскучился по острым впечатлениям, – повел плечом Кейр, ощущая мокрой рубашкой чужое тепло. Не палящее, обжигающее, как у островитянки, а вполне комфортное. – Вот, еще одно нашел на болотах. Дитя. Варх знает какой изнанки.

– Ээ?

– Принимай, говорю, находку, – Кейр вытащил из-за спины мокрую девчонку и выставил на всеобщее обозрение. – Ее надо к Граймсу, потом в Хитану, в центр драных потеряшек... А я пошел. Спать. Все занимательные увольнения оставь на утро.

Шаг к выходу – и он на воле. Даже воздух свободы почувствовать успел! Но дверь резко захлопнулась перед выдающимся носом магистра Райса.

– Притормози, дорогой, – Джонас пресек его побег. – Во-первых, Граймса я ищу уже час. Главный целитель вероломно игнорирует мои экстренные послания. А во-вторых...

Ректор подманил пальцем «русалку», но та не сдвинулась с места. Только переминалась босыми ногами на полу, будто готовясь к прыжку в любой момент. И машинально потирала колечко на левой руке.

– Вы, милая, не волнуйтесь, – ректор помахал на нее рукой. – Мы и не таких отправляли. В Хитане есть бюро находок, технологии с самого Сеймура... Вернем в лучшем виде, дайте только время. Вас как звать?

Недобитый хирург покосился на кружевной поплавок, выглянувший из плаща, и Райс снова инстинктивно задвинул девчонку за спину. Она послушно задвинулась. Даже, сказал бы, с охотой.

– В-вика... – она выглянула из-за плеча Кейра и снова за него спряталась.

Чужое теплое дыхание на секунду согрело шею до мурашек.

– Чудесно, Вивика, – покивал Джонас. – Только не паникуйте. Оформим все в лучшем виде! Откуда вы к нам... так внезапно?

– С Хав... Хав...

– С Хавраны? – подсказал тот, растекаясь в радушной улыбке. Ректор был весьма располагающим к себе человеком, уютным и круглым со всех сторон. – Далеко забрались! Да как же вы оттуда без всякой магии?..

Хаврана... Странные нынче гости из Междумирья. Впрочем, про особенности хавранской моды слышал даже Райс. Вот вам и родина кружевных поплавок.

– Я не...

– Понятно. Само так вышло, – покивал Джонас дружелюбно, словно со слабоумной разговаривал. – В Хаврану чуть посложнее, но и туда возможно. Давайте-ка мы вот как поступим...

Райс напрягся каждой мышцей, столкнувшись с хитрым взглядом напарника. Нет, тот не предвещал ничего хорошего.

– К-как?

– Вы, Вивика, погостите денек у нас. Сир Райс за вами приглядит, пока мы разыскиваем нашего пропавшего целителя. И пока я, – опять этот проникновенный взгляд, – разгребаю *его* проблемы. К обеду я заполню бумаги, положенные при подобных... кхм... находках. И организую вам транспорт до Хитаны... Это наша столица, милая.

– Я не...

– Не понимаете, да? – вздохнул Джонас сердобольно. Ткнул на синее окно. – Ночь на дворе. Водители вояжеров спят, мой секретарь придет только к полудню.

Райс нахмурился, подошел к приятелю, вытащил того за воротник из кресла и молча выволок в коридор. Поскольку он, по всей вероятности, все равно уволен, то человеколюбие можно вовсе отменять. И так лимит исчерпан.

– Кейр! – прошипел на него давний напарник, едва они оказались в коридоре, по ту сторону двери. – При таких гостях!

– При каких «таких»? – язвительно фыркнул.

– Сир Вейрон – выдающийся хирург, а его супруга, чтобы ты знал...

– И чем он таким выдается, Варх его прибери? – зло тряхнул приятеля за плечо.

– Кристиан Вейрон вхож в древний род тэль Меер. А ты получше моего знаешь, что это родственники Ее Величества, – бубнил ректор. – Мне как тебя выгораживать? Какого гхарра вы не поделили?

– Я принял его за исчадие мрака. Выдающееся, – скупое пояснил Райс. – Впрочем, к гхаррам. Я не буду нянчиться с этой бесхвостой!

– Бесхвостой? – поморгал тот добрыми карими глазами.

Новая должность ректора давалась Джонасу с трудом. Слишком много жестких решений для мягкого по натуре человека.

– Забудь. Мне нельзя в это ввязываться.

– У тебя индивидуальная непереносимость красивых полуголых девиц? – хохотнул мерзавец.

– Именно, – сердито покивал Райс.

– Эти хавранские моды... – Джонас ехидно закатил глаза. – Ты видел, какое там?..

– Нет, я слепой!

– Кружевное... Моя дражайшая супруга читала на днях в «Либтоунском Вестнике», что наши моды, по мнению Ее Величества, слишком консервативны, – признался Джонас вкрадчивым шепотом. – И, вероятно, будут претерпевать изменения...

– Не дай Варх! – выдохнул Райс, окончательно теряя нить беседы. – Почему я?

– Ты нашел, тебе и прятать, – пожал ректор покатыми плечами.

– Это оболтусы с природного нашли. Тонкин, Диккинс... Я еще не разобрался, что за ритуал они проводили.

– Чудненько. Вот и разбирайся, пока я... – Джонас ткнул пальцем на дверь и договорил шепотом: – Пока я разгребаю за тобой этот

бардак, Кейр.

– Вызови мисс Донован. Или мисс Хендрик.

– Среди ночи «весенних даров»? Как ты себе это представляешь?

– Как-как... ты ректор, Джонас! – напомнил магистр, устало закатывая глаза.

– Но не самоубийца же?! К тому же, если из этого... кружевного... вдруг полезут щупальца...

– Мать гхаррова, – выдохнул Райс.

– То что сделают бедные теоретички? Про Хаврану она могла и солгать. Так что приглядывай за гостьей, не смыкая глаз!

– Я спать планировал.

– Спи, – согласился полоумный ректор. – Но не смыкая глаз.

– Нет.

– Дай-ка подумать... Твои ученики провели запрещенный ритуал. Это раз. Ты начистил благородную физиономию столичному сиру, нашему гостю. Это... два, верно? – ректор загибал толстые пальцы, прохаживаясь по коридору. – Ты притащил в мой кабинет девицу в кружевом... кхе-кхе! А я семейный человек, сир Райс! Ты предлагаешь ее ко мне определить? Третьей в супружескую спальню?

Магистр отошел к стене и уткнулся в нее лбом. Ночь никак не желала заканчиваться, и все вокруг начинало раздражать.

– Потерпи до обеда. Завтра я оформлю ей документы для поездки в Хитанский центр, – заверил Джонас и успокаивающе похлопал по плечу. – Выдам сопровождающего. Мисс Донован как раз везет туда бумаги. И ты избавишься от одной из своих неприятностей. Но этой ночью, уж будь добр, пригляди за ней... максимально качественно.

Да там той ночи осталось... Пара часов – и взойдет солнце. Впрочем, поспать магистру все равно не мешало. И делать он это предпочитал с закрытыми глазами.

– И куда мне ее? – окончательно почернел Райс.

Компании он не желал. Недаром выбрал самую уединенную конуру во всей академии.

– Для начала – в кровать, – хмыкнул ректор. – И под одеяло. Хоть в библиотеке ее определи, но сиди рядом, пока мы от твоей находки не избавимся.

– Какая «привлекательная» идея!

– Ну пусть пока портал домой отработает, – предложил добродушно Джонас, и Кейр исступленно закашлялся. – Уборку сделает в твоей конуре. Бутылки пустые выбросит. Женщины – они вообще полезные. Мягкие, теплые.

– Я знаю, что такое женщины, – Райс навис над приятелем, только что зачисленным в его личный список смертников. – Варховы проблемы в кружевном сраме.

– Зато в каком!

– И, возможно, с щупальцами в неожиданных местах...

– Да где там их прятать? – удивился Джонас.

Райс стремительно вернулся в ректорский кабинет, огрел девчонку тяжелым взглядом.

Приглядеть. Качественно. Что это, Варх дери, означает?

Поморщился, рассматривая кукольное лицо с пунцовыми щеками. Со светлыми волосами, облепившими виски. С закушенной розовой губой и перепуганными голубыми глазами.

Гениальная идея «переночевать у незнакомого мужика» ее тоже не впечатлила. Хотя один Варх знает, какие там у хавранок нравы... Судя по чехлам для поплавков – ого-го какие.

Глаза эти по-прежнему казались странно знакомыми. Он проморгался: нет, никаких девиц с Хавраны Райс не знает. Ни голубоглазых Вивик, ни каких-то прочих. Девицы в его окружении вообще большая редкость, Дэлия – рабочее исключение.

Ему точно пора завязывать с эшерской. Несносная мисс Лонгвуд в чем-то права: рано или поздно он перепутает кого-то из своих студентов с тварью изнанки и засунет в разрыв материи.

Рыжая прядь смутным миражом снова коснулась его сознания...

Напомнила о гадком. Кейр был груб. Несправедливо груб с младшей целительницей. Если она натворит глупостей после его слов, вина ляжет на его плечи. Не стоит и удивляться, что боги Эррена решили его наказать этой вот мокрой... «Вивикой».

Бесконечный день надо было заканчивать. В принудительном порядке. Проигнорировав многообещающий взгляд скалящегося хирурга, Райс подхватил взвизгнувшую русалку на руки и вынес из кабинета.

– Завтра получишь бумаги и сядешь в маг-вояжер до Хитаны, – объяснил кружевной проблеме, глядя строго перед собой. – Если

повезет, оттуда тебя быстро вернут домой. «Технологии с Сеймура» и все такое.

Ноги бегло перебирали ступени. Несколько десятков вниз, затем налево, вперед по коридору, и вверх – в его укромное логово. Он закончит этот вархов день. Положит проблему на кровать, спрячет под одеялом и закроет наконец глаза.

В воздушном переходе между крыльями корпусов пчелиным роем кружились розовые лепестки. Хавранка чихнула, и Райс мысленно с ней согласился.

Эти «весенние дары» – сушая гадость. С утра мисс Донован раз пять напомнила ему про цветочный бал. Слово Райс был завидным кавалером, а не замкнутым грикхом, одиноко живущим в своей жуткой башне.

«Романтика Ахавы». Еще один момент, который Кейра никогда не трогал. Не эстет, да... не эстет. Само собой, ни на какой бал он не собирался.

Магистр отпихнул ногой скрипучую дверь и внес русалку внутрь. Та наморщила нос, задыхаясь от паров эшерской дварфовой.

– За элитными апартаментами надо было проваливаться на Саци, – насмешливо фыркнул Райс, опуская находку на свою смятую постель. Искать свободную студенческую спальню или, упаси Варх, устраиваться в библиотеке он не собирался.

Дэлия, умница, убралась задолго до их появления. Маутянки умели чувствовать, когда им не рады. И когда рады – тоже. Разве что с церемониями невыносимо затягивали...

– Так, сегодня ты поспишь здесь, – выдохнул Райс, накидывая на вызывающий поплавок тяжелое одеяло. – Завтра, если с документами выйдет заминка, сдам тебя Граймсу, он любит интересные случаи. А я не нянька для варховых «попаданок».

Девчонка, наконец осознав масштаб своего «попадания», в панике заозиралась. Нашла себя в небольшой темной комнате наедине с мрачным носатым незнакомцем.

Заерзала в одеяле, спрыгнула с койки, отбежала от нее на пару метров. И в ужасе уставилась на его подушку. Так, словно Райс пообещал рядом завалиться и свою лапу на упругий поплавок нагло уложить.

– Мы уже выяснили, что ты не немая, Вивика из Хавраны, – сложил руки на груди, догадываясь, что его сон откладывается. – Говори, что не устраивает. Я это решу, а потом наконец отключусь. В кресле.

– Просто Вика, – выдала она неожиданно твердо. – Виктория. Психиёлог. Я не буду с вами спать.

– И почему же ты, Вика-Виктория, психиёлог, не была такой разговорчивой при Джонасе? Дар речи там потеряла, а тут вдруг нашла? – фыркнул магистр, подавая девчонке чистое полотенце.

Не представлял, сколько времени нужно, чтобы просушить волосы такой длины. А магией он ей помогать не собирался – еще прошлый откат не пережил.

– Я надеялась, вы найдете мне спальню. Свободную, – она строго сдвинула брови к переносице.

А в кабинете Джонаса казалась такой послушной. Перепуганной и молчаливой...

– Сейчас канун «весенних даров». Это... что-то вроде дрянного праздника любви, – пояснил с горькой усмешкой. – Предполагаю, что в «свободных» спальнях сейчас... не свободно. Но проверять не буду.

– Неужели во всей академии нет ни одной пустой койки, кроме вашей? – она гордо вздернула нос.

Слишком гордо для девицы в кружевах и липких водорослях, пахнувшей болотом.

– Вероятно, есть. Если поискать, – Райс устало потер лицо. – Но кто тогда будет следить за твоими щупальцами?

Болотница поперхнулась и выпучила на него глаза.

– Вы лучше за своими... щ-щупальцами... следите, – выдавила из себя, бегло осматривая его спальню.

Безошибочно нашла шкаф, подбежала к нему и вытащила оттуда сухую рубашку. Хавранские нравы! Пожалуй, кружева там – не самое страшное.

Спрятавшись за дверцей, девчонка быстро обтерлась полотенцем и вышла к нему уже в длинной черной рубашке. Его, Варх дери, рубашке.

– Я тут не останусь, – решительно помотала головой, кривясь от удушающего аромата.

С «духами» он, пожалуй, переборщил.

– Тогда пойдем обратно к ректору, – устало выдохнул Райс. – И сама ему все скажешь.

– Обратно?

– Обратно.

Все-таки у хавранок туго с ушами.

И с тканью для поплавков. Ее, судя по кружевным огрызкам, вообще в обрез.

– Нет, обратно никак нельзя, – еще решительнее замотала головой, разбрызгивая капли. Вздохнула, примиряясь с «душистой» реальностью. – Лучше... лучше тогда уж тут. Но вы останетесь в кресле!

Магистр с недоверием поглядел в голубые блюдца. До смешного знакомые. И притом незнакомые вовсе. Слишком странное было это ее согласие. Но нормально поискать причину своих сомнений Райс не успел.

– Ой!

Девчонка вдруг дернула рукой. Серебряная лента мигнула и исчезла под черной тканью.

– Замри, – он схватил тонкое запястье и потянул к себе. Развернул ее руку к источнику света. – Где?

Он только что лично видел, как ее браслет ожил! Змейка разжала пасть и выпустила свой хвост. Спрыгнула с серебряного ободка и шустро заползла под манжету.

– Боги... Поймайте ее! – взвизгнула болотница, вертясь, как тот самый анжарский змей в жаровне. – Она... она ползает!

И еще как ползает.

Райс цепко следил взглядом за движущимися складками на рубашке. Оживший браслет добрался до девичьего плеча, мелькнул под воротником, направился вниз...

– Не трясись, меня это нервирует, – дернул девчонку на себя, прижал крепко и, скользя по влажному бедру, решительно забрался лапой под рубашку. – Вы позволите, мисс?

– П-позволю... Позволю, только вытащите ее!

– Тогда замолчи и не шевелись, – приказал твердо, свободной рукой фиксируя ее локти. – Где?

– Сп-пина... в-внизу... под лопатками...

– Не дергайся, – выдал шепотом, натываясь ладонью на вархов поплавок.

Приплыли, сир Райс. Приплыли.

Поймал ее взгляд. Два чернеющих зрачка с тайной на самом дне. Так... И насколько глубоко он вляпался в это голубое болото?

– Выше! – возмущено направила его до обидного бесхвостая русалка.

Губы сами растянулись в хищной ухмылке, когда пальцы схватили извивающийся кусок металла.

– П-поймали?

– Поймал, – выдохнул в дрожащие розовые губы и резко выдернул из-под рубашки добычу.

Зеленые глазки-камешки опасно мигнули, и украшение с шипением растворилось в его ладони. Девчонка ахнула: серебряный ободок на ее запястье тоже рассыпался пылью.

– Все? – задрожала хавранка. – Змея не вернется?

Райс плотно сжал губы, не найдя в себе ответа. Кожа на его руке до сих пор горела.

Глава 1

За день до событий пролога

Алисса Лонгвуд

Дверь в диагностический кабинет распахнулась с таким треском, словно к нам ввалилось стадо гхарров. Я инстинктивно спрятала нераскрытый конверт в карман халата. Растерла побледневшие щеки, оценила в зеркале не сильно улучшившуюся картину и покорно обернулась к Граймсу.

– Ваш растрепанный вид, мисс Лонгвуд, намекает, что «весенние дары» вы начали отмечать еще вчера, – едко протянул главный целитель академии.

Мое язвительное начальство было не в духе, но когда оно бывало в нем? У Альвара Граймса имелось всего две стадии принятия этого мира. Едкого шутника, от поддевок которого алеют щеки, и ворчливого циника, с пренебрежением относящегося как к себе, так и к окружающим. Но целителем он был хорошим. Лучшим в Анжаре.

Я прикусила губу и запретила себе обижаться. Граймс – это Граймс. К тому же он в чем-то прав: мои волосы непристойно рассыпались по плечам, устилая бледно-зеленый халат рыжими волнами. В Тарлинской лечебнице мне бы давно выписали за это выговор, а сир Альвар ограничился понимающей ухмылкой.

– Я не отмечаю «дары», – пробубнила, собирая непослушные волны в толстую косу и укладывая ее в низкий пучок.

Узкого гребня едва хватило, чтобы собрать всю копну, а заколку я в спальне не нашла. Уже чувствовала, что вархова рассеянность сегодня выйдет мне боком.

Это все письмо! Оно выбило меня из привычной накатанной колеи, по которой я на магическом автопилоте катилась последние месяцы. Напугало, заставив сердце колотиться, а пальцы нервно подрагивать в дурном предчувствии.

Я ведь разобралась с этим. Разобралась. Наверное.

– Никогда-никогда? – язвительно хмыкнул док, поглядывая на мои пальцы, ощупывающие так давно не целованные губы. До чего

проницательный маг.

Кулак в кармане все еще стискивал толстую, в несколько слоев сложенную бумагу. Это было не первое письмо, дошедшее до адресата. Как и предыдущие, я не собиралась его читать. Просто... Наверное, все дело в лепестках филии, что кружились в весеннем воздухе всюду, куда бы ты ни пошел.

Граймс навесил какой-то заговор, чтобы они не пробирались хотя бы в диагностическое. И, похоже, сегодня мы с ним вдвоем прятались здесь от розового вихря, запускающего сердце в припадочный пляс. Иначе как объяснить, что оба, как загнанные гхарры, прибежали сюда в такую рань, толком не приведя себя в порядок?

Канун дня весенних даров... Последний раз я отмечала его год назад. С Кристианом, в приемном покое Тарлинской лечебницы. У нас тогда все только началось, да так закрутилось, что сердечные жилы мигом свело в тугой клубок. Который внутри меня до сих пор не распутался.

– Граймс, вы тут? Лечите! – в кабинет ввалился мрачный вихрь и водрузил на кушетку замершее девичье тело в форменном платье. – Полетели первые крикетки... А ведь еще не вечер!

– Должен вас огорчить, сир Райс: крикетки не летают, – меланхолично заверил того целитель, без капли любопытства глядя на светловолосую студентку.

Та лежала без чувств с закатившимися глазами и уходить на своих двоих не планировала. Всем видом намекая, что утро у академических целителей начнется не с кофе.

– И я о том же. Но сегодня они полетят, уверяю вас.

Райс хмурым носатым грикхом прошелся по кабинету. Здесь он чувствовал себя как дома. А лучше бы помнил, что в гостях.

– Неинтересный случай, – чрезвычайно быстро диагностировал Граймс. – Почему вы их всех ко мне тащите?

– Потому что моя работа – штопать по ночам разрывы материи, – с угрозой в хриплом голосе протянул невыспавшийся магистр. – А ваша – латать дырки в студентах.

– Я не обнаружил в ней никаких лишних отверстий. Только те, что положены по стандарту, – равнодушно бросил Граймс, открывая девушке рот. Я узнала в пострадавшей Элодию Хаммер с третьего

курса. – Фиолетовый. Хмм... Необычный окрас для языка. Что вы с ней сделали, Райс?

– Почему сразу я?

– Налицо непереносимость чар высшего порядка. А вы, насколько я слышал, уже сир...

– «Смешная» шутка. Ну кто же знал, что у мисс Хаммер аллергия на ординарное защитное плетение, вешающее «метку нарушителя»? – Райс почесал свой выдающийся нос с горбинкой и бросил на меня короткий взгляд. Меня передернуло, и магистр отвернулся.

А я продолжила старательно делать вдохи. Знала, что совсем скоро свежего воздуха в отделении не останется. И до ноздрей доберутся сомнительные пары, варховым флером следующие за Райсом. Магистр излишне увлекался самолечением магических откатов, и Граймс никак не пытался это пресечь.

Я работала с самыми разными зельями и не имела привычки жеманно падать в обморок из-за дурного аромата. Но эшерские дварфы, создавшие эту гадость, кажется, переплюнули всех...

– А что было за нарушение? – Граймс задумчиво постучал пальцем по подбородку с импозантной ямочкой и отвернулся к ящику с инструментами. – Я так, из праздного интереса...

Райс порылся в кармане. И, нащупав, швырнул пустой бутылек на железный столик со сшивателями и мазями. На розовом флаконе едва читалась стершаяся надпись: «*Жетемия*».

Я узнала свой почерк. Месяц назад сама помечала снадобья, которые расставляла на полках!

– «Весенние дары». Романтика, Варх ее раздери, Ахавы, «самого красивого времени года», – мрачно процедил магистр. – Мисс Хаммер решила, что с «Жетемией» будет еще романтичнее. Пыталась нацедить любовное зелье в чье-то питье за завтраком.

– Но не учла, что вы всю столовую оплели хитрыми защитными чарами? – хмыкнул Граймс, расстегивая узкий воротничок на горе-пациентке. – Так и думал: неинтересно. Больше мне такое не приносите, Кейр, а то обижусь.

Мисс Хаммер пребывала в столь глубоком магическом обмороке, что разбудить ее мог разве что поцелуй принца. Но будь у нее таковой, разве воспользовалась бы студентка любовным зельем?

– Ну и как будем будить нашу излишне романтическую барышню, взявшую судьбу в свои липкие пальчики? – язвительно протянул Граймс, спрашивая это почему-то у меня.

Я проверила руки Элодии. И правда – липкие, словно жабьей слизью измазанные.

– Я бы начала с целительских пульсаров второго уровня. И извлечения аллергенных чар...

– Приступайте, – Граймс уступил мне пациентку.

– В защитном плетении были элементы проклятия, сир Райс? – я поймала жгучий темный взгляд магистра.

– Едва заметные, – поморщился тот, разглядев в моем лице укор. – А вы бы получше следили за своими любовными снадобьями, мисс Лонгвуд!

– Они не мои, – передернула плечами.

Вообще не понимала, к чему их хранить в целительском корпусе! В медицине «Жетемия» использовалась крайне редко. Ее буквально по капле добавляли в тоники пациентов с магической депрессией, чтобы вернуть тем интерес к жизни.

Но по Варх знает кем придуманным правилам в нашем шкафу со снадобьями она была положена. А раз положена, то и имелась, да.

– А почерк ваш, – Райс кивнул на розовую склянку. – Узнаю эти «дамские» завитки. Запирайте свой шкафчик получше, пока у нас вся академия в любовной агонии не слегла.

Да кто бы говорил! Сам, едва я отвернусь, ворует обезболивающие артефакты. Все карманы ими уже набил. И все равно исправно приходит.

– Академия и без зелий «сляжет», – скрипуче рассмеялся Граймс и добавил глубокомысленно: – Было бы где слечь...

– Я запрю свободные спальни, – проворчал Райс. – Мисс Лонгвуд – вархов шкаф. И тогда у нас будет шанс пережить эту ночь без происшествий.

Да что-то я сомневалась... Еще раннее утро, а происшествия валяются одно за другим.

Игнорируя дальнейшее бормотание мрачного гостя, я расстегнула блузку на Элодии. Растерла ладони и вдавила их ей в грудную клетку. Вывела указательными пальцами плетение, которое знала, как саму

себя. Зубрила его ночами в пансионе, пока прочие девочки разглядывали открытки со свадьбы Ее Величества.

Еще немного... Вот сейчас... Да хоть пару золотых искр, Варх побери!

Плетение не поддалось. Впервые за всю практику не поддалось!

– Алисса, вы сегодня фантастически не собраны, – пробубнил Граймс, пока я растерянно комкала в ладони неудавшийся целительский пульсар.

Тьма!

Это все письмо. Вархово письмо. Оно жгло карман и даже отсюда пахло парфюмом Кристиана. Хотя эшерская дварфова немного заглушала ароматы.

– Я смогу. Дайте мне еще...

Но главный целитель уже отодвинул меня от пациентки, всем видом показывая, что шанс у меня был. Любезно им предоставленный. А теперь все, вояжер уехал.

– Ну что вам еще, мисс Лонгвуд? – раздраженно профыркал док. – Сейчас дырку в моем затылке сделаете. А это отверстие мне по стандарту не положено.

– Я бы хотела сегодня слетать в Хитану, – призналась шепотом Граймсу, рассматривая, как его умелые пальцы творят настоящую магию. – К ночному дежурству вернусь и вас подменю. Обещаю.

– Далековато, нет? – поднял на меня острые, всезнающие глаза. – Я полагал, вы не рветесь в столицу, Алисса.

– С подачи Ее Величества там открылся экспериментальный центр адаптации иномирян, – выдохнула, покусывая губу. – Они ищут добровольцев, кто мог бы...

Я планировала отложить этот разговор до момента, как док позавтракает и совершит обход, но... какой уж тут завтрак.

– Добровольцев? Боги Эррена, и откуда в вас столько человеколюбия? – Граймс поморщился.

– Моя профессия подразумевает бережное отношение ко всем созданиям.

«Кроме магистра Райса и детей изнанки». Но говорить это вслух необязательно.

– Разве? – удивился целитель и почесал подбородок. – Буду знать, буду знать...

Он сощурился, поправил темные волосы, чуть вьющиеся и отливающие медью на анжарском солнце. Утро сегодня было поистине весенним.

– Многим после перемещения спонтанным порталом нужна целительская помощь. Да и просто моральная поддержка. А мне интересно послушать о других мирах, – вздохала, глядя, как тонкие длинные пальцы мастерски плетут одни чары за другими. – Пока жалование там будет чисто символическое, но и оно мне не мешает. Я могла бы летать в Хитану раз в две недели на выходные. Это никак не скажется на моей работе тут, просто...

– Просто вы решили, что найдете там родственную душу, – холодно напомнил о своем присутствии Райс. – Такую же потерянную, как и вы.

Он по-хозяйски прошелся к шкафчику с обезболивающими артефактами. Нет, этот человек всесторонне невыносим. Обоняние мое так и вовсе уже отказывало!

– Стоп! – рявкнула на магистра, сама себе подивившись.

– Мм?

– Садитесь и пишите, – кивнула на стол со стопкой бланков.

Сложила руки на груди, продолжая сжимать в кулаке магический сшиватель ауры.

– Писать? – Райс озадаченно перекатывал на ладони серебряные шарики.

– Да-да, заполняйте форму. Может, и я наконец узнаю, какой у вас почерк. С завитками или без, – профыркала насмешливо. – Пишите, сир. Сколько взяли, в каких нуждах. Если сверх определенной ректором недельной нормы, то с припиской вычесть разницу из жалования.

Не удивлюсь, если в его глазах я выглядела форменной занудой. Но где-то в моей жизни должен быть порядок! Пусть хоть в шкафчике и в бумагах.

– Граймс, вам не пора завести новую ассистентку?

– Жду, пока эта сбежит, – едко выдал док. – Вскоре она так загорится добровольческой миссией, что сама нас оставит. Если нет, разрешаю засунуть ее в разрыв материи.

Беспредел! В Тарлинской лечебнице не было такого бардака. Был другой, от которого я и сбежала...

Но в целом, если вычеркнуть из формулы мрачного Райса и едкий нрав моего начальника, жизнь в Анжаре была хороша. Будь у меня побольше энергии, я бы непременно замечала и чудесную природу, и яркие, слепящие цвета, и вкусную местную кухню.

Окончательно завянув от удушающего аромата, я открыла окно. Впустила в отделение немного весны. Пусть будет, не такая она и страшная.

В кабинет тут же ворвался розовый вихрь. Словно только и ждал приглашения! Я самозабвенно чихнула, тряхнула головой.

Гребень вывалился из наскоро собранной прически и со звоном упал на пол. Тьма! Коса расплелась, вскинувшись бешеной змей. Задела что-то сзади, и волосы снова рассыпались по плечам.

– Таких пощечин я еще не получал, – процедил магистр за моей спиной.

Я испуганно обернулась. Райс с неприязнью ощупывал свою щеку. Черные глаза обернулись двумя безднами. Воронками, жестоко всасывающими все, что попадется им на пути.

Избегая жуткого взгляда, я поспешно скрутила на голове новый тугой пучок. Наклонилась и вернула непослушный гребень на место.

– Надеюсь, отрезвляет, – поморщилась, уловив носом знакомый аромат эшерской. Даже запахи цветущей филии его не забивали. Прошипела негромко: – Ваши методы самолечения, сир Райс, не выносят никакой критики!

– Вас они не касаются. Разбирайтесь со своими проблемами и не лезьте в чужие, мисс Лонгвуд, – отзеркалил мой тон магистр.

– Касаются, – я аккуратно помотала головой, стараясь, чтобы пучок не рассыпался снова. – Потому что рано или поздно вы перепутаете кого-то из своих студентов с тварью изнанки и засунете его в разрыв материи.

– Тем хуже для изнанки. И для материи, – философски заявил магистр и пожал плечами, распирающими темное одеяние сира. Такое же черное, как его аура.

Я сдвинула брови и хотела сказать ему еще что-то. Непременно строгое и правильное. Какое положено младшей целительнице с порядком в собственной жизни. Но юбка зашуршала на ветру бумажным шелестом, напоминая о нелегкой ноше. И я растерянно закрыла рот.

Я и правда глупо выгляжу, пытаюсь парой советов разобраться с чужими проблемами. Куда мне? Я даже со своими не могу!

– Мисс Лонгвуд, вы сегодня феерически рассеянны, – неожиданно прокряхтел Граймс, подошел и отобрал у меня сшиватель ауры. – Возможно, в Хитанском центре от вас и впрямь будет больше толку. Поезжайте, пока я не нашел вам занятие «поинтереснее». Но ночное дежурство остается за вами: у меня дела.

Глава 2

Плотнее кутаясь в свой бирюзовый плащ, подбитый белым пером ташерской цапы, я взобралась на борт воздушного судна. Ахава Ахавой, но там, под самым Звездносводом, еще прохладно.

Общественный транспорт отходил из центра Анжара каждые два часа, и мне надо было подождать еще минут двадцать. Я уселась на боковую скамью рядом с поручнем, потеснив сонного студента. Продемонстрировала магу-контролеру транспортную карту, присланную из Хитаны, с позолоченной эмблемой двора. И он оформил мне поездку за счет короны.

С удовлетворенным вздохом я поправила перчатки, сложила руки на коленях и откинулась на спинку. Кто знает, может, Граймс прав и в столице от меня будет больше толку?

Время до отправления пролетело незаметно. Казалось, я только прикрыла веки, как тут же послышались взрывы темного топлива. Магия забурилась в желудке воздушного гиганта, отрывая того от земли. Фиксирующие тросы с хлестким щелчком отстегнулись, и судно взмыло в небо, прокладывая курс на сиятельную столицу Эррена.

По палубе гулял ветер, и я проверила волосы, готовые вот-вот рассыпаться вновь. Да что с ними сегодня такое? Словно они тоже сошли с ума из-за наступившей в Анжаре весны.

Хитана...

Лететь до северной столицы из южной провинции было прилично, даже на скоростном судне. Я понимала, что поездка в обе стороны займет почти целый день. Но голову все равно нужно было проветрить, а где, как не под золотыми облаками, это делать лучше всего?

Я поймала свое отражение на глянцевом поручне и не узнала. Совсем чужая девушка сидела на скамье с закушенной губой. Щеки впали, глаза поблекли... Как можно так измениться за каких-то полгода?

Отодвинувшись от дремавшего соседа, я сунула руку в карман и достала письмо. Предыдущие я сразу выкидывала. Во-первых,

Кристиан Вейрон из тех мужчин, которым все средства хороши. Он не погнушался бы навесить на конверт плетение-маячок. Во-вторых, я боялась сорваться. И вновь ухнуться в этот изматывающий омут с головой.

Но в воздухе пахло весной, и внутри скребло когтями... Я все-таки раскрыла конверт, расправила бумагу и пробежалась глазами по хирургически ровным строчкам. Вейрон и надрезы делает так же, потому и «выдающийся».

Говорят, после его операций почти не остается шрамов. Раны затягиваются очень быстро. Все, к чему прикасается Кристиан, стремится к скорейшему выздоровлению. Все, кроме меня. А ведь ко мне лучший хирург Эррена прикасался тоже.

«Моя непослушная лисичка Лисси... Для целительницы ты слишком жестока. Изматываешь меня. Мучаешь. Думаешь, несколько месяцев в Хитане заставят меня забыть? А я помню. Помню, Лисс.

Ночь «весенних даров». Приемный покой. Твое ночное дежурство, моя сложная операция... Твои рыжие волосы пахли вялыми сливами. А губы были такими сладкими, что сводили с ума.

Я все помню. Я найду тебя, Алисса. Найду. Усажу перед собой на стол. Загляну в зеленые глаза и проверю, что помнишь ты».

Вейрон умел десятком фраз нагнать мурашек под коленки! Я судорожно сжала поручень. Задрала голову, уплывая взглядом в глубину Звездосвода. Облизнула горячие губы.

Это пытка. Невыносимая пытка. Почему он меня не отпускает? Почему не дает сбежать и забыть?

Без него было больно. Трудно. Непривычно. Но с ним выходило еще больнее. Софи после первой же моей ссоры с «таинственным хирургом из лечебницы» окрестила наши отношения «нездоровыми». Слишком бурными, слишком эмоциональными... Говорила, что такая страсть разрушает, а кого-то может и убить.

Но как истинный целитель я умела ставить диагнозы всем, кроме себя. И с лечением выходила та же ерунда. Так что в итоге я просто сбежала от сира Вейрона. Отказалась переезжать за ним в столицу, бросила перспективную работу в Тарлине и укрылась в Анжаре. А теперь просто ждала, что «оно само пройдет».

Должно же пройти? Когда-нибудь?

Хитанский центр адаптации иномирян располагался в живописном парке близ королевского двора. Он представлял собой высокую башню из голубого заговоренного стекла и со стороны казался не слишком уютным.

Но внутри выяснилось, что стены вовсе не прозрачны, а пустовавшее приемное отделение наполнено мягкой мебелью. Диванчики разделяли пространство на укромные разноцветные зоны-островки. Каким-то седьмым чувством я поняла, что мне стоит пройти в зеленую.

– Целительница? Доброволец? – проорал незнакомый сир в длинном темно-синем халате до пят, едва я с комфортом устроилась в кресле.

– Алисса Лонгвуд, – попыталась придать себе серьезный вид, – из Анжара. Я присылала свое...

– Ага, да, пойдете, – он нервно поманил меня рукой и, развернувшись, прошел в коридор. Вернув сумку на плечо, я посеменила следом. – Мы зашиваемся. Просто кара Вархова! Не успели ленточку перерезать, как они посыпались... Материя, сами понимаете...

– Понимаю... материя, – кивала, пытаюсь уловить зерно истины в льющемся из мага сумбуре.

– Истончилась. И порталы, – вздыхал он, мучаясь одышкой из-за быстрого шага. – Спонтанные. Скоро будем такими же дырявыми, как Сеймур. Если готовы приступить немедленно, я выделю вам подопечную. Нам не хватает рук. Мало кто откликнулся... на добровольных началах...

– Я готова, – набрала воздуха в грудь. – Немедля.

– Алисса? Лонгвуд? Из Анжара? – мужчина обернулся и прищурился, дожидаясь кивка. Дождался. И, остановившись у высокого шкафа, принялся вызывать плетениями ящики с самого верха. – Сейчас найдем... Секунду...

Две минуты спустя он вручил мне коробку и пакет. Я с интересом заглянула внутрь. Из пакета на меня смотрел нежно-бирюзовый халат, отмеченный золотой эмблемой двора. В коробке лежали магический круглый жетон с моим именем и начальным уровнем допуска, индивидуальная походная аптечка с минимумом необходимых принадлежностей и набор бланков.

– Дальше по коридору раздевалка для персонала. Выберете себе шкафчик, отметите ключом, – он кивнул на жетон. – Для «первого раза» найдем вам подопечную попроще.

Мы подошли ко второму стеллажу, широкому и низкому. Он был весь завален папками разных оттенков.

– Так... здесь серьезное ранение, хирурги уже работают. Ничего приятного – вывалиться порталом в логово голодных вирр, – маг пролистал несколько папок, красные отложил в сторону. – С гостями из Керракта вам рано общаться. Так, так... Вот, смотрите.

Он шлепнул передо мной бледно-голубую папочку с одним единственным листом внутри. Полупустой анкетой, заполненной всего в нескольких местах.

– *«Вика, психиёлог. Портал со смещением, размер сдвига неизвестен. Прибыла из мира Энхарад. Мир изначальный – Хаврана. Мир приема – Эррен»*, – зачитал куратор нового центра. – Похоже на опытного проходимца. Есть небольшие повреждения, нужна легкая целительская помощь. Опрос, осмотр, анкетирование по форме, полный маг-протокол. Возьметесь?

Я поспешно кивнула. Я ведь затем сюда и приехала, и мне не терпелось познакомиться с девушкой из другого мира. С куда более интересной судьбой, чем у меня. Это чувствовалось даже по паре скупых описаний из ее досье.

Выбрав себе крайний шкафчик, я рассеянно проскользила взглядом по пейзажу за окном. Королевский двор ослеплял золотыми шпилями даже сквозь плотный заслон защитных чар. Здания в столице были намного выше, чем в Тарлине или, тем более, в Анжаре.

Потерлась лбом о прохладное стекло, бегло застегивая пуговицы халата. Прошлым летом Кристиан предложил мне переехать сюда. С ним. Точнее, не совсем с ним...

По отдельности. Он – со своей родовитой супругой, выдающейся репутацией и новой должностью. А я – с чемоданом пустых надежд.

Чемодан я действительно собрала. И в вояжер села. Только тот следовал не на север, а на юг. Подальше от глупого, болезненного чувства, распиравшего грудь. Только вот беда: чувство тайно пробралось в чемодан и уехало со мной. Да так прикипело к ребрам, что никакие снадобья не помогали.

Хитана меня давно манила. Ведь где-то тут жил он. Может, даже шел этим утром по широкой улице вниз. Пил крепкий альтацитроновый взвар из термоса, шагая в сторону Королевской лечебницы.

Я поправила верхнюю пуговицу, давившую на шею. Прислушалась к себе. Хмм...

Странно: мысль о том, что я могу случайно столкнуться с Крисом, не вызвала во мне былого трепета. Скорее, панику. Даже лоб покрылся ледяной испариной! Кажется, мой случай был все же не безнадежен.

Смогу ли я работать с Вейроном в одном городе? Приходить в центр реабилитации «попаданцев», помогать заблудшим в Эррен душам и не срываться на поиски *хирурга моей мечты*? К прискорбию, женатого, ревнивого и с весьма тяжелой рукой.

– Кто вы? – цепкий настороженный взгляд, что встретил меня в двадцать третьей палате, вполне мог проделать пару лишних отверстий. В моем, между прочим, теле.

Девушка, переодетая в ярко-синюю рубашку, сидела на кровати, поджав босые ноги. С черными-черными пятками.

Едва я сделала шаг внутрь, она хищно сгруппировалась, и я на всякий случай прикрылась чемоданчиком целителя. Не Вархом данная защита, но хоть что-то. Вдруг она правда огонь метает из голубых глаз?

– Мисс Алисса Лонгвуд, младшая целительница, – представилась, косясь на свой именной жетончик, прицепленный к халату. Он светился зеленым, подтверждая мои слова. – Я обработаю ваши раны и задам несколько вопросов. Вы только не паникуйте... В-вика?

– Виктория, – сощурившись с подозрением, поправила меня пациентка. Покусала красную губу и отбросила с плеча несколько темных слипшихся прядей.

– Психиёлог? – я помахала ее досье. – Тут так написано. Это ваш дар? Чем занимаются психиёлоги?

– Лечат психов. Иногда подручными средствами. Теми, что потяжелее, – сердито пробубнила девушка, вновь завесившись темными волосами так, что только нос выглядывал. – Давайте-ка сразу начистоту, мисс Лонгвуд...

Она резко поднялась, прошла по палате, подергивая плечами. Выглянула в окно, открыла шкаф. Закрыла. Я растерянно мялась в проеме, не рискуя внести себя в комнату целиком.

– Давайте начистоту, Виктория, – согласилась я, осторожно ставя чемоданчик на пол.

– Рассказывайте: что у вас тут страшного? Мои нервы и так ни к черту, поэтому давайте без выкрутасов, – она обернулась через плечо и сделала во мне еще пару дырок своими цепкими водяными глазами. – Драконы? Демоны? Рабство? Гаремы?

– Это Эррен! – возмутилась я, обидевшись за свой родной мир. – Какие, к гхаррам, драконы?

– Такие, мисс Лонгвуд... знаете ли... с крыльями. В полноценном, чтоб их всех, размахе!

– Но демоны?..

– Демоны, демоны. С вот такими, чтоб их всех, рогами! – она махнула рукой над своей черной макушкой и опасно оскалилась.

Бешеная... Одержимая. Ничего себе «простенький случай на первый раз»!

– Нет у нас... ничего такого, – сглотнула, припоминая самых опасных тварей Эррена.

По приблизительным прикидкам первым выходил сир Райс. То еще пахучее чудовище. А потом уже дети изнанки, выпрыгивающие из разрывов.

– Значит, Эррен, – иномирянка покомкала во рту название и с ужасом отпрыгнула от окна, пригнулась к кушетке. – Нет драконов, говоришь?!

– Нет!

– А это что тогда летит?

– Воздушное судно, – я проводила взглядом испугавший пациентку корабль. – Я на таком сюда прибыла. Здесь рядом гавань.

– Судно. Воздушное. В смысле, летающий корабль, да? – покивала она задумчиво. Со столь обреченным видом, будто давно смирилась с собственной паранойей.

– Общественный магический транспорт. Работает на темном топливе и крепких подъемных чарах, – отрапортовала факт, известный даже выпускницам пансиона мэтра Сайлэ.

– Офонареть. У вас нет витаминок каких-нибудь, мисс Лонгвуд? Таких, от которых галлюцинации пропадают?

– Все снадобья только после осмотра. А вы с Хавраны, верно? – я все-таки вошла, и дверь с мягким щелчком захлопнулась, отрезая меня от спасительного коридора.

Да может, и не буйная она, а я уже нафантазировала! В крайнем случае я всегда могу применить чары оцепенения или плетение мгновенного сна. Какая-никакая самозащита. Хавранки не владеют магией, это я знала наверняка.

– С Хав... с нее, да, – резко выдохнула девушка, затягивая пояс на рубашке потуже и очерчивая тонкую талию.

Она примерилась взглядом к столовым приборам, так безрассудно разложенным вокруг тарелки с остывшей едой. Матерь Вархова! А вот холодным оружием хавранки, судя по всему, владеют...

– И у вас там совсем ничего не летает? – уточнила дрогнувшим голосом.

– Летает. Птицы. Самолеты. Разорившиеся брокеры. Кораблей... Нет, кораблей у нас не летает, – она лаконично плевалась словами, потирая ушибленный локоть.

Рукава синей рубашки были закатаны, и я успела оценить крепкие, рельефные мышцы, какие не у всякой сирры с боевого факультета будут. На запястьях иномирянки виднелись красные отметины, на шее несколько свежих царапин убежало под воротник.

Ей действительно требовалась помощь целителя, и я подхватила с пола чемодан, вспомнив о миссии. Если я буду бояться к ней приблизиться, то от меня и в Хитане не будет толку.

– И часто психиёлоги используют тяжелые предметы? Те, что под руку попадутся? – уточнила с опаской, усаживаясь на самый краешек стула.

– Зависит от психолога. Многие ограничиваются витаминками. Но толку от них... – она кинула тоскливый взгляд в окно, на уплывавший вдаль хвост корабля. – Сами видите.

Робость не была мне свойственна, да и пациентов в Тарлине я видывала всяких. Что тут говорить: я даже с Райсом, стабильно заявлявшимся на мои ночные дежурства в нетрезвом виде, справлялась. Но с иномирянками я до сих пор не общалась. И не

хотела спугнуть эту Вику, наматывавшую темный локон на грязный палец.

Она как раз уселась напротив меня и уставилась своим тяжелым взглядом.

– Плохой день, да? – предположила я.

– Плохие «много дней», – поправила она ворчливо, постукивая обломанным ногтем по блестящей вилке. – Настолько плохие, что временами хочется убивать.

– Я тут добровольно, – пробормотала, косясь на нож, к которому подбирались тонкие пальцы хавранки.

– Это не меняет дела. На опыты я не дамся, – отрезала «попаданка», рядом с которой начинало казаться, что из нас двоих больше попала я. Причем очень крепко попала.

– Вам надо поесть, – я придвинула к ней тарелку с фруктами. – Смотрите, это альта-цитрон. Он очень вкусный, когда спелый.

– А потом я снова очнусь в какой-нибудь клетке? – насмешливо уточнила девушка, прожигая глазами пространство вокруг меня. Уничтожая его, взрывая прямо-таки.

– Мне надо заполнить форму, – я сосредоточенно наморщила лоб, игнорируя глупые вопросы. Нет более сильного оружия, чем невозмутимость. – И обработать ваши раны. А потом я уйду.

– А я? – она резко вскинула брови. – Уйду?

– Эррен хороший мир. Спокойный, благополучный... по большей части, – пробубнила, раскладывая на столе бланки. – Здесь вас никто не обидит, Вика. В-виктория.

– Я не это спрашивала, – ее севший голос отдавал металлом.

Я поерзала на жердочке, которой ощущался неудобный стул. Будто на «беседе с пристрастием» в маг-гвардии, ей Варху! Я там сама не бывала, но Мег, моя соседка, по ночам рассказывала жуткие вещи.

– Ваш портал был со смещением, – выдохнула, крутя голубую папку в руках.

– Так...

– Наши сиры активно осваивают сеймурские технологии. Они научились прокладывать коридоры в иные миры и возвращать случайно заблудшие души, – выдала то, что сама не так давно прочитала в «Хитанской правде». – Но ведь чтобы вернуть, надо точно знать, куда, так?

– Допустим, – она откинулась на спинку и поджала губы.

– Я не большой специалист в этих делах. Видит Варх, вообще никудышный. Вот Грегори, муж моей подруги, он все о порталах знает. И о мирах...

– И все-таки, мисс Лонгвуд? – она собрала пальцы в замок и уложила их перед собой на стол. Демонстрируя, что пока за нож хвататься не собирается.

Но это не мешало мне почувствовать себя стрекозой, насаженной на булавку. Этой бы девице – да в маг-гвардию, допрашивать всяких скользких торговцев мраком.

– Грегори рассказывал как-то, что смещение – это очень плохо. Трудно найти исходную точку во времени и пространстве. Если бы знать, какой был сдвиг... или хотя бы понимать, что привело к ошибке...

Я тяжело вздохнула, не решаясь поднять на иномирянку глаза. Как объяснить потерянной душе, что шансов вернуть ее домой – очень мало? Наши маги-ученые так далеко пока не продвинулись. Все-таки мы не Сеймур.

– Дайте мне бумагу, мисс Лонгвуд. И ручку. Ручки у вас хоть есть? – она нервно закусила губу, и ее напряжение просочилось сквозь кожу, заполняя палату. – Впрочем, я и кровью могу. Если понадобится.

Я протянула ей пустой бланк и письменные принадлежности, и Виктория принялась выводить загогулины. Так старательно, словно сдавала экзамен на первом курсе академии. В конце ее трудов передо мной лежали две картинки, практически идентичные.

– Это было сначала, – она ткнула пальцем в правый лист. На нем было изображено заковыристое порталное плетение, из тех, что покорялись лишь избранным. – Такое вот висело в воздухе и сияло золотым. Но один больной ублюдок, которому уже ни психологи, ни тяжелые предметы не помогут...

– Кхм-кхм! – я закашлялась, прикрывая рот ладонью.

– Словом, он как-то изменил рисунок. Вот эта «завихрень» завернулась так, – ткнула во второй лист, едва отличающийся от первого. – Это может быть то смещение?

– Не знаю, – призналась честно. – Я в порталных плетениях разбираюсь, как крикетка в полетах. Но мне знаком один маг, который...

– Помогите мне, мисс Лонгвуд, – она так сильно прикусила губу, что на подбородок стекла капля крови. – Алисса. Хмм... Ваше имя как-то сокращается?

– Друзья зовут меня Лисси.

– Лисси. В стране, в которой я жила до... вот этого вот всего, вас звали бы Элис, – она шумно вздохнула, поднялась и подошла к окну. Потерла губы, размазывая красное пятно. Замотала темные волосы в узелок на затылке. – Так зовут мою младшую сестру. У нее должен был быть девичник. Это такая вечеринка перед свадьбой, когда обмасленные мужики вылезают из тортов и крутят своим...

Я вспыхнула, накрывая щеки ладонями. Стремясь к новому знакомству, я совсем не такие знания о Хавране надеялась получить.

– Неважно. Я не приехала. Все хорошо вовремя, да, мисс Лонгвуд? – наши взгляды снова пересеклись. – Но я уже и на «не вовремя» согласна. Это ведь очень паршиво – прогулять свадьбу сестры в другом мире, да?

– Хуже только в другой реальности, – согласилась, грустно улыбнувшись. – Я покажу Грегори ваш рисунок. Но сначала вы сядете, Вика. Съедите все, что вам принесли. Дадите мне обработать ссадины и заполните анкету.

– И все?

– И расскажете мне еще о Хавране, – со вздохом попросила у «попаданки». – Только не про торты, ладно? Это весьма неловко.

Глава 3

С наступлением темноты вояжер доставил меня из Анжарской воздушной гавани к воротам академии.

Всю дорогу до парадного крыльца меня преследовал розовый вихрь прилипчивых лепестков. Я чихала, как заведенная, размахивая чемоданчиком и с трудом переставляя ноги от усталости. Со стороны, видит Варх, я смотрелась комично. Но, слава винторогим гхаррам, никому это зрелище не было интересно.

Граймс уже покинул кабинет, оставив целительский корпус на попечение опоздавшей дежурной. Я сняла плащ, бросила сумку на пол и с разбегу упала на ближайшую кушетку. Лицом в подушку.

Ох, Лисси, еще пара поездок до Хитаны – и эта добровольческая миссия тебя доконает. Вот бы маги научились настраивать недорогие порталы между городами?

– Ммм... – промычала в голубой хлопок, утрамбовываясь в него щекой.

Волосы, почувствовав свободу, расстелились по подушке. Но не было никаких сил собрать их обратно гребнем. Немного отдохну – и потом сделаю тугий пучок. Очень тугой. Попозже.

Если не отступать от правил, то и жизнь обретает порядок. Такова была философия Софи, моей ближайшей подруги. Она всегда очень аккуратно следовала законам Эррена. За мной же повсюду следовал бардак...

Он окружал меня в спальнях, разваливался вальяжно на кроватях, обустривался в шкафах. Форменный хаос имени Алиссы Лонгвуд! Немудрено, что в личную жизнь он пробрался тоже.

Единственное место, куда я бардак не допускала – работа. Мой последний оплот стабильности, в котором все ясно и понятно. И всегда на своем месте.

Все, кроме меня.

– Когда-нибудь, Лисси, ты станешь хорошим целителем, – промычала, уговаривая себя не отчаиваться. – И от тебя будет толк. Где-нибудь. Осталось только найти то место.

Порой казалось, что Граймсу, светилу магической медицины, ассистентка нужна только для красоты. По статусу положена. Ну и еще бумажки разгребать да кофе ему в термосе перед обходом заваривать. С остальным сир Альвар прекрасно справлялся сам.

Но работать с Граймсом мне нравилось. За черствой броней прожженного циника скрывался умный, проницательный мужчина. Он видел во мне что-то, временами допускал до практики, позволял проявить себя. Поддевал, конечно, как и прочих. Давил на больное. Но лишь затем, чтобы вскрыть нарыв и сцедить терзающий яд.

Магистр Райс оказался прав: в Хитане я нашла душу, потерянную даже сильнее, чем я. Но легче от этого не стало.

Я не чувствовала себя в Эррене чужой, нет. Напротив, раньше казалось, что я четко знаю свое место. Стремлюсь к нему, изучая ночами целительские плетения и высекая из пальцев первичные ученические пульсары. С тем, чтобы после выпуска из пансиона мэтра Сайлэ попасть не в благоухающие лапки Темоны тэль Равинь, хозяйки тарлинских партэлей, а на стажировку в лечебницу.

План удался. Дальше была вархова бездна практики, ночи дежурств в приемном покое... Страстный, сбивающий с ног роман с лучшим магическим хирургом города. К прискорбию, обладавшим законной супругой, видами на карьеру в столице и крайне взрывным нравом.

Когда у нас все закрутилось, я не знала ни про один пункт из трех. Но Крис довольно быстро открылся мне с новых сторон.

Потом Вейрон исчез из моей жизни, продолжая раздраживать, расковыривать рану своими письмами. Не позволяя истерзанной коже зарубцеваться. Софи вышла замуж, готовилась стать матерью и в гости заходила редко. И показалось, будто я уперлась носом в стену.

Я словно одеревенела. Тенью передвигалась по академическим коридорам. Мои придирки к формальностям были скорее от скуки и безысходности: я не представляла, куда еще себя применить. Странное чувство чего-то забытого отравляло существование. Похоже, я умудрилась забыть, как жить эту жизнь.

Крошечной бесполезной мошкой я застыла в джантарике, не зная, куда двигаться дальше. Заблудилась, потерялась среди анжарских лесов. Замерла в ожидании чего-то, что должно неминуемо случиться. Со мной.

Но за летом наступила осень, за ней последовала зима, а после той пришла весна... А оно, то самое, все не случилось и не случилось.

По диагностическому отделению расползались запахи теплого весеннего вечера. Ахава пришла в Анжар и бесстыдно взорвала воздух ароматами цветов. Любви. Заронила в сердце надежду на судьбоносную встречу. Заразила желанием взять свою жизнь под контроль...

И много ли их еще, тех, кто захочет этой значимой ночью изменить судьбу? Вряд ли Элодия Хаммер была единственной.

Я сползла с кушетки, растерла щеку, которую успела отлежать. И, отбросив рыжие волосы с лица, направилась к шкафчику с зельями.

Обнаружила розовую «Жетемию», стройным рядом выставленную на средней полке. Она так и манила: протяни руку, возьми, используй... Не меня, конечно, манила: мне ложных чувств не надо – от настоящих бы избавиться. Но кого-то из студентов уж наверняка.

Я решительно вытащила все бутылки и, сложив в коробочку, задвинула на верхнюю полку, за тоники сира Альвара. Райс прав: нападения на этот шкафчик случаются с завидной регулярностью. Ученики всякий раз находят способ обойти многоуровневые защитные чары!

– Иногда лучшая защита – это маскировка, – с коварной ухмылкой прошептала я, выгребая на стол флаконы с восстанавливающим зельем. Если студенты захотят этой ночью разжиться «Жетемией» – что ж, они ее найдут.

Полчаса у меня ушло на то, чтобы переклеить этикетки, подписать тоники «Жетемией» и добавить в прозрачные снадобья по капле розового красителя. А затем вернуть их на полочку в шкафу.

Ну вот, теперь академия была надежно защищена от беспричинной вспышки страсти. Кто-кто, а я не понаслышке знала, что в любовной одержимости нет ничего приятного.

Едва я захлопнула дверцу шкафа и вернула на нее защитный экран, в отделение вошел Райс. Ну, как вошел? Ввалился!

Горным эшерским троллем, по весне вышедшим из спячки! Сбивая дверные косяки и обтирая своим черным одеянием светлые стены. Стены от этого тесного знакомства становились темнее, а на рубашке Райса возникали белесые пятна.

Это было не первое мое ночное дежурство, испорченное бесценным обществом мрачного магистра. У Райса словно маячок какой стоял. Оповещающий, что Лисси заступила на смену и можно топтать портить ей жизнь!

– Налейте мне чего покрепче, мисс Лонгвуд. Я знаю, у Граймса где-то припрятано, – пробубнил сир, по-хозяйски падая на кушетку.

Где он валялся до этого, спросить не рискнула. Но я бы в то место без защитной одежды не сунулась.

– Ничего у сира Альвара... не припрятано...

– Припрятано, припрятано, – хрипло поспорил Райс и махнул рукой в сторону стола главного целителя.

Ладно, да, может, и припрятано. Граймс даже намекнул мне, что планирует презентовать это «припрятанное» сире Райсу в честь какого-то торжественного события. Ну вот пускай возвращается и сам презентует!

– Ваш лимит уже давно исчерпан, – я отвернулась от «пациента», пахнущего болотом и эшерской. – Судя по ароматам, вам должно быть очень хорошо.

Юбку все еще жгло письмо, и хотелось поскорее отделаться от Райса и остаться наедине с конвертом. Прочитать в последний раз несколько ровных строк. А потом сжечь, оставив все позади.

– Тогда отчего мне так паршиво, мисс Лонгвуд? – уточнил маг за моей спиной, ерзя на кушетке. – Прекращайте... строить из себя...

– Кого? – обернулась с вызовом.

– Ту, кем не являетесь, – отрезал раздраженно. – Неужто сами никогда не нарушали правил? Не поверю.

– За свои дурные поступки я отвечу перед богами, – пробормотала, прохаживаясь по кабинету и цепляя со столов ненужные мне инструменты. – Но новые грехи кидать в копилку не буду. Даже ради *вас*.

– Я половину ночи ловил нечисть, чтобы она *вас* не напугала! – Райс наморщил выдающийся нос и стряхнул со лба темные волосы, на него налипшие. – Вы, чай, не встречали исчадие тьмы о семи щупальцах, мм, мисс «в Тарлинской лечебнице такого не было»?

– Главная нечисть тут вы, – я с неодобрением покосилась на заляпаные стены. Если за ночь не ототру, Граймс утром Варх знает

что вообразит. – Это от вас надо оберегать Эррен, сир Райс. Вы все мое постельное белье обляпали...

– Белье казенное, Королевским Советом оплаченное. А *ваша* спальня от меня надежно защищена, – протянул равнодушно темный (местами прямо черный) магистр.

– Вам не надоело лазить по болотам?

– Надоело. Но кто-то должен, юная мисс, – Райс тряхнул рукой, и зеленый сгусток шлепнулся на белую плитку.

Я часто заморгала, перебирая все выражения, какие знала. Пытаясь обнаружить среди них хоть одно пристойное. Которое не стыдно произнести вслух.

– Вы кошмарны, – выдавила сипло.

– Бывают в жизни... кхм... огорченья. Дайте обезболивающее, у меня магический откат.

– Так это теперь называется? «Откат»?

– Не язвите. Я ведь рано или поздно смогу подняться...

– Поднимайтесь, – согласилась азартно. – И уходите. Или усажу вас формы заполнять.

– Ваша правильность у меня уже в печенках. Аж подташнивает.

– В печенках у вас эшерская дварфова, – я с укором покачала головой. – И подташнивает вас тоже из-за нее.

Райс резко сел на кушетке и осоловело огляделся. Поймал в поле зрения шкафчик с обезболивающими артефактами. Встал... И я, уверенно ухватив его за плечи, силой усадила магистра обратно.

– Вы можете с этим справиться сами, сир, – выдохнула строго, ловя на своем лице отрешенный взгляд темных глаз. – Все справляются с откатами. Они не только у вас бывают.

– Не все отдают столько, сколько я, – Райс передернул плечами, смахивая с них мои ладони. Они и правда там были лишними.

– Так отдавайте меньше, – завела руки за спину и сцепила в замок, – пока от вас еще хоть что-то осталось, кроме бледной кожи и синяков под глазами!

Целительство было частью моей природы, но я твердо знала: есть те, кому невозможно помочь. Просто потому, что они не хотят этой помощи. Не желают выздоровления.

Райс был именно таким. Замкнутым, немногословным... а лучше бы вовсе немым. Потому как то, что временами исторгалось из его рта,

хотелось тут же слить в помой.

Он делал все, чтобы от него шарахались, как от прокаженного. Не удивлюсь, если настойкой, пахнувшей не лучше продуктов гхарровой жизнедеятельности, обливался просто так. По утрам. После душа.

– Есть более достойные методы справиться с магическим откатом...

– Я зашел за обезболивающим, а не за нотацией от ребенка с огромными зелеными глазами, – отмахнулся магистр. – И нечего ими на меня сверкать. Вы целитель? Так лечите!

– Я не собираюсь рыться в личных вещах сира Альвара... и искать... что вы там попросили, – выдохнула, краснея керрактской каэрой.

– И будете смотреть, как у вас на пороге помирает темный маг, всего себя отдавший на борьбу со злом? – без доли пафоса уточнил Райс и снова упрямо поднялся с койки.

– Это вы-то помирать собрались? Тогда посмотрю, да, – я уселась на соседнюю кушетку и скрестила руки на груди. – С удовольствием.

Обретя верного зрителя в моей лице, Райс сделал несколько шагов к заветному шкафу. Прислонился плечом к стене и начал медленно оседать.

Я засопела, придирчиво наблюдая за устроенным шоу. Надоест же ему издеваться когда-нибудь?

Нет. Райсу не надоело. Он закатил глаза и собрался падать в магический обморок. Вот какого гхарра? Эта «ночь Ахавы» была твердо намерена меня добить!

Я вскочила с кушетки, подбежала к магистру и подсунула плечо под его руку. Не Вархом данная опора, да... Сама чуть до пола под ним не согнулась. До чего тяжелый человек!

– Спятели, Алисса? Вы так переломитесь, – прохрипел, хватаясь за ручку шкафа и пытаясь удержать равновесие.

Задохнувшись от тяжести, я отпихнула магистра в кресло Граймса. Заранее представляя тот объем желчи, что выльет на меня док поутру. Расстегнула пару верхних пуговиц на заляпанной рубашке. Торопливо соткала плетение – то самое, что утром мне не давалось.

– Не дергайтесь, – велела, тяжело дыша.

Фффух...

Ткнула светящимся мизинцем ему в ключицу, осторожно добавила второй палец, третий... Такие пульсары жгутся и бьют мелкими молниями, но магистр уже не маленький мальчик, потерпит.

– У кого вы научились этой ерунде? – он беспокойно завозился под моей ладонью, когда я все пять пылающих подушечек уложила на вархову шею.

– Сама училась, – пробубнила, не поднимая на него глаз. – Ночами, в пансионе, потому как мэтра Сайлэ не сильно заботило наше будущее. Точнее, его вполне устраивало, если вархова половина девиц отправится работать к Темоне.

– А вам, значит, работа в партэле была не по нраву? – насмешливо прохрипел магистр, набирая воздуха в грудь. – Как жаль. Массаж Маути мне бы сейчас не помешал.

Да он огхаррел! Вспыхнув, я бесцеремонно стукнула его кулаком в солнечное сплетение. Вбила в кожу искрящий пульсар третьего уровня, и маг подо мной содрогнулся.

– Как вам такой массаж, сир Райс?

– Б-бодрит... – признал магистр, ловя мой яростный взгляд. – На пару сотен йоргенов потянет. Ладно, ладно, на три.

– Вы несносны.

– Я стараюсь, – согласился угрюмо. – И давно вы покинули заведение мэтра Сайлэ?

– Год назад.

Я шумно вздохнула. Выпуск из Тарлинского пансиона, пожалуй, лучшее, что случилось со мной в том году. Если бы не Софи, я бы давно оттуда сбежала.

– Сколько вам лет, Алисса? Девятнадцать, двадцать? – сощурился Райс. – Вы младше многих моих учеников... А ведете себя так, словно умудрены опытом по самые уши!

– В пансионе взрослеешь быстрее, – пробубнила неохотно.

– Не сомневаюсь. А теперь будьте послушной девочкой, а не типичной «мисс Лонгвуд», и дайте мне...

– Сейчас тут нет Граймса. Дежурная – я. А значит, и правила *мои*, – упрямо прошипела, не отводя взгляда от двух черных бездн подо мной. – Обезболивающее получите после того, как примете холодный душ с уравнивающими маслами Саци. Если еще будете в нем нуждаться. Потом я обработаю ваши раны.

– На мне нет ран, – Райс передернул плечами, словно я его оскорбить пыталась.

Ну да, конечно, магистр же у нас неуязвим. Камень снаружи и изнутри, щедро облитый крепкой эшерской. С обеих, Варх его дери, сторон!

– Эти темные пятна не от болотной грязи, – я ткнула пальцами в кляксы на липнущей к магу рубашке, и Райс скривился. – Я обработаю. Это входит в мои обязанности. Но не раньше, чем вы смоете с себя запах болота и настойки.

Я помогла Райсу подняться и силой затолкала магистра в душевую при отделении. Сунула ему в руку флакон целебных масел, присланный Граймсу из мира-курорта в подарок за Варх знает что. Но док им все равно не пользовался, а для меня аромат был слишком едкий. Так что никто не расстроится, если мы переведем «подарок» на это грязное исчадие.

Кабинет заполнился шумом хлещущей воды, я едва услышала стук в дверь. Нервно оглянулась, успев пробормотать только «Войдите».

И гость вошел.

Мой взгляд ошалело забегал, не зная, за что зацепиться. За светлые волосы, собранные в низкий хвост? Или вот за эту нахальную длинную прядку, упавшую на глаз?

Или за обтягивающие бежевые брюки и пояс со знакомой бронзовой пряжкой? Или за широкие плечи, обтянутые богатой серебристой тканью? Такой тонкой, что весь рельеф просвечивал...

Я изумленно поперхнулась, отступила назад, запнулась о ножку кушетки и растерянно выдохнула:

– Кристиан?..

Глава 4

Сир Вейрон собственной выдающейся персоной внес себя в отделение магической диагностики. У меня привычно захватило дух от его хитрого, изучающего взгляда.

А глаза все такие же голубые... Острые, прозрачные, чистый лед.

Это обидное заблуждение, что все высшие целители – сухие и тощие сморчки. Взять того же Граймса: док вполне привлекательный мужчина. Когда молчит. А уж Вейрон...

Кристиан был прилично старше меня. Когда я поступила в лечебницу на стажировку, его имя было уже у всех на слуху. Едва это божество с сурово сдвинутыми бровями властной походкой входило в палату, выздоравливали даже «запущенные случаи». И тут же принимались строить глазки тарлинскому хирургу.

Они не знали о темной стороне светлоокого красавца. Не слышали о его жене, амбициях и дурных привычках.

– Здравствуй, Лисси, – прошептал с коварной хрипотцой. – Я соскучился.

Соскучился...

Что чувствовала я после расставания? Что часть меня вырвана с мясом и оставлена в Тарлине. Валяться на пыльной дороге, сохнуть под палящим огнем Звездновода.

Но мое решение было окончательным, разве что тон не слишком твердым. Дважды в это изматывающее болото я не войду.

– Почему молчишь, Лисс? Ты не скучала? – он прикрыл за собой дверь и парой незаметных движений набросил на нее запирающее плетение.

Это должно было меня насторожить. Но я попросту онемела. Так надеялась защитить этой ночью всех от всплеска любовной одержимости! И в итоге моя одержимость сама постучалась в дверь.

– Скучала, – прошептала, сглатывая соленую слюну, скопившуюся во рту. – Ты тут по делу?

– Я тут за тобой, – и опять эта обескураживающая улыбка, за которую можно все простить. Если вообще вспомнишь, за что надо

было прощать. – За воротами стоит вояжер. Водитель готов ждать нас хоть всю ночь, пока ты решишься.

– Я не поеду, – отступила к столу Граймса.

– Ты ведь не знаешь, куда я тебя зову.

– Это неважно, – резко мотнула головой. – Никуда не поеду. Ни в ближайшую гостиницу, ни в арендованный деревенский домик, ни в съемную комнату в Хитане...

Нашла глазами гребень, подняла его с пола и старательно замотала волосы в пучок. Всего на минуту впустила в свою жизнь бардак... и вот! Он поселился в ней, как у себя дома!

– Почему?

«Потому что нам нельзя быть вместе».

– Мне это не подходит. Такая жизнь не подходит.

– Откуда ты знаешь, если даже не попробовала? – Крис недоуменно поднял бровь и облизнул пухлые губы.

Временами чувственные, временами грубые...

– Мне хорошо тут.

– В Королевской лечебнице есть место для младшего целителя. Я просил придержать его для тебя. Комната, которую я нашел, светлая, просторная и всего через улицу...

– Понимаешь, Крис, иногда совсем не судьба, – от моих судорожных вдохов шнуровка на платье уже трещала. – Совсем.

Так сказала мне Софи. «Совсем не судьба». Она видела иную реальность – ту, в которой Кристиан выбрал меня. И потерял все прочие пункты – семью, карьеру, жизнь в Хитане... При нем остался лишь взрывной характер.

Она втолковывала мне, что это была очень, очень дурная реальность. В которой слишком много боли и вины. Просила меня бежать от Криса без оглядки – хоть в Анжар, хоть к дварфам, хоть в другой мир. Уверяла, что для нас с ним нет совместного будущего, и потому мне придется довольствоваться нынешней реальностью. В которой есть он и есть я. И есть мы в ней по отдельности.

Не могу сказать, что поверила во все эти сказки о реальностях, но...

Но я задумалась. Сопоставила. И не сильно удивилась.

Однажды Кристиан пробил трещину в стене. Кулаком, прямо рядом с моим ухом. Разгромил столик с медицинской утварью,

перевернул два подноса.

Я тогда как раз узнала, что он женат... Обвинила в обмане. В том, что использовал меня, как обычно богатые чародеи используют пустышек из пансионатов.

А он жестоко рассмеялся, уверяя, что о его семейном положении в курсе вся Тарлинская лечебница. И раз я такая щепетильная, то мне стоило заглянуть в его личное дело, прежде чем... прежде чем... А теперь уж поздно, и он меня не отпустит.

И он не отпустил. Как ни пыталась, он не позволял вырваться из липких, грязных отношений, разрушающих всю меня. До знакомства с Крисом я ни в чем и ни в ком так сильно не нуждалась. А тут стала зависимой, словно он был запрещенным зельем, на которое часто налегают девицы в партэлях.

– Я так долго тебя искал, моя лисичка, – он ласково улыбнулся, разогнав морщинки по углам от внимательных глаз. – Заплетал маячки в письма, а ты их не открывала... вархова девчонка...

Я нервно накинула на плечи халат. Хоть какая-то защита от взгляда, разбирающего меня на составные части.

Все верно: в Тарлинской лечебнице я оставила ложный адрес, сообщив, что получила должность в Либтоуне при одной из крупных промышленных фабрик. Там часто случались производственные травмы, и рабочим нужен был целительский пункт. Даже документы на меня там завели – фабрика принадлежала Кольтам, а Грег ради Софи был готов на любые глупости.

– Лисс, не сопротивляйся. Ты предначертана мне, – заявил Вейрон, задумчиво поигрывая сшивателем аур. – А раз предначертана, то моей и будешь.

Вода в душевой на секунду прекратила литься, наполнив отделение прозрачной тишиной. И тут же захлестала вновь.

Кристиан приближался, а отступать мне было уже некуда: угол стола упирался в бедро. И мне не нравилось, как он подкрадывается.

– Нам необязательно сразу ехать в Хитану. У меня небольшой отпуск, можем задержаться тут, – он кивнул на весеннюю ночь за окном. На небо, утыканное крупными звездами. – Мне понравилась твоя идея с ближайшей гостиницей...

Его рука отбросила наскучивший сшиватель, опустилась на мою талию и медленно поехала вниз. Я не дернулась, загипнотизированная

голубым взглядом. Этот жест был таким привычным... Словно мы и не расставались на полгода.

– Или можем... Прямо тут... – выдохнул в губы, наклоняясь и пытаясь собой пригнуть меня к столешнице.

Я судорожно нащупала край стола, вцепилась в него мертвой хваткой, выпрямила руку.

– Только не тут! – расширила глаза и поджала губы, давая Вейрону понять, что он заигрался. – Это моя работа, Крис. Она мне дорога.

– Ты увольняешься, – игриво дернул шнуровку на груди, позволяя ткани бесстыдно расползтись в стороны. – Сегодня же. И едешь со мной. Я так решил, лисичка.

– Не поеду, – уперлась кулаком в его грудь и сильно надавила, надеясь отрезвить мужчину. – Выпусти!

Он не в Тарлинской лечебнице и не в Королевской. Там он бог с волшебными руками, которому можно все. Здесь – никто.

– Я три часа трясся в вояжере, отслеживая маячок! Заслужил подарок. Сегодня ведь праздник, маленькая. Весенние дары, – напомнил строго, забираясь лапой под подол распахнувшегося халата. – Помнишь, как год назад?..

– Помню. Но я не хочу, Крис. Не здесь, – выкрутилась из его рук и спрыгнула со стола. Поправила на себе платье, хотя вид все равно был далек от приличного. – Вообще нигде не хочу. Никогда больше.

Прислушалась к себе и поняла: не вру. Ни капли не вру! Мое застывшее, задеревеневшее тело, похоже, и вовсе забыло, как желать любви.

– Правда? Не хочешь? – он стремительно подошел и, подкинув, усадил меня на кушетку. – А может, все-таки?..

Грубо оттолкнул меня на подушку, порывисто задрал юбку, заставив бирюзовую ткань подлететь чуть не до потолка. Пальцы больно стиснули бедро. Сжали кожу так, что я ахнула возмущенно.

Соскучился он, как же! Теперь я это ощущала каждым нервом, о да... По своей власти надо мной он соскучился. По податливой юной «лисичке», которой так удобно управлять. По моей жалкой зависимости от его губ и рук.

Несколько месяцев Крис был моим наваждением. Болезнью, от которой нет лекарства. Но я начала выздоравливать! Пожелала этого,

позволив ране затянуться.

Конечно, просто так Вейрон меня отпустить не мог. Он всегда все контролировал и появлялся в тот самый момент, когда я вдруг нечаянно забывала о его существовании.

– Крис, прекрати! – прошипела зло, отпихивая от себя неподъемное тело.

Продолжать разрушительную связь я не желала. Слишком много боли для нас двоих. В конце концов, у него есть жена, карьера в Хитане, возможно, даже дети. Боги, как мало я о нем знала!

Как я вообще вляпалась в этот кошмар? Как не почувствовала опасность, позволив себе купиться на вархову улыбку?

– Я одержим тобой, Лисси. Будто проклятый, – прошептал в мою шею, болезненно вгрызаясь в кожу за ухом. – И с тобой не могу, и без тебя не могу... Разрываюсь на части от невозможности иметь все, что захочу.

– Это потому что ты слишком многого хочешь!

Я так резво дернулась от него, что скатилась с кушетки на пол. Больно! Кошмарно больно! Пол был огхарренно твердым, а у меня, в отличие от каффы, так-то не девять жизней.

Потерла ушибленный локоть, простонала обиженно. Понимала, что сама свалилась и никто меня не сталкивал. И некого тут винить. Но до звездочек же в глазах!..

Профыркала что-то неприличное, фирменно анжарское, тут подслушанное. Приподнялась на локтях, с укором глядя на ударивший меня пол. За что он так со мной? Разве не видит, что мне и так очень плохо?

– Вот так, маленькая. Не дергайся, – сверху навалился каменный голем, решивший, видимо, меня добить.

Прижал, распластав по твердой поверхности. И принялся задирать сзади юбку.

– Вейрон, ты спятил? – прокряхтела, оборачиваясь и ошалело таращась назад. – Слезь сейчас же! Мы не в Тарлине. И я не хочу.

– Кого волнуют твои желания, лисичка?

– Меня! – выдохнула ошеломленно, хватая губами весенний воздух. Пахнувший варховой филией и моим унижением.

– Захочешь. Раньше тебе нравилось, когда я был груб, – меня укусили в плечо, вырвав хриплый вопль. И продолжили борьбу с

непокорным платьем.

– Никогда не нравилось...

Мать Вархова... что он творит? Он совсем двинулся в своей Хитане?

Я проползла немного вперед, с тревогой косясь на душевую, в которой по-прежнему шумела вода. Боги Эррена, только бы Райс всего этого не увидел! Отчего-то было невыносимо стыдно, что я, примятая «выдающимся хирургом», валяюсь на полу с задранной юбкой.

Совсем не так должна выглядеть мисс Алисса Лонгвуд, у которой все в порядке. И все под контролем...

Казалось, я покрыта липкой болотной грязью, а не колючими поцелуями Кристина. Там, где меня касались его обжигающие, ранящие руки, словно появлялось дурно пахнущее пятно. Которое никакими маслами Саци не отмоешь. Эта грязь въедалась в меня намертво. Навсегда.

– Я никогда этого больше не захочу, Кристиан. Слышишь? Никогда, – пробормотала уверенно, сбивчиво дыша и старательно ползя вперед. – И тебе придется принять такой ответ.

– Закрой рот, Лисса. Просто закрой свой вархов рот! – по щеке садануло чем-то черным и большим, и количество звездочек перед глазами превысило все разумные нормы.

Во рту расползся металлический привкус, и в гудящую голову просочилась мысль: от удара я прикусила губу.

От удара. Но это ведь не та реальность. Не та...

Звон разрывал виски, заставляя чувствовать себя колоколом на самой верхней башне храма Варха. Диагностический кабинет кружился. Пришлось уложить голову обратно на пол, чтобы остановить вархову карусель. Тот был холодным, и это немножко возвращало в сознание.

– К-крис... хватит... – закашлялась, сплюнула на пол.

Послышался обиженный треск ткани. Ума не приложу, что делал с моим платьем выдающийся, чтоб его вирры драли, хирург... Я сейчас почти ничего не чувствовала, кроме боли в щеке.

– Ты сама виновата. Измотала меня, издергала. Довела до предела! Не надо было убегать, Лисс, – ворчливо убеждал меня уважаемый маг.

Женатый уважаемый маг! С «вот такой» карьерой в столице!

Но он прав: в своей беде я виновата сама. Знала ведь, что нельзя открывать письмо. И впускать Кристиана снова в свою жизнь – тоже.

Боги Эррена, только бы магистр не увидел этого кошмара! Моего позора. Я сама разберусь со своими проблемами, без язвительных хмурых свидетелей. Без отвращения в глазах Райса. Его я точно не вынесу.

– Мне больно... – я ощупала дрожащими пальцами щеку. Кожа огнем горела, глаза щипало от внезапных слез.

– Потом приложим лед. А пока помолчи, лисичка, – Вейрон щелкнул пряжкой за спиной, все еще вжимая меня в пол свободной рукой. – Тебе просто кажется, что тебе *так* не нравится. А на самом деле мы оба знаем...

– Что именно вы оба знаете? – гулким громом отбилось от стен, и тяжесть с меня магическим образом исчезла.

Судя по присвисту, тяжесть эта вовсе подлетела чуть не до потолка. И приземлилась на мой металлический столик с мазями. Тоже судя по звуку.

Я судорожно нащупала задранную ткань и опустила вниз, сколько смогла дотянуться. Боги Эррена! Похоже, Вейрон порвал не только юбку, но и белье. Позор какой...

Поднялась на локте и, зажав гудящий лоб ладонью, развернулась к источнику шума. Поморгала, неуверенная в том, что передо мной не галлюцинация.

Но все говорило в пользу реальности. Потому что мокрый сир Райс в приспущенных брюках и распахнутой рубашке, облепившей тело, мне бы вряд ли привиделся. С чего бы? У меня не настолько бурная фантазия, ей Варху!

А уж сир Райс, с мрачной решимостью наносящий удар за ударом ровно в лицо Криса, – тем более. Кажется, магистр метил в нос. Временами попадал. Тот у Вейрона был изящный, красивый...

У Райса тоже был породистый нос. Вполне себе аристократический, с горбинкой. Выпирающий с лица и перетягивающий все внимание на себя. И глаза глубокие, темные, с черным омутом на самом дне.

Похоже, я крепко приложилась о кулак Криса... Боги Эррена, как же меня мутило.

Я уселась на полу, прислонилась к ножке кушетки. Размазала кровь по подбородку и полусонно наблюдала за дракой на кулаках. Глупость несусветная. Два сира, великих мага! И как мальчишки...

Хлесткие звуки ударов доносились словно из ваты, издалека. Зачем Райс это творил? Я ведь сама виновата в своих несчастьях. И последний человек, который стал бы бороться за мою честь – это мрачный магистр.

Он ведь сам полчаса назад желчно намекал, что мое место в партэле. И даже предлагал двести йоргенов за мой массаж. Нет, триста...

Однажды Темона, хозяйка партэлей, приходила к нам в пансион. Раздавала девушкам визитки, одетые в красный шелк. Я тогда гордо фыркнула, запустив в даму целительским пульсаром. Показала, что меня ждет другое будущее. И вот оно как повернулось...

Непонятно, на что я вообще рассчитывала, связываясь с именитым тарлинским хирургом. Что он будет относиться ко мне как-то иначе? Не так, как обычно относятся к юным выпускницам пансиона весьма средней магической одаренности? Глупая Лисса! Глупая и сама виноватая в своих проблемах.

Райсу тоже попало несколько раз в лицо, и физиономия магистра стала еще мрачнее. Еще суровее. Я внутренне вздрагивала каждый раз, когда кулак Вейрона находил цель. Кошмар, кошмар, кошмар... Даже забыла о том, что мне и самой больно.

– Только попробуй. Я хирург... короны... – прохрипел с ненавистью Крис, когда магистр опасно выкрутил ему запястье.

– Хирург? Превосходно, – Райс снова хлестко отметил на выдающейся челюсти. – Значит, сам себя и заштопаешь!

Он протащил Криса через всю палату к открытому окну и с размаху вышвырнул из академии. Я испуганно ахнула, поднялась, цепляясь за край кушетки.

– Боги Эррена, вы спятили? – шатающейся походкой добрела до окна и выглянула наружу.

Вейрон лежал в кустах без сознания, свешиваясь головой вниз, к самой луже. Запах крови, наполнивший кабинет, смешался с ароматом филии, и к горлу подкатила тошнота.

– Мне не стоило вмешиваться? Вам все нравилось, мисс Лонгвуд? У вас просто такие экзотические игры, а я не разобрался? – холодно

уточнил магистр, потирая челюсть.

– Не нравилось, нет, – зажмурилась со стыда, поправляя порванную юбку.

Аккуратно ощупала скулу, судорожно вздохнула. Неожиданно: Райс был единственным во всем отделении, кто пах приятно. Варховыми уравнивающими маслами с Саци. Правда, выглядел он не слишком уравновешенным.

– Но вы зря... *так*, – я приоткрыла один глаз, и в фокус попала разбитая губа магистра. Гхаррово копыто! Я всем приношу только боль. – Это не ваша проблема.

– Разумеется, мисс Лонгвуд, – раздраженно прохрипел Райс. – Это *ваша* проблема. Вы ее притащили за собой из Тарлина. Вероятно, думали, что само пройдет? Рассосется, да? Вы от него бежали?

Он говорил зло, хлестко, и казалось, будто лупит меня по другой щеке. Пока еще здоровой.

– Он не должен был меня найти, – пояснила с долей растерянности. – Крис и искать-то меня не должен был.

– «Крис». Ваш приятель, да? – Райс яростно засучил мокрые рукава и с силой потер лицо, стряхивая на пол кровавые брызги. – Не может забыть свою рыжую ассистентку?

Рубашка липла к его телу не самым приличным образом. Выявляя вархов рельеф и оставляя просвет с темными волосками.

Оно, конечно, было понятно. Тот, кто борется на болотах с исчадиями Тьмы, не может оказаться пузатым рохлей. Но все равно несколько обескураживало.

– Я не его ассистентка. Я...

– Неважно, – горячо выдохнул мне в лицо. – Мне плевать, мисс Лонгвуд, на ваши любовные приключения. И без них забот хватает.

– Так не лезьте! Я сама с ними справлюсь.

– Я видел, как вы справляетесь, – прошипел, сжимая квадратную челюсть. Ухватил меня за локоть, дотащил до стола Граймса и сунул в грязное кресло. – Вы уже один раз «решили» свои проблемы. Сбежали. Вот они и притащились за вами следом. Приползли преданным псом. Где-то должно быть нормальное обезболивающее...

Он бегло порылся в ящиках стола, но ничего не нашел. Воззвал к мраку бездны и двинулся к шкафу с медикаментами.

– Я не за нотациями от мрачного грикха, с глазами, наполненными Тьмой, сюда пришла, – вздернула подбородок. – И хватит на меня ими сверкать.

– А вы ожидали, я вас сейчас в плед закутаю и чаем поить буду? – сунул мне в руку стакан, наполненный кубиками льда. – Положите в рот, беглянка.

Пока я осторожно засовывала лед за щеку, он поймал мое лицо своими крупными ладонями. На пальцах Райса искрило морозное плетение, оно било в кожу разрядами, лишая ту всякой чувствительности.

– Вы сущее исчадие, – промычала неразборчиво, катая лед во рту. – Только с вашими тварями и умеете общаться.

– Самая приятная для меня компания, – проворчал Райс, нависая надо мной черной носатой тенью.

– Единственная, которая может вас выносить.

– Я предпочту штопать разрывы на болотах, чем решать ваши романтические неурядицы, мисс Лонгвуд.

– Идите и штопайте!

– Этим и займусь, – пообещал охотно, убирая руки с моих онемевших щек. – Но сначала хочу убедиться, что вы не планируете бежать вниз и спасти своего ухажера. Вы ведь осознаете, что он не остановится?

– Я, по-вашему, полоумная? – вскинулась сердито.

– Кто знает, может, вас в детстве гхарр копытом стукнул? – раздраженно предположил, похлопывая ресницами. – Раз уж вы ни разу не пискнули, пока вас раздевали, уткнув носом в пол!

Боги, и много он видел?

Откровенничать с Райсом я была не готова. Тем более поднимать такие стыдные, неловкие темы!

– Я была уверена, что Крис никогда... Я *надеялась*, что он до такого не опустится, – поправилась под тяжелым взглядом.

– Что ж, теперь вы знаете, как глубоко в бездну он готов упасть.

А Софи ведь меня предупреждала. Да и я, что скрывать, видела в Вейроне эту опасную часть природы. Она и привлекала, и отталкивала. Но, как водится, мы часто закрываем глаза на то, чего не хотели бы видеть. Тогда кажется, будто этого и нет.

– Теперь знаю, – ответила скупой, пряча от него лицо.

От укоряющего темного взгляда было так тошно, что хоть в обнимку с тазиком сиди.

– Почему вы не позвали на помощь, Алисса? – добивал словами магистр. – Вы ведь знали, что я нахожусь за дверью! Достаточно было крикнуть – и вы избежали бы всех этих унижений.

Он не понимал. Не понимал. Райс, читающий мне нотации, и был моим главным унижением этой ночи!

– Это мое личное дело. Вас оно не касается, – закусила оцарапанную губу. – Осуждайте, пожалуйста, кого-нибудь другого.

– Как скажете. Но вы должны понимать, что побег – не равно избавление, – севшим голосом скрежетал Райс. – Прошное всегда настигает. Всюду. Ни у кого еще не получилось от него убежать. Впрочем, если это все, что вы умеете, то можете еще раз попробовать.

– Что?

– Бегите. Если хотите свободы – бегите. Прямо сейчас, вирра вас задери! – он яростно хлопнул по столу Граймса, и я подпрыгнула в варховом кресле.

Встала и ощутила, как под искромсанным подолом с меня сползают остатки тонкого шелка, призванного прикрывать самое сокровенное. Никогда не думала, что буду покидать академию с голым задом и полупустым саквояжем!

Но Райс прав: Кристиан на этом не остановится. Он меня не отпустит. Он не желает быть прошлым. И он действительно одержим. Мной.

Прижимая к себе обрывки ткани, я вернулась в кресло и склонилась над столом. Дрожащей рукой накарябала Граймсу записку, в которой сообщила, что увольняюсь с должности его ассистентки. Что покидаю академию этой же ночью по личным обстоятельствам. И все вещи прошу переслать в Тарлин моей бывшей хозяйке по указанному адресу.

Зубы стучали, с трудом попадая друг на друга. Все мои «дамские» завитки клонились вниз, стремясь упасть в обморок. И не было уверенности, что док разберет мои отчаянные письма.

Глава 5

Вояжер за воротами и впрямь дожидался Криса. Но дождался только меня. Я сунула водителю в кулак скомканную купюру и назвала адрес. Здесь, в Анжаре, был лишь один дом, в котором мне никогда не отказывали в помощи.

Едва мы приблизились к ярко-синим воротам, за которыми высились темные силуэты вековых туров, я дала водителю еще столько же и велела к академии не возвращаться. Изрядно уставший за эту ночь, он с охотой согласился.

Кутаясь в свой плащ – не столько из-за прохлады, сколько в надежде скрыть порванное платье и белье, – я подошла к массивной двери и постучала. Час был поздний, и Софи с Грегори наверняка отдыхали. Но и Саяра, и Саргаард знали меня в лицо и должны были впустить переночевать.

– Мисс Лонгвуд? – на пороге возникло лицо молоденькой прислужницы, которое тут же приобрело перепуганное выражение. – Ох, Имира Сиятельная! Ваша щека!

Тьма... Я подозревала, что выгляжу не лучшим образом, но не ожидала, что все настолько паршиво.

– Я в порядке. Я почти не чувствую, – поторопилась ее успокоить, оглядывая с порога огромное имение Кольтов. Размах подавлял, но я привыкла не шарахаться. Теперь это дом Софи, и за Грегом она сама как за каменной стеной. – Вообще ничего не чувствую...

За все время, что я тряслась в вояжере по анжарским кочкам и ухабам, в гудящую голову не пришло ни одной мысли. В сердце – ни одной живой эмоции. Только глухой приказ Райса эхом отдавался в ушах. «Если хотите свободы – бегите!»

И я бежала. Пожалуй, это я и впрямь умела лучше всего.

– Софи уже спит? – прошептала я с дрожью в неуправляемом голосе. – Если да, то я подожду до утра.

– Они с сиром Грегори в гостиной, – Саяра ухватила меня за локти и втощила внутрь. – Они немножко повздорили. Сир Грегори тайно ушел с утра порталом, хотел сделать жене сюрприз. А миссис Кольт разнервничалась так, что живот заболел. И вот они уже час ищут

виноватого. Миссис Кольт отказывается принимать «глупые подарки из Хавраны», а сир Грегори уговаривает ее вызвать целителя. Как славно, что вы пришли!

– Лисси? – на шум из гостиной вышла Софи и тут же схватилась за огромный живот.

Боги Эррена! Когда ехала сюда, я не подумала, как подругу шокирует мой вид. А в ее положении совсем нельзя волноваться.

– Соф, все хорошо, – перепуганно поймала ее похолодевшие ладони и прижала к губам. – Я просто ударилась. Упала неудачно. Варховы академические лестницы!

– Мне не пять лет, Лисс.

– А приехала в гости. Прости, что среди ночи, – продолжала убедительно тараторить. – У меня выдалась свободная минута, и я решила, что самое время тебя осмотреть. Мм?

– Лисси, прекращай, – прорычала она сквозь зубы, и я искренне пожалела Грегори. – Меня не надо осматривать!

Ссориться с Велисофьей, в которой бушуют гормоны и зарождающийся материнский инстинкт, – то еще развлечение.

– А вдруг в малышке Розы уже завелась искорка, а ты и не знаешь? – я лукаво улыбнулась ее запредельно объемному животу, на миг забыв о своих проблемах. – Я тебе тогда кое-какие травки выпишу, от тошноты и...

– Лисс! – Софи потрянула меня за плечи, возвращая мой взгляд с живота на свое лицо. – Я уже видела однажды, как ты «просто ударилась». Это он, да? Твой вархов хирург? Теперь и в этой реальности?

В коридор вышел Грегори. С двумя ярко-зелеными глазами, сверкающими на абсолютно белом, заросшем густой щетиной лице. Обычно он куда загорелее, но... Пожалуй, в последние месяцы на его долю выпало самое суровое испытание.

– Осмотр сначала, – сухо подтвердил он, мрачно тыча пальцем в живот супруги. – Потом – проблемы. Доброй ночи, Алисса. Давай свой плащ и проходи в дом, Саяра подаст вечерний чай.

– Я лучше в нем побуду, сир Грегори, – испуганно замоталась в единственную целую ткань, что у меня осталась.

Не хватало еще перед «жутким Кольтом» подранным бельем сверкать!

(Грегори Кольт и Софи Эштон – героини книги «Властелин моих кошмаров, или Невеста на обмен». Прим. автора).

Волновался Грегори напрасно: несмотря на утренние боли, и с Софи, и с малышкой Розы все было хорошо. Но осмотр никогда не лишней. Браки магов и простачек в Эррене большая редкость, и лучше быть настороже. О чем я и напомнила чересчур осмелевшей Софи, едва мы остались наедине.

– Лисси, я впервые в жизни ощущаю, что все правильно, – улыбнулась она, откидываясь на спинку низкой софы. – Что все происходит так, там и с тем. И это дарит удивительный душевный покой. Розы – будущее этого дома. Будущее имения Кольтов. У нее нет шансов избежать этой судьбы. А теперь давай о тебе.

Я нервно поерзала на краешке дивана, принимая из рук Саяры чашку крепкого вечернего отвара. Окунулась носом в аромат горячей мяты и терпких альта-цитроновых косточек.

– Вейрон нашел меня. И он не отпустит. Имира свидетельница, не отпустит, – я подняла на подружку мокрые глаза. – Софи, я... Я не могу так больше. Я хочу исчезнуть. Спрятаться так, чтобы меня не нашли. Да хоть в портал провалиться, ей Варху!

Спать в доме Кольтов никто, похоже, не собирался. Когда мы с Софи допивали вторую чашку отвара, из сада в сопровождении Саргаарда вернулась сирра Тереза – пожилая тетка Грегори. Она гостила в Анжаре последний месяц, надеясь застать рождение малышки.

Взгляд сирры Кольт всегда вгонял меня в священный трепет. Казалось, она видит сильно дальше морщинистого носа. И в душу может заглянуть. И даже понять, что я невыносимо хочу потеряться – прямо как та «попаданка Вика» из Хавраны, прилетевшая к нам смещенным порталом.

– Я подумаю, что можно сделать с твоей проблемой, Алисса, – кивнул Грегори, появляясь позади тетки. – Ты права: порой лучшая защита – это маскировка. Есть у меня один артефакт...

– Но я ни о чем не просила! – виновато всплеснула руками и расправила по коленям складки плаща. – Мне просто нужно немного переждать и...

Быстро, впрочем, вспомнила, в чьем доме нахожусь. От сира Грега даже мысли Варха Всемогущего не укроются!

И каково Софи жить с человеком, который каждое ее желание может предугадать? Рай это или наказание?

– Морковка не жалуется, – хмыкнул Грегори, отвечая... моим мыслям, да. Им самым. – А рисунки с порталным плетением оставь на столе, я посмотрю.

– А? – похлопала на него глазами.

Нет, все-таки наказание. Ни гхарра же не понять, на какую именно мысль он отвечает!

– Та хавранка из Хитанского центра. Ты думала о портале со смещением несколько минут назад, – пояснил невозможный чародей. – Я посмотрю плетение, как освобожусь.

Я потянулась к саквою за рисунками Вики, психиёлога, которой, между прочим, обещала помощь. Но пока не могла помочь даже самой себе.

Рядом со мной на софу присела сирра Тереза, и я вздрогнула от неожиданного прикосновения к щеке.

– Просто косметические чары. Я не практикую особо, – пробубнила старушка, тыча пальцем мне в лицо. – Все бежишь и бежишь, Алисса, а оказываешься на том же месте, да? Странная судьба. Попробуй не бежать. Стой на своем. Может, тогда что-то сдвинется?

Странно проморгавшись, она встала и, подав руку Саргаарду, неспешно вышла из гостиной. Удивительная женщина. И до чего непонятная!

Мы снова остались с Софи вдвоем, и она принялась сопеть с удвоенной силой. Как вархов тарахтящий маг-вояжер, пытающийся на остатках топлива доползти до окраины Анжара.

– Грег снова надо мной издевается, – пробубнила она шепотом, поднимаясь с дивана. И за локоть уводя меня в свою спальню. – Я сейчас покажу, что этот гад мне привез из Хавраны! Знаешь, где я видала такие сюрпризы? Вот у гхарров в печенке. Вот там и видала!

Чему возмущалась подруга, я поняла сразу, как оказалась в их семейной спальне. На роскошной (ох, Имира, и какой огромной!) кровати было разбросано... что-то кружевное. Подарки Грега трудно

было назвать солидными: несмотря на обилие оттенков и узоров, ткани на них ушло едва-едва.

– Что это, Соф? – прохрипела, поддевая пальцем тонкую ленточку нежно-розового оттенка. К ней, к ленточке этой, крепились два кружевных треугольника.

Мать Вархова!

– Белье! Нижнее! Хавранское! – шипела возмущенно подруга, так же, как и я, в изумлении открывая и закрывая рот.

Да на мне даже сейчас, с учетом всеобщей порванности, нижней ткани было не в пример больше! Правда, та едва держалась на бедрах и грозила в любой момент позорно выпасть из-под плаща.

– Грег правда думает, что оно на меня налезет? – Софи раздраженно ткнула пальчиком в свой живот. А потом снова в белую кружевную тряпочку на лямках. – Как он себе это представляет?

– У него богатое воображение. Как-нибудь да представляет, Софи... – промычала, пытаясь задушить в себе неловкий смех.

Признаться, я сейчас бы и от вархового треугольничка не отказалась. Он, судя по крою, должен плотненько прилегать. Не то что рваный шелк под плащом, свидетельствующий о моем недавнем унижении.

– Он говорит, там все так носят. Гад, – пропыхтела беременная подруга, деловито обходя кровать, усыпанную «срамом». – И как он мог это проверить, если не забирался к ним ко всем под юбки, а?

– Ревнивая морковка! – раздался густой хохот из-за двери, и мы одновременно зажали рты. – Предложи Алиссе примерить, раз сама не хочешь. Ей, может, нужнее...

Я медленно скатилась по стенке и опала в кресло. Нет, в этом доме решительно нельзя думать. Вообще ни о чем!

Софи распахнула дверь супружеской спальни, чтобы высказать все, что она думает о хавранских приключениях мужа и чужих юбках... Но Грегори опередил ее, обхватив с обеих сторон руками и впившись в растерянное лицо жадным поцелуем.

Я смущенно отвела глаза, ощущая себя лишней в спальне со столь большой кроватью. Не будь здесь меня и моих проблем, Кольты давно бы встали на путь перемирия. И мирились бы до утра.

И все-таки любоваться ими украдкой было приятно. Здорово видеть чьи-то теплые, полные нежности отношения. В них тоже была

страсть, но совсем не та – злая, бешеная, одержимая, – что у нас с Вейроном.

– погоди, моя сладкая морковка, – Грег жадно зацеловал ее щеки и выпустил из объятий. – Запомни, на чем мы остановились. Продолжим позднее.

Грегори достал из кармана сложенные рисунки Вики и еще раз просмотрел внимательным взглядом, нахмурился.

– Это временное смещение, Алисса, – ткнул пальцем в «завихрень», на которую жаловалась гостя. – Утром я поработаю над символом. Попробую сделать расчеты и примерно сказать, сколько лет она потеряла. Или как посмотреть... Может, сколько приобрела?

Я задумчиво покивала, вставая и разворачиваясь спиной к кровати. Старательно делая вид, что не рассматривала варховы кружева. В конце концов, это их интимные тайны, и моему носу в них не место.

– Теперь второй вопрос. Ты уверена, что хочешь убежать? – от прямого зеленого взгляда было трудно скрыться. – От прошлого? От настоящего? От себя?

Магистр Райс мне бы сейчас на пальцах объяснил, что бегать глупо. И от себя не скроешься. Но я тряхнула головой, выгоняя оттуда темную пахучую нечисть.

– Хочу, сир Грегори, – покивала уверенно. – Особенно от себя.

Софи, неодобрительно сопя, уселась на кровать и принялась демонстративно рыться в подарках. Нашла в кружевной куче какие-то хавранские безделушки – бусы, браслеты, заколки. И стала с интересом их рассматривать.

– Тогда вот. Маленькое, но сильное оружие против преследующего прошлого, – в зажатых пальцах Кольта появилось тонкое колечко с зеленым самарудом в центре. – Артефакт вбирает очень мощные чары и держит их не менее месяца. Потом, само собой, нуждается в подзарядке. Тебе придется приезжать сюда каждые четыре недели. Примерь.

Я вдела указательный палец в кольцо и, видит Варх, никакого интересного эффекта не обнаружила. Прошрое мое все еще было со мной. Отдавало болью в щеке и неловкостью под рваным платьем.

– Боги Эррена! – Софи выронила из рук браслет-змеяку и распахнула синие глаза еще шире.

Я кинула быстрый взгляд в зеркало. Да там и застряла.

Действительно... боги... Эррена...

В зеркале отражалась вся комната. Огромная кровать под белоснежным балдахинном. Грегори Кольт, зажавший в руке рисунки хавранки. Софи, ошеломленно сидящая на подушке. И еще какая-то пухлогубая голубоглазая блондинка... почему-то в моем плаще.

– Кто это? – выдохнула та самая светловолосая незнакомка. Чужим голосом. И, как и я, поправила упавшую на лоб прядь.

– Ты сама решишь, кто это, Алисса. Чтобы подготовить новые документы, мне нужно время. День или два, – деловито объяснил Кольт. – Потом у тебя начнется новая жизнь. Только не забывай о подзарядке.

Я ощупала больную щеку. И девица в зеркале сделала то же самое. Наваждение какое-то!

– Ты совсем на себя не похожа, – прошептала Софи, неуверенно приближаясь. – Этот твой хирург может хоть весь Эррен обойти, размахивая кулаками... Будет стоять прямо перед тобой – и не поймет. Не узнает!

– Не узнает, – заторможенно повторила за ней, уже скучая по своей рыжей копне.

Но если такова цена... Вероятно, это не самое дорогое, от чего мне придется отказаться ради новой жизни.

– Я не уверена, – сглотнула, испугавшись новой себя. К этим голубым глазищам поди привыкни! – Я столько натворила. А теперь странное чувство, Соф, будто сбегая с места преступления.

– Ты жертва, Лисси. А не преступница, – она успокаивающе погладила меня по плечу.

– У магистра Райса будут из-за меня проблемы, – покусала саднящую губу.

Он велел бежать, и я побежала, повинуюсь инстинктам. Не думая ни о чем. И ни о ком.

А ведь они крепко подрались с Вейроном, и магистру это может стоить разборок в Королевском образовательном совете. А то и вовсе должности, Варх меня приberi! У Кристиана ого-го какие связи, в основном благодаря родовитой супруге.

Да он Райса в порошок разотрет за тот унижительный полет в лужу! Фигурально, раз по-настоящему не получилось.

– Мне следует вернуться. И объяснить ректору, как все вышло, – взволнованно забормотала, вновь кутаясь в плащ.

– Сир Райс не детеныш каффы, чтобы о нем заботиться, – фыркнул Грегори.

– Не вздумай! Я видела, на что твой хирург способен, – строго прошипела Софи. – Ты туда больше не вернешься!

– Подумай, Алисса, и к утру скажешь свое решение, – Кольт обхватил жену за плечи и потянул прочь из комнаты. – А пока отдохни. Саяра принесет тебе целую одежду, но, уверен, Софи не будет возражать, если ты примеришь что-нибудь из хавранской моды. Она весьма занятная, да, морковка?

– И вовсе нет, Грег! – возмутилась та.

– Вы не хотите прогуляться по ночному саду, миссис Кольт? Как-никак, романтика Ахавы... Весенние дары... А я до сих пор без подарка! – сокрушенно добавил Грегори, уводя Софи все дальше по коридору.

Смогу я научиться жить новую жизнь? У меня и старую не очень-то получалось.

Я с любопытством рассмотрела себя в зеркале. Зелень совсем пропала из глаз, хотя в них оставалось что-то неуловимо знакомое. Мое. Может, легкий прищур, может, острота взгляда...

Веснушки с носа исчезли, словно меня хорошенько обмазали отбеливающей мазью. Волосы совсем посветлели, выгорели, хоть и сохранили свою длину и привычный объем.

Может, и смогу... Как я узнаю, если не попробую?

С каждой секундой я все сильнее ощущала себя кем-то другим. Будто и впрямь можно было взять и стереть последний год! Изматывающий, болезненный, эмоциональный. Избавиться от этой гнетущей тяжести.

Стать кем-то легким, веселым, непосредственным... Воспарить над проблемами, как воздушное судно. Оставив те далеко внизу.

Прикусив губу, я осторожно сбросила плащ, а за ним и рваное платье. Хотелось убедиться, что хоть тело осталось моим. К счастью, никаких неожиданных новшеств не обнаружила.

Шелк на бедрах окончательно порвался, скатился на ковер. Намекал, что если я хочу сбежать, то прошлое надо оставить здесь.

Все, до последнего лоскутка.

Я неуверенно подошла к чужой постели и выбрала себе кружевной комплект. Белый, чистый, как новая жизнь, которая ждала меня с завтрашнего утра. Осторожно надела на себя белье, чувствуя, как приятно тонкая ткань обнимает кожу. Словно подбадривает, уверяя, что все будет хорошо.

Определенно, будет... Если никто не увидит меня в хавранском сраме! Иначе мне несдобровать.

Небо за окнами начинало неохотно синеть, грозясь скорым рассветом. Душа согрелась теплым предчувствием, что с новым днем придет и новая жизнь. В новом месте, с новыми людьми. Без Кристиана Вейрона. Это должно сработать!

Райс не прав, что нельзя скрыться от прошлого. Если у него самого не получилось – значит, он плохо пытался. Просто бежать надо было быстрее и в правильном направлении.

Дожидаясь Саяру с одеждой, я устало присела на кровать и принялась перебирать хавранские украшения. Мысленно соглашаясь с Кольтом, что иномирская мода весьма занятная.

Тут были и какие-то странные очки с большими темными стеклами. И голубой резиновый браслет с черным табло, на котором застыли цифры «14200» и изображение следов от ботинок.

И изящное серебряное украшение в виде змейки, кусающей свой хвост. С такими же зелеными глазами-самарудами, как в кольце-артефакте. Я надела «змейку» на запястье: действительно, почти комплект.

– Имира Сиятельная! – вскрикнула, поймав свое отражение все в том же зеркале.

Ну, как свое? Той, другой Алиссы, светловолосой. Но и она, похоже, планировала сбежать, старательно растворяясь в воздухе чужой супружеской спальни.

– Софи... Грегори... Кто-нибудь! – позвала, в ужасе наблюдая, как кожа на руке истончается и начинает просвечивать.

Мать Вархова...

Сир Кольт ничего не напутал? Я хотела сбежать от себя, но не настолько же!

Я зажмурилась, не желая наблюдать, как мое брэнное тело покидает Эррен. Уши заложило гулом, я захлебнулась в холодной воде.

Сжала губы, уходя в черноту с головой.

Активно забила ногами и руками, ощущая, что и от «новой жизни», и от «нового мира» отчаянно пахнет болотом. Да и привкус у них, если честно, такой же.

Боги Эррена... В бултыхающееся в черноте сознание плюхнулась последняя мысль: новая жизнь кончится там же, где началась. Я, Варх дери, не умею плавать!

Глава 6

Меня окрикнули, и я сорвалась со скользкого камня, за который отчаянно держалась. Голос, принадлежащий «новой жизни», был до боли знакомым. Настолько, что и всплывать расхотелось.

Обладатель голоса, впрочем, на окрике не остановился. И прошлепал за мной прямо в воду. Я забилась в болоте сильнее, требуя у высших сил вернуть меня туда, откуда взяли. В супружескую спальню Кольтов, к Саяре, несущей мне нормальную одежду!

Но боги Эррена оказались глухи к мольбам. Я в который раз перекувыркнулась в озерце, захлебываясь и почти теряя сознание. Всплыла, вытаращила глаза на подбиравшегося ко мне мужчину.

Могла поклясться, это был двойник магистра Райса. Такой же хмурый и вечно всем недовольный. Даже отсюда он пах крепкой эшерской.

Нет, ну что за наваждение! Нельзя, сбежав от прошлого к новой жизни, вновь вляпаться в то же болото!

Он растянул между пальцев голубое плетение и швырнул на воду. Ноги и руки тут же сковало магической сетью, потянуло к мужчине.

Мать Вархова!

В сетку? Меня? Ловить?! Я забилась отчаяннее, чувствуя, как меня подбрасывают в воздух и прижимают к себе. К горячей груди, в которой гулко бухало.

Но приземление оказалось еще хуже. Мужик бесцеремонно сгрузил меня на колючую траву, усыпанную сухими иглами, и принялся брезгливо отряхивать руки.

Ладно, соглашусь: пахла я не лучше болота. На тело, облепленное тиной и мокрыми волосами, и смотреть не хотелось. Я провыла что-то отчаянно-ругательное, пока меня облапывали крупные ладони и заматывали в сухой плащ.

Обессилен от битвы со стихией, даже возражать не стала, когда он подхватил меня на руки и куда-то потащил. *Он.*

Не двойник Райса, нет... Сам вархов Райс!

Я-то думала, что попала в черную адову бездну! А когда из темноты вынырнул знакомый породистый нос, поняла, что именно там

и оказалась. В варховой преисподней. С самым главным исчадием мрака.

Его рубашка была распахнута, порвана, на груди имелся яркий красный след от миниатюрной женской ступни. Кто-то знатно по нему потоптался, пока я тряслась в вояжере по Анжару. Магистр явно веселее проводил время.

– Понимаешь меня? – телу вернули вертикальное положение, и ноги нашли под собой холодный академический пол.

Хорошо же ты убежала, Лисси... О таких великих побегах только сказки и складывать!

Я ошалело кивнула магистру, подтянув к подбородку темную ткань. От меня пахло болотной тиной и еще какой-то гадостью. Наверное, той самой, которую несколько часов назад сам Райс смывал с себя уравнивающими маслами Саци.

Почему он спрашивает? Думает, я о камне головой приложилась? Или придерживается версии с копытом гхарра?

Кольцо...

Я осторожно ощупала свои губы, и щеки, и липкие волосы... Словно могла без зеркала определить, которую из двух Алисс видит перед собой Райс. Нормальную или ту, что не очень.

Пальцы нервно пробежались по шее, докатились до кружевного края... И я взвизгнула, как анжарской осой ужаленная.

Дрянные хавранские моды!

Запахнулась в его плащ плотнее и вскинула на хмурого Райса ошарашенный взгляд. Он меня не узнал. Не узнал.

– Что понимаешь, это хорошо, – кивнул, набирая в легкие воздуха. – Пойдем.

К-куда? От купания в ледяной воде меня колотило, и я даже в мыслях своих заикалась.

Он что-то бормотал о Граймсе, чью диагностику я не вынесу, и сбежавшей дежурной, а я ошалело топала по знакомой до последнего камешка Анжарской академии. Из которой уволилась каких-то несколько часов назад. Из которой уезжала побитой, порванной и униженной.

Шлеп, шлеп, шлеп... Молча хлюпала босыми пятками перед Райсом, ловя на себе странные взгляды, но старательно их не замечая. Какого Варха происходит? Как я вообще оказалась в болоте?

– ...Но если прошлое тебя находит...

– А? – резко обернулась к магистру, распахнув рот. Нырять в черный взгляд с бесконечным дном.

– То приходится бежать еще дальше, – фыркнул маг, за плечи подталкивая меня дальше по коридору.

Запоздало поняла, что он ведет меня не в знакомый целительский корпус, а напрямик к ректору. Тьма!

Райс распахнул дверь, и я прыгнула ему за спину. Проклятье, проклятье, проклятье! На диванчике Джонаса сидел Кристиан. Собственной помятой персоной, кровоточащей со всех сторон.

В голову забивался гул, избавляя меня от всяких мыслей. Такой же звон, как тогда, в диагностическом. Когда он меня ударил, а потом пообещал приложить лед. Щека вновь заныла, едва плотоядный взгляд нырнул под плащ.

Я судорожно нащупала кольцо, покрутила на указательном пальце, зажмурилась. Он тебя не узнает. Просто помалкивай, Лисси!

Я плотно сжала губы. Словно воды в рот набрала. Да я и набрала – до сих пор вкус водорослей по языку катался.

– Как вас звать?

Я поморгала на ректора. Хорошего человека, доброго, круглого. Но совсем некстати закидывавшего меня вопросами, на которые я не успела придумать ответов.

Понимала лишь одно: они приняли меня за иномирянку. Вроде тех, кого нынче собирают в Хитанском центре для адаптации. Материя Эррена и впрямь истончилась, спонтанные порталы случаются, и сейчас мало кого удивишь свалившейся с неба «попаданкой»...

Ох и попала ты, Лисси. Вот видит Варх, попала!

– В-вика, – прошептала чужим голосом, украдкой таращась на Крису.

– И откуда вы к нам... так внезапно?

Ну как, как можно сбежать и оказаться в том же месте?

– С Хав... хав...

Зубы стучали, но уже не от холода. Внутри все горело, полыхало.

– С Хавраны? – подсказал сердобольный Джонас, и я кивнула.

Уверена, настоящей Вике не жалко, если я ненадолго примерю ее имя. Других хавранок я не знала, а притворяться потеряшкой с какого-нибудь Керракта – себе дороже.

Обменявшись с ректором красноречивыми взглядами, Райс вытащил того из кресла и вывел в коридор.

Мы остались с Вейроном одни в кабинете, и все внутри поджалось в дурном предчувствии. Я едва понимала, что вокруг происходит. Ошарашенно рассматривала жуткий синяк, расплзшийся по половине красивого лица.

Боги Эррена, они и правда дрались. Из-за меня. И, похоже, у магистра теперь неприятности. И это помимо порванной рубашки и разбитой в кровь губы!

Кристиан тоже смотрел на меня, не отрываясь. И эти холодные глаза, умудрявшиеся разглядывать хавранское кружево даже через плотную ткань плаща... Они намекали, что мне надо бежать быстрее.

За дверью слышались приглушенные голоса. Джонас шипел на Райса, допытываясь, какого гхарра они с Кристианом не поделили. А магистр отфыркивался, сообщая, что принял столичного хирурга за исчадие мрака. Выдающееся.

Почему он не назвал моего имени? Почему не сообщил ректору, что во всем, вообще во всем, виновата Алисса Лонгвуд? Сама открывшая письмо и накликавшая беду, а потом трусливо сбежавшая.

Это ведь не его проблемы. Мои, не его.

Дальше Джонас говорил какой-то сумбур – о кроватях, одеялах, щупальцах и уборке в логове Райса. Я не вслушивалась: бытовые вопросы академии меня сейчас занимали мало.

Дверь хлопнула, и на пороге нарисовалось темное исчадие. Раздраженно сопящее, черное лицом, с раздувающимися в гневе ноздрями. Пропороло меня – «Вивику с Хавраны» – многообещающим взглядом. И, подхватив на руки, куда-то потащило.

Варх знает, о чем они с Джонасом договорились, но я начала догадываться, что затея мне не понравится.

Пока витала в нерадужных мыслях, не заметила, как мы куда-то пришли. Райс опустил меня на кровать и накрыл одеялом. С одной стороны – уютным и теплым. С другой... Да ситуация с любой из сторон выходила кошмарной!

– Сегодня ты поспишь здесь, – выдал магистр, добивая меня реальностью происходящего.

Он действительно притащил меня к себе. Это и по запаху, и по освещению, и по дрянному предчувствию, зудящему в хавранском

кружеве, было понятно. Уложил в *свою* кровать! Под *свое* одеяло! Из-под которого, может, совсем недавно вылезла та самая обладательница миниатюрных пяток.

Я резко вскочила с постели и одичавшей каффой уставилась на подушку. Словно та была хищником, готовым на меня наброситься.

– Мы уже выяснили, что ты не немая, Вивика из Хавраны, – недовольно поморщился Райс, сдерживая зевок.

– Просто Вика. Психиёлог, – выдохнула решительно.

Пора уже признать масштаб своего попадания. Отсюда у меня только два пути. В Хитанский центр с новыми бумагами, как обещал Джонас. Или в лапы к Кристиану, если сниму кольцо. Просто так «неопознанный объект», плюхнувшийся в болото, отсюда не выпустят.

Райс посмотрел на меня пристально. Так пронизывающе остро, что на секунду я решила: все, узнал. Ауру прочитал или искру увидел. Хавранки ведь не владеют магией, а Райс очень сильный чародей. Один из тех, *настоящих* сиров, а не только что из академии выпустившихся.

Но, похоже, артефакт Грегори Кольт выдал надежный. Магистр поморгал, поморгал... Да и отвернулся, задумчиво хмыкнув.

– Вика, значит... – пробормотал себе под нос.

– Вика, – упрямо кивнула, теперь уже полностью проникаясь «новой личностью». – Виктория.

– Психиёлог, – повторил насмешливо, оборачиваясь ко мне.

Выражение лица Райса было труднопереводимым. Каждая черная бровь будто бы спрашивала по отдельности: «Милочка, вы серьезно?».

– Психиёлог... – пробурчала покорно, осознавая, что всего каких-то несколько мгновений в новом мире – а я уже завралась по самые уши.

Правда, мир был ни гхарра не новым. И даже Райс знакомым до последнего ароматного нюанса.

– Неужели во всей академии нет ни одной свободной койки?

Я помнила, что он планировал хорошенько запереть все пустующие спальни. Но ведь где запер, там и отпереть можно, разве не так?

– А кто тогда будет следить за твоими щупальцами? – выдал он раздраженно.

– Вы лучше за своими... щ-щупальцами... следите, – нервно передернула плечами, вспомнив, как он меня всесторонне осматривал на болоте.

Одно спасало: теперь я точно видела, что Райс меня не узнал. А значит, и ощупывал он какую-то малознакомую «попаданку», а не вархову мисс Лонгвуд с беспорядком в личной жизни.

Я подошла к шкафу и, смущенно прикрывшись дверцей, стерла с себя болотную липкость. Выудила первую попавшуюся рубашку и стыдливо ее натянула.

Сам Райс, как истинный «джентльмен», не додумался предложить мне одежды. Его вполне устраивало, что я сверкаю варховым кружевом направо и налево! Что, впрочем, после слов о партэлях и следов от раскаленных маутянских пяточек было совсем не удивительно.

Чуть не задохнувшись от аромата, я проверила скрипучую задвижку на окне. Его вообще открывают? Стряхнула черную шерсть с подоконника. Распахнула ставни, впустив немного душистых розовых лепестков. Нигде от них нет спасения...

Чихнула ожесточенно и захлопнула окно. К гхаррам! Сегодня не лучшая ночь для свежего воздуха.

С тяжелым вздохом я опустила на кровать магистра, подмяв кружевом плотное одеяло. Обрато мне никак нельзя. А значит, придется смириться с ночевкой в самой мрачной спальне академии.

До рассвета оставалось несколько часов. Сам ректор не силен в оформлении бумаг, и я знала, что секретарь приходит к Джонасу не раньше полудня. Лишь когда Звездосвод начинает полыхать охрой и непривычно ласкать теплыми лучами. Ахава... Весна все-таки пришла в Эррен.

Но пока за окнами расплзалась синяя темнота, и я мысленно подсчитывала часы, которые мне придется провести в компании Райса. А потом... потом я уеду. Навсегда. Оставив побитого Кристиана писать жалобы на академию.

И все-таки, что произошло? Почему я оказалась тут? Вряд ли ведь Грегори Кольт планировал такое, выдавая мне кольцо.

Маскировочные чары действовали, я постоянно ловила свое отражение в стекле. И каждый раз вместо рыженькой веснушчатой целительницы находила там мокрую голубоглазую блондинку.

Мир был старым. Академия – прежней. Но новой была я.

Тело наполнялось диковинной эйфорией (не чарами наведенной, а самой настоящей). Перстень на пальце обжигал, и казалось, что новое лицо буквально вживляется мне под кожу. Даже думать заставляет иначе.

– Ложись спать. Я останусь в кресле, – устало выдохнул магистр, когда я вновь поднялась с кровати.

Без паники, Лисси! Это просто Райс. Он не так хорошо тебя знает, чтобы раскусить, а с Кристианом тебе вести беседы и вовсе незачем.

Может, вся эта маскировка – не просто очередной побег, а шанс почувствовать себя иначе? Побыть... другой? Такой, какой видят меня все вокруг? Я так устала ловить испуганный, затравленный, заплаканный взгляд в зеркальной глади.

Райс смотрел прямо на меня, но не видел Алиссы Лонгвуд, у которой из-за переживаний вечно все валится из рук. Целительницы, обожающей заполнять формы и наводить порядок.

А кого он видел? Странную хавранку с кружевным задом. Что самое жуткое, я замечала огонек азарта, сверкавший в глубине черных глаз. Он подавлял его, отчаянно моргая. И все-таки это был интерес. Не к Алиссе, доставшей его формальностями. Нет. К попавшей в беду незнакомке, чьи проблемы он мог решить.

Сгорая от неловкости под черным взглядом, я потерла ногой о ногу. Покачалась на пятках, не спеша отправляться в вархову постель. Поправила манжету рубашки, ощутив странный холод, идущий от серебра на запястье.

– Ой! – дернула рукой, почувствовав, как змейка перемещается вверх по руке.

– Замри, – Райс в секунду оказался передо мной. – Где?

Она ползала... Ползала, Варх дери! Прямо по мне, под рубашкой, противно щекоча кожу прохладным металлом. Да что за жуткие артефакты у мужа Софи?

Я захлебнулась воздухом, когда спрыгнувшая с браслета змея пропозла по ключице и нырнула под воротник. Юрко пробежала между лопаток и устремилась вниз.

Мать Вархова!

– Поймите ее!

Запрыгала по спальне, пытаюсь стряхнуть с себя эту скользкую металлическую дрянь. Так некстати приобретаю небывалую подвижность.

Боги Эррена... Вдруг она ядовитая? Варх знает, что там водится, в Хавране этой!

– Вы позволите, мисс? – издевался магистр, щекоча меня хищным взглядом.

– Позволю... – закатила глаза, убегая взором под потолок.

До чего кошмарная ситуация!

– Тогда замолчи и не шевелись, – рыкнул, схватив меня за локти. – Где?

– Сп-пина... в-внизу, – задрожала от его уверенных прикосновений.

– Не дергайся, – Райс прижал меня к себе сильнее.

Сунул руку под рубашку, оглаживая кружево, и поморщился, как от зубной боли.

– Выше! – пискнула возмущенно, утопая в голодных омутах.

Потому как его горячие пальцы так и застыли на кружевах. Уже все белье хавранское прожгли.

– Поймали?

– Поймал.

Магистр резко выдернул кулак, демонстрируя мне негодяйку. С хищными, довольными глазками-самарудами.

Змея мигнула зеленым камнем и с тихим шипением растворилась в его руке. В тот же миг ободок от браслета обжег мое запястье и тоже испарился. И все. Больше ничего.

– Она не вернется?

Надеюсь, змея отправилась домой. Туда, где ей и место.

– Творится какая-то варховщина, «Вика из Хавраны», – прохрипел Райс, отряхивая руки от невидимой грязи. – Не верится мне, что твой портал был таким уж спонтанным.

Глава 7

– Сиди здесь, Вика-психиёлог, – пробурчал Райс, прячась за шкаф и наскоро меняя на себе рубашку. Свою рваную – на ту, что с пуговицами. Брюки он предпочел оставить мокрые, не рискнув доводить меня до нервного срыва.

Сделала глубокий вдох и напонила себе, что я (во всяком случае, *настоящая* я) – целительница. И не одну смену отработала в приемном покое Тарлинской лечебницы. И чего только не штопала на своих дежурствах магическими сшивателями.

Словом, не одетый мужчина кого-кого, а меня смущать не должен. Не должен! Но смущал.

Наверное, дело было в обстановке. Все-таки мы находились не на моей диагностической территории, в ярком искусственном свете, в кабинете, пахнущем снадобьями...

Нет, мы с Райсом торчали среди ночи в его, Варх побери, спальне. И он только что ощупывал мое белье своими... кхм... «щупальцами».

– Схожу пообщаюсь со своими бездарями. Все равно не засну, – признался магистр, и я ровно в этот момент поняла, что и сама не сомкну глаз после случившегося. – Надо понять, что за ритуал они провели.

Там был еще и ритуал? Час от часу не легче. С тяжелым вздохом я проводила магистра взглядом и уставилась на свои руки. Возможно, еще не поздно во всем признаться?

Он вышел из спальни, плотно притворив дверь. И я, нахнув пару кругов рядом с закрытым окном и всласть надышавшись удушающим ароматом комнаты, потащилась следом.

Кабинет Райса был самым крайним в магистерском крыле. Он и здесь выбрал логово на отшибе, избегая лишних встреч с раздражающими особами вроде меня.

Внутри с виноватыми минами сидели его ученики. Я узнала Тонкина и Диккинса, а девушку звали Фенриссой. Она часто заходила за успокаивающими снадобьями и снотворным после того, что случилось осенью. Но, кажется, наконец нашла свое утешение в патлатом светловолосом студенте-природнике.

Магистерский стол был завален разношерстной чепухой – кристаллами, свитками, желтой пылью, чьими-то украшениями...

– С пониманием у хавранок туго, да? – рыкнул Райс, резко обернувшись и обнаружив меня за спиной. – Я же велел ждать меня под одеялом!

Тонкин поперхнулся, и магистр поморщился. Несколько двусмысленно, мда. Счастье, что я сегодня «Вика». И завтра меня, сгорающей под чужими взглядами, тут уже не будет.

– С пониманием нормально, – нахмурила брови, решив для себя, что выставить за дверь – не позволю. – С послушанием, вероятно, не очень.

– Оно и видно. Дались вы все на мою голову? – Райс окатил собравшихся скорбным взглядом и ткнул в самый крайний стул. – Ваше место. Вика. Психиёлог.

Он потер лицо, с энтузиазмом зевнул. Зыркнул на меня гневно, требуя послушания, и я уселась мокрыми кружевами на указанное место. Варх с ним. Райс прав: тут его территория и его правила, так что он вполне может заставить меня заполнять какую-нибудь форму.

– Теперь рассказывайте, – он плюхнулся в кресло и уставился на свалку на столе. – Я жду.

– Да нечего особо рассказывать, сир, – помялся Тонкин, убегая глазами в окно. – Шутка же.

– Рассказывай, рассказывай, Заккари, – угрожающе подбодрил того магистр. – Вот сейчас вместе и посмеемся. Я уже предвкушаю.

– Ну... романтика, Ахава, все такое... – парень почесал затылок, смирившись с ролью гхарра, отправленного на заклятие.

За дальним столом я обнаружила вторую девушку – красноволосую Килиру. Она прятала лицо за ладонями, всем видом показывая, что попала сюда случайно. А я бы не удивилась, узнав, что мисс дэс Морган была зачинщицей – в ней всегда чувствовалась непокорная варховщинка.

– Вы призывали чувства? – Райс покрутил на пальце цепочку от странно знакомых часов.

Я видела их раньше... Довольно часто. Обычно ночами. Обычно на дежурствах, когда он приволакивал свое тело, нахально укладывал его на кушетку и требовал обезболивающее. Уверяя меня, что до рассвета не дотянет.

Как по часам приходил! Возможно, что действительно по часам...

– Любовь, сир, – Тонкин развел руками и поморщился. – Но что-то пошло не так. И всплыло... это вот...

Он ткнул в меня пальцем, как в жутковатое исчадие с рогами и щупальцами. И я подумала, что надо будет тайно пробраться в свой кабинет и записать мальчишку на диагностику к Граймсу. А лучше сразу на ампутацию мозгов. В этом удовольствии главный целитель себе никогда не отказывает.

– Так праздник же! Канун Дня весенних даров. Ночь любви, – всплеснула ладонями хорошенькая Фенрисса и мечтательно покосилась на Диккинса. – Мы подумали... было бы очень здорово...

– Если бы чувства пришли даже к таким сухарям, как вы, сир, – договорил смертник Тонкин.

Терять ему было нечего: Райс все равно узнал свои часы и машинально сунул в карман.

– Подумали они! – тихонько прорычал магистр, и волоски встали дыбом даже у меня. Даже на спине.

– Огхарренно же! – добивал преподавателя Тонкин, решивший помирать с музыкой. – Граймс бы подобрел и отстал от всех со своей смертельной диагностикой. Рыженькая целительница перестала бы ходить бледной тенью по коридорам. Мисс Донован расплела бы жуткий пучок и надела платье... Это же зашибись!

Оптимизм, что сочился из Заккари, был каким-то нервным. Предсмертным. Это и я со своего стула понимала: даже великому Граймсу не спасти бедолаг-студентов после того, что с ними сделает искупавшийся в болоте магистр.

– Шутка, сир! Вместо того, чтобы заваливать нас на зачетах, преподаватели посылали бы друг другу открытки с приглашениями на весенний бал, – договорил патлатый Диккинс, переманивая огонь полыхающих глаз на себя. Пока от Тонкина хоть что-то осталось.

– Огхарренно, – повторил магистр, чернея лицом. – За-ши-бись.

Расфокусированным взглядом я проплыла по столу, задержалась на сжатых до белых костяшек кулаках Райса... И с ужасом увидела среди вещей свою потерявшуюся заколку. С зелеными самарудами!

– То есть я правильно понимаю, Тонкин, что вам показалось забавным... – цедил убийственно медленно Райс. – Что я на балу...

кхм... приударю за мисс Донован? Или, к примеру, начну посылать воздушные поцелуи мисс Хендрик?

– Мы подумали, вам не помешает расслабиться, сир! Вы еще в расцвете лет. Самый сок. Ничто человеческое не чуждо, – старательно рыл себе яму Тонкин. – Сколько можно быть затворником? Но сейчас осознали свою ошибку. В полной мере. И не будем возражать, сир, если вы затворитесь обратно...

– Сейчас я тебя, Заккари, где-нибудь затворю. Скажем, на изнанке бытия. Подойдет?

– Лишнее, сир.

– Чьи это вещи? – Райс кивнул на оставшиеся безделушки и со звонким стуком рассыпал по столу розовые кристаллы кварца.

– Гребень мисс Донован. Сшиватель сира Граймса. Часы... ну...

– Часы мне знакомы, – хмуро перебил магистр и выудил из кучи заколку. Мою. – А вот это чье, Тонкин?

– Это целительницы, – уверенно заявил парень. – Той, рыженькой, что все время грустная ходит и бледная как тень.

– А она вас просила? Чтобы вы вскрывали ее чувства? Чтобы призывали того ублюдка, который их растоптал? – гаркнул Райс так, что у меня прижались уши. Потер ссадину на губе, прожигая глазами заколку. – Вы не думали, что мисс Лонгвуд, может, не желала, чтобы эта... Варх дерн... «любовь» ее находила?

– Да ритуал не сработал, сир!

– Пра-а-авда? – издевательски протянул Райс, приподнимаясь над столешницей.

– Вы же сейчас с нами, а не с мисс Донован, – обиженно заявил Тонкин, вскакивая со стула. – А лучше бы к мисс Донован шли, ей Варху!

С обреченным стоном Райс накрыл лицо руками и с минуту молчал. Затем передернул плечами, скинув с них невидимый груз, и основательно порылся в куче, доставая с самого низа смятый лист бумаги.

– Откуда у вас это? – потряс в воздухе страницей, бестактно вырванной из какой-то книги.

– Иллонка нашла, но сама участвовать отказалась. Квахарка, – фыркнула с дальнего стола Килира. – Как знала, что с нас шкуру спустят...

– Это виззарийский, – нахмурился магистр. – И как хорошо вы знаете виззарийский, Тонкин?

– Мы это... по наитию, сир...

– По наитию. Древний виззарийский ритуал, – проморгался Райс. – По наитию!

– Ошиблись, признаем.

– Выходит, Вика-Виктория, психиёлог из Хавраны... – завел он, и я подняла голову. Столкнулась с внимательным взглядом. – Вы как-то связаны с одной из вещей. Ничего не узнаете?

– Н-нет, – выдохнула с запинкой.

– Может, у вас в своем мире есть такой же гребень? Или медальон?

– Не припомню, – мотнула головой.

– Должна быть связь... Или с ритуалом. Или с древней Виззарой. Или просто оказались не в том месте не в то время, – хладнокровно накидывал идеи маг, не сводя с меня глаз. – Нет мыслей, Вика, психиёлог?

– Нет, – заявила уже тверже, скользя на мокром стуле. Кружева хоть и были тонкими, но просохнуть до сих пор не успели.

– Какая из вещей лежала в центре? – Райс кинул страницу с рисунком на пол и встал из-за стола.

– Ч-часы...

– *Мои* часы.

– В-ваши, сир.

Достал из кармана часы и уложил на середину листа.

– Превосходно. И кто же вам их дал? – подтянул Тонкина за шиворот к себе.

– Нам... п-помогли. Тайно. Кто-то узнал, что мы задумали ритуал, и принес вещи... оставил их в...

– А вот в этом углу? – Райс нагнулся и ткнул в левый край пентаграммы.

– Самый главный вот этот. Он указывает на ярчайшую звезду Звездносвода, – Тонкин присел на корточки и фамильярно переместил палец преподавателя вправо. – Тут мы положили... эм... как бы сказать...

– Вы с мисс Донован чудесная пара, сир, – выдохнула романтично настроенная Фенрисса.

– Ясно, – Райс брезгливо кинул гребень на рисунок. – И все же, Тонкин, меня интересует *этот* угол.

Древняя Виззара хранила в себе сундук неразгаданных тайн. Много в ней понималось иначе, не так, как в современном Эррене. Я слышала об этом и знала, что лучше всего в наследии виззарийцев разбираются артефакторы, историки и теоретики магии.

– Вот. Вот это было в том углу, – светленькая студентка поднялась и подала магистру мою заколку с самарудами.

– Чисто для равновесия, сир, – пояснил Тонкин. – А в остальных вот и вот... и вот...

Взял со стола сшиватель, ручку, медальон... Они что, всех преподавателей академии обобрали?!

Мать Вархова...

– То есть вы решили в ночь сиятельных даров поиграть в любовную рулетку? С личными вещами преподавателей? – вторил моим паникующим мыслям Райс.

– Ну почему в рулетку? Мы все четко рассчитали, – сопротивлялся Тонкин. – Заколку хорошенькой целительницы положили напротив сшивателя, которым обычно пользуется сир Граймс... Может, хоть студентов морить на диагностике перестанет, мм? А медальон...

– Это совершенно безобидный ритуал, сир. Шуточный! – вступилась Фенрисса за парней. – Он на короткое время делает скрытые чувства явными... Но если чувств нет, то и открывать нечего? Значит, ничего бы и не случилось. Наверное...

– Наверное, – мрачно повторил магистр, сгребая вещи с пола и возвращая их на свой стол.

– Так или иначе, он не сработал. И мы готовы понести наказание, сир Райс, – сонно простонала Килира с дальнего стола. – Только можно утром? Огхарреть, как спать хочется.

Килира зевнула с таким азартом, что у меня тоже свело скулы. И я вдруг поняла, как устала за бесконечный день, плавно перетекший в бесконечную ночь.

Чувствительность возвращалась, и щека под косметическими чарами начала ныть. Но это была не самая главная моя проблема. Я осторожно поерзала на стуле... Варх Всемогущий! Определенно, не главная.

То ли у меня на хавранские кружева случилась аллергия, то ли это змейка куснула... Словом, кожа сильно ниже поясицы нестерпимо зачесалась. Прихватило так крепко, что я едва могла ровно усидеть на месте. Зуд нарастал с каждой минутой, пока Райс с учениками обсуждал ритуал, и сейчас я уже едва не подпрыгивала.

Вместе с зудом росло и беспокойство. Я бы сама себя осмотрела, но тут с какой стороны ни глянь... ракурс неудобный. И Граймс пропал, если верить ректору. Вот куда делся главный целитель, когда у меня все чешется?

– Сир... эмм... мужчина?

Тьма! Как в Хавране принято звать носатых магистров, внешностью напоминающих не то черных грикхов, не то дитя изнанки?

– Сидите тихо, Вивика, – раздраженно выдал Райс, заново перебирая розовые кристаллы. Принюхиваясь к ним и присматриваясь. – Сейчас я тут кого-нибудь убью, и мы вернемся к вашему вопросу...

– Просто Вика, – привстала, потирая свой пылающий... кхм. – У меня тут... кое-какая...

– Я занят! Сядьте и не отвлекайте.

– Да вы сама любезность, – пробубнила сердито, усаживаясь обратно мокрыми кружевами на холодный стул. – И заботливость...

О том, что приличным девушкам полагаются еще и платья, он, кажется, не помнил. Или делал вид. Или приличной девушкой иномирянку в кружевах не считал.

Я нервно покусала чужие пухлые губы, выданные мне вместе с маскировочными чарами, и покрутилась из стороны в сторону. Пытка вархова.

И ладно бы я точно знала, что дело в аллергии на хавранский «срам»... А так мне на ум пришел уже с десятков диагнозов разной степени комшарности. Вот правду говорят, что нет более «больных» людей, чем целители.

Щипало и покалывало ровно то самое место, которое... В общем, если оно чешется, это ничего хорошего не предвещает. И сулит неприятности. От одной мысли, сколько всякой нечисти могло водиться в том болоте, дурнело!

Кабинет Райса тоже не походил на диагностический. Хотя бы потому, что вместо голубых коек, обитых гладкой кожей, тут имелось открытое пространство для магических практик.

Стены с плакатами, рассказывающими о тварях изнанки, защищали блеклые радужные экраны. Магистр давно их не обновлял, и любой случайный пульсар мог вдребезги разбить заслон. Но судя по тому, что на экранах не было ни трещинки, ученики старались не промахиваться...

Райс преподавал «Обращение к темной стороне». Обучал студентов приемам самозащиты при встрече с изнаночной нечистью, а самых талантливых натаскивал до уровня маг-гвардейцев и королевских стражей.

Я слышала, что у него с Тьмой и ее детьми какие-то личные счеты, но никогда не спрашивала. В своих бы проблемах разобраться – куда мне чужие складировать?

Словом, ширмочки и нормального света для осмотра не хватало. Но любой целитель знает, что, ощутив подозрительные симптомы, нужно сразу же обращаться за помощью. Не затягивать в надежде, что само отвалится.

Кожа зудела нестерпимо, и этот непрекращающийся симптом прогнал остатки стыдливости. Хватит, не могу больше сидеть и украдкой почесываться!

Сегодня я всякого натерпелась. Щека горела после удара Кристиана, грудь заполнялась жаром смущения от воспоминаний о сцене на болоте. Растаявшая в «щупальцах» Райса серебряная змейка и вовсе повергала в ступор.

Все, чего мне сейчас хотелось, – это забраться под одеяло с головой и закрыть глаза. Даст Варх, завтра все окажется дурным сном. И еще... и еще хотелось, чтобы под рубашкой перестало чесаться, Имира меня прибери!

– Огхарреть! – ойкнула, как-то неудачно поелозив по стулу.

Кожу под кружевом будто кто-то... куснул? Мать Вархова...

– Мм? – Райс огрел меня беглым взглядом и отвернулся к пентаграмме.

– Офонареть, говорю... простите, что отвлекаю от... эм...

– Да что у вас такое, Вика-психиёлог? Столь неотложное?!

– Просто у меня тут...

Обычная диагностика, Лисси. Ничего внештатного. Ты не лежишь лицом в пол с порванной юбкой, а... допустим, проходишь осмотр у мрачного целителя. Очень, очень мрачного целителя.

Я набрала воздуха в грудь, резко встала, чуть приподняла подол безразмерной темной рубашки и послушно повернулась к магистру хавранскими кружевами.

Не стоило мне так трястись: вряд ли за эту ночь для сира Райса остались хоть какие-то секреты на моем теле. Радовало лишь одно – под маской «Вики» я чувствовала себя в безопасности. Мне-то какая разница, кто и что подумает о бесстыжей хавранке? Я – не я. И это придавало определенную смелость.

– И правда... огхарреть, – протянул Тонкин, за что получил шокирующим пульсаром с дальнего стола. От Килиры.

И по шее – совсем не магическим образом, от Райса.

– Отвернуться, живо! – с присвистом скомандовал магистр, но никто его не послушал. – Эти ваши... хавранские...

– Мм? – обернулась через плечо на мага, не торопившегося меня диагностировать.

– Нравы!

Райс резко развернул меня к себе и исполосовал ошалелым взглядом. Осматривая совершенно не то, что нужно.

– Вы что себе... позволяете? – выдохнул сипло, заталкивая меня в смежную подсобку, набитую магическим инвентарем.

– Я? А вы? – задохнулась от обвинений.

Впервые с момента моего прибытия в Анжарскую академию я обратилась к этому мужчине за помощью!

Он ведь сам ругал несколько часов назад, что лежала носом в пол и даже не пискнула, испугавшись предстать перед ним в неприглядном виде. Я хоть и не теоретик магии, но какие-то выводы сделала... Действительно, в некоторых моментах смущение лишь вредит. И о помощи надо просить открыто.

– При моих студентах... своим... поплавком...

– Чем? – нащупала рукой стену.

Ну тут и бардак! Почти такой же, как в моей личной жизни.

В подсобке было темно, и это намекало, что осматривать меня магистр не собирается. Разве что «щупальцами» ощупывать.

– Сир... Да мы ничего не видели! – выкрикнули с той стороны двери.

– Но еще бы посмотреть не отказались...

– М-мисс... В-вика, – процедил Райс, горячо дыша в мое лицо. – Вас что-то беспокоит?

– Беспокоит, – кивнула согласно, сожалея, что он не Граймс и вряд ли сможет нормально продиагностировать.

Зато это будет не смертельно. Тоже плюс... Словом, из двух зол не выбирают.

– Меня тоже... начинает, – признался магистр, подпирая спиной дверь, за которой толпились сопящие ученики.

– Сир Райс, нам уже можно идти? Принудительная ампутация мозгов отменяется?

– Переносится, – выдал недовольно. – Я вас уведомлю о дате и месте. Идите.

Кабинет наполнил шумный топот, дверь хлопнула, и на плечи улеглась тишина. Вальяжная, теплая, смущающая.

– Что вам от меня нужно, исчадие изнанки? – допытывался Райс устало.

– Мне нужно, чтобы вы меня осмотрели, – объяснила я максимально строго.

Мы оба взрослые люди. А тут, может, вопрос жизни и смерти. Моей. Если это не аллергия, а укусы серебряной змейки, требующий противоядия, счет может идти на минуты.

– Да я уже посмотрелся, право слово, – Райс закатил глаза.

Вечная история с начала Звездносвода: когда целителю самому нужна помощь, оказать ее некому.

– Понятия не имею, кто водится на ваших болотах, с-сир, – протянула с угрозой. – И в траве, на которую вы меня так бестактно швырнули. Но теперь у меня *там* все щиплется.

– Щиплется?

– Щиплется!

– А вот так? – шикнул разъяренно, забираясь лапой под рубашку. – Щиплется?

– Так вы щиплете! – просопела сердито, вытряхивая его пальцы из-под подола. – Не смейте. А до вас оно само.

– Показывайте, – устало выдохнул Райс, отступая на шаг и спиной открывая дверь.

Ну Варховы же благословенные небеса!

Я снова приподняла рубашку и повернулась к нему кружевами. Это просто врачебный осмотр, Лисси... И не надо так сжиматься. Может, вообще ординарная аллергия на иномирские кружева, а ты уже переполошилась.

Я начала подмерзать, а Райс все не давал ответа. Продолжал усердно диагностировать, пока я нервно переминалась с ноги на ногу. Нет, на нормальный осмотр это ни с какой стороны не походило.

– Ну что там? – поторопила темного мага. – Очень плохо?

– Очень, – выдавил из себя Райс и закашлялся.

Прямо задохнулся в свой кулак, сотрясая стены грохотом.

– Кому плохо? – обернулась с недоверием через плечо.

– Мне. А у вас обычное раздражение. Видно, в болоте прицепилась пара плотоядных пиявок. А кожа больно нежная и к такому не привыкла. Ничего страшного, они уже оторвались.

Ничего страшного? Оторвались?

Я отпустила рубашку и зажала рот рукой. Без паники. Без... паники...

Будет не слишком культурно верещать на весь кабинет. Да и глупо, если по-честному. Лисси большая девочка, опытная целительница, чего только она не видела в Тарлине на ночных дежурствах... Да и здесь, в академии, всякое приносили с полигона. Студенты обожали друг над другом гадко подшучивать.

Алисса Лонгвуд не боится пиявок. И змей. А то, что трясется, как лист плакучей гавы, так это подмерзла просто.

– Прекращайте трястись. Обычные пиявки. Я этой дряни по десятку с себя снимаю каждый вечер, – брезгливо выдал Райс, растирая раскрасневшееся лицо. – Не исчадие мрака, не тварь из разрыва, не дикая вирра...

– Я не люблю пиявок, – призналась шепотом, кутаясь в его рубашку. – И змей не люблю.

– Вика...

– А? – подняла глаза на магистра.

– Пойдемте спать.

Я редко к нему присматривалась. Черная, хмурая аура, которую я не видела, но тем не менее ощущала, подавляла. Темная энергетика заставляла отшатываться и опускать глаза, когда мы сталкивались с ним в коридоре. Я с трудом выносила его прямой, тяжелый, пронизательный взгляд, даже в минуты дежурств.

Может, Райс и не на всех так влиял, а лишь на меня, потому что каждым словом источал свою неприязнь и острое желание отгородиться. Но сейчас будто бы что-то изменилось. То ли дело было в интересе, которым горели темно-карие глаза с сияющей воронкой Тьмы внутри. То ли он перестал на меня смотреть, как обычно на Алиссу Лонгвуд, беззаботно подпустив поближе.

Я бегло обвела взглядом точеный профиль. Чуть вытянутый овал лица, резко очерченный подбородок и ломанную линию разбитых губ. Хмурые брови, графичными угловатыми штрихами разлетающиеся в стороны, выдающийся породистый нос с горбинкой.

– Утром я добуду какую-нибудь мазь, – резко выдохнул Райс и отвернулся. – А в обед мисс Донован поедет с бумагами в Хитану. Путь неблизкий, но она плохо переносит воздушный транспорт, так что будет вам компания до самой сиятельной столицы. Передаст вас, Вика из Хавраны, лично в центр. Оттуда попадете домой.

Он за локоть потянул меня за собой. Обратно в спальню.

– Ладно, – пожала плечом, отгоняя подальше ощущение, что так легко это все не закончится.

Глава 8

Очнулась я от тяжелого взгляда, магической наковальной прибывающего меня к подушке. Взгляд этот принадлежал темному магистру. Как и подушка, судя по идущему от нее аромату.

– Уже полдень, Вика-психиёлог, – насмешливо уведомил меня Райс, когда я заспанно поморщилась, потянулась... и с обиженным стоном затащила одеяло повыше.

Радовало одно: волосы, буйной волной расстелившиеся по темной наволочке, все еще были светлыми.

– Как полдень? – я поморгала глазами, не желавшими нормально открыться.

Чуть было не бросилась вниз, в целительский корпус. У меня ведь дежурство! Сколько новых пациентов нападало в диагностическое за ночь весенних даров? Но вовремя опомнилась: мисс Лонгвуд покинула академию.

– Светило взобралось на макушку Звездносода, – словно маленькой пояснил Райс и кинул на стул чье-то светло-розовое платье. – Одевайтесь, Вивика. Вас ждет маг-вояжер, бумаги готовы, мисс Донован уже внизу. Ректор Джонас распорядился собрать вам в дорогу еды и питья, так что позавтракаете в пути.

Я приоткрыла рот... и решительно его «призакрыла». В пути так в пути. Где-то по академии бродит побитый Кристиан Вейрон, и чем быстрее я ее покину, тем для всех будет лучше.

Внизу у вояжера улыбалась мисс Донован, разгоняя от глаз лучистые морщинки. Радовалась она не мне, разумеется, а холостому магистру.

Лексия давно питала к нему интерес, это только слепой не замечал. Ну и еще Райс, который слабовидящего изображал так умело, что даже я верила.

– Кейр, вы подумали насчет бала? – женщина торопливо промокнула розовые губы салфеткой, стирая с них крошки.

– Я не посещаю балы, мисс Донован, – сухо отрапортовал Райс, запихивая меня на пассажирское сидение компактного вояжера. – Не

представляю, по какой причине должен сделать исключение в этот раз.

– Может, она все же есть? Причина? – лукаво улыбнулась Лексия, влезая следом за мной и раскладывая на диванчике папки с бумагами. Корзину с едой и кувшином поставила вниз, к нам в ноги. – Вы одиноки, я одинока... К чему глупые хороводы, магистр? Если вы согласитесь сопроводить меня на танцы, у меня будет больше причин торопиться сюда из Хитаны.

Я широко зевнула, все еще не придя в себя после жутковатой «побудки». В чужой спальне я давно не просыпалась, и сердце до сих пор бухало в груди.

– Вы не теряли никаких личных вещей в последнее время? – Райс пристально посмотрел на Лексию, отчего та местами порозовела и шмыгнула носом.

Она часто им шмыгала, имея небольшую аллергию на книжную пыль. Это добавляло ее собранному образу растрепанности. В остальном же мисс Донован не допускала на себе беспорядка: темные волосы убирала в гладкий пучок, зачесывая каждую непослушную прядку.

Лексия работала ассистенткой при старике Мюблиуме. Правая рука, без которой профессор давно забыл бы, что у него вообще бывают лекции в академии. Она и материалы для него собирала в библиотеке, и план составляла, и работы учеников проверяла... Но сама не преподавала и являлась младшим сотрудником. Мало заметным, но, как это обычно бывает с помощницами и секретарями, почти незаменимым.

Интересно, а мое отсутствие заметит кто-нибудь? Хотя бы Граймс?

– У меня пропал гребень. А что? – смущенно улыбнулась Лексия.

– И никаких новых ощущений с утра не появилось?

– Совершенно нет. Все как обычно, – она сдержанно отмахнулась и уложила папки с документами к себе на колени. Среди них, наверное, были и мои бумаги. Точнее, «Викины». – А с вами все в порядке, сир Райс?

– Я еще не разобрался.

Пожалуй, совсем «старой девой» я бы ее назвать не рискнула. Ей не было тридцати, а ровная кожа, чистые голубые глаза и не

отталкивающая внешность намекали, что и в сорок она будет выглядеть вполне привлекательно.

– А правду говорят, что вы лично нашли эту девушку на болотах? – ассистентка Мюблиума ткнула пальцем в меня, и я нервно схватилась за кольцо. – Прямо как исчадие изнанки?

– Вам ничего не угрожает, мисс Донован. Я лично проверил: щупалец у нее нет, – хмыкнул Райс и захлопнул дверцу вояжера.

Проводил меня странным взглядом, когда мы, качаясь из стороны в сторону, медленно отъезжали от академии. Я тоже безотрывно глазела в окно, пока хмурый магистр окончательно не пропал из виду.

Мы выбрались за ворота и потряслись по анжарским кочкам. Мисс Донован, скептически поджав губы, сидела напротив и молчала. «Вика из Хавраны» ее мало интересовала. Раз щупалец нет – то и ничего особенного.

Мы с ней были мало знакомы. Она почти все время проводила в библиотеке и в кабинете Мюблиума, иногда отчитывала студентов в коридорах за неподобающее поведение.

В диагностический кабинет она заходила нечасто, лишь когда нос совсем распухал от книжной пыли. Просила легкое снадобье, аккуратно заполняла форму и убегала по своим делам, которых у нее в академии был вояжер с тележкой.

– Позавтракаете сейчас или позже? – деловито уточнила сопровождающая.

– Попозже, – ответила со вздохом. Путь до Хитаны обещал занять целые сутки.

В спальне Райса я не успела привести себя в порядок, и теперь ощущала себя помятой и неопрятной. Пальцы сами начали выводить плетение быстрого омовения. Но я вовремя скомкала чары в кулаке и испуганно посмотрела на мисс Донован.

Хавранки не владеют магией! Значит, и мне нельзя. К счастью, Лексия наслаждалась зеленым пейзажем за окном.

Сколько я так продержусь? Без капли чар? Фффух... День-два, не больше.

Но главное, убраться подальше из академии – от Кристиана, проблем и Райса, так некстати гулявшего на болотах. А потом осторожно вернуться к Кольтам за новой личностью. Все-таки «Вика,

психиёлог» – не совсем то, что нужно. Я ведь не собираюсь по-настоящему переместиться в Хаврану? Или?..

А может, это тот самый шанс взять судьбу в свои руки, навести в жизни порядок и начать с чистого листа? Без привкуса боли и вины, без тоски по Тарлину и всему, что происходило в приемном покое. Без преследующих глаз Криса и воспоминаний о его тяжелом кулаке.

С бумагами Джонаса, что сейчас покоились на коленях Лексии, я буду вполне себе оформленной «иномирянкой». С правом на возврат в свой мир и портал, оплаченный за счет короны.

Если прошлое находит, приходится бежать еще дальше, так ведь? А дальше Анжара только дварфова впадина... и иные миры.

Хаврана? Хаврана... Но ведь в ней совсем нет магии, Лисси!

Кружева у меня уже не чесались: нежная кожа смирилась со знакомством с пиявками. Правда, я с утра еще разок себя ощупала, убеждаясь, что все болотные гады отвалились. И новых за ночь не приклеилось.

Зато теперь чесалось запястье! Чем дальше мы отъезжали от академии, тем сильнее.

К горлу подкатывал колючий комок, какой случается, когда охватывает тоска. Сердце щемило от чего-то невысказанного. Я прикусила губу, и слезы неожиданно брызнули из глаз.

– С вами все в порядке? – с долей участия поинтересовалась Лексия.

Да Варх меня разберет... Задыхаясь от прилива чувств, я нервно задрала рукав чужого розового платья.

Я, конечно, не главный целитель, но на дежурствах видела всякое. И проклятия, и чары вожделения, и последствия приема любовных зелий... И сейчас точно понимала: со мной происходит нечто нехорошее. Дурное.

По руке расползлась серебристая вязь, отдаленно напоминающая змеиные чешуйки. Она оплела запястье и двинулась наверх, к локтевому сгибу. Ажурный рисунок складывался в вензельки и, словно вьющееся растение, гибко полз выше и выше. Больно стискивая кожу и рождая самые гадкие предчувствия.

Я вдруг ясно поняла: умру, если уеду. Самым натуральным образом, не фигурально. Я просто не смогу покинуть Анжар.

– Остановите. Остановите, ради святого гхарра! – захлебываясь в слезах, заорала водителю.

Поймала удивленный взгляд мисс Донован. Ну да и к Варху... Не дождавшись, пока вояжер прекратит прыгать по кочкам, я вскочила с сидения и распахнула дверь. И неловко вывалилась наружу – прямо в руки подоспевшего Райса.

– Спасибо, что остановились, – тяжело дыша, прошептал магистр. Мокрый совершенно, запыхавшийся. – Бегать я умею, но не люблю.

Завалился со мной прямо в дорожную пыль и устало уложил голову на траву. Задыхаясь от удушающих чувств, я даже сползть с его груди не стала. Он крепко, отчаянно прижимал меня к себе, и от этого становилось немного легче.

Какого Варха вообще происходит?

– Тебе придется... немного задержаться тут... болотница-психиёлог... – прохрипел Райс, демонстрируя мне свою руку с задраным рукавом.

По ней тоже до самого локтя расползлась серебряная вязь.

Глава 9

Бережно свалив меня в дорожную пыль, магистр поднялся и отряхнулся. Сделал глубокий вдох, оценивающе прокатился взглядом по моему запястью. Проследил путь серебристой змейки-татуировки, убегающей под розовый рукав. И с обреченным стоном вновь подхватил меня на руки.

Сообщив разочарованной мисс Донован, что «попаданка попала сильнее, чем предполагалось», потащился обратно к академии. Вояжер медленно тронулся вперед, и я мазнула по нему прощальным взглядом. Поездка в Хитанский центр иномирянков откладывалась на неопределенный срок.

Покачиваясь в загребущих лапищах, я таращила на Райса глаза, но вырываться не спешила. В нынешнем состоянии я не то что сопротивляться не могла – даже рот открывала с трудом.

В вояжере было так плохо, что с ударом Кристиана не сравнится. Та боль была понятной, хоть и обидной. Как от падения или неприятного столкновения ночью с дверным косяком. Но вот эта... Сущий кошмар! Будто в кожу вгрызается сама бездна, обещая страшное.

Сейчас медленно наступало облегчение. Словно меня обкололи анестезирующими зельями, а внутрь влили снадобье «Мгновенной Эйфории». По коже щекотно расплзлась странная нега, и я уткнулась носом в теплую рубашку.

Боль из руки почти исчезла, серебряная гадость перестала стискивать запястье. Дыхание магистра тоже приходило в норму, и сердце его уже не колотилось так, что и хладнокровный Граймс напугался бы.

– Я выпущу. Попозже, – прохрипел Райс, опустив ко мне глаза.

Я поспешно кивнула. Да Варх с ним, я никуда не спешу! И даже к аромату эшерской как будто привыкать начинала. Но, может, тот просто выветрился, сменившись честным мужским потом, пока магистр бежал за вояжером.

По мрачной, сердито пыхтящей физиономии становилось ясно, что Райс нечасто так развлекается. Да и в болотах он бы предпочел

купаться пореже. И вообще ему ноша в виде меня видится тяжелой, неподъемной и нежеланной. Что, к слову, было справедливо и во многом взаимно...

Сознание все еще бултыхалось в дурноте, и черные глаза множились сотней осуждающих пятен. Они словно говорили, что это я, не уследив за порядком в жизни собственной, и в бытие магистра принесла форменный хаос.

Аромат лепестков филии, круживших вокруг нас, смешивался с запахом мужского пота в странный букет. И я, испытывая нездоровую тягу к этому сочетанию, делала жадные вдохи.

Грудь моя порывисто вздымалась, соприкасаясь с телом магистра. Отчего последний заимел столь мученический вид, что хотелось соскочить с его рук и пойти в Хитану пешком.

Я не просила себя спасти! Не просила читать нотации и смотреть с укором в целительском отделении. Так, словно он не понимал, как трудно на самом деле позвать на помощь. Особенно такого человека, как Райс. Это только кажется, что легко.

И вытаскивать из болота, в которое вляпалась по собственной глупости, не просила! И в кровать свою тащить, и одеялом накрывать, и...

Ладно, да, осматривать просила. И сбежавшую змейку ловить – тоже.

– Дышите, Вика, вирра вас задери! – тряхнул Райс сердито, и я снова сделала жадный вдох.

– Почему оно так болело? – поерзала в его руках. – У вас ведь тоже болело, да?

– Да.

Сейчас его фирменная немногословность почти не раздражала. Уж лучше так, чем снова обвинениями сыпать.

– Что это вообще такое? – кивнула на закатанный рукав.

Ох, не того я спрашивала. Райс не целитель и не умеет ставить магические диагнозы. А случай тут явно запущенный...

– Очередная варховщина, Вивика из Хавраны, – фыркнул раздраженно. – Как знал, что ты не находка! Не находка...

Усадив меня на траву перед академией, неподалеку от полигона, Райс распрямился и opravил на себе рубашку.

– Сиди тут. Я скоро вернусь, – пообещал, выбирая направление для побега. – Мне нужно проконсультироваться с одним целителем, который потерялся. Но, надеюсь, уже нашелся.

Голова кружилась, и территория академии кружилась вместе с ней. Комплекс, увенчанный башнями на вершинах крыльев-корпусов, с растянутыми между ними паутинками воздушных переходов, казался с этого ракурса особенно огромным, внушительным.

Позади меня начиналась территория полигона, защищенная экранами. А за ней простирался лесок со знакомым болотом, в которое я во всех смыслах вляпалась по самые уши.

И чем дальше уходил Райс, тем явственнее я ощущала глубину своего «попадания»...

Кейр Райс

Каждый шаг давался с трудом. Будто кто привязал к ботинкам невидимые булжники, и те тащились за Райсом по пяткам. В горле стояла муть, перед глазами мельтешила изрезанная на сотню мошек Тьма.

Пошатываясь и приваливаясь к фонарным столбам, магистр обогнул главный корпус и направился к отдельно стоящим домикам. В одном из них обитал Альвар Граймс, при всей своей язвительности – лучший целитель в Анжаре. А может, и в Эррене.

Райс давно смирился, что магическая медицина ему почти не помогает. Что с откатами приходится бороться нетрадиционными и не всегда пристойными методами. Но то, с чем он столкнулся сейчас... Пожалуй, все же требовало консультации.

Он до сих пор чувствовал себя дурно. Вот с самого массажа Маути, набившего его живот раскаленными кирпичами, и с обнаружения кружевного поплавка и чувствовал...

– Вархова бездна, что с вашим носом, Райс? – на пороге застряло заспанное лицо Граймса.

Не так далеко потерялся док, как рассчитывал Джонас.

– Уймитесь... и уберите от меня... эти ваши... – зажмурился магистр, отмахиваясь от целителя, задумавшего очередную диагностику.

Едва проснувшись Граймсу в руки лучше не даваться, это всякий студент знает. А Кейр и без того еле пережил эту ночь. И утро.

И... последний час выдался особо паршивым, мда.

– Эти наши? – возмутился док. – Вы разве не за помощью явились в такую рань? На мою личную территорию, между прочим... называемую домом...

– Уже давно не «рань», Альвар, – прохрипел магистр, глазами указывая на сияющий Звездносвод.

Граймс вынуждал топтаться на пороге, не выказывая ни малейшего желания пригласить гостя в дом.

– И что же привело вас в такую не-рань ко мне на лужайку, мой драгоценный? – язвительно протянул целитель, украдкой расправляя в пальцах очередной золотой пульсар.

Ну нет, добровольно Райс на это не пойдет! Вчерашнего «массажа» от рыжей беглянки за глаза хватило.

– Одна квахарка ночью вывалилась в наше болото... – безотрывно следя за длинными пальцами Альвара, пробормотал магистр. И, едва они прищелкнули, увернулся от сброшенного плетения влево.

– На болотах водятся исключительно крикетки, – едко процедил Граймс, озираясь по сторонам. – А квахаркам место на насестах анжарских ферм, разве не так? Давайте еще разок, Кейр. Так кто вывалился?

– Девица полуголая в кружевном сраме. Иномирянка, – отмахнулся Райс и отступил на шаг назад. Подальше от настырных пальцев, выводящих новую ажурную вязь целительных рун.

Внутри дома привиделось шевеление, и магистр бросил быстрый взгляд на лестницу. Секунды хватило, чтобы приметить две в ужасе отпрыгнувшие коленки. И пучок знакомых русых «квахаров», скрывшийся за дверью спальни.

В гудящую голову стали закрадываться самые безрадостные мысли. Что, если ритуал бездарей-природников, призывающий чувства, все-таки удался?

Иных причин для «квахаров», прячущихся в спальне Граймса, Райс не находил. Лохматая голова могла принадлежать только Эльзе Хендрик, но они с Альваром на дух друг друга не переносят... Поправка: еще вчера не переносили. И Хитанская «любовь» Алиссы заявила ночью в палату совершенно некстати...

Но Кейр, слава гхаррам, никакой внезапной тяги к мисс Донован не ощущал. Хоть та и перешла нынешним утром все границы

приличий, в открытую заявив о своем интересе. Весьма неуместном в его случае. Да и не покидало зудящее предчувствие, что студенты в пентаграмме что-то напутали.

– Полагаю, портал не был спонтанным, – запястье под опущенным рукавом неприятно зудело, напоминая об истинной причине визита к негостеприимному доку.

– Полагаете? Слушаю внимательно, – скрипуче выдал тот, морщась в высшей степени недружелюбно. – Вам комфортно на лужайке?

– С гостеприимством у нас с вами одинаковые проблемы, – отмахнулся магистр.

– Вы уже догадались о причинах моей бестактности. Так что вас беспокоит?

– Мои бездари проводили на тех болотах ритуал. Виззарийский, древний. По, гхарр их задери, наитию! – Райс протоптал аккуратную дорожку перед порогом и, вздохнув, пояснил: – Любовная магия, призыв чувств. Ничего умнее им в голову в ночь даров не пришло, естественно...

– Естественно, – согласился целитель. – И?

– В пентаграмме лежало преподавательское барахло, – мрачно пробубнил, засучивая черный рукав. – Часы, заколки, гребни... Мои смертники задумали шутку. Но сегодня утром стало решительно не до смеха.

– Да ну? А то вы у нас обычно весельчак, каких поискать, – едко рассмеялся целитель.

– Час назад я посадил выпавшую из портала девицу в вояжер до Хитаны. И, представьте себе, вдруг понял, что не могу ее отпустить!

– Как романтично, – профыркал Граймс, выбираясь на газон и запирая дверь. Раздраженно отмахнулся от прилипчивых розовых лепестков.

– Нет, Альвар. Вы не поняли, никакой романтики. Действительно не могу! – рыкнул на рассеянного целителя. – Помру, если отпущу девчонку. Сразу это понял.

– Как поняли, если не секрет?

Усталый взгляд так и просил кулака. Но Райс уже «намахался» на полжизни вперед, хватит.

– Да примерно так, – он резко отдернул рубашку до локтя и продемонстрировал изрезанную серебряными завитками кожу. – Когда помирать стал у гхарровых ворот, вот так сразу и понял!

– А, да... так до всякого дойдет, – покивал Граймс задумчиво. – Даже до сухаря вроде вас. Но раз вы живы и, несмотря на некоторую помятость и зеленоватый оттенок, вполне функционируете... Пойдемте посмотреть на вашу находку?

– Это не находка, – проворчал Кейр и нервно махнул в сторону полигона.

На травке перед защитным экраном лежала светловолосая девица в розовом шелке. И не шевелилась. Она что, вот именно сейчас решила поспать?

Райс опасно пошатнулся, запнулся о камень. Уже практически смирившись с неминуемым падением носом в траву, вдруг ощутил на своем локте твердую руку Граймса.

– Аккуратнее, Кейр. Обопритесь на меня и не спешите. Судя по полной обездвиженности, ваша находка за эти несколько минут никуда не потеряется, – ворчливо предложил док, и Райс с тяжелым вздохом воспользовался его помощью.

Последствия отката должны были к утру исчезнуть. Но то, что творилось сейчас с ним – более чем крепким магом, – не выдерживало никакой критики! Словно клей внутри иссох, и Кейр стремительно разваливался на составные части. А ведь ему всего тридцать семь...

– Так, осторожнее, присядьте, – запыхавшись от тяжелой ноши, предложил Альвар и опустил магистра на влажную землю.

Брюки от росы мгновенно намокли, но им, видит Тьма, не привыкать. Райс осоловело сунул руки в сырую траву и умыл лицо. Отряхнулся, пытаясь взбодриться. Почесал сгиб локтя, опоясанный серебром татуировки.

«Змейка» ползла все выше, спиралью перебираясь с предплечья на плечо. Длинная, тонкая, словно кожура, снятая в один прием с анжарского альта-цитрона.

– Какого гхарра, док? – поймал целителя в мутноватый фокус.

– Дрянной артефакт вам попался, Кейр, – сглотнул Граймс, уходя от взгляда. – Поднимайтесь и пойдете. Как доползем до вашей болотной находки, станет полегче.

– Да ну?! – хмыкнул магистр, которому от соседства голубоглазой кружевной проблемы только хуже делалось.

Полночи ерзал в кресле, посматривая украдкой, как светлые волны волос застилают его темную подушку. Намеренно с утра притащил ей платье раздражающего розового оттенка, чтобы глаза глядели в другую сторону.

Но нет, ни гхарра не помогло. Воспоминания о кружевной «диагностике» в чулане так и не выветрились.

– Надо бы еще ритуал откатить, – бубнил Райс, тяжело переставляя ноги. – Правда, я не успел понять, с чем мои бездари допустили ошибку...

– Давайте решать проблемы по порядку, – закатил глаза Граймс, сваливая магистра на траву перед полигоном.

Пальцев коснулась розовая шелковистая ткань. Повернув голову, Райс нашел взглядом бледное личико хавранки. Она валялась на земле совершенно без чувств, тоже по локоть увитая серебряной змейкой.

– Так я и думал, – сосредоточенно пыхтел док, осматривая девицу. – Ну что же вы ее бросили тут? Так надолго одну оставили! Почему с собой не взяли?

– Альвар...

– Все-то вас учить надо, сир Райс! – покачал головой с осуждением. – Теперь давайте, спасайте, пока она другим путем в изначальный мир не вернулась. Нежелательным.

– Тут вы целитель, Граймс, – напомнил, озадаченно приподнимаясь на локтях.

– А моя магия тут не работает, драгоценный! – ехидно прикрикнул док. – Давайте, давайте... Погладьте, потрогайте, пощупайте. Можете поцеловать, пока не очнулась. Я никому не расскажу.

– Альвар, я и без ваших шуток не в духе, – Райс засучил и второй рукав, на случай вероятной драки.

– Виззарийские привязки – они такие... На тепло откликаются, – пожал плечами док и с совершенно невозмутимым видом уселся напротив. И демонстративно отставил чемоданчик в сторону.

– Вас гхарр копытом стукнул, Граймс?

– Я этим утром совершенно стукнутый, что есть то есть... – согласился тот. – Существует вероятность, что вы оба весьма неудачно

схватились за брачный артефакт. Судя по мудреной вязи на вашей коже, это виззарийская привязка.

Райс резко сел. До варховых звезд в глазах.

Не слишком ли много в его жизни появилось виззарийского? И, до кучи, хавранского кружевного?

– Какой, к гхаррам, брачный...

– Вы ничего странного не держали в руках в последнее время? – перебил док, насмешливо хлопая глазами. Издевался.

– Квахарку эту держал! – фыркнул Райс, осторожно оправляя розовый рукав на тонкой белой руке. И едва касаясь пальцем кожи. Разрядов, бивших в ладонь, пытался не замечать. – За ее... эту, – потер лицо, изгоняя из головы кружевное видение, – за руку.

– А еще?

– На ней был браслет, – признался магистр, путаясь в самых разных мыслях. Местами неприличных. – Необычная магия: оживший металл, и довольно юркий... Мне померещилось, что змейка подмигнула, прежде чем раствориться в кулаке.

– Древние виззарийцы использовали похожие привязки как часть приворотного обряда. А также в церемониальной брачной магии, – Граймс почесал висок и уставился на магистра. С предвкушением ожидая, что тот вот-вот начнет «гладить, трогать и щупать». – Но точнее я не скажу, я мало изучал артефакторику. Вам бы со специалистом-историком поговорить...

– Мне бы до кабинета дойти. Для начала. И убить природников по очереди, начиная с Тонкина... – прорычал негромко Райс. – Какого, к гхаррам, приворотного?

– Страдающим от неразделенной любви вы не выглядите. А где привязалось, там и отвязать можно, не паникуйте, – с усмешкой отмахнулся целитель. – Так дурно вам, потому что невидимая ниточка слишком сильно натянулась и чуть не оборвалась. Объяснить, что будет, если порвется?

– Обойдусь, – ворчливо выдал Кейр, ощутивее проводя пальцем по белой коже. Шелковистой до безобразия. – Вархова проблема... Я рассчитывал вернуть ее домой. Джонас оформил бумаги, я даже в вояжер ее запихнул!

– Соболезную, – без капли искренности процедил Граймс, витавший далеко в своих мыслях. – Ни о поездке в Хитану, ни о

возвращении в Хаврану не может идти речи. Это, знаете ли, драгоценный мой, убьет вас обоих, если не снять артефакторную привязку.

– Снимайте.

– Я похож на виззарийца? – язвительно уточнил Граймс и ткнул пальцем себе в середину лба, где, по преданиям, должен был располагаться третий глаз. Но имелись только две продольные морщины.

– Чудесно. Просто чудесно. «За-ши-бись».

– Пока не придумаем, как снять, старайтесь далеко не отходить от «находки», – Граймс даже не пытался скрыть ехидства. – Если потеряется, вам же хуже. Будете ползать по академии дряхлым гхарром с перебитым копытом.

– На болота мне тоже с ней под ручку прогуливаться, разрывы штопать? – прорычал магистр, подгребая бесчувственное тело в розовых тряпках поближе и затаскивая к себе на колени.

Едва кружевная проблема оказалась прижатой к его груди, стало и впрямь полегче. Легкие расправились, заработали активно, насыщаясь душистым анжарским воздухом.

И еще странно знакомым запахом, идущим от светлых волос. Сладким, сливовым... словно хавранка была любительницей варенья и использовала его вместо мыла.

– А может, вам взять отпуск, Райс? – док развел руками. – Запереться в этом вашем жутком логове, замотаться, знаете ли, в одеяло... Это, верите, не так и плохо, как думается со стороны...

– А вы, я смотрю, сначала на себе все методики пробуете и лишь потом пациентам рекомендуете? – Кейр насмешливо кивнул на очертания дома Граймса, который ровно в этот момент покидала растрепанная Эльза Хендрик.

До чего занятная ночь все же... И что пошло не так с варховым «шуточным» ритуалом?

– А вот это, сир Райс, совершенно не ваше дело!

Глава 10

Алисса Лонгвуд

Меня гладили по щекам, и сознание, брыкаясь в вате, медленно выползло на поверхность. Я открыла глаза, увидела выдающийся нос Райса, улыбнулась счастливо... Помрачнела, закашлялась и резко села. Привидится же!

Я точно помнила, что отключилась на траве перед полигоном. Свалилась в магический обморок, корчась от резкой боли в руке.

Но теперь в нос проникал знакомый аромат логова Райса, которому любой целитель прописал бы трехчасовые воздушные ванны. Не Райсу – логову. Я клятвенно пообещала себе, что если выживу, первым делом займусь проветриванием.

С обреченным стоном я подтянула к глазам руку. Убедилась, что на пальце все еще сверкает зеленый самаруд, а на запястье – вьется серебряная змейка. И без сил уронила ладонь обратно.

Сквозь вату мыслей пробивался ускользающий голос моего начальника. Граймс что-то говорил о том, что мы с жутким магистром связаны виззарийским артефактом. Что нам нельзя далеко друг от друга отходить. А еще – что Райс может меня поцеловать, пока я валяюсь в отключке, и док об этом никому не расскажет!

С возмущением ощупала губы, пытаюсь понять, воспользовался магистр предложением или предпочел бы ведро пиявок? Надо признать, целительские методики у Граймса весьма и весьма... «экспериментальные».

Сам магистр уже поднялся с кровати и теперь шуршал чем-то у высокого шкафа, старательно отводя от меня взгляд. Потом звякал, потом булькал...

В Анжаре полдень, а он уже за эшерскую! А потом этот мужчина попрекает меня тем, что сбегая от неприятностей?

– Где вы взяли вархов браслет, мисс... Вика, психиёлог? – он упал в кресло напротив кровати, приложил к поджатым губам наполненный стакан и уронил на меня взгляд. Черный и тяжелый, что кирпич.

– У подруги, – выдавила из себя, угрюмым розовым облачком восседая на смятой темной простыне.

Не подозревала я в мрачном любителе всякой Тьмы страсти к конфетным оттенкам... Хотя этой комнате не помешает порция ярких пятен.

– И?

– Я примеряла ее украшения, – добавила, строго дозируя информацию, – и внезапно переместилась в ваше... кхм... озеро.

– Называйте вещи своими именами. В болото, – взгляд стал острее.

Черные зрачки требовали правды, и рот уже приоткрылся, чтобы выпалить, что никакая я не Вика. И весьма смутно представляю, чем занимаются психиёлоги. Вряд ли ведь только тяжелыми предметами орудуют?

Но сегодня был плохой день для запоздалых признаний. Райсу не следует знать, кому принадлежал кружевной зад, щедро облапанный им и осмотренный. Нам обоим будет лучше, если «болотная» правда никогда не всплывет на поверхность.

– И откуда у вашей подруги из немагического мира взялся древний визарийский брачный артефакт? – он подался на кресле вперед, и я по привычке отшатнулась.

– Брачный?

– Брачный, брачный, – покивал сурово, с жутковатым аппетитом впитывая мою панику. – Хотя у Граймса была версия с приворотным...

– Еще хуже!

Но Граймс тот еще артефактор и знаток брачной магии... Я бы ему в таких вопросах не доверяла. Это все же не ампутация мозгов.

– Я приворотного эффекта не ощущаю, – Райс поморщился и с силой потер живот. – А вы не чувствуете ничего странного, В-вика?

– Вы серьезно? – вскочила с его мятого, но весьма широкого «ложа» и сунула под внушительный нос руку, исчерканную серебряным узором.

Такого я не то что в Тарлинской лечебнице не видела... Вообще нигде! Даже в книжках!

– Вполне, – кивнул сосредоточенно.

– У меня скорее «отворотный», – пропыхла сердито.

– Прекрасно. Тогда давайте по порядку. Как вы, гхарр подери, оказались в моем болоте в этих... своих... кружевах?

Черные глаза высверлили во мне два отверстия. Как раз в районе верхнего кружева. И прицел медленно пополз в сторону нижнего.

Я набрала воздуха в грудь. Болото, между прочим, общее, несмотря на то, что магистр там в последние ночи буквально поселился. Самое подходящее ему место, если начистоту. Уединенное, темное и пахучее.

– Я ночевала у подруги. Она беременна и... неважно, – оборвала мысль и направилась к следующей. – Ее муж часто путешествует и привозит из странствий... Неважно. Всякое привозит. И мы примеряли...

В черном взгляде мелькнул плотоядный интерес, и я на всякий случай оправила розовую юбку. Она не просвечивает, нет?

– Ладно, только я примеряла! – закатила глаза, нервно вышагивая по спальне. Раздула щеки анжарской квакшей, подбирая слова. – Мне было нужно, у меня порвалось... Неважно.

Развернулась у шкафа и поняла, что он все это время цепко следил за моими перемещениями.

– В Хавране есть платья, – зачем-то сообщила угрюмому магу. – И медицина, и летающие суда с крыльями, и машины, и метро...

– Метро?

– Это такие длинные вояжеры, путешествующие по изнанке бытия, ясно? И с нравами там тоже все в порядке!

– Я вчера заметил. Во время осмотра, – проворчал в сторону. – А артефакты из древней Виззары в Хавране продаются прямо в ювелирных магазинах или надо искать на черном рынке?

Густой голос сочился издевкой. Мне хотелось быть благодарной магистру за всякого рода помощь, но... Видит Варх, в случае Райса это было непросто.

Грудь вскипала, щеки пылали от стыда. Все, чего желала сейчас – важно задрать нос и усадить Райса заполнять какую-нибудь форму. Чтобы опустил свой жуткий, пронизывающий, временами насмешливый взгляд на бумагу и перестал меня им терзать.

– Я даже не знаю, что такое эта ваша «Виззара»! – фыркнула, почти не привирая.

Это Софи с некоторых пор обожает истории о других мирах. Я же, напротив, забросила книги и с головой ушла в работу. Это моя персональная анестезия. Когда после дежурства отваливаются руки,

ноги и саквояж, времени думать о всяких женатых хирургах не остается.

– Виззара – это древний мир, подкинувший нам с вами проблем.

– То украшение из *моего* мира. Из Хавраны. Откуда бы ему еще быть? – пробормотала путанно, потирая запястье.

Грегори ведь *туда* летал, верно? Значит, все, что привез – оттуда. Вполне рабочая логика, хотя я и сама уже сомневалась.

Возможно ли, что в подарках для Софи виззарийская змейка оказалась случайно? Или, что хуже, намеренно?

Но Кольт всегда осторожен во всем, что касается беременной супруги. Он бы сотню раз проверил сувениры на предмет сильных чар и убрал любые опасные вещи. Как истинная простачка, Софи умеет израниться даже о тупые предметы и упасть на ровном месте.

Разве что кто-то другой подложил браслет, когда Грегори отвлекся? Но, Имира меня прибереги, зачем? К чему брачный артефакт в супружеской спальне?

Так или иначе, а змейка досталась мне. Вместе с варховым Райсом, привязавшимся так, что ни гхарра не отвязывается!

– А это? – он тоже встал и, схватив меня за руку, потянул с пальца кольцо.

– Это мое. Не троньте.

– Я верну, – коварно пообещал магистр. – Этот камень... Он похож на анжарский самаруд... Как и глаз той змеи, вы не находите?

– Теперь уже и не проверить, – выдернула руку, сжала в кулачок и упрямо завела за спину.

Несколько секунд Райс молча буравил меня глазами, а потом резко отвернулся. И я с облегчением выдохнула, поправляя перстенок. Который с меня чуть не сняли! Еще немного – и позора бы было не миновать.

– Мне нужно посетить ректора. Лично и без «болотных» свидетелей. У меня некоторые проблемы... Помимо тебя, – туманно объяснил магистр, в который раз переходя на «ты». – Приляг на случай очередного обморока.

– Но если вы сами упадете?

– Значит, мне же хуже, – он передернул плечами и направился к двери.

– А разве не должны вы...

– Что должен?

– Не знаю! – всплеснула руками, присаживаясь на постель. За сегодня я уже нападалась, и хавранские кружева стремились найти опору. – Сидеть и придумывать способ, как свести с кожи эту татуировку. Искать того, кто знает, как вам от меня отвязаться. Орать на студентов, укравших ваши часы и мою... и все те вещи...

– Для начала я должен выспаться, – хмуро перебил Райс. – И решить вопрос со своим трудоустройством. Если «выдающийся хирург» добился моего увольнения, нам придется перебираться в деревню.

– Нам?

– Мне и одной варховой проблеме, свалившейся на мою голову из портала, – процедил по слогам так, что и до тугодумной хавранки дошло бы.

Я охнула, все явственнее ощущая глубину своего болотного попадания. В смысле «перебираться в деревню»? С ним?!

У хозяйки съемной комнаты в Тарлине была неплохая библиотека, и мы с Софи и Мег часто брали легкое чтиво на ночь. Сказы, легенды, мифы доварховых времен... В одной из детских книжек описывалось занятное существо с двумя головами, но всего одним набором конечностей. Кажется, оно звалось «чивари».

С одной стороны у него была белая лисья мордочка, аккуратная и любопытная. И, видит Варх, крайне чистоплотная. С другой – грубая волчья морда, покрытая черной (наверняка грязной) длинной шерстью... «Лисичка» все время норовила искать приключения, а ее верный спутник уперто тянул в свою сторону – в берлогу и темноту.

Вот сейчас я ощущала себя этаким половинкой от «чивари», стремящейся к светлому будущему. Без женатых хирургов и укоряющих черных глаз. Но намертво привязанной к мрачному мужчине, не желающему моей компании.

– Думаю, если не покидать корпус, нить не должна сильно натянуться, – задумчиво выдала моя «вторая половина».

– Думаете!

– Хочешь пойти со мной? – с издевательским вызовом уточнил магистр, и я остервенело потрясла волосами. Светлыми.

К ректору я нагулялась. К болотам, к целителям, к полигонам, к вояжерам... Видит Варх, единственное место, которое я сейчас

посетила бы с удовольствием – ванная. И туда я планировала сходить одна.

Поскольку никакими омывающими чарами я воспользоваться не могла (Райс непременно учуял бы остаточный магический след), грязь, налипшая на тело еще в болоте, становилась существенной проблемой.

Выданным полотенцем я вчера обтерлась наскоро и не тщательно, так что от кожи шел запах болотной тины. Он чувствовался даже сквозь надушенность чужого платья.

«Если не покидать корпус»... Прикидывая в голове варианты, я не услышала, как за Райсом захлопнулась дверь. Все мои мысли заняла горячая вода и душистая пена. Как бы только до нее добраться?

Самой удобной и привычной была душевая в целительском корпусе. Но, во-первых, расстояние между «крыльями» приличное. Во-вторых, пропуск младшего персонала остался в саквояже, а тот... Тот, вероятно, валяется там же, где мое порванное белье и уязвленное самолюбие. В супружеской спальне Кольтов.

Наверное, я могла бы взломать запирающие чары и проникнуть в купальню для магистров. Какие-то практические навыки у меня после пансиона имелись. Но если хавранку застанут за этим непристойным и, что прискорбно, магическим занятием... Тут же примутся искать щупальца. А мне и вчерашней «диагностики» хватило.

Миновав купальню магистров, я двинулась дальше по коридору. Из воздушной галереи, ведущей в целительский корпус, до меня долетел голос Вейрона. Кристиан что-то раздраженно втолковывал ректору. Про вояжеры, про водителя-анжарца, про мисс Лонгвуд...

Все внутри поджалось, щека обиженно заныла. И я, перебирая ногами ступени, побежала в спальное крыло учеников. Даже первокурсникам надо где-то смывать грязь после полигона.

У двери в студенческую душевую Заккари Тонкин беззаботно перешептывался с красноволосой подружкой. Словно единственной их проблемой был выбор нарядов на грядущий бал. Нет, все же зря Райс отложил ампутацию... И мозгами я бы не ограничилась, ей Варху!

Дождавшись, пока он и дэс Морган отойдут за поворот, я протиснулась в ванную комнату. С сожалением глянула на банный артефакт, требующий личную магкарту ученика... Совсем забыла об этом нюансе.

Чем выше была успеваемость, тем быстрее нагревалась вода и тем плотнее взбивалась пена. А за особые успехи в теории и практике студентам начислялись бонусные «мары», которое можно было потратить на всякие приятные мелочи.

На магический массаж горячими струями, на мыло с волшебной отдушкой, на шампунь, завивающий локоны или меняющий оттенок волос... На десерты в столовой, на доступ к «особым» полкам в библиотеке, даже на лишней выходной в середине учебной недели!

Мары можно было не только начислять, но и отнимать. За пари, за пакости на полигоне, за незаконные ритуалы и проклятия, за воровство зелий, за недосмотр за фамильярами... Так, я, по поручению Граймса, самолично снимала бонусы за каждый прогул магической диагностики.

Система поощрений в Анжарской академии работала отлично. Дай мне волю, я бы и кое-каких магистров штрафовала за вторжения в шкафчик с артефактами... И за аромат эшерской, и за взгляд тяжелый, отгоняющий на противоположную сторону коридора.

Но сейчас сама ощущала себя «оштрафованной». Студенты, у которых мары уходили в минус, вынуждены были купаться в холодной жесткой воде с использованием простого едкого мыла. У меня же не имелось не только маров, но и магкарты. И это сильно усложняло процесс мытья.

Проигнорировав мои мольбы, артефакт отказался закрывать дверь в душевую. Пришлось придвинуть к ней тяжелую скамью, а на ту взгромоздить стул. На ручку навесила совсем слабые, едва заметные оповещающие чары и легкое запирающее плетение. Если уж придерживаться легенды, то до конца.

Предплечье, опутанное змейкой-татуировкой, ныло. Намекало, что «ниточка» опасно натягивается с каждым шагом удаляющегося от меня Райса. Оставалось верить в благоразумие магистра и его обещание не покидать корпус. Технически я была не сильно дальше его ароматной берлоги: почти прямо под ней.

Не справившись с искушением, я сняла с пальца колечко Кольта и положила на полку перед зеркалом. Улыбнулась грустно настоящей себе, окончательно запутавшейся в личном бардаке. Провела ладонью по отражению, отмечая знакомые черты.

Рыжие волосы после болотного купания слиплись и высохли взлохмаченными волнами. С щеки сползли косметические чары, наложенные сиррой Терезой, и под глазом красовалось сине-багровое пятно. Кристиан себя не сдерживал. Если он и Райса лупил с такой силой...

Стянула розовое нечто в невообразимых рюшах и осталась при своем кружевном, изрядно просвечивающем. Но я уже сроднилась с весьма удобными хавранскими модами и втайне воздавала им уважение.

Кожа, казавшаяся слишком бледной, покрылась мурашками, в душевой было прохладно. Не спеша приступить к купанию, я разглядывала знакомую незнакомку. Все-таки это была я, Алисса Лонгвуд.

Без магкарты, подчиняющей банный артефакт, все приходилось делать вручную. Дотянувшись до вентиля под потолком, я пустила воду. Мать вархова... ледяную!

Заставить себя войти под холодный поток я не смогла, поэтому накинула на вентиль согревающее плетение. К гхаррам. Мой резерв был полон, магия из него буквально сочилась. Пока Райс не заметил беснующейся искры, нужно хоть немного спустить накопленную энергию. Да и глупо опять мерзнуть.

Давно я не ощущала внутри такой жажды к наложению чар. Как половина тарлинцев, я имела среднестатистические, умеренные способности. За утро в диагностическом кабинете обычно спускала половину резерва, а дальше тратила силы осторожнее. Кому хочется превратиться в мрачного магистра, шатающегося от стенки к стенке в попытке пережить магический откат?

Вода нагревалась медленно и была жестковатой, но после пансиона мэтра Сайлэ мне не привыкать к суровым условиям быта. Нацедив в пенный дырявый кувшин едкого мыла из общей банки, я сунула его под поток. Купальная чаша стала наполняться белыми пузырьками. Я осторожно стянула с себя хавранское кружево, уложила рядом с платьем и ступила ногами в мыльную, едва теплую воду.

Что ни говори, а это куда приятнее болота. Поток становился горячее, сознание уплывало от неги, и даже едкое щиплющееся мыло не раздражало. Я почти расслабилась, почти забыла о бедственном положении, в которое угодила... Но мне о нем жестоко напомнили.

Тошнота подкатила к горлу так резко, что я чуть пеной не захлебнулась. Серебро стянуло кожу, как если бы... Как если бы Райс стремительно двинулся совсем не в ту сторону, в которую надо.

Я была далековато от ректорской башни, но все же не настолько, насколько дом Граймса от полигона. Тогда какого?..

– Гхаррово копыто! – прошептала, выбираясь из скользкой мыльной чаши, вся в варховой пене.

Если магистр сойдет с точки, в которой он сейчас!..

Мысль не успела завершиться. Тело содрогнулось, в глазах стало темно. И ноги разъехались на мокром гладком камне, каким традиционно выкладывали полы в купальнях.

Падая, ухватилась за полку при зеркале. Но удержать равновесие не вышло, лишь колечко с тонким звоном скатилось в лужу.

– Не уходите... Не уходите... – хрипела в полубреду, чувствуя, что с каждым шагом магистра внутри что-то обрывается.

Каждым нервом ощущала: он шел не ко мне. Убегал прочь от варховой проблемы.

До чего больно, боги Эррена... Лежа щекой на мокром полу, я пальцами шлепала по пенной лужице, пытаюсь найти перстень. Нельзя, чтобы Алиссу Лонгвуд обнаружили в таком виде. В окружении розовых рюшей, белых пузырьков и мокрого хавранского кружева.

Странно, что в предсмертной агонии меня особо заботило то, что подумает Райс. Если увидит. И если все поймет. Ох, да не дай Варх мне остаться в сознании к тому моменту!

На мгновение стало чуть полегче. То ли от глупой улыбки, невольно коснувшейся губ. То ли от прохлады каменного пола. То ли оттого, что в дверь принялся с треском ломиться эшерский тролль.

Не видя ничего перед собой, я судорожно перебирала пальцами. Тьма! Да где же оно?

Дверь с жутким хрустом отворилась, раздался грохот переворачивающейся скамьи и отлетевшего стула. И ровно в тот момент палец удачно нырнул в кольцо.

– Да вы издеваетесь! – рявкнул на меня магистр, и почти тут же на мое мокрое тело приземлилось бескрайнее махровое полотенце.

Перебор с осмотрами вышел, соглашусь...

– Сир Райс, в вас совершенно нет диагностической жилки! – сокрушенно отметил Граймс, следом входя в купальню и склоняясь

над дрожащей мной. – Так, ми-и-илочка... Покажите ручку? Ага, ясно...

– Что вам ясно, Альвар, Варх вас приберит? – нервно рычал магистр, шлепая по мокрому полу, который уже в озеро начинал превращаться. Вентиль никто не спешил закрыть. – Я едва отошел от нее. Расстояние сильно меньше, чем утром.

– Видите эти ответвления? – скрипел целитель, покручивая моим запястьем в разные стороны. Я, что примечательно, так и лежала щекой в луже, разглядывая столпотворение черных мошек перед глазами. – Привязка пустила корни. Связь усилилась, и теперь...

– Такими темпами мне придется с ней в душ ходить?

– Вполне возможно, сир Райс... вполне возможно... – бубнил Граймс. – При всем желании сказать что-то язвительное, я вынужден сообщить, что это очень дурно. И перестает казаться смешным.

– А вам казалось? – Райс глухо закашлялся.

– Какое-то время, – не стал скрывать Альвар. – Привязка такой силы – это уязвимость. Инструмент влияния, орудие пыток... Способ лишить рассудка. Убить, искалечить. Будьте осторожнее, Кейр. Кто-то затеял опасную игру.

– Это была случайность.

– То-о-очно? – язвительно протянул док.

– Эй, вы как? Вика? – меня тщательно замотали в махровый кокон и затащили на знакомые колени. Я ткнулась носом в черную подмышку и засопела, притворяясь глухой. – Дышит.

– Да уж заметил, Райс, – насмешливо согласился Граймс. – Побудьте с ней. Хоть в луже, хоть еще где... Вам обоим на пользу. В целях восстановления. Тактильный контакт и...

– У меня лекция. И прочие неприятности.

– Отмените.

Так и видела, как док равнодушно пожимает плечами.

– Некоторые неприятности, Альвар, не отменяются по желанию!
И какой еще контакт?

– Обнимите, сухарь, – ерничал целитель. – По голове погладьте. Плечики помассируйте. И ей полегче, и вам приятно.

– Я бы поспорил.

И я бы тоже!

– Вы просто не пробовали, сир Райс... Вы просто не пробовали.

Глава 11

– Не лучшее время для приступа чистоплотности вы выбрали!

Заматывая меня в полотенце, Райс поминал всю известную нечисть. Я послушно стояла перед магистром, закусив губу и потирая мокрой пяткой о пятку.

Да кто бы еще меня чистоплотности учил... Он бы, понятно, предпочел, чтобы с него грязь сама отваливалась. В удобные для нее часы. И добровольно уползала обратно в болото.

– Я была такой грязной, что от себя противно, – пробубнила, отвернувшись от носатого мага. – Утром вы не оставили мне времени на умывание.

– Я не подумал, – признался Райс, – о ваших дамских потребностях.

Еще бы! Хавранки не имеют привычки мыть свои «щупальца», а также есть, пить и одевать что-то, кроме кружевного белья...

Последний мой прием пищи был ночью, у Кольтов. С тех пор во рту крошки не оказывалось, но в происходящей суматохе я умудрилась забыть о голоде. Он, впрочем, напомнил о себе грустным бульканьем в животе.

– Я сделаю вам пропуск, помоемся в ванной для старшего персонала. Она на этаже, – добавил магистр, выталкивая меня из студенческой душевой. Сам вернулся за моим... «приданным».

Ноги расползались, полотенце так и норовило скатиться на пол. С тяжелым вздохом Райс привычно подхватил меня на руки, в которых на этот раз оказалось теснее из-за свернутого розового платья.

– Знали бы вы, как дорого мне обходитесь... Вивика, психиёлог.

– Как вы меня нашли?

– Ну сначала я пошел не в ту сторону, – признался Райс, неуверенной походкой размечая углы коридора. – Но довольно быстро осознал свою ошибку. Думаю, вы этот момент тоже прочувствовали.

– Это невыносимо, – всхлипнула, имея в виду все разом. – Это надо прекратить!

– Совершенно согласен, – угрюмо покивал магистр.

Но ни гхарра не прекратил. И десять минут спустя я оказалась в исходной точке. В постели Райса, под его, Имира меня приберу, одеялом!

Все-таки Тереза Кольт очень метко высказалась насчет издевок судьбы. Бегу, бегу... и упорно оказываюсь на том же месте. Наваждение какое-то.

– Легче? – хмуро уточнил Райс, придвигая свое кресло ближе к кровати.

– Да, – сглотнула, поджимая пальцы на ногах от вопиющей неловкости. Мокрая кожа ощущала тепло варховых простыней, напоминая, что на мне сейчас нет даже кружева. – У вас из-за меня проблемы?

– Не из-за вас.

Из-за меня, из-за меня... Это он просто не в курсе.

Соседство этого мрачного экземпляра действовало на меня странным образом. Умиrotворяюще. По телу расползлась щекотная нега, в ладонку били сладкие разряды. Я бы решила, что он меня «Эйфорией» шарахнул, пока нес, но уточнять было неуместно. Да и не видела я плетения.

– Вас хотят уволить? – продолжала допытываться.

– Перехотят, – сощурился Райс, обратив глаза двумя узкими щелчками. – Вас это не касается... Вивика.

Еще как касается. И касалось. Всеми, чтоб Кристиану каждые «весенние дары» из окон летать, «щупальцами».

– Тот мужчина... с которым вы дрались...

– Он вам понравился?

– Упаси боги! Я слышала его голос в коридоре, он говорил о вас и... о какой-то девушке. Зло говорил. Неприятно.

– Этот убл... «мужчина» полон решимости найти одну беглянку, – объяснил сосредоточенно. – Опрашивает водителей вояжеров. Впрочем, если ее в детстве все же не стучал гхарр, я надеюсь, ей хватило ума...

– Мм?

– Убраться очень, очень далеко отсюда, – раздраженно выдохнул Райс, и я скосила глаза на серебряную привязку.

Одного «ума», видит Варх, для побега недостаточно.

– Куда вы?! – вскинулась на кровати, когда он поднялся с кресла.

– За едой и пропуском в купальни, – он поморщился и сбросил на спинку то самое розовое платье, мятое и влажное. Сверху небрежным жестом кинул хавранское белье, гхарр знает что забывшее у него в кармане. – Я пока морально не готов спускаться в столовую в вашей рюшечно-кружевной компании. А вы, Вивика, психиёлог...

– «Вика».

– ...лежите смирно. И никуда больше не убегайте.

Он вышел в коридор, а я недоуменно уставилась на замершую дверную ручку. Как беглянка Алисса Лонгвуд умудрилась стать пленницей? Намертво привязанной к темному магистру, обряженной в хавранские кружева и розовые рюши? Совсем не так я видела свое будущее, коротая ночи в тарлинском пансионе за «Целительством для чайников».

Утопая в неловкости и дурных предчувствиях, я вылезла из полотенца и натянула на себя первую попавшуюся рубашку Райса. Платью нужно было хорошенько просохнуть. А мне – забыть, как лежала лицом в луже, сверкая голым всем, лишь слегка припорошенным банной пеной.

Чтобы отвлечься от стыда, гревшего грудь, я принялась открывать шкафы и разглядывать полки. Нашла неучтенные залежи заряженных шариков-артефактов и батарею бутылок с эшерской.

Если он не пользуется обезболивающим по назначению, зачем с таким упорством таскает его из моего кабинета? И что за темный магистр, который сам себе не может помочь?

– «Не лу-у-учшее время для при-и-иступа чистопло-о-отности», – повторила ворчливо, растягивая гласные максимально комично. Предвкушая, что приступ чистоплотности у меня только подступает к активной фазе. И не факт, что вернувшийся магистр его переживет.

Рискуя ногтями, я дергала ручку в попытках открыть окно. Но створку заело намертво. Разделенные плотным стеклом, мы с лепестками филии посмотрели друг на друга... и горестно вздохнули. Без шансов.

Я отвернулась от розового облака и окинула поле деятельности. Я верила, что у всего есть причина. Но если судьба привязала меня к Райсу, чтобы я навела порядок в его жизни, то... Видит Варх, я тут застряла до угасания Звездновода.

Кандидатуру боги выбрали странную. Не то чтобы я была склонна к порядку. Хаос меня окружал всюду, кроме рабочего места. Софи убирала в нашей съемной комнатке и за меня, и за себя, аккуратно перетаскивая ворох платьев и целительских халатов со старого кресла обратно в шкаф.

Каждый из нас заботился друг о друге так, как умел. Я в ответ заряжала для нее артефакты, реставрировала магией порванные платья, подгоняла по размеру то, что мне временами дарила заведующая Тарлинской лечебницы.

Софи не имела внутри искры, и, как всякой пустышке, ей было трудно переносить окружающую магию. Поэтому я наполняла для подруги карманный камешек, защищающий от воздействия, чтобы она могла посещать места скопления чародеев, увешанных артефактами. Лечила ее синяки фирменными мазями. Как любая простачка, Велисофья часто падала в магические обмороки, если рядом случался взрыв темного топлива.

Благодаря Софи я хорошо знала, каково живется в Эррене без искры. И вполне могла сойти за «пустую», если бы захотела.

Я так и не сказала Райсу «спасибо» за полет Кристиана из окна. В первый момент испугалась, во второй... растерялась. А дальше уже защищалась от его укоряющего взгляда.

Теперь внутри меня зрело желание выразить благодарность. Целительской помощи он от хавранки не примет, да и не владеет «Вивика» ни лечебной магией, ни зельварением... Но простая забота – она и гхарру приятна, так? Наверное.

В своей «простой заботе» я, впрочем, увлеклась. Перешла черту. Сама это видела, разглядывая розовые простыни и наволочку, сменившие темное мятое нечто. Где-то я сбилась с курса, призванного улучшить жильё магистра...

Простыни эти я раздобыла этажом ниже, в хозяйственной подсобке. Там же нашла парочку почти разряженных артефактов, настроенных на очистку и ароматизацию воздуха. И крепкую металлическую штуковину, которой планировала сорвать задвижку с вархового окна.

Впустив в логово Райса немного свежего воздуха и лепестков и расставив ароматические артефакты в самых труднодоступных местах,

я... расчихалась. Пыль, смешавшись с запахом филии, решила меня доконать. Но это была невысокая плата за новый вид мрачной берлоги.

– Сир Райс просил... – в дверях ошеломленно застыла дежурная по кухне, отправленная ко мне с подносом.

Судя по приоткрытому рту, в спальне магистра она ранее не бывала. И уж точно не рассчитывала застать там розовое безобразие.

Она опустила поднос на пол и бочком двинулась в коридор. Сам магистр, видно, изволил отобедать где угодно, лишь бы не в моей компании. Может, в разрыв материи закопался. Всяко подальше от рюшей и кружева, которое я как раз вернула на положенное ему место.

Наскоро перекусив, я вернулась к уборке. Тщательно стерла залежи черной шерсти с пола и подоконника, прошлась мокрой тряпкой по деревянным поверхностям. Дышалось в проветренной комнате легко и приятно. Софи бы мной гордилась!

Такой тип, как Райс, никогда не попросит помощи. И никогда не примет ее от девицы вроде мисс Лонгвуд. Но сир Альвар рассказывал, что не все его пациенты бывают благодарны. Временами терапия приносит боль, раздражение, разочарование... Но в конечном итоге – исцеление. Так что останавливаться я не собиралась.

Набравшись храбрости, я решительно стащила пустой короб с крышки шкафа и принялась перекладывать в него обнаруженные запасы эшерской. Когда магистр вернется, он меня, вероятно, убьет. Зато сам здоровее будет.

С упрямством анжарского гхарра я потащила свою находку вниз, до контейнера, низводящего мусор до состояния магической пыли. По пути сунула все обезболивающие артефакты в приемник для подзарядки. После сортировки они вернутся в целительский корпус.

Контейнер был забит разношерстным хламом, пришлось изрядно потрудиться, чтобы впихнуть в него коробку целиком. Взмокнув от стараний, мне совершенно не свойственных, я вернулась в душистую, вычищенную берлогу.

– Ш-ш-ш... – донеслось до меня из-за приоткрытой двери, и содержимое хавранского кружева невольно поджалось. Какого гхарра?

Проверив перстенок, я осторожно вошла в спальню. И застала в ней маутянку, в крайне фривольном виде развалившуюся на розовых простынях.

– Шшшш? – призывно покрутила она миниатюрными пяточками, не оборачиваясь.

Ее острые ушки светились красным, пальчики ног задорно шевелились, бедра приглашающе ерзали по простыне...

– Шшш! – шикнула на девицу, мнущую только что (и не для нее) перестеленное.

Она резко обернулась и уставилась на меня. Я на нее. Значит, про массаж Маути Райс не шутил...

Я застыла в проеме со свертком наперевес – раздобыла в хозблоке новенький пылеуловитель, потрясающее изобретение для холостяков и лентяев. И маутянка, судя по пренебрежительной ухмылке, приняла меня за уборщицу. Которых эта комната лет сто не видывала.

Пока она, ворчливо шипя, накидывала обратно на плечо сползшую черную ляжку, я безмолвно открывала и закрывала рот. Девиц в такой одежде я повидала немало: Тарлинская лечебница выходила окнами на городской партэль, обитель Темоны тэль Равинь. С той стороны улицы всегда было шумно, весело, дорого, порочно... Но я никогда не мечтала перейти дорогу, предпочитая оставаться в приемном покое.

Девица из партэля... в шелковом сраме с выдающимся разрезом... в спальне магистра академии... Средь бела дня! И он мне что-то бубнил про *хавранские* нравы?

Нет, я, конечно, знала, что академия оплачивает определенные расслабляющие процедуры некоторым магам, слишком сильно страдающим из-за магических откатов. Но как-то не думала, что массажисток заказывают прямоком из партэлей!

– Ш-ш... – она села и передернула плечами.

Это все звуки, которые она понимает? Ладненько.

– Шшш! – я возмущенно на нее зашипела, замахала руками, выронив пылеуловитель. – Ш-ш-ш!

Варх знает, что на меня нашло. Может, вспомнились слова Райса, что *мой* массаж он оценил бы в триста йоргенов. А она сколько получает? Ей он тоже приплачивает за дополнительные услуги, сверх оговоренных контрактов академии?

Маутянка спрыгнула на пол и пригнулась, вокруг ее босых ног заплясало рыжее марево. Она опасно оскалилась и с угрожающим присвистом двинулась на меня.

Из-за спины выпрыгнул сгусток черной шерсти и тоже зашипел. Матерь вархова!

Я было решила, что в Анжаре случился очередной рызрыв и исчадие мрака прорвалось в академию. Но это была всего лишь каффа. Ничейная потеряшка, которую мы с мисс Хендрик на пару подкармливали, если встречали в коридорах.

Недоуменно приподняв тонкую бровь, маутянка рассыпалась в шипящем смехе. И черным шелком выскользнула за дверь.

Подметая комнату безразмерным хвостом, каффа грациозно прыгнула на постель, зевнула и призывно муркнула, требуя лакомство. Видать, опознала за белокурой маской Алиссу, у которой всегда для негодяйки горсть цукатов в кармане.

– Не тот карман, – призналась со вздохом, помахивая полкой черной рубашки. И выдала ей остатки ягодного кекса с подноса.

На шее загадочной Черной Каффы вместо ошейника болтался медальон с ярко-желтым джантариком. Модница какая...

Наевшись и развалившись на свежих простынях, гостья задремала. А я с удвоенным усердием принялась вычищать мрак из закутков берлоги Райса. Пока я к нему намертво привязана «змейкой», здесь не будет ни эшерской дварфовой, ни гхарровых маутянок с их миниатюрными пятками!

Глава 12

Кейр Райс

Магистр намеренно остаток дня прослонялся по академии, наворачивая круги неподалеку от своей спальни.

Внутри его ждало кружевное недоразумение, а раскаленные кирпичи, прошлой ночью вселившиеся в живот, до сих пор не поддавались выселению... Хуже того: после визита в студенческую душевую они превратились в раскаленную лаву и затопили по самое горло.

Закрывая глаза, он всякий раз видел одну и ту же картину. Вархова хавранка на каменном полу, обляпанная вместо болотной тины душистой белоснежной пеной... И без всякого, гхарр его задери, кружева.

Он знал, как справляться с разрывами материи. Знал, как запихивать детей Тьмы обратно на изнанку бытия. Но понятия не имел, что делать с привязавшейся к нему девицей в кружевном. А временами без оного.

Нет, у Райса, конечно, были кое-какие идеи. И все как одна паршивые.

С размаху шлепнул себя по заросшей щеке, но ни гхарра не помогло. Заглянул в свой кабинет, постоял над чертежом пентаграммы и чужими безделушками. Покрутил в пальцах заколку с самарудами, отдававшую неприятной болью прямо в челюсть...

Мог быть и не таким грубым, сир Райс. Мог прикусить свою тьму и предложить младшей целительнице защиту. В каких-то более понятных выражениях, а не как обычно.

– Виззара, – провел пальцем по углам пентаграммы, изучая линии на старой странице.

Кто-то варварски вырвал пергамент из книги, быть может, сохранившейся в единственном экземпляре. Не просто вырвал, но и передал студентам.

Утром Райс наведася к мисс тэль Меер. Иллона – не самая одаренная, но весьма родовитая третьекурсница – покаялась, что

страницу подбросили к ней под дверь. Вместе с вещами преподавателей, прямо накануне Дня весенних даров.

Девушка прошла проверку плетением «Истинной сути», что возвращало их к исходной точке. Природники – лишь исполнители, с азартом винторогих гхарров подхватившие чужую затею. Автор «шутки» оставался неизвестным...

Ритуал, призывающий чувства, и дрянной артефакт, связывающий любящие сердца. И оба – виззариийские. До чего странное совпадение. Случайность?

Мда... И с каких пор Кейр Райс верит в случайности?

Он помнил теорию «парности». Не только искр, разделенных в вечности, но и древних артефактов. Может, виззариийские безделушки просто любят находиться вместе? И портал притянул браслет к книге, взяв кружевную хавранку прицепом? Сделав заложницей чужой шутки?

– Как ты попала в Хаврану? – задумчиво спрашивал Райс у серебряной вязи, сохранившей очертания чешуйчатой змейки. – Как оказалась на руке этой девчонки и зачем притащила ее в мое болото?

Что-то не складывалось. Не было в шуточном ритуале такой силы, чтобы аж из другого мира кружевное исчадие притянуть. Баловство студентов должно было окончиться легким сердечным томлением, которое прошло бы аккурат после завтрака.

Как истинно бесчувственный сухарь, Райс был надежно защищен от такого рода эмоций. И к мисс Донован сердцем уж точно не стремился.

Так или иначе, ему требовалась консультация крепкого артефактора-теоретика. В интересах пухлогубой «Вивики» отвязаться от магистра поскорее...

Он сложил преподавательское барахло обратно на стол и отправился к себе. Встал перед дверью, с опаской касаясь ручки.

Райс не помнил, когда в его спальне в последний раз ночевала девушка. Каффа не в счет, да и она, беглянка, оставалась там давненько.

Это нервировало, раздражало. Взывало к самым низменным фантазиям...

Вроде тех, в которых он вытрясает из Граймса «правду», что артефакт ни гхарра не брачный и привязка снимается легким

движением руки. Или тех, в которых он с Тонкиным проводит обратный ритуал на болотах. И хавранку всасывает порталным вихрем вместе с кружевами и поплавком.

Девушка спала на кровати, прикусив пухлую губу и раскидав свои завившиеся после купания волосы по всей подушке. Одежда чуть сползла с ее плеч, обнажив кусок черной рубашки.

Райс пригляделся, почесал висок, расправил в пальцах световое плетение... и растерянно упал в кресло. Не факт, что это была его кровать. Не припомнил он у себя нежно-розового белья... Да, точно не было.

Плетение сорвалось на пол, вывалившись из обмякших пальцев, и золотыми искрами разбежалось по углам. Обогнуло залежи розовых лепестков, нападавших из приоткрытого окна. Не найдя ни пылинки под шкафом, обиженно забило в щель между створок.

Магистр вдохнул чужой цветочный аромат и поморщился. Что драгая хавранка сотворила с его берлогой? Какие-то сутки в его жизни присутствует женщина (о да, мягкая, теплая, спасибо, Джонас!), а это уже напоминает конец Звездносвода!

От ящика для магпочты тянулся едва заметный призрачный след, словно им недавно кто-то пользовался. Передернув плечами, Райс ощупал голубую дорожку чар. Хавранка бы с ящиком не разобралась, студенты обходили его серую конуру по стеночке... Тогда кто отправлял письмо?

От светлых волос, заливших розовое безобразие, даже до кресла дотягивался сладкий, десертный запах. Отдаленно знакомый и что-то напоминающий.

Раздраженно подскочив с кресла, магистр прошелся до шкафа. Достигнув финальной стадии «огхарревания», как выразился бы Тонкин, узрел ровную стопочку рубашек. Тот, кто их сложил, не оставил беднякам и шанса помяться.

К порядку в своей спальне (равно как и в жизни) Райс не стремился. Знал, чем это обычно заканчивается. «Мягкие... теплые...» Вархово стихийное бедствие! Сначала кружевные полавки, потом... это вот. Душистое и стопочками разложенное.

Райс почесал саднящую татуировку. И неодобрительно фыркнул, отметив черный хвост под шкафом. Еще одна беглянка! Приходит,

когда хочет. Уходит, когда пожелает. Вертит своим... Нет, надо с этим срочно что-то делать.

Но вместо каких-то решительных мер, направленных на избавление от брачной привязки, Райс снова завалился в кресло. Иначе резко подступивший сон застал бы его в вертикальном положении.

Кейр почти задремал, размазав лицо по подставленной ладони. Рассеянный взгляд, убаюканный шелестом анжарской ночи, блуждал по своей-чужой постели. Перетекал со знакомых плеч, увитых незнакомыми волосами, на одеяло, под которым пряталось хавранское кружево.

Последняя светлоголовая женщина, что в шутку посетила его комнату, принесла с собой тьму. Нет, не так... Она и была Тьмой. Райс слишком много общался с ее «детьми», чтобы не узнать по взгляду и запаху.

Но нынешнее исчадие и пахло, и выглядело светлым пятном. Слишком ярким для темного логова. Почесав складку над бровями, Райс прикрыл глаза и с глухим стоном провалился в сон.

Кейра мучил странный кошмар. О том, что прямо в его спальне, в его устоявшейся жизни случился разрыв материи. Из рваной раны мира высунулись черные щупальца, потянулись к розово-рюшечной постели, обвинили кружевную девицу и потащили обратно в портал. Отбирая у Райса, затягивая во тьму изнанки!

Свистящий сигнал вырвал его из бреда. Комнату залило багрово-красным светом, идущим от стеклянного магпочтового ящика.

Кейр не сразу сообразил, где он и что происходит. Словно снявшийся кошмар не прекратился, а перешел в иную фазу, оброс новой сюжетной веткой. А снилась ему какая-то нездоровая чушь о болотнице, щупальцах, портале и брачном артефакте...

Вскочив с кресла, он с силой потер взмокшее лицо и прочитал записку. От Джонаса. Ректор просил о помощи, что-то случилось на болотах.

подавив судорожный зев, Райс открыл шкаф и не глядя вытащил из него плащ. Сознание брыкнулось в липком бреду. Магистр попытался припомнить, почему ему не стоит покидать спальню. Но так и не нашел ни одной веской причины остаться в берлоге. Кроме той, что ему хотелось спать, как дикой вирре, разбуженной посреди зимы!

Разрыв вновь случился за полигоном, и Райс, кутаясь в плащ, пошел вниз. Да Вархова бездна! Если там опять что-нибудь вывалилось...

Торопливо вышел из магистерского корпуса, с отчаянием вопрошая у черного Звездосвода, когда Тьма прекратит над ним издеваться? Но Звездосвод был привычно нем. Он понятия не имел о планах златоволосой гадины, терзавшей материю Анжара и лично темного магистра.

Она как специально выбирала момент, едва Райс позволит себе сомкнуть глаза. Издевалась, проверяла на прочность, лишала последней способности здраво соображать. У нее к магистру давний счет. Но, справедливости ради, их «симпатия» взаимна. Кое-чего он Тьме никогда не простит.

Никто не знал точно, сама ли она устраивает разрывы, подтачивая защиту Эррена. Или же ажурная тонкость материи – естественное следствие того, что на изнанке проснулся мрак. Проснулся, обрел силу и... стал давить. Напирать на светлую сторону бытия.

До баланса двум половинкам было далеко, вот материя и рвалась в особо тонких местах – к примеру, на академическом полигоне, изрядно подточенном магической практикой. Заболоченный лес примыкал к территории прямо здесь, в особо чувствительной зоне. И будто бы манил обитателей изнанки прогуляться по академии.

Отчаянно зевнув, Райс засучил рукава плаща. На запястье что-то сверкнуло серебром, но он не придал значения. Лишь развернул в пальцах фиолетовую сеть и осторожно двинулся к черной лесополосе.

– Джонас! – прикрикнул на темноту впереди.

– Их два, Кейр, – раздалось справа. Ректор, привалившись толстым боком к широкому туру, говорил едва слышно. – Одного я вернул матушке, а второй бросился к въездным воротам.

– Ты цел? – Райс обеспокоенно подошел к напарнику.

– Никогда не привыкну к столкновениям, – пожаловался тот, оседая на траву, присыпанную лепестками филии. – Вроде не барышня, чтобы в обморок падать, а всякий раз дурнеет. Второго сам лови.

Обычно разрывы легко поддавались «штопке». Отряд маг-гвардейцев мог залатать крупную дыру за час или два. С небольшими Райс справлялся и сам, опустошая свой резерв дочиста. В компании

Джонаса дело шло быстрее, но ректорские обязанности и супружеская жизнь часто отвлекали напарника от болот.

Проблема была в другом. Пока маги работали, возвращая материи первозданный вид, в щели так и норовили протиснуться «дети Тьмы». Исчадия изнанки. Черные души с хоботками и щупальцами, с горящими огнем глазами и дрянной способностью вызывать обмороки своими «объятиями». Давно позабывшие о своей мирской жизни, обезумевшие, ведомые инстинктами и... пожалуй что, любопытством.

Столкновение энергий мироздания вело к взрывам, тошноте и иным неприятным последствиям. А для юного неокрепшего организма могло окончиться многолетним магическим сном или дырой в резерве.

– Тьма! – ругнулся Райс, заметив черный хоботок, ускользающий за кусты. Весьма длинный, змееподобный, волочившийся за вязкой туманной тушей.

Было бы приятнее, напоминай исчадия мрака свою мамашу. Весьма привлекательную особу при ярком золоте волос и джантарном сиянии глаз.

Она как-то заявила в академию лично и дала понять, что с Райсом еще не наигралась. И ровно после этого началась вся чехарда... Разрыв на разрыве! И как тут не поверить, что Тьма намеренно раздирает Эррен на части?

Сегодня магистр был особенно яростен, закидывая трясущийся куст фиолетовыми нитями. Искры слетали с пальцев, больно жала скулящее исчадие. То издавало горестное «Ууу!», но Райса разжалобить было непросто.

Он вспомнил все, что имеет к изначальным тварям. Свой дом в Тарлине, обернувшийся жуткими развалинами, про которые слагают легенды. Страшные сказки для маленьких тарлинок. Местные до сих пор боятся подходить к «проклятым» руинам имени Райсов. Распускают слухи, что под обломками прячутся дети изнанки.

Варх знает, как оно на самом деле. Кейр в Тарлине в последний раз бывал давно, лет пять назад. И по той улице намеренно не ходил, обогнув ее через два квартала.

Фиолетовое лассо нашло добычу, искусно намотавшись на изменчивый хоботок. Магистр вложил в чары последнюю энергию и сцедил с кончиков пальцев несколько черных рун. Те обернулись

каплями, сгустками мрака. Впитались в заболоченную землю и открыли «дверь» в никуда.

– Проваливай! – прохрипел Райс, захлебываясь тошнотой. Упал на колени, дернул лассо и остервенело захлопнул дверь за изнаночной тварью. – Привет мамаше...

Глава 13

Кейр Райс

Почти сразу за очередной порцией тошноты, которой традиционно сопровождалась магические откаты, пришло запоздалое озарение. Райс вспомнил, почему ему нельзя было покидать спальню. Подавив обреченный стон и бросив прощальный взгляд на болото, магистр пополз обратно к академии.

Чернота стала повсеместной. От нее не спасали ни широко открытые глаза, ни россыпь световых плетений. По корпусу он плелся на ощупь, ведя ладонью по шершавой стене и ногами пробуя на прочность расплывающиеся ступени.

Варх его раздери... От бессонных ночей можно спятить. Теперь все казалось сном. И кружевная хавранка, и брачная привязка... Разве могла такая нелепость приключиться с Райсом на самом деле?

Могла.

Девица – то ли спящая, то ли пребывающая в глубоком обмороке – все так же лежала на его постели. Кейр не видел ее, но ощущал сладкий запах, идущий от кожи и волос. Первым делом, едва вошел, забрался ладонью под одеяло и напоролся пальцами на знакомое кружево. Да лучше бы это был дрянной сон!

Хрипя грубоватые эшерские ругательства, Райс выпрямился, сшиб плечом угол шкафа и попытался нащупать холодное стекло бутылки. Пальцы упрямо захватывали воздух, перемещаясь в темноте с полки на полку. Ни обезболивающих шариков, ни дварфовой настойки... Ничего. Только свежая, чистая пустота.

Муть, булькающая в горле, намекала, что этот откат может стать последним для темного магистра. Но прежде, чем обернуться горсткой магической пыли, он завершит одно важное дело. И кого-нибудь прибудет. Будь то воображаемое исчадие или реальное...

Если уже случайно не убил, так легкомысленно сбежав на болота от кружевной беды.

Алисса Лонгвуд

Подушка, еще недавно мягкая и уютная, стала вязкой, как болотная жижа. Я тонула в ней, и по языку расползлся привкус водорослей. До ушей доносилось шлепанье ботинок по мокрой земле.

Шлеп, шлеп, шлеп...

«*Не уходите... Не уходите*», – безмолвно шептала я, едва шевеля губами.

Почему он все время норовит от меня сбежать? Почему я ему так неприятна?

– Где?! – рывкнули прямо над ухом, и в глазах заплясали золотые искры.

Я резко вынырнула из тягучего, тяжелого кошмара и уселась на чужой кровати. Световое плетение, вызванное Райсом, потухло, вновь оставив нас во мраке.

Первая мысль: он никуда не ушел. Это просто дурной сон. Вот же он, магистр! Источает привычный аромат анжарских болот. Стоит прямо перед кроватью и гневно раздувает ноздри. Рычит как будто. Угрожающе...

Вторая – лучше бы ушел.

– Где всё? – от тихого, глухого рыка стены вздрогнули.

Новое золотое плетение озарило мрачное лицо. С несколькими порезами на и без того помятых щеках. С кляксами грязи на лбу, с ошметками тины на шее. Будь у него щупальца или хоботок, сошел бы за дитя изнанки.

– Ви-и-ика?..

– Вы справитесь сами, – сглотнула нервно, выбираясь из-под розового пододеяльника. – Я вам помогу.

– Интересно, чем же? – с вызовом рывкнул мужчина и шлепнул кулаком по пустому шкафу. Чистому, свежему, ароматному. Чуть присыпанному внутри лепестками филии (никуда от них анжарской весной не деться).

– Я ведь психиёлог, – серьезно покивала типу, жаждущему мести. – В некотором роде врач. Целитель для души.

– Так, психи... Ёлог! – Райс дернул рукой, и я инстинктивно отшатнулась и зажмурилась.

Мать вархова!

Тяжелая пятерня легла на плечо и резко притянула меня вперед. Тряхнула нетерпеливо, добиваясь Варх знает чего. Я сделала

судорожный вдох и приоткрыла один глаз: магистр смотрел на меня озадаченно.

– Ты испугалась.

– Да.

– Меня, – укоряюще выдохнул он. – Я бы никогда...

– Знаю, да, – сглотнула нервно, скидывая с плеча неудобную ладонь. – Давайте я хоть рану промою, у вас кровь на лице.

– Обойдусь, – отступил на шаг и завел руки за спину.

– Или компресс какой-нибудь сделаю. Вам же плохо, – виновато пожевала губы и сделала шаг к магистру. Нашупала пуговицу на его воротнике, расстегнула, выудив из петли зажим с желтым камнем по центру. – Или массаж могу. Нормальный. Вам бы мышцы расслабить. Вы весь словно из камня сделанный.

Райс зыркнул на меня так красноречиво, что я вернула зажим на место и резко отодвинулась.

– Ты еще примочки из пыльцы единорогов мне посоветуй, психиёлог. И дыхательную гимнастику!

«Да я бы сковородой вас отходила, найдись здесь такая же, как у нашей хозяйки в Тарлине! Мигом бы в себя пришли».

– Эта пыль была такой ценной, что вы весь трясетесь? – уточнила с вызовом.

– Пыль... Пыль не была, – отвернулся Райс и передернул плечами. – Через тебя когда-нибудь проходил мрак бездны, пропитывая каждый нерв болью и горечью утраты, хавранка?

– Нет... сир.

– И зови меня, Варх дери, по имени!

– А оно у вас есть?

Не знала, что хавранки сильны в телепатии. Одной Имуре известно, на что он рассчитывал.

– Меня зовут Кейр, – пробубнила напряженная спина. – Не Кей, не Кер. Оно никак не сокращается, не уменьшается и не ласкается.

– Я и не собиралась... ласкать...

– Тогда ложись в постель, Ви-и-ика, – прошипел магистр, источая мрак каждым словом. – Закрывай свои любопытные голубые глазки, прячь под одеялом нахальные нежные ручки. И спи.

– А вы?

– А я утром сдеру с себя эту дрянь вместе с кожей! – Райс потряс запястьем, закатывая рукава. – Но пока мне придется прибегнуть к крайним мерам...

Я послушно присела на кровать и стала следить за его действиями. Как он дрожащей рукой прямо в темноте карябает несколько строк на бумаге (вряд ли в такой спешке получались хоть какие-то вензельки). Как опускает записку в ящик для магпочты и отправляет послание неизвестному адресату.

– Я велел спать, – угрюмо заявил магистр, едва не замертво падая в свое кресло.

– Я сплю, – заверила его, рассматривая мужчину во все глаза.

Он, похоже, опять ходил на болота и там спустил остатки резерва. Если в нем вообще что-то оставалось. Райс был плох. Очень плох. Будь у меня право голоса, я бы немедленно вызвала Граймса с его чудотворной диагностикой.

Запоздало пожалела, что решилась на столь кардинальную терапию и выкинула совершенно все. Все-таки отучать от магических зависимостей надо постепенно. И не в самый стрессовый момент.

– Спи качественнее, Вика. Лицом к стенке, – попросил магистр. – Сейчас придет одна... «целительница». Мне нужны особые расслабляющие процедуры. И будь у меня возможность выселить тебя из спальни в другой корпус, я бы это сделал без стеснения.

– Ох...

– Впрочем, если решишь проявить благородство, можешь погулять в коридоре, – он спрятал лицо в широкой ладони, и я не увидела выражения.

Так он писал маутянке... Наглой, шипящей и мелко-пяточной!

– Она не придет, – пробормотала, разглядывая вспухшую ветвистую венку, убегающую под закатанный черный рукав.

– А?

– Подружка ваша... которая «ш-ш-ш»...

– Вика!

– «Целительница»? – фыркнула нервно. – Раз говорю «не придет», значит, не придет.

Да что он понимает в целительницах? И с каких пор служительницам партэлей выдают право практиковать что-то кроме... кроме... прямого их назначения?

– Еще как придет, – угрожающе прорычал магистр, нетерпеливо постукивая по ящику. Ответа в нем до сих пор не появилось.

– Она уже приходила. Мяла простыни, крутила своим-ми... пятками. Грязными. Я ей жестами объяснила, что ее присутствие... нежелательно.

– Да что вы вообще себе позволяете? – черные глаза опасно сверкнули. Он резко поднялся с кресла.

Мы снова на «вы»? Где-то точно гхарр помер, ей Варху.

– Это она по вам вчера топталась, да? – я вскочила и рванула на нем рубашку, обнажая свежее пятно от красной пятки. – И как далеко зашли ваши топтания?

– Это не ваше дело, вы не находите, Вивика? – грозно прошипел Райс, пошатываясь надо мной то влево, то вправо.

Боги Эррена, и ведь действительно – не мое! Не хватало еще упрекнуть Райса в растрате средств академии, выделенных на расслабляющие процедуры. Я Вика... Вика, психиёлог. А не мисс Лонгвуд.

Он снова упал в кресло. Мрак мраком. Я покачнулась на пятках, покручивая в пальцах зажим с джантариком, опять оставшийся в руке.

Покосилась на притихший ящик для магпочты. Ни через секунду, ни через две он не окрасился ответным фиолетовым. Маутянка обиженно молчала.

В тарлинском партэле, что располагался напротив лечебницы, островитянок не было. Но я знала, что беглянки с Маути очень ценятся и пользуются у клиентов огромным спросом. Оно и понятно, почему: девушки обладали поистине жарким, огненным темпераментом. Вон, даже такого окаменелого сухаря, как Райс, проняло...

Вот Лисси Лонгвуд, замерзшая и потерянная, давно забывшая, как желать любви, ему была совсем не интересна. Что тоже понятно и вопросов не вызывает. Варх знает, почему я вообще сейчас думала об этом, упираясь выжидающим взглядом в стекло почтового ящика. Придет? Или нет?

И если придет, то куда уйти мне? Не становиться же немой свидетельницей «расслабляющих процедур»!

Днем, после ухода маутянки, ящик еще долго хранил тепло отосланного письма. Шипящая негодяйка отправила кому-то весточку, нагло пользуясь отсутствием хозяина. И я тоже рискнула.

Послала Софи короткую записку, прикрывшись чужим магическим следом. Сообщила, что я цела и не нужно призывать маг-гвардию на мои поиски. Попросила уничтожить порванную одежду, в которой сохранилось вархово письмо с маячком. Будет паршиво, если Крис вновь отследит сигнал, создав проблемы чете Кольтов.

Хотела еще спросить о виззарийском артефакте, так некстати оказавшемся в кучке хавранских вещей. Но не стала. Во-первых, чтобы не пугать Велисофью. Грегори и без меня хватает хлопот с беременной простачкой, не желающей целительской помощи. Во-вторых, получать ответ было некуда.

Свою щекотливую проблему я решила полностью доверить магистру. В интересах Райса отвязаться от меня поскорее. Уверена, он приложит все усилия... Это и по глазам понятно: ой как приложит!

Так и не дождавшись, пока я послушно засну, Райс сам начал клевать выдающимся носом. Сполз в кресле, навис лбом над коленом... и отключился. Может, и стоило уступить ему кровать, но не раньше, чем он смоет с себя принесенное в дом болото.

Когда он поглубже провалился в сон, я поднялась с подушки и приблизилась к магистру. Надо было оказать целительскую помощь, пока у него на лице осталось хоть что-то, напоминающее Кейра Райса. Не Кея, не Кера... Никак не ласкающегося и ни к чему (кроме эшерской) не склоняющегося.

Я осторожно подняла его голову и откинула назад. Пихнула в плечо, укладывая упертое тело удобнее в кресле. Набрал губкой воды из кувшина, промокнула расслабленный лоб. Стерла с него грязевое пятно и горячую испарину. Магистр кипел, испытывая разом последствия отката, натяжения виззарийской нити и Варх знает чего еще.

Аккуратно прошлась по щекам, поросшим густой щетиной. Смыла кровь с подбородка. Губы Райса неприязненно скривились, когда в них случайно затекла струйка прохладной воды. Но он не проснулся, и я, осмелев, принялась за шею.

Пользуясь бессознательным состоянием вечно хмурого мага, я хорошенько рассмотрела его лицо. В темноте черты казались особенно выпуклыми и мрачными. Провела мокрым пальцем по кипящим губам. В кои-то веки он их не поджимал – строго и укоряюще.

Рубашка на Райсе так и была распахнута, словно в насмешку демонстрируя мне след от мини-пятки. Он еще неделю продержится, ей Варху. Понять бы еще, почему каждый взгляд на печать, оставленную другой женщиной, вызывал во мне волну желчи. И желание стереть отпечаток... да вот хоть мочалкой!

Пятнистый магистр. Даже дважды пятнистый, с пятном от пятки... Можно вносить как уникальный, редкий экземпляр в Анжарскую красную книгу.

Я слишком сильно сжала губку, и капли с напряженной шеи покатались вниз. Прямо на гхарров красный след!

Свободной рукой торопливо стерла влагу с его груди и с опаской подняла глаза. Только теперь заметила, что взята на прицел мутноватым темным взглядом. Кто знает, насколько давно: я увлеклась «первой помощью»...

Райс жадно втянул ноздрями воздух. Пробормотал что-то осоловело, путаясь в горячечном бреде. И резко дернул меня на себя, безошибочно найдя мой рот своим. С первой, Варх меня прибери, попытки.

Я захлебывалась его вкусом, задышалась, пытаюсь оказывать хоть какое-то сопротивление нахальному языку. А он будто не мог напиться и надышаться. Скручивал волосы, распускал тут же. Вдыхал жадно, алчно, собирая запах с моей шеи. Спятил он на своих болотах! Видит Имира, спятил!

Жаркой ладонью он забрался мне под рубашку. И с энтузиазмом огладил кружева, проверяя, не появилось ли за день на хавранке неучтенных щупалец.

Его пальцы впивались в бедро и затылок, хаотично сжимая и яростно притягивая всю меня к магистру. Казалось, что рук у него минимум десяток! Не могло всего от двух быть столько проблем и смущающих ощущений.

Вполне вероятно, Райс продолжал спать. Или начал бредить, что в его состоянии могла предсказать любая магическая диагностика. Но на целительскую процедуру происходящее тянуло с трудом.

Так меня давно не целовали. В последний раз ко мне прикасался Крис, и от гадостных воспоминаний все под кружевами болезненно поджималось. Не хотелось подпускать к себе кого-то еще долгое,

долгое, бесконечное время... Но бредящий Райс, Варх свидетель, не спрашивал разрешения.

Он держал крепко, так, что о побеге и помышлять не стоило. Но вместе с тем бережно. И глядел на меня, как на... как на вожделенный кусок мяса. Или торта. Или бутылку с эшерской. Словом, как на что-то до мурашек желанное, явно путая меня с мелко-пяточной маутянкой.

Определенно, он принял меня за свою жаркую подружку из партэля. Уж больно голодный взгляд. Зря я выгнала ту девицу, один Варх знает, чем с ним занимавшуюся.

Впрочем, я догадывалась, да... Пыталась не осуждать. Это ведь его право, он мужчина и...

– Какого гхарра ты тут забыла? – рявкнул вдруг прямо в губы.

Так неожиданно, что я застыла с приоткрытым ртом в каких-то нескольких сантиметрах от породистого носа. И принялась ошалело разглядывать магистра. Как-то иначе он мне сейчас виделся.

– Я... я... – запнулась, заглывая судорожно драгоценный кислород. – П-пятку... трогала...

– Мою?

– Ваши побольше будут, – я постаралась снова не дышать, чтобы не тревожить выдохами разгоряченную кожу. – А вы?

– Я спал!

– Вот и спите! – возмущенно попросила, прикусывая мокрую губу.

Кожа под кружевом саднила, похоже, магистр успел на ней синяков наставить. Пробитое гхаррово копыто!

Райс гневно засопел и поджал губы, продолжая фиксировать мое тело на себе. Иначе бы я, уж само собой, давно сбежала.

– Вархов Граймс...

– При чем тут он?

– И правда легче, – осоловело выдавил магистр, жадно поглядывая на мой рот. – Ты хотела помочь, хавранка?

– Знаете, я...

Меня заткнули. Совершенно бесцеремонно. Ртом! Утопили в настойчивом поцелуе, прижали к дрожащему в агонии телу. Все-таки Райс продолжал бредить. Ни гхарра он не пришел в себя.

– Что вы... творите... – прошептала, уворачиваясь от носа, упирившегося в мой. Избегая сталкиваться с мутным взглядом.

Меня как-то непривычно потряхивало. Может, от странной позы. Телу не хватало опор, но принять другую оно не могло, а хвататься за мужчину было неловко.

– Лечу.

– Кого? – уточнила, сглатывая слюну. Сдувая светлые волосы, хаотично нападавшие на лоб.

– Себя! – рявкнул магистр, в один час лишившийся всех обезболивающих средств. Моими стараниями. И вот прямо в этот момент бравший с меня компенсацию.

– П-помогло? – спросила недоверчиво.

Ей Варху, странная медицина.

– Представь себе, – недовольно прошипел, яростно проводя губами по моей щеке. – Действительно полегче...

– Ууу... – тихонько провыла, понимая, что я от настоящей целительницы с правом практики только что опустилась до тех, кого вызывают из партэлей.

– Ты странно пахнешь, хавранка, – сообщил он, замирая. – Вялеными сливами. Или вареньем из груш.

– Вам показалось.

– Точнее не смогу определить. Я не поклонник сладостей, – проворчал мужчина, наматывая мои волосы себе на пальцы. Притянул к носу несколько светлых прядей, понюхал, зажмурился.

– Да как можно не любить сладкое? – удивилась совершенно искренне.

– Иди спать, Вивика. И на этот раз очень, очень качественно.

Он разжал руки, и я мигом вскочила с варховых колен. Сбежала под одеяло, отвернулась к стенке и шумно засопела, изображая крепкий, здоровый сон.

Внутри грохотало так, что казалось, этот шум слышен и снаружи. Боги, Лисси... это же Райс. В смысле... Ра-а-а-айс!

Ни гхарра не завидный холостяк и не тайная мечта первокурсниц. Если они о чем и мечтают, так это чтобы магистр шел по другой стороне коридора и вспарывал своим жутким взглядом самое дальнее окно.

Подушка больше не казалась вязким болотом. Она снова стала уютной, мягкой и гостеприимной, умиротворяя и баюкая на пышных

волнах. Я сладко потянулась всем телом, подавив стон блаженства, и провалилась в настоящий сон.

Странная медицина... Очень, очень странная. Такого в «Целительстве для чайников» точно не было!

Глава 14

Я очнулась от взгляда, разбиравшего меня на составные части. Пристального, пронизывающего, тяжелого.

Ровно так Райс смотрел на меня в коридорах академии. Я всегда отшатывалась в ужасе и перебегала на другую сторону, чувствуя, как к горлу подступает горькая муть. Вот и сейчас эффект был похожий: хотелось провалиться под землю.

– Ну и от чего бежите *вы*?

– А? – застыла, хлопая ресницами на магистра.

– Взгляд беглянки я узнаю сразу, – поморщился Райс, подталкивая ко мне поднос с крепким альта-цитроновым взваром, хрустящими тостами, смазанными крикеточным паштетом, и россыпью засахаренных мороженых ягод в креманке. В блюде справа нашлись полоски красного зефира и горсть цукатов.

Сбоку от всего этого многообразия лежал пропуск в магистерскую ванную. Но я, Имира свидетельница, уже накупалась.

– Я не бегу, – перевела взгляд в окно и протянула руку к ягодам. – Я... сию. На вашей постели. В вашей одежде. И... ем.

Фу-у-у-ух...

Как-то многовато сладкого на подносе. Перебор для завтрака. И для магистра, который уверял, что не любит подобное.

Щеки покраснелись от воспоминаний. Ладно, намек засчитан. Амнезия ночью не посетила ни одного из нас.

Я поерзала в черной рубашке, мягко обволакивающей меня второй кожей. И с неудовольствием покосилась на просохшее розовое платье, повешенное на спинку кровати. Маг явно желал получить свою одежду обратно.

– Так что заставляет вас подпрыгивать на моей постели, словно вот-вот броситесь бежать, обгоняя стада анжарских гхарров?

– Конкретно в данный момент – вы, – ответила честно. – Ваш взгляд. Он тяжелый и... черный. Не по цвету, а по...

– Это аура мага. Вы ее не видите, но ощущаете, – выдал Райс очевидное и поморщился. – Побочный эффект работы с темной стороной. Я вам неприятен?

– Мне неудобно, – опустила глаза в чашку с ароматным взваром насыщенного джантарного оттенка.

– Потерпите еще немного. Я разберусь с привязкой и избавлю вас от своего угнетающего общества, – он резко встал и вышел из спальни, оставив меня наедине с ягодами и тостами.

Вероятно, это сладкое безумие на подносе было чем-то вроде извинений за ночной кошмар. Через рот Райс, уж понятно, не мог сообщить, что сожалеет о своей несдержанности. И объяснить, что в бреду принял меня за маутянку из партэля.

Методика была весьма и весьма спорной, однако я успела заметить, что магистр с утра выглядел гораздо лучше. Посвежел как будто, и кожа приобрела здоровый оттенок.

Звездносвод сиял по-весеннему ярко, дело шло к полудню. Не помню, когда в последний раз спала так долго. И в Тарлине, и в Анжаре моя смена начиналась с рассветом. Или заканчивалась, если имело место ночное дежурство.

Я переоделась в розовое платье, наскоро умылась в купальне для старшего персонала и вышла в коридор. Прислушалась к ощущениям и... сделала шаг вперед. Поерзала в кружевах, потеряла змейку на запястье, вздохнула... И развернулась. Несколько шагов в обратном направлении отдались в груди приятной, теплой вибрацией.

Полностью доверившись ощущениям, я пошла по магистерскому корпусу. Спустилась на пролет, добралась до воздушной галереи. Вот так, почти зажмурившись и ступая «на ощупь», я добралась до целительского. И ни разу не почувствовала недомогания.

Я шла к Райсу. Во-первых, чтобы сказать, что «неудобно» – не значит «неприятен». Во-вторых, чтобы предложить свою помощь. Я скисну от бездействия, если еще сутки просижу в его мрачном логове. Может, в личной жизни Алиссы Лонгвуд и был форменный бардак, но работать она любила. А вместе искать выход всегда легче, чем по одиночке.

По коридорам целительского крыла беспардонно летали лепестки филии, и я снова с ажиотажем расчихалась. Из диагностического кабинета вынырнула фигура Граймса, я резко развернулась и ускорила шаг.

– Стойте... Стойте, мисс Лонгвуд! – раздалось в мою спину, и я замерла на половине шага.

Мне ведь померещилось? Я бросила взгляд на кольцо с самарудом, все так же блестящее на пальце. Грегори сказал, заряд держится месяц. Да и волосок, упавший на нос, был светлым.

– Вы попались. А я изрядно побит, – признался сир Альвар, задыхаясь от спешки. – Давайте прекратим варховы догонялки...

Я с присвистом вдохнула и, упрямо поджав губы, развернулась к целителю.

– Вы ошиблись, сир, – уставилась на Граймса. – Я Вика, из Хавраны.

– А я Керрактский де-е-емон о длинных рога-а-ах, – жутковато провыл мой спятивший начальник. – Вывалился порталом, чтобы съесть вас, Ви-и-ика...

Я придирчиво осмотрела медную макушку сира Альвара и рогов не нашла. Осуждающе поцокала языком: все-таки не стоит ему налегать на восстанавливающие тоники. Так и до галлюцинаций недалеко.

– Ой, прекращайте, я узнал вас в гриме! – фыркнул док и подтянул меня за локоток поближе. Добавил вкрадчиво, с издевательскими нотками: – Я же не слепой, в отличие от Райса.

Вспомнился темный, тяжелый, неудобный взгляд. Нет, слепцом магистр не был. Я бы скорее поставила на то, что артефакт Грегори Кольта творил чудеса даже в запущенных случаях.

– Кто вас так отделал, сир Альвар? – вздохнула, смиряясь с неизбежным.

Вид у целителя был такой, что он сам сошел бы за пострадавшего. Раны явно кто-то уже обработал, но синяки на скулах не помешало бы смазать одной из моих фирменных мазей.

Пальцы, горевшие желанием спустить резерв хоть куда-нибудь, выплели целительскую вязь. На ладони заиграл золотой пульсар.

– Давайте обработаю, пока никто не видит, – прошептала, украдкой поглядывая на конец коридора.

– Стойте... Тише, «Вика», – он заговорщицки подмигнул и собрал мои пальцы в кулачок, осторожно растирая пульсар в ладони. – Переживу. Вы мне лучше вот что скажите... ми-и-илочка. Какого гхарра вы переставили «Жетемию»?

– Чтобы непоправимое не случилось, – объявила строго.

– Оно все же случилось. Непоправимое ваше.

Он прав, да... Как ни маскируйся, неприятности тебя все равно найдут. Вот и со мной случилось. Мало того, что в болото в одном исподнем плюхнулась, так еще в руки Райса! И эта брачная привязка... И вархов поцелуй... Вот точно: непоправимое.

– Со мной случилось, Алисса, – вернул меня к реальности док. – Я ее выпил!

– «Жетемию»? Мать вархова! – я закашлялась, с подозрением глядя на целителя. Он прямо сейчас ощущал эффект любовного снадобья? – Но как вы умудрились?

– Случайно!

– Да я ведь все убрала в коробку и задвинула на самую дальнюю полку. А на место зелья выставила тоники ваши. Подкрашенные розовым и переподписанные...

– П-переподписанные? – глаз Граймса дернулся, и я поняла, что уволилась совершенно вовремя. – Тогда какого гхарра...

– Какого гхарра что?

– Забудьте! У вас, я погляжу, своих проблем хватает? – док растекся в отравляющей ухмылке, и мне подурнело.

– Как вы меня вообще узнали? – всплеснула рукой с колечком.

– Бросьте, Алисса, – сир Альвар почесал висок. – Вы можете не поминать гхарров и глядеть голубыми глазами, но все равно останетесь моей ассистенткой. Я слишком хорошо знаю вашу осанку, и ваши жесты, и ваш фирменный прищур. И как морщите лоб и прикусываете губу, о чем-то задумавшись...

Да он только в обмороках видел «Вику из Хавраны»! Еще и предлагал Райсу поцеловать и потрогать ее, пока спит. А магистр, видать, решил воспользоваться советом от светила «экспериментальной медицины».

Тьма! Неужели даже со столь качественной маскировкой мы остаемся собой? Счастье, что Райс знает меня гораздо хуже.

– Сдадите меня? Им? – всхлипнула с обидой, вспомнив о поисках Вейрона.

– Бегайте сколько хотите, – позволил начальник. – Но за молчание хочу от вас услугу. В ночь сиятельных даров природники проводили дрянной ритуал, и вещи, которые они использовали, все еще лежат в кабинете сира Райса. Среди них должна быть расческа с розовой кварцевой инкрустацией.

– Там только гребень, – наморщила лоб.

– Принесите мне все барахло, что было в пентаграмме, – попросил Граймс. – Готов обменять на него мое великодушное молчание.

– Зачем вам? – с сомнением окинула побитую физиономию.

– Я не лезу в ваши тайны, вы не лезете в мои. Так это работает, мисс Лонгвуд.

Как выяснилось, мой начальник был не только отличным диагностом, но и превосходным шантажистом. Перебрав в уме все прочие варианты, я покорно отправилась к Райсу в кабинет.

Я накрепко запуталась в своих секретах, так что чужие в меня уже не умещались. Если Граймсу так ценны эти розовые расчески, я их ему отдам.

Натяжение виззарийской нити почти не ощущалось, Райс бродил где-то поблизости. И чувство, что моя «половинка от чивари» рядом, согревало.

Наверняка он, как и я, мечтал провалиться под землю, закопаться в разрыв или сбежать в дварфову впадину после ночного «непоправимого». Но, как и я, не мог себе такой роскоши позволить. До чего садистская ловушка, этот ваш виззарийский брак!

Окна в кабинете были плотно зашторены, внутри создавалось ощущение позднего вечера. Стол магистра был подсвечен подброшенным в воздух красно-золотым шаром. Только благодаря рыжему свечению я разглядела хрупкий, изящный силуэт, склонившийся над бумагами.

Маутянка!

Дверца за мной предательски хлопнула, отрезав от коридора. По защитному экрану на стене прошла рябь. Островитянка нервно обернулась, опрокинув со стола несколько кристаллов и свернутых пергаментов.

– Ш-ш-ш?

В ее шипении мне почудилось возмущенное «Да какого гхарра?!».

– Опять ты? – я ткнула руки в бока и распрямилась. Против магии Маути мне, конечно, не выстоять, но резерв мой уже сочился. И требовал хоть как-то себя применить по назначению.

Голова едва соображала. Что может девица из партэля забыть в учебном зале для магических практик? У нее йоргены закончились? Не то место, которое стоит обворовывать, ей Варху.

Она приходила в академию к кому-то другому? Тогда не искала бы клиента в кабинете Райса. Девица ждала магистра, уверенная, что без нее он не переживет откат? Я недостаточно ясно выразилась, что ее пяточными «методиками» он лечиться больше не будет?

Пока я перекидывала в уме версии, маутянка резко отдернула штору и выпрыгнула в окно. Только ставня скрипнула да ветер обиженно взвыл. Гхаррова бездна! Вот как нужно убежать, Лисси.

Накрепко закрыв за ней створку, я с усталым вздохом уселась в кресло Райса. Покрутилась перед столом, обозревая бардак, устроенный мелко-пяточной. Но все вещи будто бы остались на месте, как при ночном собрании природников. Кристаллы, золотая пыль, сшиватель Граймса, гребень мисс Донован, моя заколка...

Набив карманы преподавательским «барахлом», я отправилась обратно к целителю. Выторговывать себе его «великодушное молчание».

Кейр Райс

Магистр приблизился к двери своего кабинета, задумчиво постучал пальцами о косяк и... решительно развернулся. Имелся в академии еще один человек, способный разобрать диковинный символ на странице с ритуалом. И как Райс умудрился забыть о старике Мюблиуме? Тот в последние месяцы душевно хворал и почти не появлялся на собраниях у нового ректора.

Проложив мысленно путь к кабинету Финиуса и прикинув расстояние до своего логова, Кейр пришел к выводу, что вполне может позволить себе небольшое путешествие. Профессор «Защиты от проклятий» хоть и не совсем в себе, но даже в таком состоянии соображает лучше многих.

Но стоило Райсу сделать шаг, как из-за поворота показалась взлохмаченная голова мисс Хендрик. Вчера, совершенно пунцовая, она расспрашивала магистра о своей расческе. С кварцевой инкрустацией. А он, признаться, с трудом мог вспомнить, была ли та среди ритуального барахла.

– Вы за расческой, Эльза? – Кейр вновь потянулся к дверной ручке, собираясь одним махом покончить с неловкостью. Не его дело, что голые коленки «теоретички» забыли в частном доме циничного целителя.

– Я хотела спросить... Возможно, вы знаете, что приключилось с мисс Лонгвуд? – Эльза осторожно дотронулась до его разбитой челюсти и тут же убрала руку.

– Почему вас беспокоит ее судьба?

– Не хочу, чтобы она стала похожей на мою, – преподавательница «Теории магии» грустно улыбнулась. – Хотела ее предостеречь насчет общения с...

– Мм?

– С Кристианом Вейроном. Это опасный человек. Способный на очень, очень многое ради достижения своих целей.

– Вы знакомы? – Кейр с сомнением прищурился.

Сейчас, глядя на раскрасневшуюся женщину лет тридцати, застегнутую на все пуговицы, прячущуюся за стеклами очков, он не мог взять в толк: что общего у замкнутой Эльзы и надменного хирурга из Хитаны? Настолько разные это были миры.

– Мы вместе учились, – преподавательница нервно поерзала в платье и попыталась пригладить полчище «квахаров», выпрыгнувших из русого пучка на голове.

– Уверен, мисс Лонгвуд уже достаточно предостережена. И сделала верные выводы.

– Она не знает его так, как я. С той, с другой стороны, – Эльза взволнованно прошла по коридору, уводя Райса за собой к воздушной галерее. Обернулась, проверив, что магистр идет следом. – Я ведь отказалась от практики и звания сирры не просто так и... Ох!

Взгляд прозрачно-серых глаз уперся в виззарийский пергамент, зажатый в руке Райса. Мисс Хендрик продолжала меняться в лице, являя на щеках всю гамму оттенков от пунцового до бледно-зеленого. И это начинало беспокоить.

– Вам знакомы символы? – Кейр развернул лист и протянул Эльзе. – Насколько я понимаю, это знак Имиры?

Женщина приняла пергамент в дрожащие пальцы и прорисовала контур цветка-семилистника.

– Да, Имиры Сиятельной, проданной богини. Необычное сочетание, верно? – она нервно хлопнула ресницами за круглыми стеклами, которыми защищалась от реальности. – С семилистной лотгой знакомы все, кто изучает теологию и историю варховых времен. Но ее соединение в одном манускрипте с эшерскими символами пути и древним знаком Виззары... Тот, кто составлял книгу, совместил несовместимое, Кейр...

Эльза будто даже оживилась: все, что касалось теории магии, ее воодушевляло. Книжная порода! Райс всегда больше любил практику – грязную, честную, тяжелую... Пахнущую болотом и на вкус горчащую Тьмой.

– И все же это не повод так бледнеть, Эльза.

– Я видела такое уже. Однажды, – она сняла очки, спрятала их в карман и растерянно поглядела на магистра.

Без стекол она казалась незащитной, уязвимой. Хлопала ресницами, как новорожденный гхарр, впервые узревший огромный мир.

– Где видели?

– Вам это важно? – она нервно сглотнула и сделала резкий вдох.

– Очень. Очень важно, – Райс засучил рукав и продемонстрировал женщине дрянную привязку. Которая, видит Варх, его с ума сведет, если еще хоть одну ночь придется провести рядом с хавранскими кружевами. – Где видели? Когда?

– Десять лет назад... Ровно десять, – она вышла на открытый всем ветрам воздушный мост, соединяющий корпуса, и отвернулась к перилам. – Это была ночь сиятельных даров. Я попала в сильные неприятности, Кейр. Пошла с одним юношей в древний подземный храм близ Либтоунской академии. Забытый, брошенный, охраняемый маг-гвардейцами. Там случилось кое-что дурное.

– Эльза...

– На алтаре я и увидела этот знак. А потом, когда произошел разрыв...

Ее слова заглушил порыв ветра, и Райс придвинулся ближе, пытаясь расслышать.

– Я упала на пол, а сам алтарь треснул, раскололся. И из его сердца показался книжный переплет с золотым тиснением. Семилистная лотга, увитая символами пути и знаками древней

Виззары... Я еще подумала: кому придет в голову прятать ценную книгу в камне? Сейчас, попади мне в руки такая редкость, я бы, конечно... Но тогда...

– Мисс Хендрик, – Райс открыл рот, чтобы выразить словами хоть какие-то из эмоций, бушевавших внутри. Но закрыл, так и не найдя в себе ничего подходящего.

– Но той ночью я была не в состоянии восторгаться находкой, да. Я умирала, Кейр. И книги меня интересовали меньше всего, – Эльза повернулась, и магистр с удивлением отметил, что в серых глазах нет слез. Только разочарование несправедливостью. – По храму сновала Тьма во плоти исчадий... Меридит упала в обморок, тэль Абре визжала так, что уши закладывало... Сгустки черноты прошивали стены, пол дрожал, мрак вырывался прямо из трещин в каменных плитах, из скульптур, из...

– Случился разрыв материи? На вас напали дети Тьмы?

– Нет, Кейр... на меня напали люди. Мои однокурсники. Кристиан, Меридит, Тина... Еще кто-то. А дети изнанки в некотором роде спасли, – она нервно хмыкнула, возвращая очки на лицо. – Я молилась Имире, обещавшей защищать невинных дев. Опекать в трудный час. Но откликнулась лишь Тьма.

– Кто еще был там? Кто видел книгу? – он обхватил преподавательницу за плечи и подтянул поближе, внимательно вглядываясь в полупрозрачные радужки, прячущиеся за стеклами.

– Вейрон видел. Но он выбежал наружу, когда храм начал разрушаться, – сосредоточенно выдохнула Эльза. – Вряд ли он успел ее вытащить: книга намертво застряла в камне. Но я довольно быстро потеряла сознание. Следующее, что помню – толпа маг-гвардейцев, пучки яркого света и целительское крыло сира Саливара. Так что... Крис мог и вернуться.

Широкие плечи, обтянутые просвечивающей серебристой тканью – словно вархов хирург призывал всех любоваться собой, – нашлись в приемной Джонаса. Сам ректор отсутствовал, а Вейрон умудрился с комфортом обосноваться на чужой территории. Есть такая порода наглых скользких типов, которые везде в своей стихии.

Рядом с гибкими пальцами, рыщущими по карте Анжара, дымилась чашка кофе. Сбоку лежала открытая баночка с фирменной

мазью мисс Лонгвуд, выданная ублюдку несколько часов назад. Секретарь Джонаса – Равия – во все глаза следила за движениями хирургически точной руки, жадно облизывая губы.

Кулаки снова зачесались, но Райс вовремя напомнил себе, что запас мазей рыжей целительницы не бесконечен. И лучше их оставить для тех, кто действительно заслужил помощи, а не переводить на белобрысых придурков.

– Вы... – прошипел Вейрон, лениво оторвавшись от карты. В его пальцах сверкал зеленым отслеживающий артефакт: маг крепко взялся за Алиссу. И Райсу это все решительно не нравилось.

На «выдающемся» лице красовались новые ссадины, оставленные несколькими часами ранее Альваром Граймсом. Магистр не поверил бы, что док полез в драку, если бы лично не присутствовал.

В ушах снова раздался болезненный хрип целителя, предлагающего засунуть хитанского ублюдка в разрыв материи. Как самую дрянную из тварей Эррена... Внутренне Райс был согласен, но зачем-то оттащил дока от хирурга. Если кого-то уволят, то пускай хотя бы одного из них.

– Я, – хмуро согласился Райс, жестом намекая Равии сглотнуть накопившиеся слюни и покинуть приемную. Девушка с несчастным видом вышла, и магистр вновь повернулся к Вейрону. – Десять лет назад. Храм в Либтоуне, ночь даров.

– Не знал, что об этом писали в газетах, – насмешливо фыркнул маг и присел на карту. – Эльза все-таки начала болтать?

– А вас бы устроило, если бы все девушки, сломанные вами, молчали? Если бы все как одна даже не пискнули? – с ненавистью выплюнул Райс и набрал воздуха в грудь. – В алтаре была книга.

– Была... какая-то, – Вейрон пожал плечами и лениво отхлебнул кофе.

– Кто ее взял?

– Не интересовался, – мужчина поставил чашку и развернулся к мерцающему зеленому артефакту. – Я сам едва ноги унес из того храма. До сих пор таскаю на себе дрянное проклятие, подарок от Хендрик...

– Что вы сделали с Эльзой?

– Ничего, как видите. Обычный шуточный ритуал, – Вейрон нагнулся к столу и аккуратно обвел карандашом круг на карте. – Дети бывают жестоки.

– Жестокие дети порой вырастают. И становятся жестокими взрослыми.

– Вы никогда не совершали ошибок? Из-за вас не страдали девицы? – равнодушно бросил выдающийся ублюдок и распрямился.

Райс поморщился. Ошибка, которую он совершил, будучи глупым мальчишкой, стоила ему всего. Разрушила его до основания, обратив в руины.

– Там, в целительском, вы все неверно поняли. Это наше дело с лисичкой. Я бываю не сдержан, вспыльчив, но раньше ее это не смущало, – он задрал разбитый нос и потер подбородок. – И если вы знаете, куда, устыдившись, уехала Алисса...

– К счастью, не имею понятия, – Райс передернул плечами, стряхивая липкую мерзость, которая возникала в воздухе от одного присутствия Вейрона.

Столичный хирург раздражал его одним своим существованием. Кейр не забыл, что увидел тогда. Да и невозможно забыть такое. Рыжие волосы на чужом кулаке, вдавленное в пол разбитое лицо... Порванная юбка, обрывки шелковой ткани на...

– Я не успел предложить ей то, что собирался, – пояснил хитанец. – Не объяснил, зачем приехал на самом деле.

– Оставьте девушку в покое.

Артефакт засиял сильнее, и Райс напрягся всем телом. Похоже, будто на мисс Лонгвуд имелся магический маячок, дававший представление о местонахождении целительницы. Сейчас он указывал на окраины Анжара, растекаясь зеленым светом по дороге, ведущей в Аквелук.

– Вы ей кто? Брат? Друг? Любовник? – надменно уточнил Вейрон. – Сомневаюсь. У лисички хороший вкус на мужчин. Полагаю, вы ей *никто*. Так, случайный свидетель чужой размолвки.

– Это не помешает мне вас уничтожить, если увижу, как эти вот «бесценные одаренные пальцы» касаются ее волос, – процедил магистр, надвигаясь на зарвавшегося хитанца.

– Я вынужден беречь свои руки, этот дар кормит мою семью и спасает жизни, – тот отшатнулся. – Иначе бы...

– Вероятно, мы никогда не узнаем, что было бы «иначе», – едко фыркнул Райс и растянул на ладони плетение «Истинной сути». – Так вы уверяете, что не брали книгу в храме Либтоуна?

– Сказал же: нет! – мышцы на лице Вейрона заиграли, задергались, собираясь в гримасу отвращения.

Избалованный мальчишка! Выкормленный всеми, кто пестовал его «уникальный, великий дар» и уверял ублюдка, что тот достоин всего, чего пожелает.

Но он не соврал: действительно не брал книгу. «Истинная суть» никогда не ошибалась. Сложное плетение, доступное не всем и работавшее лишь на магах, несших в себе яркую искру.

Темный дар, что тек в жилах Кейра, позволял ему видеть больше прочих. Всю зыбкость этого мира, всю тонкость материи. Чужую ложь, дрянные маски, ауры, магические следы. Жить с этим было... непросто.

Проклятый дар, намертво связавший его с темной стороной, проснулся в Райсе *той самой ночью*. Обрушился шквалом фиолетовых рун и клубком нитей, опутавших пальцы. Словно подарок от Золотых облаков – оружие, данное ему для борьбы с главным врагом. С Тьмой.

Значит, в последний раз виззарийскую книгу видели в подземном храме при Либтоуне. Десять лет назад, в канун Дня весенних даров... Тогда как страница из нее оказалась в руках горе-природников, задумавших шуточный ритуал?

За разговорами, визитами в библиотеку и попытками разгадать тайну вырванной страницы время пролетело незаметно. Райс с удивлением проводил анжарское светило за горизонт и потер подбородок. Он не стремился в спальню, с опаской ждал вечера... Который взял и бесцеремонно наступил. Ровно по расписанию. Тьма!

То есть какой-то частью себя стремился, да... Но явно не той, что следовало. И потому всякий раз упрямо огибал коридор, ведущий в знакомую берлогу, с некоторых пор усыпанную варховыми лепестками.

Но вечно избегать хавранку нельзя. Собравшись с силами (и клятвенно пообещав себе более не распускать руки), Райс направился вверх по лестнице.

– Как ваше самочувствие, Кейр? Я слышал, ночью был еще разрыв? – застало его на верхней ступени. Граймс кричал откуда-то снизу, вынуждая магистра развернуться и пуститься в обратный путь.

Альвар стоял у подножия лестницы с чемоданчиком и оттопыренными карманами форменного халата.

– Сносно. Я последовал вашему совету.

– Прекрасно. Я всем пациентам советую следовать моим советам! – покивал док с ехидным азартом. – Позвольте уточнить, драгоценный, какому именно?

– Прошлой ночью я едва соображал после отката и...

– И?

– И не найдя никаких обезболивающих...

– Так-так? – острые серые глаза обернулись двумя щелками, и по вискам разлетелись пучки морщин.

– Вы говорили про тактильный контакт...

– Вы ощупали... кхм... «хавранку»?

– Ощупал, – выдохнул Райс покаянно.

– С которой из сторон?

– Повсеместно.

– Полегчало?

– Не то слово! Даже не сравнить с массажем Маути и эшерским трансом.

– А я говорил, сир Райс, – растекся в едкой пакости, лишь слегка напоминающей ухмылку, главный целитель. – Пользуйтесь, Кейр, пока опять не убежала.

– Я не за этой консультацией к вам шел, – нахмурился магистр.

– А вы шли ко мне?

– Хотелось бы понять природу... кхм... случившегося эффекта.

– П-природу? – Граймс поперхнулся.

– Вы ведь предполагали подобное?

– Допускал вероятность, – Альвар, похоже, веселился, хотя Райс поводов для радости пока не находил. – Вы хотите, чтобы я еще раз проверил вашу... кхм... привязанную?

– Навязанную! – фыркнул магистр и прислонился спиной к холодной стенке. Поерзал по ней затылком, дожидаясь облегчения.

Весь день татуировка на руке его не беспокоила. Напротив, грудь пощипывало приятным, чуть перченым ощущением. Будто бы голубоглазая проблема следовала за ним по пятам, чтобы нить не успела натянуться. А может, он сам успел окрепнуть после сеанса диковинной «кружевной терапии».

– Просто объясните мне, какого гхарра я испытал облегчение, когда...

– Мм?

– Альвар, не стройте из себя идиота! – возмутился магистр. – И из меня тоже... не стройте...

– Лишаете меня единственного удовольствия, – укоряюще покачал головой док. – Виззарийские привязки коварны, но не бессмысленны. На расстоянии они ослабляют, вблизи – усиливают. Вы черпаете жизненные силы друг из друга. Ваш резерв опустел, и вы невольно потянулись к...

– А давайте не будем уточнять, куда именно я потянулся? – Райс отлепился от стенки и передернул плечами. – Спасибо за консультацию.

– Заглядывайте... – Граймс рассеянно почесал затылок, провожая поднимающегося магистра задумчивым взглядом.

Глава 15

Алисса Лонгвуд

– Я весь день ходила за вами, но вы просто феерически неуловимы! – с порога заявила Райсу, явившемуся, наконец, в нашу спальню.

– Ходили? Зачем? – с показным равнодушием выдал он.

– Хотела предложить свою помощь.

– Вы уже п-помогли вчера... Достаточно.

Магистр окатил меня таким говорящим взглядом, что все кружева разом поджались. Вместе с содержимым.

– Не *такую* помощь, – прошипела возмущенно, пытаясь собрать светлые волосы в пучок и повязать тонкой розовой лентой, сорванной с платья. – Нормальную. Вы разобрались, как стереть эту пакость с наших рук?

Шелковая лента упрямо выскользывала из пальцев, волосы не поддавались. Соорудив на голове гхарр знает что, я опустила руки. Похоже, этот бардак со мной навсегда.

– Пока я лишь понял, что случайности не случайны.

– Как глубокомысленно, – закатила глаза.

– И что ответы могут быть в виззарийской книге, отмеченной символами пути и семилистной лоттой, – он кинул на стол пергамент, и я невольно уткнулась взглядом в странную «завихрень» (как ее назвала бы настоящая Вика из центра потеряшек). – Похожий знак есть на странице с описанием призыва чувств. Не такого и шуточного, если учесть, что вы действительно свалились на мою голову.

– Думаете, там сказано, как снять привязку? – протянула с сомнением, стряхивая со стола вездесущие розовые лепестки. – И где она, эта книга?

– Возможно, все еще в Либтоунском храме или в библиотеке при местной академии, – Райс пожал плечами, по привычке падая в свое кресло и вытягивая вперед ноги. Меня начинала мучить совесть, что я заняла собой всю его широкую кровать. – Утром вы составите мне компанию в поездке.

– В Либтоун? – поперхнулась, представив многочасовую тряску в вояжере в его хмурой компании.

– В Либтоун, – кивнул с мрачной решимостью. – Хотелось бы понять, почему виззарийский артефакт связал именно нас с вами. Ведь наверняка к нему прикасались и другие, – он огладил задумчивым взглядом мои бедра и закашлялся. – К браслету, в смысле.

Изобразив лицом последствия ампутации мозга, я улеглась в кровать. Райс пригасил свет. По плечам пробежала дрожь смущения, и я накинула на себя одеяло.

Чувствовала, что даже в темноте он продолжает сверлить меня глазами, требуя ответов. Но я не могла их дать. Понятия не имела, почему нас привязало друг к другу!

Сквозь вязкие мысли пробился тонкий звон, по черным стенам заплясали красные всполохи. Я не сразу поняла, что звук идет из ящика для магпочты.

– Поднимайтесь, Вика, – с меня вдруг бесцеремонно стянули одеяло и, нащупав в темноте локоть, потянули вверх.

– Что стряслось? – я щурилась от ярких красных вспышек.

– Разрыв. На болотах, – к информации Райс добавил несколько сложносочиненных ругательств, но я предпочла пропустить их мимо ушей. – Вы идете со мной. Сейчас.

– Чего? – тут уже я распахнула глаза широко, убеждаясь, что ни гхарра не сплю. И он серьезно. – Куда?

– На болота, Вика, – Райс открыл окно, впуская в мрачную спальню прохладный ночной воздух.

– Нет, нет... я не пойду, – я подскочила с кровати, развернулась в попытке сбежать хоть куда-нибудь от кошмарной перспективы и с азартом расчихалась. Вархова филия!

Непослушная лента тут же воспользовалась ситуацией и выскользнула из пучка, державшегося на честном слове. Волосы вихрем рассыпались по плечам, но в темноте беспорядок был хотя бы не так заметен.

– Мда... – проворчал несносный магистр. И замолк.

Он будто бы задержал дыхание. Во всяком случае, я не слышала вздохов.

– Я не хочу... на эти ваши... болота, – взмолилась искренне. – Там пиявки... и кто знает, что еще водится...

– О, Ви-и-ика, чего там только ни водится. И кого только ни вываливается, – с угрозой протянул Райс и, аккуратно откинув мои волосы с плеч, замотал меня в свой плащ.

Десять минут спустя туфли чавкали по болотной грязи. Это и по светлому времени суток было неприятным времяпрепровождением. А уж в темноте анжарской ночи точно никак не тянуло на свидание.

Я пыталась отказаться. Упиралась, отмахивалась от плаща, в который меня настойчиво впихивали, шипела, как вархова маутянка... Даже согласилась полежать в обмороке, пока магистр сходит по своим важным делам. Привыкать ли?

Но Райс был непреклонен. И тащил меня за собой по хлюпающей грязи навстречу монстрам изнанки.

– Чивари вархов! – пробубнила негромко, пыхтя в напряженную спину.

– Что вы сказали, мисс... Вика? – магистр быстро обернулся.

– Чтоб вас засосало в это болото, говорю!

– Мне не привыкать, – усмехнулась «вторая половинка», ответственная за самые неприятные впечатления в моей жизни. – А вы, я смотрю, уже набрались местных слов, хавранка?

– Попробуй их не набраться, когда отовсюду слышно, – проворчала сердито, с ажиотажем вонзая каблуки в черное месиво.

Из-за кустов слышалось жутковатое «У-у-у!», и мне тоже захотелось взвыть от кошмарности ситуации. На ночных дежурствах в Тарлинской лечебнице я всякого насмотрелась, но... Видит Варх, оно ни в какое сравнение не шло с прогулкой к разрыву материи! Самому настоящему, а не в «Либтоунском Вестнике» описанному.

В Тарлине случались разрывы. И дежурных целителей вызывали на место происшествия. Но обычно мы прибывали к моменту, когда маг-гвардейцы уже залатали дыру в материи. Мы оказывали первую помощь пострадавшим, восстанавливали тех, кто упал в магический обморок. Но я никогда, ни разу, не видела «темную сущность» вживую.

Туфли жалобно хлюпали, заглушая мои робкие попытки скулить. К чему-чему, а к тварям изнанки младшую целительницу не готовили!

– Тише... Ви-и-ика. Иначе всех монстров перепугаете, – с жутковатой ухмылкой заявил Райс, цепко сжимая мой локоть и пресекая попытку побега.

– Если есть шанс, что от страха они добровольно в разрыв материи закопаются, я буду скулить погромче, – пропыхтела в отчаянии.

– Просто разбегутся по лесу. И лови их потом всю ночь аж до самой деревни...

– То есть вы всерьез полагаете, что их несколько? – сощурилась пытливо.

– Вчера было двое.

– У-у-у... – этот звук шел не из кустов, а из меня. Но вышло похоже.

Нога поехала, и я поехала вместе с ней. Вцепилась в вархового магистра, не спеша познакомиться с его болотами теснее. Гхаррово копыто!

Я никогда не мечтала о брачных узах. Раздражали все эти присказки «муж в город судном, жена вояжером», «союз супругов – что цепь на вековом туре», «от Аквелука до Анжара – как от помолвки до брака»... Но теперь они, «узы» эти нерушимые, и вовсе казались форменным издевательством!

Райс вынул меня из хляби и вернул дрожащему телу вертикальное положение. А сам наклонился к земле, порылся пальцами в душистой болотной жиже и выудил оттуда горсть черных округлых камешков. Сбросил на ладонь омывающее плетение, и кристаллы замерцали золотым.

– Хмм... – нахмурился магистр, вглядываясь в находку.

– Что это? – тоже уставилась на россыпь джантариков.

– Такие желтые камни часто находят в местах разрывов, – задумчиво пояснил Райс, все еще сдвигая черные брови к переносице. – Обычно в форме осколков или цельных, неограниченных кристаллов. Но эти... огранены и отполированы. И их явно больше, чем обычно. Так, словно...

– Ууу! – вторя мне, с жутким воем из кустов выскользнула... сама тьма.

Сгусток мрака о пяти хлестких змееподобных щупальцах! С фиолетовыми глазами, двумя огнями разрывающими черноту Анжара.

Тварь бросилась вперед, прямо на нас, явно узнав в Райсе давнего «приятеля».

– Мать Вархова! – я взвизгнула в ужасе и застыла, внезапно ощутив, что магистр прижимает меня к своему телу. Сделала судорожный вдох, обернулась к монстру... Нет, даже так, в руках Райса, было до одури страшно!

Не в силах отвести глаз от черной тени, я в панике вырвалась из захвата. Отскочила назад, шлепнулась многострадальными кружевами прямо в заболоченную вязкую землю и... решила пока не вставать.

Нет, такого в «Целительстве для чайников» точно не было. И в программу адаптации иномирян входит едва ли!

Будь я настоящим психиологом, я бы, может, поискала под рукой тяжелый предмет, который сошел бы за «самозащитный артефакт». Но я была всего лишь Алиссой Лонгвуд, воспитанницей пансиона, постигавшей целительскую магию тайно по книжкам. Боевых плетений мои руки отродясь не знали.

– Ууу! – дитя Тьмы покачивало отростками изменчивого тела, тянулось чернотой к нам.

Ботинки Райса намертво пристыли к болотной хляби. Он в напряжении стоял ровно передо мной, загораживая от монстра. И, кажется, уже по щиколотки ушел в грязь.

С рук магистра сочились ярко-фиолетовые нити, иногда обретая форму капель, иногда растягиваясь в гибкое лассо. Он что-то бормотал, окутывая морок перед собой розоватой дымкой. Фигура мага подсвечивалась яркими сгустками силы, и вид он имел... устрашающий. Даже со спины.

Я ошалело глазела в просвет между двух расставленных ног. С этого ракурса в области магистерских колен отлично просматривалась тварь изнанки. Каждое ее, Варх меня прибере, щупальце! И это такие Райс рассчитывал обнаружить под хавранскими кружевами?

– Боги Эррена, боги Эррена... – в бреду бормотала я, шлепая ладонями по луже и отползая все дальше за спину магистра.

Морок оплетало фиолетовыми нитями, стискивало, сжимало и утягивало к дыре в материи. Ее я видела тоже. Неровный край, искрящийся розовым, сочащийся черным туманом.

С обиженным «Ууу» существо всасывалось в разрыв. Райс продолжал придерживать «поводок», свободной рукой вырисовывая все новые и новые плетения. Отправляя их к ране на теле хрупкого мироздания.

Разрыв стягивался на глазах, черный туман стелился по земле и впитывался в замшелый покров леса. Последнее щупальце скрылось из виду, и Райс оборвал мерцающую цепь.

– Поднимайтесь, – пошатнувшись, приказал магистр и подал мне поддрагивающую ладонь.

Схватившись за грязные пальцы, я потянулась вверх. И почти даже встала, но Райс резко отдернул руку, бестактно позволив мне шлепнуться обратно в лужу. В нос ударил аромат тины, лесной плесени и подгнивших водорослей.

Ничуть не сожалея о случившемся, магистр пытливо взгляделся в кусты. А затем, насмотревшись на черные листья, бросил в них ярко-зеленый световой пучок.

– Шшш! – выскочила из лесной чащи маутянка.

– Дэлия? – закашлялся Райс, разглядывая шипящее личико. – Какого гхарра тут...

Девица, не размениваясь на любезности, припустила своими миниатюрными пятками в противоположную сторону. Через пару секунд ее силуэт скрылся в лесу, и магистр вновь вспомнил о моем существовании и помог подняться. О том, что мое платье когда-то было розовым, теперь совершенно ничего не напоминало.

– Что-то мне подсказывает, что она не массаж пяточками приходила делать... на болота, – проворчала я с издевкой.

Но всю мою язвительность слизнуло волной, когда Райс, покачнувшись, стал заваливаться на мох.

– Спятила? – прошипел, видно, на маутянском, когда я подставила ему свое плечо. – Сломаешься!

– Ну лучше вас тут оставить, само собой! Родная грязь, любимое болото, дружелюбные твари... Самая лучшая для вас компания, – пропыхтела сдавленно, сгибаясь под неподъемной тушей и чуть не теряя сознание от избытка впечатлений. – Переставляйте ноги, если не хотите, чтобы мы тут утонули!

Райс, что-то раздраженно бухтя в полубреду, послушно шагал к академии. Не помню, как мы забрались по лестнице на самый верх к его берлоге. Грязь шлепала с нас комьями, оставляя следы на каждой ступени.

– Вас надо отмыть... – прохрипел магистр, качнувшись в сторону купальни.

– К гхаррам, – сонно проворчала, подталкивая его к другой двери. – Само отвалится. И уползет...

Едва мы переступили порог, магистр упал лицом вниз, украсив недавно чистый пол свежими черными брызгами. Но сегодня моя чистоплотность давала сбой. Озадаченно постояв над мужчиной, я взяла с кровати подушку и аккуратно подсунула под его голову. Сверху бухнула розовое одеяло и устало завалилась на пол рядом.

Вряд ли это был крепкий, здоровый сон. Похоже, Райс потерял сознание, наглотавшись вдоволь магического отката.

Давясь тошнотой и с трудом разлепляя веки, я растянула между пальцев целительское плетение и незаметно стряхнула на его грязный затылок. Втерла живительный пульсар в плечи и шею, с удовлетворением наблюдая, как золотистая пленочка покрывает кожу. К утру все исчезнет, но за ночь магистру должно стать лучше.

Граймс что-то говорил про тактильный контакт, так что я подняла тяжелую ладонь Райса и опустила на свое плечо.

– Охраняешь, Вивика? – наморщился выдающийся нос, и пятерня на моем плече осторожно сжалась. – Не бойся, я не сбегу.

– «Вика»... – поправила сонно.

– Ну да, ну да, – хмыкнул Райс и, поерзав щекой по подушке, отключился.

Глава 16

Грязь не отвалилась и никуда не уползла. Так что пока магистр спал, я все утро в ванной приводила в порядок розовое платье и многострадальные кружева. Отстирывала, сушила, реставрировала. Счастье, что пропуск давал доступ ко всем благам магической цивилизации.

К моменту, когда я, вновь чистая и благоухающая, вернулась в логово эшерского тролля, меня там уже ждали. Хмурый, как сгусток мрака, магистр. И широкий поднос, накрытый на две персоны.

– Либтоун, – напомнил сгусток мрака, дожевывая тост. – Наша поездка в силе, я договорился о встрече с хранителем храма-музея.

Он успел сменить одежду, убрать подушку с пола и даже вытряхнуть высохшую грязь с пододеяльника. Если бы еще ускорения ей в сторону болот придал – цены бы магистру не было.

Первый час в вояжере, выкатившемся из ворот академии, я сосредоточенно молчала. Глазела в окно, тоскливо обозревая зеленый анжарский пейзаж и пытаюсь не замечать испытующий взгляд карих глаз.

До Аквелука часов шесть? А до Тарлина? А до, вархова бездна, Либтоуна?! В том, что в компании молчаливого магистра я сойду с ума, сомнений не возникало. Но интересно, как долго я продержусь. Хватит Алиссы Лонгвуд до границ Анжарской провинции или без шансов?

– У вас ведь есть...

– Мм? – поерзал на противоположном диванчике Райс и отложил газету.

– Летающие корабли, – я ткнула пальцем в синеющее небо, обложенное пышными золотыми облаками.

Говорят, именно там раньше восседала Имира Сиятельная со своим братом Вархом. Ну, до того, как ее... Как ее связали нерушимыми «узами» и запихнули в керрактскую бездну.

– Мой резерв еще не восстановился. Несмотря на все ваши старания, Вивика, – пояснил маг, и в черных зрачках я уловила

насмешку. – Как истинная хавранка, вы не имеете в себе искры. И вряд ли перенесете полет на воздушном судне без моей защиты.

Да чудесно я переношу воздушные суда, даже несмотря на среднюю одаренность!

– И как долго нам качаться на этих кочках туда-сюда? – решила я проявить любознательность. Как истинная хавранка.

– К вечеру наверняка доберемся.

– Огх... Офонареть.

– Угу, – согласился магистр и равнодушно уставился на первую полосу газеты.

– В той книге может не быть рецепта от виззарийского брака...

– Может и не быть, – он поднял глаза и прищурился. – Но мы хотя бы узнаем, где она сейчас хранится. Кто имел к ней доступ и мог вырвать страницу. Кто надоумил моих студентов провести гхарров ритуал и...

– ...притянул меня в ваше болото.

С тяжелым вздохом я откинулась на мягкую спинку. Нервно пожевала губу: на шее магистра еще осталась паутинка от золотого плетения. Тьма! К счастью, этим утром он умывался наскоро и не разглядывал себя в зеркалах купальни.

Ворот новой рубашки Райса традиционно стискивал зажим с желтым камешком. Вроде тех самых кристаллов, что мы нашли на болотах.

– Ваша шипящая...

– Дэлия не «подружка». У нее контракт с академией. Не со мной.

– Я не осуждаю, – замялась от неловкости.

– Ну да, разумеется, – острый взгляд шлепнулся на мои губы, и я сглотнула.

Ну, может, самую капельку. Исключительно в смысле растрат бюджета академии.

– Я видела ее в спальне. Мне показалось, она пользовалась вашим ящиком для... Тем, стеклянным, что возле кресла, – поправилась молниеносно. – А когда ходила по коридорам, я заметила ее в вашем кабинете. У стола с...

– Барахлом для ритуала? – подсказал магистр. – И теперь болота. Она явно знает больше, чем шипит... Любопытно, да?

– Странное совпадение, – поморщилась от дурных догадок. – Если бы я искала с вами встреч, то болото выбрала бы в последнюю очередь.

– Отчего же? Я там бываю даже чаще, чем у себя в кабинете или в спальне, – с насмешкой прохрипел маг. – Если и искать «случайных» встреч, то разве не там, где человек бывает чаще всего?

– Я... не знаю, где принято, – пробормотала растерянно.

Кристиан меня сам всегда находил, стоило ему лишь захотеть. И мои желания его волновали мало. Мог заявиться на ночное дежурство, мог прижать к стене в перевязочной, мог подловить при возвращении домой...

В мою съемную комнату он никогда не поднимался, даже если Софи и Мег там не было. Оно и понятно: слухи по небольшому Тарлину расползаются быстро, а у хозяйки есть не только сковородка, но и уши.

Я пригляделась к Райсу. Сильная искра, старинный род, крепкий дар... Кому-то он вполне мог казаться завидным женихом. Но не настолько же, чтобы ночью торчать в кустах на болотах, дожидаясь очередного разрыва?

– Эти камешки, что вы вчера нашли, они ценные?

– Их находят довольно редко, – пробормотал Райс, постукивая пальцами по газетным листам. – Если собрать достаточно и соединить чарами в цепь, можно на время пленить темную сущность. У магов-ученых в Хитане имелась теория, что «тьманитами» – так мы их называем – можно спровоцировать разрыв. В столичных лабораториях проводят подобные эксперименты.

– Думаете, кто-то накидал по лесу отполированных «тьманитов», чтобы поймать монстра с щупальцами? – я как приоткрыла рот, так и не закрывала.

– Или чтобы порвать материю, – Райс потер лицо и шумно вдохнул. – Может, все вместе: устроить разрыв и пленить дитя Тьмы... И он, этот кто-то, предпринимает явно не первую попытку. Вот уже который месяц вызовы следуют один за другим. Строго в ночные часы, почти в одном и том же месте...

– А тот «тьманит», что у вас на воротнике, не опасен? – я коснулась взглядом напряженной шеи. – Или он пленит мрак внутри вас? Если да, то камешек плохо справляется.

Работал бы лучше – этот мрак не лез бы сейчас из карих глаз, затапливая вояжер.

– Он служит иным целям. Напоминает мне о том, ради чего я каждую ночь хожу на болота. И о том, какая жестокая и бессердечная дрянь она на самом деле...

– Кто?

– Тьма.

В Аквелуке мы сделали остановку. Райс застрял в отделении магической почты, а я бродила по весеннему парку, стараясь не отходить далеко от двери, за которой исчез магистр.

Заскучав, зашла в книжную лавочку, полистала пару редких целительских трактатов... Пожалуй, Анжарской академии не помешало бы какое-то из этих изданий. Но вряд ли Джонас расщедрится на пополнение библиотеки в ближайшее время: и без того хлопот до гхаррова хвоста.

Когда вернулась к вояжеру, Райс уже стоял у дверцы с кульком засахаренных анжарских орехов. Местное лакомство, известное на весь Эррен. И как только угадал? Я такие орехи всегда в ящике стола держу, на случай внезапного перекуса.

Следующие несколько часов Райс дремал над «Либтоунским Вестником», шевеля хмурыми бровями на особо занятных сплетнях, а я хрустела угощением. И переваривала его слова о том, что маутянка – не подружка.

– А вы не думали себе завести... кого-нибудь, кто...

«Оттирал бы кляксы с вашего лица после визита на болота».

– Думал. Недавно. Даже планировал... – оторвался он от эрренских новостей. – Впрочем, неважно. Я слишком долго собирался, и она сбежала.

– Д-девушка? – в горле пересохло.

– Каффа, – хрипло рассмеялся Райс и пристально на меня посмотрел. – А вы на кого подумали?

Да совершенно ни на кого!

– Черная?

– Она прибилась ко мне недавно, – он откинулся на спинку, с интересом впитывая мою растерянность. – Я подкармливал,

временами чесал за ухом, все как положено. Но, знаете ли... без обязательств.

– Обязательства вы не любите, – понимающе покивала мужчине.

– Я предпочитаю никого к себе не привязывать... Вика. Это всем на благо. Впрочем, временами я делал ей подарки, – признался магистр. – Как всякую деву, ее интересовали безделушки, а у меня как раз оставался еще один памятный тьманит. Так что я смастерил для каффы ошейник-медальон. Наши гостевые отношения устраивали обоих, но... похоже, я и ее умудрился разочаровать. От меня все сбегает рано или поздно. Это, впрочем, неудивительно.

Я машинально потеряла руку, расчерченную серебряными завитками. Мой поводок меня удерживал от решительных действий. И в сторону побега я пока могла только глядеть. В крайнем случае – лежать в выбранном направлении.

– Она возвращается, когда вас нет, – сообщила магистру. – Как ее зовут?

– Каффа.

– Нет, я про имя. Уменьшающееся, ласкающееся...

– Она не моя. Не мне ее и называть.

– Ну да, точно! – фыркнула и отвернулась к окну.

Спустя час или два вояжер подкатился к окраинам Тарлина. Я узнавала эти места: провела здесь всю сознательную жизнь. Я скучала по ним в Анжаре и сейчас, глядя в окошко, с аппетитом поглощала глазами знакомый пейзаж.

Райс взирал на въездные городские ворота без энтузиазма, с тоской.

– Вы устали. Хотите сделать остановку? Прогуляться? – предложил после минутных размышлений. – Это Тарлин, мы подъезжаем со стороны района Тауссен. В городе есть красивая площадь, озеро, набережная...

«Несколько партэлей, главная Тарлинская лечебница, печально известный пансион мэтра Сайлэ, моя съемная комнатка...» – мысленно продолжила за магистра.

– Хочу.

Вояжер притормозил неподалеку от улицы, где мы с Софи и Мег снимали комнату. Этот самый адрес я указала в записке, чтобы бывшей

хозяйке переслали мои чемоданы. Я взволнованно заозиралась, словно кто-то мог меня узнать. Ткнуть пальцем, упрекнуть во лжи.

Пока я нервно переминалась с ноги на ногу, косясь на до последнего кирпичика знакомый дом, Райс успел сходить за угол. Он вернулся с полным свертком хлебных ломтей, зажаренных в пряных травах и душистом цветочном масле.

Я до отказа наполнила легкие знакомым ароматом. Мурашки рассыпались по спине и рукам. Точно такой хлеб продавали рядом с Тарлинской лечебницей! Мы с Софи покупали его и отправлялись обедать на озеро.

Набивая щеки привычной едой и жадно дыша, я осматривалась по сторонам. Вот сюда, направо, убегала дорога в район Тауссен. Софи работала там младшей гувернанткой. А вот там, прямо за фонтаном, пансион мэтра Сайлэ, печально известный на весь Тарлин. Скривившись, я развернулась к магистру.

Райс бросил вояжер на обочине и направился в соседний квартал. Я послушно потопала следом. Он повернул к району Криффен, я догнала и машинально схватила мага за локоть.

Сначала привычно оцепенела. Потом отшатнулась, сделав попытку обогнуть неблагополучное место. Все огибали. Так принято. Об этих руинах ходили самые жуткие легенды!

Думаю, они были правдой. Где-то там в развалинах пряталась тьма. Летом Софи тут прошлась, прямо по камням, оставшимся от старого имения. Обычно мы сюда не совались, но выбирая из двух бед...

Словом, она рассказала, как увидела существо. Маленькое, желтоглазое, с хоботком. Вот прямо тут, под обломками! Оно потом долго являлось к ней в кошмарах.

– Здесь живет мое прошлое, – прошептал Райс, и я с неохотой соединила две мысли в одну.

Точно... Развалины имения Райсов. Магистр Кейр Райс. Это явно не совпадение, да?

– Когда-то это здание было доминантой тарлинского центра, – пробормотал магистр. – А теперь остался один фундамент.

Поговаривали, тут случился самый крупный разрыв в истории города. С тех пор на этой земле никто так и не захотел поселиться:

ходила городская легенда, что под землей затаилась Тьма и она не потерпит над собой человека.

Но, может, дело было в другом. У развалин уже был хозяин. Вполне здравствующий, мрачный, обитающий на дремучих Анжарских болотах в компании пиявок и тварей изнанки.

– Вы не думали вернуться сюда? Восстановить имение?

– Прошлое должно оставаться в прошлом... Вика, – Райс окинул меня странным взглядом, и по лопаткам пробежалось неприятное чувство, что за нами следят.

Я огляделась по сторонам, но никого не обнаружила. Ни тени, ни мага-ищейки, ни исчадия мрака... И даже моя бывшая хозяйка из окна на другом конце улицы не высывалась.

– Было время, когда в Эррене почти не случалось разрывов, – Райс кивнул на развалины. – Маги-ученые только присматривались к тварям изнанки. Мы не знали, как использовать темное топливо, не понимали, как закрывать дыры в материи...

– А порталы?

– Спонтанных не случалось вовсе. Даром проходимца владели лишь избранные, поэтому о других мирах тут знали немного. Это сейчас мы получаем технологии с Сеймура. Исследуем, изобретаем. Находим применение всему, даже мраку... Темное топливо, к примеру, укрепляет подъемные чары воздушных судов. Но было время, когда это все было в диковинку. Материя мира сильно истончилась за пару десятков лет... Верите ли, Вика, я не всегда планировал штопать разрывы на болотах.

– И чем бы вы занимались?

– Я учился на природника, – усмехнулся Райс.

Да просто... огхарреть!

Представить темного магистра в каком-то ином амплу не получалось. Чтобы Райс вместо болот засеивал плантации альтацитронов? Выкармливал детенышей кафф, укладывал в спячку вирр? Высаживал сады розовой филии вокруг дворцов Ее Величества?

– Что с вами случилось?

– Жизнь, – фыркнул маг и повел меня вдоль руин. – Мой род достаточно древний и уважаемый, а в Эррене принято заключать союзы между равными. Магически равными. Мне прочили брак с какой-нибудь из девиц тэль Меер или дир Папиллон, в крайнем случае

– из Темсфордов. Но во время учебы я... как это обычно случается с молодыми и горячими магами... заинтересовался девушкой. Однокурсницей. Она была весьма средней одаренности, но меня привлекала не ее искра.

Я растерянно поморгала глазами: говорящий магистр. Не просто способный издавать звуки... добровольно разговаривающий. Со мной! Через рот! Не с Алиссой, правда... А с Викой.

– Не могу с уверенностью сказать, что был истинно влюблен. Возможно, меня интересовали другие вещи... И, пожалуй, тогда все казалось игрой. Втайне от родителей, которые уже договаривались с тэль Меерами, я заключил с ней магическую помолвку. И той же ночью в знак согласия получил в дар не только сердце девушки, но и все остальное тело.

– Вы не слишком откровенны?

– Бросьте, Вика. Вы же, прости, Имира... психиЁлог! Лекарь для души! – профыркал магистр и строго на меня поглядел.

А я начинала понимать, почему психиёлоги часто используют тяжелые предметы.

– Мы встречались тайно, и чем дольше продолжалась эта связь, тем сильнее крепла моя привязанность, – продолжал бубнить Райс, ничуть меня не стесняясь. Я же от его приступа искренности то бледнела, то повсеместно покрывалась краской. – Однокурсница знала тайный ход в дом, в крыло, в котором располагалась моя спальня. Я считал девушку своей невестой, но не торопился решать проблему с отцом. Вероятно, мне стоило сообщить ему раньше. Хотя я примерно представлял, какой ответ получу.

Было душное лето, близился парад светил Звездносвода. Вы как истинная *хавранка*, конечно, не знаете. Но в эти дни магия мира замирает, материя истончается. Любые сильные заклятия запрещены, за исключением легких чар.

Мысли о моей невесте не давали мне покоя. Ее темные, как самая беззвездная ночь Звездносвода, глаза приходили в снах, пока я отбывал магическую практику в Анжаре. На парад светил нас должны были отпустить домой, и я написал ей, назначив встречу в привычном месте.

– В вашей спальне, – подсказала с нотками неодобрения.

Не потому, что считала поведение юного Райса предосудительным. Он хотя бы помолвку заключил! Скорее потому,

что сама вот так встречалась с Вейроном. Тайно. И временами себя за это ненавидела.

– Мда... Я опоздал. Вояжер, что вез меня с товарищами из Анжарской провинции, сломался, и всю ночь мы провели за починкой. Я спасался грезами, что хотя бы к рассвету доберусь до своей кровати, обнаружив в ней...

– Как ее звали?

– Неважно. Это вообще теперь неважно, – отмахнулся Райс и легким толчком сдвинул меня на дорогу. За откровенной беседой я и не заметила, что прошла по развалинам и перебралась на другую сторону. – Я приехал уже к руинам. Крупнейший разрыв за тот год... Впервые в центре Тарлина.

– Вы могли тоже в нем погибнуть?

– Может, да, может, нет, – магистр пожал плечами и двинулся вперед по дороге, ведущей к лечебнице. И к партэлю. – Наутро мне удалось пообщаться со спасшимися слугами и восстановить события. Понять, что привело к разрыву.

– А у них есть причины? Разве не рвется материя где попало?

– У всего есть причина. Ночью отец поймал мою невесту, когда та тайным ходом пробралась в дом. Было много криков... и унижения.

– Кошмарно, – согласилась с магистром.

Я всякий раз боялась, что нас с Кристианом поймают. И меня осудят. Не его, что примечательно. Женатого и выдающегося. А меня – среднеодаренную выпускницу пансиона, возжелавшую погреться в опаляющих лучах Звездносова.

Эта грязь навсегда осталась со мной. Прикипела, въелась под кожу. Я слишком долго не находила в себе смелости прекратить те отношения. И Райс видел, к чему это все привело. Осуждал, укорял... Я заметила это той ночью в черном взгляде.

– Она пыталась объяснить, что приглашена мной, – продолжал рассказ магистр. – Показывала помолвочный браслет, фамильный, древний... Отец не мог его не узнать. Он обвинил ее во лжи и воровстве и...

– И?

– И сорвал украшение, нарушив один из древнейших законов, – Райс пнул подвернувшийся камень. – Разбил магическую помолвку. Вложил столько силы, что...

Мы миновали и лечебницу, и партэль, но я едва скользнула взглядом по знакомым очертаниям. История магистра заняла меня всецело. Что-то подсказывало, что это первый и последний приступ откровенности между нами. Я и сама-то не любила раскрывать другим душу, а у Райса явно была аллергия на беседы.

– Разрыв материи случился прямо по центру дома, в зале для торжеств. Твари изнанки бросились в наш мир, опутывая своими липкими хоботками и щупальцами все, на что натыкались. Моя невеста имела слабую одаренность и, столкнувшись с тьмой, упала в глубокой обморок. Никто ей не помог, никто не спас. Дом разрушился, часть его затянуло в разлом, часть осталась здесь, в Тарлине...

– А ваши родители? – усилием воли я закрыла распахнутый рот и взволнованно сжала губы.

– Они выжили, но отец сильно пострадал. Следующее столкновение с тьмой стало бы для него смертельным, так что они решили сбежать. От проблем, от грязного Тарлина, раздираемого мраком. Род Райсов весьма обеспечен, отцу требовался уход... Родители наняли одаренного «проходимца», чтобы перевел их на Саци. Им хватило средств, чтобы выкупить себе пожизненное пребывание на каком-то из местных оздоровительных курортов.

– А как же вы?

– Все имущество, оставшееся в Эррене, завещали мне, велел непременно продолжить род и передать благословенное имя Райсов наследнику. Представьте себе, Вика: им, истерзанным разрывом и озабоченным своим благополучием, вдруг стало неважно, кто станет моей невестой. Не испорчу ли я репутацию рода и достойна ли будет девушка носить наше имя.

– Вы больше не виделись?

– Я уехал в Анжар за день до их отбытия. Уверен, чемоданы они дотащили и без меня, – хмуро проворчал Райс. – Я не спрашивал, от чего бежит отец. От смерти, от вины или от наказания. В том разрыве погибло двенадцать человек. Восемь слуг, двое наших соседей, один случайный прохожий и...

– И ваша невеста, – я сглотнула горечь.

– Ежегодно я получаю с Саци отчеты о здоровье родителей и их благополучии. Иногда счета за дополнительные траты. Мать увлеклась

магическими коктейлями, а отец восстанавливается массажами в подпространстве. Но не письма... Нет, писем не получаю.

В тягучем, вязком молчании, горчащем на вкус, мы вернулись к вояжеру. За эту небольшую прогулку я вдруг ощутила себя невероятно уставшей. И с охотой забралась на знакомый диванчик.

– Этот кристалл я нашел в тот день, – магистр сел напротив и щелкнул ногтем по зажиму с «джантариком». – Я пытался разбирать завалы, но из всех щелей лезла тьма. Маг-гвардейцы оттащили меня в лечебницу, к выжившим слугам. Тварей из разрыва еще несколько дней ловили по всему Тарлину. Пошли легенды, что часть из них спряталась в обломках и затаилась...

– Вы поэтому поехали на окраину преподавать темные чары и штопать разрывы? Из мести?

– Анжар не самое популярное место у магов моего уровня. Кто-то же должен? И да... у меня с Тьмой свои счеты. Той ночью я получил дар и теперь за него расплачиваюсь, как умею.

Он прикрылся газетой, которую, если я верно подметила, успел прочитать уже раз семь за поездку.

– А вы, хавранка-психиёлог? – проворчали из-за страниц.

– А?

– Родители гордились вашими успехами?

– Я их не знала, – спокойно пожала плечами. – От меня отказались в раннем детстве, и я помню себя только в приютах. Хозяйка первого была не самой тактичной дамой. Она быстро объяснила воспитанникам, почему мы оказались в этом богами забытом заведении.

– И почему же? – с недоумением прохрипел магистр и согнул страницу, открывая часть лица и выдающийся нос.

– Потому что нашим родителям были не нужны дети второго сорта.

– В смысле «второго»?

Ну что он как маленький? Ах да, «Ра-а-айс». Древний род, сильная искра и вот это все. Откуда ему знать, что происходит за болотами дальше его породистого носа?

– В том самом смысле. «Второго». Читается так же, как пишется. Вы не возражаете, если я посплю?

Я улеглась на диванчик и отвернулась от любознательного магистра. Вояжер покачивался на ровной дороге, и я старательно сопела, изображая сон.

Средняя и даже слабая одаренность – не приговор. Но в случае если оба родителя принадлежат к крепкому древнему роду, искра в их потомках всегда получается яркой и сильной. Всегда. Без исключений.

Однажды хозяйка первого приюта, изрядно пригубив эшерской, показала мне газету. Как сейчас помню – «Либтоунский Вестник». Она мерзко хихикала, мусоля какую-то сплетню. О том, что представительницу известного рода, благородную замужнюю даму, подозревают в многолетней интрижке с водителем частного вояжера.

Тыкала длинным костлявым пальцем в картинку, демонстрируя мне красивую рыжеволосую леди, и приговаривала: «От линиялого гхарра не родится благородная хара. Вот потому-то, деточка, ты и второй сорт. И место твое в лучшем случае в партэле».

С той ночи я делала все, чтобы доказать ей, а потом и мэтру Сайлэ, обратное.

Глава 17

В промышленный Либтоун, задымленный и душный, утыканный магическими фабриками и деловыми офисами, мы въехали поздним вечером. Миновали фонтан четырех стихий, проехали по богатой Ривер-штрассе, докатились до окраины города и выбрались наконец из серого смога. Шпили знаменитой Либтоунской академии приближались, и Райс отложил газету.

Нас встречали сир Саливар, главный целитель, моложавый подтянутый ректор, сменивший на посту пожилого сира Дариуса, и еще какой-то маг в ярко-синем халате до пола.

– Что-то вы зачастили из Анжара! – прокряхтел целитель, подавая третьему спутнику светильник, источавший во все стороны ярко-рыжие лучи, и толстую папку. – Неугомонные.

– Дело не терпит... – выдавил Райс и остервенело потер рукав.

– Да уж потерпело бы до утра, – ворчал Саливар, возвращаясь за ворота.

Нас с Райсом на территорию академии не пригласили. Видимо, магистр настоял, чтобы сразу по прибытии нам устроили экскурсию в храм. И то, что ни гхарра не видать вокруг, его волновало мало.

– Простите старика Салли, его хронические хвори мучают который день, – ободряюще подмигнул ректор и кивнул на мага в синем. – Это хранитель храма-музея, сир Таэли. Он сопровождает вас в зону раскопок и магической реставрации.

Коротко поприветствовав нас, сир Таэли разжег фонарь сильнее, так, что рыжий свет залил дорожку в лес аж до самых елок. И медленно двинулся вперед, приглашая следовать за ним.

– Это был любимый храм Имиры Сиятельной. Место силы... Раньше сюда водили экскурсии, – шептал маг, ступая в лесную чащу.

– Он подземный? – я закашлялась, оглядев круглый валун, прикрывающий вход в пещеру. Залитые рыжим светом, раскромсанные и осыпавшиеся ступени убегали вниз.

Сердце согревала мысль, что раз вокруг столько защитных экранов, значит, вход закрыт. И мы туда не полезем.

– Он не просел в землю, как многие полагают, а намеренно строился так, – пояснил хранитель. – Имира, заступница юных дев, опекала тех, кому грозит беда. Всем девицам, искавшим помощи, разрешали спрятаться тут. Позволяли укрыться в самом безопасном месте.

– В безопасном? – с сомнением заглянула за экран.

Да от той лестницы одни воспоминания остались! И явные попытки укрепить их чарами выглядели, ей Варху, хлипковато.

– Говорят, когда керрактское войско демонов во главе с Верховным высадилось на островах Маути и двинулось на Эррен, бежавшие оттуда маутянки укрылись именно здесь. Тут, под золотыми сводами, они нашли убежище, спасение от жестоких воинов. Чтобы сохранить девам жизнь и невинность, Имира сама вышла к Верховному и позволила надеть на себя оковы.

– Наверняка она ждала, что брат заступится, – я растерянно вдавила каблуки в мягкий мох и поежилась на холодном ветру. – Это демоны тут все разрушили?

– О, нет... горстка студентов, решивших отметить Весенние дары опасным ритуалом, – горько рассмеялся сир Таэли. – Когда в юных магах бурлят гормоны, они порой хуже демонов. Вход сюда был закрыт, храм находился в аварийном состоянии, своды в любой момент могли обрушиться... И прошлой осенью это произошло. Мы поначалу решили, что укрепляющая магия рассохлась, но при раскопках нашли под завалами горсть взрывающих артефактов.

– Вы спускаетесь туда? – прохрипел Райс, где-то потерявший голос.

– Каждый день, сир, каждый день. Работаем осторожно, по капельке, – покивал хранитель. – Разбираем завалы вместе с группой магов-ученых из Хитаны, парой десятков добровольцев со всего Эррена и дюжиной приставленных к академии маг-гвардейцев.

– Опять добровольцы, – поморщился Райс. – И откуда в людях столько энтузиазма?

– Всех манят тайны, сокрытые в темноте, – с виноватой улыбкой признался сир Таэли. – Но книгу, о которой вы писали, никто не находил. Я сверился с описью. Хотя подняли далеко не все, конечно...

Он потряс толстой папкой, отчего фонарь в другой руке затрясся, разбрызгивая пятна рыжего света по черным камням.

– Если бы кто-то нашел древнюю книгу на виззарийском, ее тут же передали бы в королевскую библиотеку, – сообщил сир Таэли. – Сами понимаете, какая по нашим временам редкость. Все, что касается Виззары, все артефакты и манускрипты, хранятся строго в специальном секретном отделе и не покидают пределов королевской библиотеки.

– Ну некоторые все же покинули...

– Я лишь реставратор магических артефактов, сир Райс, – выдохнул покаянно маг. – Историк доварховых времен...

– Мы можем спуститься?

– Это и днем-то опасно, – завозился в синем халате маг и беззащитно сощурился. – За экранами разломы. Заступите по неосторожности за черту – и провалитесь в самую бездну.

– Я рискну, – мрачно заверил беднягу Райс, а я тем временем отступила на шаг от валуна.

Если магистр жаждет провалиться в бездну – пускай проваливается. Но без меня.

– Ваша воля, – пожал плечами Таэли. – И еще, сир...

– Договаривайте.

– У нас было несколько случаев, когда найденные внизу артефакты были подняты, но не попали в опись. У сира Саливара возникло подозрение, что кто-то из команды...

– Подворовывает древности? – хмыкнул Райс, будто того и ждавший. – Странички из книг вырывает? Мелкие желтые камешки таскает из статуй? Мне нужен список всех, кто участвует в раскопках и магической реставрации. Особенно... Варх их прибережи... «добровольцев».

Райс протиснулся между камней и поманил меня за собой.

– Мы ведь туда не полезем? – без особой охоты уточнила у него. К такому меня «Целительство для чайников» не готовило.

– Полезем, – Райс забрал у сира Таэли фонарь и начал осторожный спуск.

Ему совсем жизнь надоела? А как же болотные твари? А так любимые им пиявки? И эшерская, еще не вся в мире выпитая?

– Я не хочу туда, – выдохнула, глядя в черную дыру, еле заметно расчерченную лестничными пролетами.

– Я не знаю, Вивика, насколько короток нынче наш поводок! – Райс потряс перед моим носом своим серебристым запястьем. – Если я вдруг случайно провалюсь в бездну, вам лучше провалиться вместе со мной.

– До чего оптимистичный расклад!..

Уже со второго шага я поняла, что наступаю не на настоящие камни, а на призрачную иллюзию былых ступеней. Хлипкие чары едва держали нас с Райсом, натужно поскрипывая.

– Не дергайтесь, мисс... Вика. Я смогу вас защитить, – он нащупал в темноте мою руку, но не сказать, что от неожиданного прикосновения сильно полегчало.

– Вы даже не знаете, от чего. Боги... Да что здесь произошло? – я оглядела разбитый, частично осыпавшийся свод храма, из которого виднелись звезды на черноте.

Защитных экранов тут было с два десятка. Через какие-то разломы и черные речки были проложены призрачные мостики. Все это переливалось в темноте радужно-голубым.

– Священная земля содрогнулась от ужасных ритуалов, что посмели здесь провести, – мрачно выдал магистр. – Материя здесь очень тонка. Очень. Словно каждый чих может нарушить равновесие. Здесь случилось много всякого... Зла, поправшего основы мироздания и вековые законы.

Он видел больше, чем я. Намного. Но даже я ощущала, что некогда священное место, дарившее девам защиту, нынче сочилось тьмой. Будто прямо под полом, под нашими ногами, разверзалась вархова бездна. Чернота Междумирья.

Райс поставил фонарь на пустующий постамент и усилил световой поток. Оглядев бесконечную плантацию коробок, в которые были хаотично свалены пробирки, баночки, камешки, осколки, части статуй... и все с бирочками, требующими описи... Я поняла, что застрянем мы тут даже не до утра. А до угасания Звездносвода.

– Сир... – выдохнула в спину замершего Райса. Он обернулся и зыркнул так, что я тут же поправилась: – Кейр... как вы вообще узнали, что виззарийская книга была в храме?

– Мисс Хендрик видела ее десять лет назад в алтаре, – пробубнил он, безошибочно выделяя в черноте очертания священного камня. –

Она оказалась тут в ночь весенних даров с одним... с «выдающим сиром Вейроном».

Он вновь обернулся, прорезав воздух между нами тяжелым взглядом. Но больше ничего не сообщил.

Кристиан... Причем тут он? Я знала, он учился в Либтоуне, в этой самой академии, но...

– Как думаете, Вика, как мог этот символ появиться на алтаре? – он перенес фонарь на камень, и в рыжем свете проступила выпуклая картинка.

Из семи лепестков лотты – символа Имиры Сиятельной – осталось только три. Остальные были сколоты взрывом.

– Эшерский символ пути еще читается, – бубнил Райс, пригибаясь к камню и тыкаясь в него носом. – И вязь рун имеет отношение к Виззаре. Алтарь, книга... Я консультировался с мисс Донован, с Мюблиумом, с Хендрик. Ничего подобного они не видели. Так вот, Вивика, как думаете...

Выдающийся нос отлепился от алтаря и теперь нависал надо мной.

– Мм?

– Как книга на языке древнего забытого мира оказалась внутри камня, которому не меньше тысячи лет? – Райс сощурился с таким подозрением, словно я лично в алтарь эту книжку запихивала. По страничке. – И зачем на нее нанесли лотту Имиры?

– Может, ее спрятала одна из прежних хранительниц? – я пожалала плечом, чуть отодвигаясь от мужчины, пахнущего мраком, темным даром, лесом и неприятностями. – Какая-нибудь из тех маутянок, что бежали от демонов...

– И зачем же она прятала эту книгу?

Я во все глаза смотрела на Райса. Не дыша. Он о чем-то меня спросил, но мысль, растекшись маслом, ускользнула.

В голову ей на смену тут же вошла другая: что за всю поездку магистр не спал и почти не ел. Вчера ночью он был очень плох, и не факт, что резерв успел восстановиться. Как он еще на ногах стоял?

Эта брачная привязка как-то дурно на меня влияла. Откуда нелепое желание позаботиться? Прибраться в чужой конуре и сменить простыни на свеже-розовые?

Кто знает, что на самом деле призывал вархов ритуал. Может, насильно заставлял чувствовать то, что люди вроде меня и Райса были чувствовать вот совсем не готовы? Ни капельки?

И почему на болота прилетела я, а не мисс Донован? Она бы была не прочь, если бы ее ощупывали и в плащ заматывали наглые руки магистра.

– Плиту положили обратно, – хмуро отметил обладатель наглых рук, постукивая ногтем по черному гладкому камню.

Я думала, в храме Имиры все должно быть белым и золотым. Исполненным в ее нежных божественных цветах. Но со временем и без должного ухода интерьер обветшал, потемнел. Покрылся черными прожилками, плесенью и сизым мхом.

Мне в храме Имиры делать было решительно нечего. Она опекала только невинных дев, попавших в беду. А не заляпанных грязью со всех сторон.

– Вы ведь не полезете туда? – обеспокоенно подпрыгнула, когда Райс наклонился над плитой и попытался сдвинуть. – Это же алтарь. Священное место!

Я отпихнула магистра и встала между ним и камнем, спасая божественную реликвию от осмотра и ощупывания. Диагности варховы!

Да, проданная, всеми униженная богиня не стала бы защищать Алиссу Лонгвуд, натворившую столько глупостей. Но это не значит, что я не буду защищать ее.

– Еще как полезу. Отойдите, психиёлог. Если книга еще здесь, я бы с интересом ее почитал...

Не замечала за ним раньше любви к книжной пыли. Только к болотам. Маутянкам. И эшерской.

– Нельзя так бесцеремонно вламываться в древний храм. Вы даже не невинная девица!

– И слава Варху! – хрипло профыркал магистр и покосился на меня как-то недобро. – К счастью, девицу я захватил с собой. Если что, буду откупаться вами.

Боги Эррена... Мы ругались, как сварливые супруги.

– Я уже не гожусь на жертву, сир... Кейр, – призналась со вздохом. – Хавранские нравы и вот это все.

Он задумчиво облизнул губы и придвинулся поближе.

– Страница с ритуалом обрывается на самом интересном месте, – Райс навис надо мной, и в подземном храме как-то резко повеяло холодком. Запахло влажным мхом, мокрой древесиной и мраком. – Так, словно после обещанного призыва чувств должно произойти что-то еще... Щель слишком узкая. Сунете ручку?

Райс взял меня за запястье и осторожно погладил кожу, поправил перстенок с самарудом на пальце. В темноте жест мог бы сойти за интимный, если бы он тут же не потянул мою руку к темному пролому в камне. За которым меня ждало Варх знает что. Возможно, долгая и мучительная смерть.

– Отвяжитесь... – попыталась отобрать ладонь.

– Я только привязался, – удрученно напомнил маг. – Все психиёлоги в Хавране такие трусихи?

– Это разумная предосторожность, – я расширила глаза. – Там может сидеть эта тварь... с щупальцами... и только и ждать...

– В вас нет искры, хавранка, – с легким прищуром напомнил Райс. – Вам не опасно столкновение магических энергий.

– Ладно. Я достану вам вашу книжку, – сурово сдвинув брови, я потянулась к разлому. – И вы наконец от меня освободитесь. Счастье-то какое, да?

– Ага... и еще какое. Смогу гулять по болотам в одиночестве. И не думать, что это кого-то убьет, – негромко прорычал мужчина и передернул черными плечами.

– Вы обо мне беспокоитесь или о себе? – нос обиженно шмыгнул.

Линяные виззариёцы... Граймс не шутил: привязка с каждым днем все сильнее пускала корни. Оплетала... аж до сердца.

– Бросьте... Ви-и-ика, – голос зазвучал гуще, и нос магистра внезапно уткнулся в мой. – Разве не видите? Я жить без вас не могу!

Прозвучало раздраженно. И до боли язвительно.

– Это временно, – пробубнила, взволнованно поглядывая на вторую половинку от нашего общего «чивари».

Может, на него брачная привязка тоже действует как-то... нездорово? Взять те же засахаренные орехи, которые он купил для меня в Аквелуке. И поднос со сладостями. И хлеб в травах. И его откровения на руинах...

Все это совсем не вязалось с тем вечно мрачным, замкнутым и немногословным Райсом, которого я знала с начала учебного года.

Словно его околдовали или вроде того.

А сейчас в черных глазах плескалось намерение. Такое, с большой буквы Намерение. Будто магистр хотел меня поцеловать, но почему-то медлил.

Запястье жгло, но не больно, а так, словно кожу смазали порошком мягкого эшерского перца. Ее щипало, покалывало. А если прикрыть глаза, то мгновенно вспоминалось, с каким жаром Райс меня обнимал в тот раз, приняв за ночную гостью...

– Вы что творите, Вивика? – выдохнул раздраженно, и я осознала себя тянущейся к его рту.

Вархова бездна! Да чтоб этих выдумщиков-визарийцев под корень вытоптало стадо гхарров!

– Ничего, – отшатнулась и шумно задышала, нащупывая за спиной гладкий алтарный камень.

Ладонь скользнула в черный разлом, раздался ускользящий шелест страниц, и пальцы что-то нащупали.

– Ай! – прошипела, резко дергая руку в камне.

Она застряла! Намертво.

– Что случилось?

– Порезалась о бумагу, – пробубнила обиженно. – Надеюсь, визарийцы не смазывают свои страницы ядом?

– До крови?

– Ну а как иначе? – воздела к дырявому потолку глаза.

– Тьма! – прогремел Райс, и земля под нами вздрогнула.

Камень поддался, выпустил раненую добычу. Я вызволила ладонь и с обиженным «охом» облизнула окровавленный палец. Секунду порадовалась удачному избавлению. А потом с громким треском полетела вниз, в беззвездную черноту.

Глава 18

Летела я недолго. Сделала в черноте какой-то нелепый кувырок, отчаянно всхлипнула, простилась с жизнью... и приземлилась ровно в сгусток отборного мрака. Носатый и принявший формы магистра Райса. Который мог бы быть и помягче, но что имеем...

– Где мы? – прохрипела, оглядываясь вокруг без всякой паники.

Полет в темноте выпил остатки нервов, и в тело хлынула апатия. Это ведь та самая бездна, в которую мы все-таки провалились, да?

– Там, где мне быть рано, а вам вообще не положено...

Боги Эррена!

– Если я когда-нибудь... – сердито пропыхтела, поднимаясь с магистра и отплевываясь от волос. – Соберусь связать себя брачными узами по-настоящему и добровольно... Напомните мне, пожалуйста, вот про *это*.

Окинула обреченным взглядом бесконечные просторы... черноты.

– Разумеется, Вика. Буду отслеживать этот момент. И как только, так сразу, – серьезно покивал Райс. – А с чего вы решили, что наши «узы» ненастоящие?

– Прекращайте ваши шутки, – помахала пальцем перед выдающимся носом и медленно побрела вперед.

Сделала пару шагов и остановилась. Нигде не было таблички с надписью «Выход».

– Это изнанка бытия, – пояснил Райс, ощупывая сухую землю. – Пристанище черных душ. Сильных, наделенных искрой, принадлежавших магам...

Иссохший ствол ветвистого дерева рос прямо из смолисто-темной лужи. Мрак сочился черным туманом из трещин в земле. Воздух тут был сладковатый, но на языке оседал горечью и печалью. Магистр в распахнутом плаще отлично вписывался в картинку.

– Вы очень гармонируете с пейзажем.

– Чего не скажешь о вас, – он обернулся. – Нам тут не место. Есть закон: у каждого своя сторона.

Змейка, оплетавшая наши руки, сменила серебряную чешую на черный глянec. Тонкая блестящая ниточка тянулась от моего запястья к

магистру. «Узы»...

Тут наш поводок был видимым, осязаемым. Цепь казалась такой непрочной... Хочешь – возьми и оборви!

Вторая моим мыслям, Райс подцепил ниточку пальцем и потянул на себя до сильного натяжения. Я охнула: может, если разорвать, то привязка сама собой рассосется? Но магистр выпустил паутинку, повесив обратно в воздухе.

– Почему?..

– Я «по наитию» с незнакомой древней магией не работаю, – уклончиво ответил Райс и отвернулся.

– Но вдруг это и есть решение?

– Правильное ли? – черный взгляд впился мне в лицо. – Вика, вы мне доверяете?

– Да не так чтобы очень...

– Тогда ждите, пока мы найдем правильное.

– До угасания Звездносвода?

– Здесь он угас давно, – он воздел глаза к черноте над нами. – Надо скорее убираться отсюда.

– Но как?

– Как все, – пожал плечами, нащупывая в воздухе только ему видимую магическую волну.

– Разрыв материи устройте? В Эррене?

– Ломать не строить... – задумчиво бубнил магистр, медленно бредя вперед. – Дети Тьмы, попадая на светлую сторону, начинают вспоминать, чувствовать. К ним возвращается сознание... и это всегда оканчивается паршиво. Но никому доподлинно не известно, что случается с людьми, попавшими на изнанку. Не удивлюсь, если они теряют память. И рассудок. Так что если я говорю «надо убираться»...

– Значит, надо убираться.

Да будто я висла на его локте, кокетливо жмурясь и умоляя навернуть еще пару кружков!

Райс тут был другим. Плечи стали шире, спина прямее, осанка благороднее. И от него сильно пахло лесом. Но не болотом, а скорее смолой, корой, влажной хвоей...

Плащ был словно пошит из струящейся призрачной материи, черной, усыпанной мерцающей джантарной крошкой. Нос Райса

касался еще более длинным, черты – острее, породистее... Истинно аристократический профиль.

Плащ развевался за ним еще метра на три, хлестая на ветру полупрозрачной тканью. Сама я движения воздушных потоков не ощущала. Меня не задевало ветром. Но темные травы колыхались, тонкие деревца сгибались...

А еще Райс был окутан изменчивым мороком, и этот «силуэт», сотканный из тени, едва за ним поспевал. Если маг делал резкий шаг, то мрачная сущность замирала... а потом неспешно, плавно вновь втекала обратно в тело. Не оставляя и шанса убежать. Казалось, этот мрак он носил с собой всегда, не в силах скрыться.

– Изнанка смотрит в суть, она говорит на другом языке. Все здесь видится немного иным, искаженным... но в тоже время выпуклым, ярко-выраженным. Изнанка выявляет то, что ей понятно. Вы тоже выглядите иначе... Вика.

– Боги... как? – я завертелась на высохшем клочке земли.

– Кожа светится золотистой пудрой. А волосы будто выкованы из меди, – описал Райс. – И за вами тянутся кружевные потоки энергии цвета анжарских самарудов.

Я резко обернулась. Вархова бездна! Действительно... тянутся.

Зелено-золотые кружевные ленты, паутинка чар... Я сразу узнала свою целительскую магию. По приятному фруктовому запаху, по нежному сладкому привкусу, по теплomu искристому чувству.

После стольких ночей дежурств я знала, как она ощущается, а теперь видела наяву. Искра словно бы отделилась от меня и следовала по пятам. Платье под определенными углами тоже выглядело другим. Оно было зеленым.

– Странно. Я ожидал увидеть что-нибудь розовое, сотканное из лепестков филии и шелковых белых завязок, – ехидно отметил Райс.

– Вы здесь тоже не пахнете той дрянью, которую пьете, – поджала губы и двинулась за ним.

Его мрачная тень запнулась, и Райс напряженно застыл, когда я случайно ступила ногой в его тьму.

– Не надо.

– М?

– Не прикасайтесь. Отступите на шаг. Она жжется и...

– Меня не жжет, – я робко дотронулась до мерцающего силуэта, что плавно всасывался обратно в Райса. На пальцах осела серая дымка и тут же пропала.

– Значит, это только для меня. И все же не приближайтесь, Вивика. Вам слишком опасно находиться рядом.

– Но и не рядом я находиться не могу! – напомнила своему «чивари» и подтолкнула его за плечо вперед.

Фамильярный жест не остался незамеченным. Вместо того, чтобы ускориться в поисках таблички «Выход», Райс снова встал. Вцепился глазами в мою голую руку и задрал свой рукав.

Да, он прав: змейка-татуировка здесь тоже изменилась. Кожу покрывали какие-то оборванные завитки, кусочки символов...

Райс махнул рукой, и его мрачная тень зависла в воздухе, оставив сотканный из серебрящегося дыма отпечаток. Я уложила на слепок мираж свое запястье, и рисунок объединился. То, что ранее казалось кружевной змейкой, теперь напоминало сложную цепочку незнакомых символов.

– Виззарийский, – подтвердил Райс мою догадку.

Вероятно, здесь, на изнанке, проявилась и суть татуировки.

– Что тут сказано?

– Что любовь ослабляет и делает сильнее. Оживляет и убивает. Она и яд, и противоядие. Я не силен ни в виззарийском, ни в философии, ни в...

– Да не похоже, что тут про философию, – протянула с сомнением. – Рано или поздно эта штука нас по-настоящему убьет. Вы уверены, что успеете найти «правильное» решение?

– Доверяйте... Вика.

– У меня не так чтобы много вариантов, – понуро согласилась с женщиной.

Ох, Лисси, не так ты представляла себе прогулки по Либтоуну и экскурсии к древним храмам...

Я с неодобрением покосилась на широкую черную спину, что упрямо от меня отдалялась. Райс снова предпочел сбежать, прихватив с собой мрак, нос и сияющий звездами длинный плащ.

Сухая земля под ногами была на удивление плодородной. Из нее веерами торчали пучки полупрозрачных трав, кое-где шуршали тонкими ветвями серые кустарнички. Я подняла юбку и присела,

пытаясь разглядеть черные бархатистые камешки. Вблизи оказавшиеся цветами.

– Семилистная лотта, – прошептала, но Райс меня не услышал. Разглядывал что-то впереди. – Символ Имиры Сиятельной.

Лотта... Нет, не такой ее рисовали в книгах. На драгоценных форзацах цветы бело-золотые, пышные. Они даже на бумаге источали дивный нежный аромат.

Сейчас все семь черных лепестков истекали дымом. Они раскрывались повсюду – слева, справа, – словно приветствуя гостей своими тяжелыми бутонами.

В Эррене этот цветок давно не рос: выродился с тех пор, как Сиятельная богиня была продана демонам. Но здесь, на изнанке, тени увядших лотт продолжали распускаться. Покачиваться на странном, душном, сладко-горьком воздухе.

Не сдержав порыва, я сорвала один цветок. Поднесла лотту к носу, сделала осторожный вдох... Ожидала ощутить запах гнили или смерти, но нет, аромат был приятным. Тяжелым, пряным, богатым, гвоздично-сандаловым. Оказавшись в моей руке, лепестки обернулись прахом и с шелестом развеялись по ветру.

– Что вы там высматриваете? – я подняла голову к магистру, топтавшемуся между двух высохших деревьев с черными стволами.

– Книгу. Она должна была провалиться сюда вместе с нами, – выдохнул Райс. – Вы ведь ее почувствовали?

– Я слышала, как шелестят страницы. Порезалась о бумагу, – напомнила мужчине, поднимаясь с земли и отряхивая юбку.

– Если она здесь, то может выглядеть иначе.

– Как?

– Проявится сама ее суть... – задумчиво пробубнил, исследуя глазами пейзаж.

А он стоял того, чтобы исследовать. Впереди прямо из серого песка вырастали призрачные здания. Некоторые строения мне что-то напоминали, другие выглядели незнакомо.

Спустя десять минут неспешного шага мы оказались на настоящей улице. Не слишком оживленной (вообще мертвой!) и сотканной из изменчивых теней.

– Мать вархова... – выдохнула ошеломленно.

Хитанскую башню «Импариал» было трудно не узнать! До разрушения ее изображения печатали в «Либтоунском Вестнике» каждую неделю. Здесь она, совершенно целая, горделиво возвышалась над прочими домами. И пыталась ковырнуть острым шпилем черное, беззвездное небо.

По правой стороне «улицы» обнаружилась аптека – хорошо мне знакомая, тарлинская. Мы в ней часто покупали наборы магических трав и ингредиенты для мазей. До того, как прямо перед крыльцом случился разрыв, разворотив часть стены и все ступени...

Странный пейзаж был словно собран из кусков разных городов. Настоящие улочки, заканчивавшиеся тупиками и провалами. Своя диковинная, изнаночная, извращенная карта, перекроенная на темный манер... Маленький мир, сотканный из черного тумана и спрятанный под большим.

– Вы тут бывали раньше, сир... Кейр? – уточнила у прямой спины, втиснутой в развевающийся плащ.

– Видел... в разрывах, – признался Райс, сосредоточенно хмурясь.

Набор строений и их расположение были хаотичными и немного нелепыми. Вряд ли опытный маг-градостроитель взгромоздил бы фонтан на крышу беседки, а фруктовую палатку поставил в центр черного озера. Но кто-то тут явно постарался... Для чего это все? Чтобы черные души чувствовали себя как дома и не стремились на светлую сторону?

Некоторые знакомые здания и с нашей стороны не сильно пострадали, от других остался лишь фундамент. Но их мрачная копия обрела вечную жизнь... на изнанке. Или не вечную. Может, от дуновения ветра все рассеется жидким черным туманом. Или обратится прахом, как тот цветок.

Все поросло серой травой и мхом, у порогов расцветали угольно-черные лотги. Где-то здесь должен быть домик родителей Софи. И имя Райсов. А я ведь даже не знаю, как выглядели жуткие развалины до того, как стали прошлым. Это случилось очень давно, я тогда еще не родилась. Или только-только появилась на свет.

– Вика, перебирайте ногами шустрее, – поторопил магистр, за которым я едва поспевала. – Пока местные обитатели нас не приметили.

Местные... Те, что с щупальцами? Пока ни один морок не вылез из тумана, но еще не вечер. Хотя... уже ведь ночь. Где-то там, наверну. Здесь она, похоже, и вовсе вечная.

– У вас есть какая-то цель? План? – взволнованно просопела, подбегая к магу.

– Бегло осмотреться на предмет книги, найти место столкновения материй и устроить разрыв, – прохрипел Райс, помогая мне перешагнуть призрачный ручей.

– Тут любой дом может быть книгой! – всхлипнула, чувствуя, как паника возвращается в тело. – И вот та статуя, и вот этот фонтан с черными струями...

За аптекой я разглядела край анжарского леса. Точно анжарского: я узнавала искривленные стволы, ветрами и временем заплетенные в причудливые кружева.

– Знакомое болото, – согласно покивал Райс и направился к любимому месту для первых свиданий.

Я же стояла как вкопанная. Пейзаж был до того странным!

Перед черным, будто смолой наполненным «озером» выростали из земли ворота имения Кольтов. За ним взмывал к небу высоченный утес. Волны темного тумана бились о скалы снизу, пытаясь достать до красивого дома наверху.

Это здание было соткано из какого-то более плотного мрака. Отборного, как вархов магистр.

– Я знаю этот дом. Он есть и на светлой стороне, – Райс указывал пальцем на утес, поднимающийся из черных волн.

– Вы в нем бывали?

– Однажды. Был настоятельно приглашен владельцем. Проводил индивидуальную тренировку с одной из моих учениц, – признался он и поморщился. – Это была разовая акция. Я... вошел в положение.

Значит, не всех он приглашает к себе на болота? Только мне повезло с прогулкой?

– Книга может быть там? В доме на утесе?

– Если не книга, то ответы... Или новые вопросы, – бубнил маг, минуя «ворота Кольтов» и обходя «болото». – Много, много новых вопросов!

Тень, что следовала по пятам за Райсом, его явно беспокоила. Он ускорял шаг, пытаясь оторваться... Или от меня, или от мрака, который

неминуемо всасывался обратно, стоило притормозить.

Со мной договориться было проще. Я в хмурого магистра не всасывалась, не пыталась больше потрогать его тьму и держалась на почтительном расстоянии.

– Что будет, если исчадия с хоботками найдут нас раньше, чем вы – место столкновения энергий?

– Меня убьют, вас отпустят, – равнодушно выдал Райс, вновь сбегая от черноты, что таскалась за ним по пятам. – Ваша аура светлая, ни пятнышка, вас не посмеют задержать. Разве что наша связь может стать... препятствием.

Он остановился, впустил в себя прилипчивый мрак. Подошел, провел пальцами по моим локтям, и впрямь покрытым какой-то золотистой пудрой. Словно меня пытались загримировать под статую в храме, а потом смыли краску, да не всю.

– На мне хватает грязи, – призналась Кейру со вздохом. – Вам просто не видно под этой глупой пылью.

– Мне много всего видно... Вика, – хмуро поспорил он. – Особенно здесь. Здесь мне видно... все.

– Так уж и... Проклятье! – вскрикнула, увидев черную тучку, что стремительно приближалась к Райсу со спины.

Я насчитала с десяток желтых и розовых глаз!

За какой-то миг – я не успела моргнуть – магистра опутали жилистые щупальца и попытались втянуть его вместе с плащом в вязкий туман.

Райс дернул рукой, высекая несколько рун. Те мигнули фиолетовым и осыпались серым пеплом на землю. Тут его магия не работала.

С нечеловеческим рыком магистр стряхнул с себя клубок черных туманных змей. Выплел новые чары... И те обернулись белым пухом. Разлетелись по изнанке то ли снежными хлопьями, то ли нежными перьями молодой цапы. И мне из призрачного леса послышался надменный смех.

– Эй, стойте! Отпустите его! – рявкнула в фиолетовые глаза, зыркавшие из морока.

Райса вновь оплетали черные жгутики, утаскивали все дальше и дальше в лесную чащу. Магистр с ужасом глядел на серебристую ленту, что вилась между нами, то утончаясь, то расширяясь.

– Порви ее, – прошипел севшим голосом, сдергивая с шеи туманное щупальце.

Ниточка между нами натянулась до боли в руке, взрезала запястье.

– Но ведь это неправильное...

– Слышишь? Рви!

Глава 19

В груди хлопала тоска, в кожу больно впивались черные виззарийские символы. Намекая, что это ровно тот самый момент, когда любовь отравляет, ослабляет и убивает.

Я едва поспевала за магистром, которого с ажиотажем утаскивали изнаночные твари. Они подпрыгивали в воздухе, размахивали щупальцами и разве что не улюлюкали – так были довольны находкой!

Его плащ развевался между высохших древесных стволов, оставляя темный след. Когда Райс с компанией местных пропадал из виду, я ориентировалась по стелющемуся за ними туману. И еще по связывающей нас нити, мерцающей в лесной темени тончайшей паутинкой.

В этот раз я очень быстро перебирала ногами, свободной рукой задрал юбку аж до колен. Не могла позволить ниточке оборваться.

Райс сказал, что это «препятствие». Но препятствие чему? Чтобы отпустить меня, связанную с его тьмой, с изнанки? Или чтобы вот так взять и с легкостью убить магистра, связанного с моим каким-никаким, но все-таки светом?

Призрачная ленточка готова была порваться от сильного натяжения. В горле булькало соленое отчаяние: казалось, в этот момент кто-то из нас умрет. И я бежала, выставив руку вперед, следом за своей «второй половинкой».

«Рви...»

Но это ведь неправильное решение. Он сам так сказал! Неправильное.

Разве могу я, младший целитель с правом практики, рискнуть чьей-то жизнью? Нет-нет, это слишком экспериментальная методика.

Проклятье! Я не была ни темным магом, ни исчадием изнанки. Я не была даже психиёлогом. И понятия не имела, что делать в таких запущенных случаях.

Туман, ориентиром стелившийся по замшелой дорожке, привел меня к высокому черному обелиску. Потрескавшемуся, местами разрушенному. Из постамента, вздыбливая корнями землю и камни, росло старое дерево.

И все, больше ничего. За мной был лес и призрачный город, впереди – ровная серая пустыня.

– Где сир Райс? – выкрикнула в пустоту, потирая обожженную кожу на предплечье. – Вы не можете его просто так забрать! Он еще живой, его место наверху!

С обидой стукнула по обелиску, оцарапывая ладонь о сколы. Больно, но уже к гхаррам. Стукнула еще и еще окровавленным кулаком, оставляя темные разводы на глянцевой черноте.

«Дочь Илии тэль Меер и Марибо Браксаарда, приветствую тебя...» – прозвучало в моих мыслях.

Со свистящим вдохом я оторвала руку от камня. Почудится же.

Дерево приветливо покачало ветвями, пока я вытирала ладонь о юбку. И за обелиском из теней сплелись высокие кованые ворота.

– Куда вы забрали Кейра Райса? Ответьте, прошу! – допытывалась, глядя то на черное небо, то на серую землю. Не зная, от кого требовать ответов. И с отчаянием тонущего моряка понимая, что сейчас от дрянной эшерской и сама бы не отказалась...

– Его черная душа всегда желанный гость в наших домах, – уклончиво ответило... дерево?

– Вы нарушаете древний закон! У каждого своя сторона.

Нарушают же? Райс всесторонне живой, хоть и выглядит временами, как исчадие. Я с силой пихнула ворота, сотканые из тумана. Но при этом совершенно непрошибаемые.

– Его черная душа тяготит Эррен. Мы окажем миру услугу.

– Она не черная. Это просто аура мага, – пробубнила сосредоточенно. – Она подавляет, да, сочится из глаз, пробирает до дрожи... Неуютно, понимаю. Но это совсем не то...

– Вина... – прошелестели из-за ворот.

– Вина, – согласилось дерево. – Закон не будет нарушен. На нем вина за смерть двенадцати человек.

– Его там даже не было!

Я не была знакома с судебной системой изнанки, но происходящее выглядело беспределом. Понятно, что у Райса давние счета с исчадиями мрака... Но с какой стати высохший тур решает, кто виновен, а кто нет?

– Грех рода. Никто не оплатил... – хрипло пояснил глянцевый камень. – Дети за отцов, внуки за дедов... Кейр Райс единственный

представитель рода в Эррене.

– Каждый несет свое бремя, – покивала сухая крона. – И бремя своего рода.

– Это прошлое! Давно забытое...

Хоть тарлинцы и продолжают обходить те руины стороной, да.

– Время оплаты всегда приходит. От него не сбежать, – с присвистом прошелестел из-за ворот невидимый собеседник. – Иди своей дорогой, дитя. Возвращайся на свою сторону.

Я растерянно присела на каменный подиум и судорожно вдохнула.

– Вы не можете его убить, – упрямо прошептала, набрав воздуха в грудь. – Есть препятствие.

– Для тьмы нет преград, кроме света, – философски не согласилось древо.

– Он связан со мной. Видите? – потрясла рукой, гхарр знает кому показывая символы на коже. – Виззарийская привязка. Древняя, как само мироздание. Если вы меня не пропустите к нему, я умру прямо тут, перед вашими воротами. Вот здесь, на камешке! По вашей вине!

Я с усердием покивала, удобнее размещаясь у подножия обелиска. Не была уверена, что блефую: в груди жгло, внутренности заполнялись тоской. Я действительно чувствовала себя очень дурно. Но вряд ли хуже, чем Райс.

– Глупое дитя. Зачем свету цепляться за тьму? Оборви связь сама, пока это возможно.

– Не дождетесь. Это неправильное решение. И если вы с ним что-то сделаете... – пробормотала растерянно. – В моих целительских книжках про это не было, но почти уверена, что я тоже умру. Тогда вы точно нарушите древний закон, так?

Почему в «Целительстве для чайников» не имелось главы о том, как вести переговоры с мраком? Я не была уверена, что давлу на верные болевые точки. И вообще голова шла кругом. Лисси Лонгвуд общалась не с кем-нибудь, а с высохшим туром, черным камнем и призраком за воротами! И еще Граймсу советовала не налегать на тоники...

– Грехи твоего рода оплачены, – задумчиво кивнуло дерево. – Нам нет проку от твоей души. Пока что...

– Так отпустите нас! Сегодня, – взмолилась, растирая похолодевшие щеки. – Уверяю, Райс еще не раз провалится в вашу

бездну... Его эшерской не пой, дай только к разрыву прогуляться!

– Поздно, дитя. В главном зале подношений уже идут торги за его черную душу, – с неправдоподобной жалостью сообщило древо.

Торги... За душу... Да просто огхарреть.

Ох, Лисси, не стоило тебе завидовать приключениям иномирянков.

– Пустите хотя бы...

Точно ли я хочу туда попасть? И своими глазами увидеть, как мерзкие твари с щупальцами соревнуются за жизнь темного магистра? Точнее, за право лишиться его этой жизни и обратить мраком.

– Хочешь выторговать его себе? А что предложишь взамен? – с интересом спросил невидимый призрак изнанки. – Капля крови, оставленная на алтаре, дает тебе право войти в зал подношений и участвовать в торгах.

– Хочу... участвовать, – сообщила дрожащим голосом и поднялась с камня. И ворота передо мной беззвучно распахнулись.

Едва я шагнула за выкованный из теней заслон, пустыня обрела очертания темного леса. Но не анжарского, а скорее либтоунского. Того самого, по которому мы брели с сиром Таэли и Райсом пару часов назад.

Вывод этот я делала из простого наблюдения: сейчас мои глаза упирались в круглый валун, прикрывающий вход в подземный храм. В *тот самый храм*, в которой я уже спустилась! А потом упала еще ниже, в глубину бездны.

Невидимый привратник собрался из серой дымки и приобрел черты человека – молодого мужчины в старинном мундире, какие носили лет двести назад. Жестом он указывал на сдвинутый валун. Мол, топай вниз, пока без тебя, глупая душа, не сторговались.

У самого входа буйно разросся чешуйчатый черноягодник. Странно: тут он выглядел так же, как и с нашей стороны. Редкое растение, не в каждой даже целительской книге упоминающееся.

Я осторожно перешагнула бархатистые заросли и ступила на уцелевшую лестницу. Можно ли дважды спуститься в одно место, ни разу не поднявшись?

Выходит, можно... Но и место было другим.

Потолочный свод был собран из круглых витражей, по периметру подземного храма стояли золотые статуи. Здесь они казались темно-серыми, но по гляncу легко узнавался драгоценный металл. У стен

громоздились туманные стеллажи с книгами, столы с кувшинами, мраморные чаши для омовения... До разрушения храм Имиры был истинно великолепен.

Только один «предмет интерьера» совсем не радовал взор. На целехоньком алтаре лежало главное подношение богине – сир Кейр Райс собственной благословенной персоной, чуть заляпанной местным болотом. Его мерцающий звездами плащ свисал с обеих сторон черного камня, стелился волнами по полу.

Участники торгов бродили вокруг, сотрясая воздух свистящим «Ууу» и колыхаясь своими изменчивыми телами. Некоторые исчадия мрака выглядели почти людьми, у других имелось запредельное количество щупалец. Иногда они подходили к камню, что-то шептали и бросали к подножию предметы, скрытые тенью. На меня внимания не обращали, словно визиты младших целительниц из Тарлина тут были делом обычным и мало занимательным.

Ноги дрожали, сердце тарахтело, как старенький сломанный вояжер. Я давила в себе крики, старательно делая вид, что все в порядке вещей. Мол, щупальца и щупальца. Экая невидаль? Хотя такого бардака в жизни Алиссы Лонгвуд еще не случалось.

Огибая каждого из существ по большой дуге и наматывая растянувшуюся серебряную нить на запястье, я кое-как пробралась к алтарю. Боги Эррена, что они сделали с магистром?

Тот выглядел катастрофически неживым. То есть, попади он на мое дежурство в приемный покой... Я бы послала его в другую магическую инстанцию. Мрак черными лентами оплетал бледную кожу, вены налились темным ядом. Очень жестокая кара за то, чего даже не совершал.

Вот зачем Райс полез в храм среди ночи? Что за кошмарная привычка нырять во мрак без оглядки, не думая о последствиях? Отдавать всего себя целиком, растворяясь в пыль в гадких болотах? Ох, я бы много всякого высказала ему сейчас, будь он в сознании!

– Сир Райс... Кейр, – прошептала, аккуратно дергая магистра за воротник и нащупывая вену на холодной шее. Не мог же он быть совсем мертвым? – Это я... Я пришла, чтобы...

«Выторговать вашу черную душу у тварей изнанки», как-то так, да?

Никто меня не отпихнул, не обругал за нарушение порядка. Видимо, «предмет торгов» было разрешено ощупывать и осматривать всем участникам. Но кроме меня желающих не нашлось. Или они по пути сюда «нащупались», доведя крепкого мага до обморочной бледности.

– У тебя связь. Препятствие, преимущество. Назначь хорошую цену, – просвистел теневой привратник мне в затылок, и я от неожиданности подпрыгнула метра на два.

Уверена, на изнанке меня так же, как и наверху, ждал глубокий обморок от любого прикосновения к темной сущности.

– Но у меня ничего с собой нет, – призналась шепотом.

– Обычно предлагают невинность старшей дочери рода или сокровища из тайных подземелий... Диковинные артефакты из иных миров или сильную искру старшего сына...

Сколько отличных идей! И ни одна не подходит. Ни невинности, ни артефактов у меня в кармане не завалилось. Змейка – и та убежала, оставив лишь нерушимый след.

– Еще можно сердце. Оно, правда, сразу почернеет, – накидывал варианты привратник. – Жалко: твое так ярко и вкусно бьется... Он дорог тебе?

– Да я жить без него не могу! – раздраженно заявила, потирая запястье.

– Ты осмелилась спуститься глубже. Будет глупо уходить ни с чем, – просвистел ветер позади меня, и тень привратника исчезла.

Я слышала шепоток вокруг, даже понимала некоторые фразы, скрытые за однообразным «Ууу». Все обсуждали магистра, который сам сглупил и пересек запретную черту. Добровольно пришел в гости к Тьме, которая, уж понятно, не откажется от столь щедрого подношения... Кажется, они торговались за право подарить его душу своей жуткой матушке.

– Ты жива. Ты можешь дать то, чего нет у других. И более никогда не будет, – вернулся свист в мое ухо. – Кровь, волос, услугу и обещание...

– Кому услугу? Какое обещание?

Странная у них тут валюта. Я растерянно замотала головой, разыскивая общительную тень, но боясь отойти от магистра.

– Разве это имеет значение? Или плати, или уходи.

– Я не могу уйти!

Потрясла серебряной ниточкой, что тянулась от руки, а будто бы от сердца: так оно болело. От одной мысли, что Райс останется валяться на этом камне, оплетенный черными венами, оно разрывалось в клочья! Ох уж эти «брачные узы»...

Но какую услугу у меня попросят? И какое обещание потребуют? Зачем им мои волосы? А кровь? Что в том ценного?

– Это единственное, что удерживает тебя тут, на изнанке бытия? – шепот скользил холодной змейкой по моему затылку. – Тогда просто порви. И сбеги. Ты ведь умеешь бегать, Алисса... Лонгвуд... Связь тянет тебя во мрак... А ты на нее даже не соглашалась... Пор-рви... Порви...

Комок застрял в горле, не дав высказать протест. Я молча слушала искушающий шепот, призывавший к очередному малодушному побегу. К неправильному решению.

– Порви... Порви... Брось его тут, – шептали вокруг тени, потирая щупальца. – Причини ему боль. Пусть она останется с ним на изнанке навсегда...

– Я д-дам... к-кровь и волосы. И услугу... с обещанием. За душу Кейра Райса. И за тело тоже! – я окинула убийственным взглядом и без меня мертвого магистра, схватилась за локон и потрясла над алтарем. – Нужно много? Нужно... сколько?

Не помешала бы консультация местного мага-юриста. Они ведь мне целиком магистра отдадут, а не душу и тело по отдельности? Не уверена, что Граймс сможет их совместить. Это уже не целительство, а древняя некромантия какая-то!

– Сколько даш-ш-ш-шь. Ставка твоя, – просвистел привратник, он же, видимо, распорядитель торгов. – Оплата вперед...

Голова пухла от происходящего вокруг кошмара. И не покидало ощущение, что я творю нечто глупое, необдуманное. Но и не творить я не могла! Стоило лишь взглянуть на выдающийся нос, в местном свете казавшийся темно-серым. На побелевшие щеки, на хмурые брови, утратившие всякую подвижность. Хорошо бы это был просто дурной сон про мертвого магистра...

Жмурясь от неприятных ощущений, я распоролла себе многострадальную ладонь об острый угол алтаря. Судя по черным следам от капель, он был заточен именно для таких жертвенных нужд.

Отрезала несколько тонких прядей и бросила к подножию. Рыжей лентой локонов опустился на камни и вспыхнул огнем.

– Ставка принята, – певуче прошелестел тень-привратник.

– Ну и... какая услуга? – спросила у него обреченно. Чувствуя, что уж вляпалась, так вляпалась.

– Самое интересное... Самое... Фшшшшш! – тень привратника натурально сдулась у меня на глазах. Как лопнувший серый шар, наполненный дымом.

Резкий порыв ветра раздул плащ Райса, потянул мага с алтаря. «Участники торгов» разлетелись кто куда, и я в панике присела и закрылась руками. Если твари изнанки чего-то испугались, то и мне стоит.

С ладони неприятно текло, теплые капли падали на зеленую юбку. За «прогулку» я успела забыть, что платье на самом деле розовое. Стены храма опасно вибрировали, пол подо мной ходил ходуном. Словно тут намеревался случиться еще один разрыв, теперь уже с этой стороны.

Тело магистра почти сползло с алтаря, и я решила ему помочь. Покрепче ухватилась за плащ и потащила на себя.

– Да ради святого гхарра! – дернула в сердцах окаменелого мага, прикипевшего, видать, к изнанке.

Сладко-горький ветер помогал мне, подталкивая Райса с другой стороны. Наконец магистр свалился с алтаря вниз, и нас обоих накрыло его плащом. Окутало первозданной тьмой.

Отмахиваясь от липкой ткани, я попыталась сесть. Проморгалась, стряхнула волосы с лица... и обнаружила нас лежащими посреди пустыни. Ни храма, ни леса, ни ворот, ни валуна. Даже черный обелиск испарился.

– Что за варховщина? – всхлипнула, теряя остатки душевного равновесия.

Магистр все еще был неживой. Если в нем и теплилась жизнь, то где-то очень глубоко, погребенная под слоями мрака. Он даже дышать не пытался! Пугал меня своей бледностью и глаз не открывал. Словом, совершенно ничем мне не помогал.

– Ох, сир Райс, сильно же вы насолили Тьме, – ворчала, расстегивая на нем рубашку и запуская в тело несколько целительских

пульсаров второго уровня. – Эти... с щупальцами... так сражались за шанс подарить ей вашу душу...

Похоже, нам крепко повезло, что сама она отлучилась. И куда только может подеваться Тьма с изнанки?

– Очнитесь немедленно! Видит Варх, вы и не с таким справлялись. У вас уже иммунитет должен был выработаться. От смерти.

Я стерла черное пятно с выдающегося носа, смахнула мокрую прядь со лба... На практике в Тарлинской лечебнице нас учили возвращать людей буквально с того света. И я уже перепробовала все методики, какие вспомнила. Ни одна не помогла.

Но ниточка, стягивавшая наши запястья, все еще серебрилась. Танцевала в воздухе, наматываясь то на его руку, то на мою. А это что-то да значило, так?

– Я вас поцелую, – предупредила мужчину, чтобы сильно не пугался. – В целительских целях. Это... лечение. Потом вы обязаны очнуться, ясно?

Я читала сказку про спящего принца, но на наследника престола Райс не тянул. Ни гхарра не тянул. Скорее на заведующего королевскими болотами или вроде того.

Убедившись, что ему все ясно, я припала к губам – холодным и серым. Попыталась их согреть. Нетрадиционным методом. Катастрофически ненаучным.

– ...исс... – Райс с шипением втянул воздух и распахнул глаза. Увидел меня, проморгался. – Какого Варха тут происходит... Вика?

Я поджала губы и придала себе серьезный вид. Словно они, губы эти, успели позабыть щекотную прохладу чужого рта.

Райс выглядел обескураженным. И, что примечательно, живым. До чего странная медицина, ей Варху... Но я начинала к ней привыкать.

– Что вы помните последним?

Вопрос был из анкеты, выданной мне в центре адаптации иномирян. Если следовать стандартному протоколу, может, порядка в моей жизни прибавится?

– Мы искали выход с изнанки, – выдавил из себя Райс, поднял руку и потер свое лицо. Остановился пальцами на губах, с

подозрением ощупал, пытаясь уличить меня в экспериментальной методике.

– Так давайте продолжим это увлекательное занятие! – предложила с воодушевлением, выбралась из его плаща и решительно встала. – Сами говорили: надо скорее убираться отсюда. Вы сможете устроить разрыв?

– А у вас больше нет возражений на этот счет, мисс... Вика? – черные глаза с интересом сощурились, и магистр сел.

– Нет, что вы... рвите где пожелаете, – замахала руками, демонстрируя ему девственно чистую пустыню. – Здесь не помешает какой-нибудь фонтан, да? Вид несколько... удручающий.

– Предлагаете основать еще один туманный город? Смелая идея. Я слышал, у хавранок прекрасная фантазия... – он поднялся и отряхнул черное одеяние. – Это место вполне подойдет: тут сталкиваются энергии.

Внутри меня отчаянно хлопало, наружу рвалось много всякого невысказанного. Но я лишь стерла влагу с щеки. Это все-таки хорошо, что распорядитель не обманул и выдал мне полный комплект магистра Райса. А то я уж было сомневаться начала.

Бросая на меня колючие взгляды, Кейр соорудил в воздухе цепочку символов. Они вспыхнули фиолетовым, но тут же закутались в черную дымку. Я замерла настороженно: что, если его магии не хватит? И мы застрянем тут до... конца?

– Подойди ближе.

Райс подтянул меня к себе. Сильно ближе, чем я рассчитывала. Сковырнул с зажима на воротнике желтый камень и решительно втоптал его в сухую землю.

Она тут же вздрогнула, пошла трещинами... и стала обваливаться прямо под нами.

– Мокро, – сообщила магистру в подмышку.

– Мокро, – согласился хрипло, не торопясь меня отпустить.

Ноги по колено утопали в холодной воде, розовая юбка липла к коленям. Мы снова вляпались в какое-то болото...

Разрыв материи пришелся прямо по центру Фонтана четырех стихий. Либтоунская, между прочим, достопримечательность.

К счастью, на ночь его выключали, оставляя лишь камерную фиолетовую подсветку. Так что краны бездействовали и струи, обычно

бывшие в воздух на несколько метров, не пытались промочить нас до нитки.

Разрыв вышел аккуратным, едва заметным. Райс торопливо его заштопал, не оставив на материи даже шрама. Сам фонтан не разрушился, погнулась лишь пара кранов. Но не удивлюсь, если черная копия достопримечательности только что возникла с той стороны, ровно посреди пустыни.

Стоя по колено в воде, я нервно помахала припозднившемуся водителю общественного вояжера. У парня от изумления соломинка изо рта вывалилась. Кажется, *таких* тварей изнанки Эррен еще не видывал...

Глава 20

– Ну и что теперь? – обернулась к мокрому насквозь Райсу, которому пришлось дважды нырнуть на дно фонтана, чтобы ответственно «перебинтовать» раненую материю.

Конкретно в этом бесчинстве даже тварей изнанки обвинить было нельзя. Думал ли магистр, что когда-нибудь устроит разрыв собственноручно?

– Подождите... Вика.

Я смыла с ладони кровь, обтерла кожу о юбку. Обнаружила с удивлением, что рана, саднившая и коловшая меня сотней лезвий, сама собой затянулась. Она тоже оказалась «изнаночной». Боль еще ощущалась, но теперь, выходит, была фантомной.

Перепуганный водитель вояжера предусмотрительно уехал. По тихим улочкам расстилалась темнота. Вечер в Либтоуне пах совсем не так, как в Анжаре: дым и смог вместо глубокого цветочного букета. Сил пускаться в обратный путь не было никаких.

– Здесь рядом есть гостиницы?

Я знала, что есть. Однажды Кристиан снял роскошный номер в «Полночи Либтоуна». Написал мне письмо, в котором велел прогулять дежурство и приехать к нему что-то праздновать.

Я тогда была «послушной лисичкой». Вейрон умудрялся подавлять во мне любые сомнения, как и лишние желания, и глупые мысли. Это был первый и последний прогул дежурства в жизни Алиссы Лонгвуд.

– Представьте себе, как будет выглядеть, если я приведу юную девушку в такой час... И с нас капает.

Райс перешагнул через каменный бортик и подал мне мокрую руку. «Капает» еще слабо сказано.

– Попросимся на ночлег в Либтоунскую академию?

– Нет ни малейшего желания туда возвращаться, – Райс брезгливо передернул плечами, стряхивая с плаща воду. Дико и яростно, как мокрый черный волк, застигнутый ливнем врасплох. – Их «защитные экраны» не стоят и гхаррова копыта...

Он огляделся и, выбрав направление, уверенно пошел вперед. Я устало поплелась следом, на ходу выжимая розовую ткань.

– Вы когда-нибудь летали ночью... Вика?

Только сейчас заметила, что мы приближаемся к воздушной гавани. Если в Тарлине это не самое приятное, шумное и многолюдное место располагалось на окраине, то в Либтоуне занимало самый центр города. Маги-дельцы, спешившие на встречи, берегли каждую минуту.

– Вы хотите полететь сейчас? Но куда? – я послушно забралась на приставную ступеньку, соединявшую трап и воздушную «набережную».

– Туда, куда не ходят вояжеры и куда можно добраться только небесным судном, – Райс закружил в ладонях золотистый вихрь и осторожно обернул им меня. – Кому, как не королевскому мастеру проклятий, знать тайны специального отдела дворцовой библиотеки...

Золотой «кокон», что прозрачной шалью оплел мои плечи, защищал от воздействия темного топлива. На мой взгляд, это было несколько... кхм... излишней предосторожностью после прогулки по изнанке. Видит Варх, с мраком у нас теперь отношения теснее некуда.

Пару минут спустя полупустое судно накренилось, и тросы, сдерживавшие подъемные чары, отщелкнулись. С гулким свистом корабль взмыл вверх, вжимая пассажиров в неудобные лавки. Райс выбрал место у поручня на верхней палубе, и я не посмела ему возразить.

– А теперь рассказывайте.

Райс откинулся на деревянную спинку и принялся лениво выуживать порцию бытовых плетений. Они у магистра выходили изрядно корявыми и не спешили сушить нашу одежду. До чего «приспособленный» к холостяцкой жизни мужчина!

– Мм?

– У вас кровь на платье. Лицо белое, – скупое пояснил магистр. – И вид такой, словно довелось увидеть двадцать призраков разом.

А я-то думала, я хорошо справляюсь с запоздалой истерикой... Звездносвод был сегодня отменно черен, что наполняло воспоминаниями о покинутой изнанке.

– Мне хватило увидеть вас, – пробубнила, вставая с лавки. Отвернулась к темной ночи и крепко ухватилась за перила.

Рядом с моей рукой тут же легла чужая, готовая вырвать этот поручень с корнями.

– Я вас так пугаю?

– Когда лежите мертвый на алтаре – особенно, – сердито раздула ноздри и повернулась к магистру. – Вы что, совсем ни гхарра не помните? Ни тварей, ни щупалец, ни храма с «подношением»?

Он молча тряхнул головой и ухватил поручень с другой стороны. Может, напугать планировал. Еще бы: мрачный носатый маг сверлит тебя черным взглядом, заливаает изнаночной бездной! Но мне, ей Варху, так полет на верхней палубе показался даже более безопасным.

– Может, и слава богам, что не помните, – покивала задумчиво. – Сир... Кейр... а «услуга и обещание» это очень много?

– Что вы натворили, Вика?

Его трескучий тон пробрал до мурашек, и я судорожно набрала воздуха.

– Я сделала ставку. Но не знаю, большую или маленькую.

– Пошли на сделку с Мраком? – голос затрещал сильнее, как поленья в жарком камине. Но от него веяло холодом.

– Не знаю, с кем. Оно не представилось.

– Вы спятили?

«После такого? Да вполне возможно!»

– Я в некотором роде... выкупила вашу темную душу, сир Райс. Уверена, она не такая и черная, как они шептались, – поправилась спешно, сбегая от взгляда-лезвия. – И не факт, что она теперь насовсем моя. Мне никаких документов не выдавали и...

«И в коробку с ленточкой не упаковывали». Разрешили забрать в комплекте с телом – и то слава Имире. Могли ведь и в пузырек какой-нибудь засунуть?

Сейчас, когда прогулка по изнанке осталась лишь в воспоминаниях, вложение казалось мне очень даже выгодным.

– Что вы отдали взамен? – сжатые добела кулаки проехали по поручню, зажимая меня с двух сторон.

– Ничего ценного... сущие мелочи...

Вид у Райса был такой, словно он бы предпочел быть сброшенным с воздушного судна прямо в Эшерское море, над которым мы пролетали. С охотой отправился бы кормить акул и гигантских

каракатиц. А не выслушивать мои неловкие оправдания, что для меня его мрачная жизнь и беспокойная душа что-то значат.

– Ви-и-ика! – голос громыхнул одновременно с тряской.

Это не судно попало в энергетический вихрь, и не темное топливо взорвалось... Это Райс решил вытрясти из меня остатки разума.

– Слушайте, вы там лежали, будто мертвый, ясно?! – рявкнула ему в лицо. – Весь в черных жилах и лентах. И те, с щупальцами, шептались про грехи рода, про двенадцать жизней...

– Что? Вы? Отдали?

Он смотрел ровно туда, где под юбкой нервно въедались в кожу хавранские кружева, прося пощады.

– Ничего *такого* не отдавала! – отлепила поясницу от поручня, когда меня внезапно стиснули две клешни. И ладно бы до нас допрыгнула каракатица... но нет. – Прядь волос, несколько капель крови... какую-то услугу... мелочи, какие есть только у живых.

– Мелочи?!

– И не нужно на меня рычать. Я не эта ваша... изнаночная нечисть...

– Я бы вас с радостью отправил обратно в болото!

– А вы засуньте меня в разрыв материи? – предложила с вызовом. – Того и гляди у меня появится любимый маршрут для романтических прогулок по изнанке!

– Они не предполагались романтическими...

– И слава гхаррам! – фыркнула в вархов нос, усердно сопевший. Я тоже пыхла ему в унисон. Может, даже погромче.

– Чего вы так сопите? – не удержался Райс.

– Жалею, что раз и навсегда от вас не отвязалась. Остались бы жить с жуткими тварями, – ворчала совершенно искренне. – Лучшая для вас компания. Самая подходящая!

Сколько раз мне Граймс говорил: «Не просят – не помогай. Спасение упрямцев – дело лишнее и неблагодарное. Пациенту, может, и станет лучше, а тебе потом неделю синяки сводить...»

– Вы не слишком осмелели, психиёлог?

– Да я с жизнью простилась уже раз десять с того момента, как шлепнулась в ваше болото! И с вашей, и со своей.

– Я в ваше чудное кружевное общество не навязывался...

– Вот и отвязитесь! – рявкнула и отвернулась обратно к перилам.

Руки Райса с поручня никуда не делись, но мне было на них решительно чихать. Апчхи! Вот так. Аллергия у меня на огхарревших магистров, думающих, что они все знают лучше всех. Готовых за просто так помереть на потеху изнаночной публике. Он будто сам подсознательно стремился к такому финалу, всякий раз отдавая себя до капли.

– Наорались? – прокралось осторожное в ухо.

– Да!

– Испугались?

– Да...

Опустила голову вниз, к темным водам Эшерского моря. Ночью они казались такими же смолисто-вязкими, как болота изнанки. Того и гляди, из волн тоже высунутся какие-нибудь щупальца.

– И? – Райс поправил мои волосы, свесившиеся к черной воде.

– И есть хочется. И спать, – устало шмыгнула носом, тоскуя по чудесным ужинам, какие подавали в Анжаре. – И чтобы все это оказалось дурным сном.

– Мы почти добрались. Видите? – одна из лап оторвалась от поручня и указала на далекий утес.

Справа от него горела зеленым светом макушка маяка. А на самой вершине мне удалось разобрать очертания красивого дома. Точно такого, как на изнанке.

Глава 21

Я усердно моргала, вновь и вновь убеждаясь: мне не привиделось. Высокий утес в беспокойных черных водах, широкий дом в несколько этажей... С большими окнами, в одном из которых горел свет!

Воздушное судно обогнуло маяк, высадило нас с Райсом на площадке и полетело дальше по привычному маршруту. Яркий зеленый фонарь отгонял темноту, поэтому лестница нашлась довольно быстро.

Ветер гудел в ушах, внизу шумело грозное Эшерское море. Оно связывало три континента: с одной стороны был магически прогрессивный Эррен, с другой – южный Эшер и северный Ташер, разделенные неприступной горной грядой.

Все, что я знала о Ташере – что там вечные льды и водятся белые цапы, перьями которых подбивают наши плащи. Об Эшере – что он опасен акулами и пожарами.

Море, соединявшее земли, было столь буйным, что мало какой эрронец отваживался его пересечь. Запаса темного топлива едва хватало, чтобы перебраться на ту сторону на воздушном судне. Да и подъемные чары над водой теряли свои свойства... «У каждого своя сторона» – так ведь любит повторять магистр?

Последняя ступенька заросла чуть не до колен, и я еле выпуталась из растительной ловушки. Колючие кусты были странными, незнакомыми. Но юбку изорвали, будто родные.

У подножия маяка раскинулось целое поле лечебных трав, в которых я опознала редчайший чернаягодник, шерстяные бутоны светящейся в темноте люмии и сонную руту.

– Что это за место? – я была не менее сонной, чем рута, и потому опиралась на магистра всеми частями тела. Райс же, несмотря на все свои бытовые уловки, сухим так и не стал.

– Место, где можно узнать ответы. И попросить о помощи. О нем немногие знают... Но оно и к лучшему: *им* сейчас необходим покой.

– И потому мы «их» беспокоим в такой час?

С трудом переваривая мрачную загадочность собеседника, я взобралась на крыльцо раскидистого имения. Райс постучал, и тут же в

ближайших окнах разгорелся свет.

– Прошу простить за поздний... очень поздний, – магистр повертел головой, узрел со всех сторон черноту и наконец осознал неуместность нашего визита.

– Ох, сир Райс, вы приехали из-за моих прогулов магической практики? – с порога разволновалась зеленоглазая девушка, в которой я неожиданно узнала мисс Ламберт, третьекурсницу. – Я собиралась прилететь, но...

Эйвелин Ламберт, а ныне Рэдхэйвен, несколько раз становилась моей пациенткой. А их я никогда не забываю, даже если просто ссадины обрабатываю.

Опознав в юной хозяйке студентку Анжарской академии, я догадалась и о прочем. Например, кому принадлежало имение. «Либтоунский Вестник» я так-то тоже почитываю, как и все тарлинцы...

После трагических событий, случившихся в конце осени, девушка взяла академический отпуск. Мало кто знал, что стряслось с ней и королевским мастером проклятий на самом деле. Но после тех событий последовала череда увольнений, обысков и разносов, стоившая нервов всем причастным. (*Эйвелин и Даннтиэль* – герои книги «Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побори!», прим. автора).

– Нет, мисс... Миссис Рэдхэйвен, – закашлялся магистр. – Я, конечно, известный в Анжаре сухарь, но все же способен войти в... положение.

– Ох, конкретно в это положение входить не советую, – Эйвелин закашлялась и лукаво добавила: – Особенно вам.

Нас впустили в дом, и холодный морской ветер принялся обиженно колотиться в дверь и выть о своем одиночестве. Внутри было тепло, даже жарковато. Судя по черным подпалинам на стенах, хозяйева отдали предпочтение нетрадиционным методам магического отопления. Всюду пахло дымком, этот запах накрепко въелся в мебель.

– С опозданием поздравляю вас с бракосочетанием, – хмуро пробубнил Райс, тоже в «узах» не видевший ничего приятного. – Читал объявление в «Либтоунском Вестнике».

– Церемония была очень скромной. Мой супруг неважно себя чувствовал. Да и некоторые гости со стороны жениха... – Эйвелин замялась, потеряла аккуратный животик и со вздохом присела на

диван. – Вы располагайтесь, я сейчас приду в себя. Когда Даннтиэля нет дома, мне все время дурнеет.

Девушка выглядела такой бледной, словно тоже весь вечер гуляла по изнанке, обнимаясь с мраком.

– Привязка? – со знанием дела уточнила я, ковыряя ногтем свое запястье.

– Н-нет... любовь, – улыбнулась мисс Ламберт, которую воспринимать как какую-то миссис пока не получалось.

Я и к «Велисофье Колът» до сих пор не привыкла. Мы ведь только выпустились из пансиона, только нашли первую работу... И вот – Софи уже чья-то жена. Слишком быстро все изменилось.

С появлением в ее жизни Грегори для прочих места стало не хватать. Она пыталась уделять мне внимание, но все чаще в беседах убегала взглядом за облака. В иные миры, в буйство настоящих чувств, в свое радужное будущее с малышкой Розой... И я не хотела влезать со своими бедами в ее беззаботное женское счастье.

– Значит, Рэдхэйвен отлучился? – сильнее нахмурился магистр, осматривая закопченные пятна на стенах.

– Ее Величеству понадобилась услуга, и Данн на пару дней улетел в Хитану, – Эйвелин встала и провела нас в просторную библиотеку слишком большого и слишком пустого дома. – Он вернется утром. Вы непременно увидите, если останетесь переночевать. Места хватит и вам, и...

Зеленые глаза вежливо уткнулись в мое лицо. Я сглотнула и потеряла перстенок на пальце, вовремя вспомнив, что нынче не младшая целительница и знать студентку никак не могу. Ох, Лисси, не выйдет из тебя междумирской шпионки...

– Это мисс Вика, психиёлог из Хавраны. Свалилась на мою голову на Анжарских болотах вместо исчадия изнанки, – с сожалением сообщил Райс.

Он явно предпочел бы привязаться виззарийским артефактом к твари с щупальцами и хоботком. Которых у меня, к прискорбию, не имелось.

Следующие полчаса за чашкой кисло-сладкого альта-цитронового взвара магистр рассказывал мисс Ламберт о наших неприятностях. А я отрешенно хрустела тостами с соленой карамелью и разглядывала книжные стеллажи, заваленные толстыми старыми фолиантами.

Библиотека у сира Рэдхэйвена была не в пример больше нашей академической.

– Тут много редких книг, каких даже у Ее Величества нет, – покивала Эйвелин, проследив мой взгляд. – Я их читаю, когда... Когда Данн не лечит нервы и у меня появляется свободное время.

Несмотря на усталость, отражавшуюся на лице, мисс Ламберт выглядела счастливой. Задумчивой, мягкой, плавной. Я такое выражение лица часто ловлю на Софи. Когда ты больше не одна, меняются жизненные координаты. Мир становится неспешнее, спокойнее. И никуда больше не надо бежать. «Узы» меня не привлекали, но я бы хотела такого покоя.

Райс показал девушке татуировку, добравшуюся «змейками» уже до плеча. Он как раз перешел в рассказе от относительно безобидной части с ритуалом «призыва чувств» к виззарийскому артефакту. Связавшему нас... намертво. И Эйвелин побледнела сильнее, даже за живот схватилась, чтобы не разволноваться.

– Сир Райс! Нельзя быть таким беспечным, – отчитала она мужчину. – Вы хоть понимаете, как эта штука опасна? Если кто-то узнает, то сможет использовать ее против вас. Ослабит, искалечит, убьет! Если кто-то захочет вас уничтожить, ему достаточно будет увезти мисс Вику подальше. Расстояние сделает все за него.

– Меня не так уж легко убить, – поморщился Кейр.

Ну да, ну да... А мне тут же вспомнилось его носатое лицо, почти белое, расчерченное черными тенями. С фоном в виде глянцевого алтарного камня.

– Где-то я такое уже слышала, – профыркала девушка, деловито упирая руки в бока. – Вы случайно не бог? Может, полубог? Если нет, то не будьте так уверены в своей неуязвимости. Древняя Виззара... Она же... – Эйвелин понизила голос и расширила красивые зеленые глаза. Добавила шепотом: – Она же под запретом!

– Я в курсе, в курсе, мисс Ламберт. обойдемся без дамской паники, – с легкой насмешкой сообщил Райс. – Все безделушки и книжки в секретном отделе дворцовой библиотеки.

– О... там, сир Райс, не библиотека, – помотала она головой, разглядывая изрядно помятую страницу с ритуалом. Где та только не побывала! – В Эррене сейчас не найти свободно валяющегося виззарийского артефакта или книги.

– А в Хавране? – сощурился магистр, косясь на меня с угнетающим подозрением.

Я аж теснее вжалась в спинку кресла, мимикрируя под светлую обивку.

– А там им что делать? – Эйвелин недоуменно подняла бровь.

– Вот и мне интересно. Очень. Особенно теперь, когда я до смерти привязался к этой светловолосой хавранке. Всей... гхаррово копыто... своей черной душой...

И совсем необязательно мне всякий раз об этом напоминать! Я ведь могу и вернуть неудачное «приобретение». На изнанке действуют правила возврата?

– Привязку надо снимать, сир Райс, пока она вас обоих в магическую пыль не обратила, – Эйвелин завозилась в кресле и скривилась от короткой боли.

Почти тут же резкая морщинка на ее лице разгладилась, но осадок остался. Будь при мне целительский саквояж и облик Алиссы Лонгвуд, я бы немедленно ее осмотрела.

– От мисс Вики будет просто пыль, – едко усмехнулся Райс, смотревший в другую сторону. В мою. – Не-магическая. Истинно хавранская. Какая остается только от психиёлогов.

– Я поищу книги о виззарийских обрядах. И освежу свои знания по древней артефакторике. У моей матери тоже была отличная библиотека.

– Оставьте на утро, – он подал мисс Ламберт руку и помог подняться.

Жест выглядел удивительно бережным. Не замечала я за этим носатым грубияном такой обходительности.

Молодая хозяйка осторожно поднялась по лестнице на второй этаж. Всю дорогу Эйвелин взволнованно бормотала, что виззарийская привязка опасна и нет в ней никакой романтики. Как и изнанка, она проявляет суть. Суть... любви. Крепкой, сильной, почти невыносимой для тех, кто не готов.

– Страдает один – это тут же оставляет след на другом, – пояснила она на последней ступени и указала пальцем на две смежные спальни.

– Пока мне лишь дурнеет от... от долгого расставания, – я потеряла руку, избегая черного взгляда.

– Это пока, мисс Вика, – Эйвелин нервно мотнула головой. – Когда привязка проберется выше и пустит корни в само сердце...

Оставив нас одних перед двумя дверями, девушка спустилась вниз, в библиотеку. Упрямо игнорируя совет магистра «отложить на утро». Мы же так и стояли, задумчиво уставившись на две медные ручки.

– Я буду за соседней дверью... Вика, – хрипло выдавил из себя магистр.

– Наконец-то поспите на кровати. Один.

– Потрясающе, – согласился Райс, выглядевший отчего-то не таким и счастливым.

Я проводила его спину напряженным взглядом, чувствуя, что вместе с ним ускользает из коридора покой. Привыкла, видать, к чужому сопению над ухом и тяжелому взгляду вместо магического будильника.

К горлу подкатилось осознание, что ни гхарра я не засну в одинокой постели. Буду дырять глазами потолок, думать о страшном, вспоминать монстров изнанки, их щупальца, алтарь...

Так что я схватилась за перила и решительно направилась вниз. В библиотеке от меня будет больше толку, чем в кровати. Может, к утру мы с Эйвелин хоть что-то да обнаружим.

Обеспокоили меня ее слова про бесконечные страдания и корни в сердце. Чувствовала, что привязка к нему уже подбирается своими серебристыми нитями...

Глава 22

В библиотеке горел свет. Эйвелин сидела на ковре возле панорамного окна, обложившись со всех сторон потрепанными книгами.

– Не спится, – пробормотала я, привлекая к себе внимание. – Буду помогать.

– Тут артефакторика древних, – она кивнула на стопку справа. – Там – все, что нам известно об утерянной Виззаре. Вы не зарисуете мне тот браслет?

Пытаясь быть хоть чем-то полезной, я отошла к столу, взяла лист бумаги и принялась вычерчивать серебряную змейку. Особое внимание уделила зеленым глазкам-самарудам, которые, видит Варх, тогда подмигнули!

Настольная композиция из лампы и нескольких статуэток отбрасывала причудливые тени. Даже показалось, что черный хоботок прополз по ковру и всосался в стену...

Впрочем, такое кому угодно покажется после ночи на болотах. И прогулки по изнанке. И суток, проведенных в вояжере наедине со сгустком отборного мрака.

– Кто вам ее дал, мисс Вика? – девушка пытливо всмотрелась в протянутый мной лист.

Потом перевела зеленые глаза вверх, на мое лицо. И на секунду показалось, что Эйвелин видит настоящую меня сквозь маску «хавранки, психиёлога». В ее зрачках появился странный золотой отблеск, который тут же схлынул. И губы девушки снова скривились от резкой боли.

– Вам дурно? Принести взвар? – я присобрала несносную юбку и тоже уселась на ковер.

– Не нужно, обычное дело.

Она проморгалась и торопливо отвела взгляд. Определенно, что-то заметила. Но как? И что? И откуда у третьекурсницы дар уровня Райса?

Я слышала, что она весьма талантлива на темном поприще, потому магистр и занимался с мисс Ламберт индивидуально. Но ее дар

только проснулся, он не мог развиваться так быстро. К тому же Эйвелин пока не числилась сиррой. Но, может, времени на экзамен, допускающий к высшим чарам, не было...

– Давайте вернемся к браслету... В-вика. От кого вы его получили?

– Я сама взяла. Достала из кучи вещей: страшно захотелось примерить именно эту змейку. Прямо до чесотки. Показалось, что она со мной гармонирует или вроде того, – я смущенно почесала затылок и все-таки протянула побледневшей девушке стакан взвара. – Никто меня не принуждал. Я ее вообще случайно в кружевах увидела.

– Случайно, – повторила Эйвелин и комично нахмурилась.

Мы с ней были ровесницами, и обе не получили полное образование. Мисс Ламберт – потому что попала в завидное «положение». И теперь изучала теорию самостоятельно, а практику – в редкие визиты сира Райса.

Я же после приюта не могла рассчитывать на что-то большее, чем образовательные методики мэтра Сайлэ. Для «чего-то большего» при средней одаренности нужны средства. И отнюдь не средние. Мои же родители не додумались передать настоятельнице приюта стопку йоргенов на образование дочери. Или додумались... но те до меня не дошли.

– «Примерка» произошла в нашем мире или в другом? – упорно допытывалась Эйвелин, потирая живот.

– В этом... В Эррене, – призналась ей со вздохом. – Но все те вещи были с Хавраны. И они предназначались другой девушке, моей подруге. Ее не стали бы обманывать!

Мы с мисс Ламберт переглянулись, я расширила глаза и с уверенностью кивнула. Кольт ни за что не навредил бы беременной Софи, даже шутки ради. А верность Саяры и Саргаарда проверена временем. Да и пожилая сирра Тереза ждет рождения малышки, как собственной дочери.

– Значит, вы потянулись к браслету по наитию?

– По наитию, – вздохнула покорно.

Ох уж это «наитие»!

Так и представила, как Райс недовольно ворочается в своей постели наверху. После болот, фонтана, холодного пола и твердого алтаря... Сможет ли он вообще заснуть в столь непривычном месте?

Одеяло, подушка, чистые простыни... Нет, это решительно не его стиль.

Белое облако колыхнулось в черноте ночи и направилось в сторону маяка. Поначалу я заподозрила очередное воздушное судно. Но облако, покружившись над площадкой, сформировалось аккуратным пушистым шаром и осело прямо на траву.

– Что это там?

– Ташерские цапы, – обернулась к окну Эйвелин. – Они иногда залетают в наши края, если устают от охоты в море. Удивительные создания... Способны перенести любые передраги. В шторм дрейфуют неделями, кормясь чем придется. В надежде, что судьбой их прибьет к верному берегу. Здесь они отдыхают перед тем, как отправиться обратно в Ташер.

Стайка птиц манерно вышагивала в темноте, демонстрируя длинные тонкие ноги. Расставляла в стороны крылья, стремясь скорее просушить богатое оперение. Не промокающее, самореставрирующееся, с двойным слоем теплого пуха... Оно ценилось по обе стороны Эшерского моря.

Как раз сейчас цапы вытапывали и склевывали сонную руту, подбираясь к бесценному чернойгоднику. Заведующая Тарлинской лечебницы заказывала баночку таких ягод на черном рынке. Потом тряслась над ней, как над венцом Имиры. И лишь избранным (и весьма состоятельным) пациентам выдавала по ложке целебной смеси.

И вот сейчас я наблюдала, как белая стая бесцеремонно склевывает целое состояние... Может, потому и оперение у них такое уникальное.

– Лис... – в горле Эйвелин булькнуло, девушка схватилась за подоконник и окончательно побелела.

Ее глаза засияли золотом, озарив все пространство библиотеки. Но тут же вернулись к изначальному цвету, сменившись глубокой бледной зеленью, что крикеточное оперение.

– Мисс Ламберт! – я подхватила ее под мышки и осторожно уложила на спину.

Ковер в библиотеке был мягкий, с толстым, густым ворсом. До дивана прилично дальше, поэтому... сойдет.

– Надо вызвать целителя, – сообщила хозяйке, которая и без меня догадалась, как все плохо. – Срочно.

Боги Эррена, и откуда на утесе, омытом северным Эшерским морем, взяться целителю?! Вряд ли ведь он с цапами прилетел чернойгодник собирать?

Я заметалась взглядом по стенам, пытаюсь найти намек на шкафчик со снадобьями. Такой должен иметься в каждом уважающем себя доме. Но нашла лишь черный хоботок, нахально высунувшийся из книг.

Взвизгнула, растеряв остатки самоконтроля, и Эйвелин машинально выпустила из пальцев фиолетовую ленту. Тут же виновато простонала и закатила глаза.

Вархова бездна!

– Не бойтесь, это Рок, он... обычно Добрый, – шелестела синими губами мисс Ламберт. – Когда не Злой. Родственник... со стороны жениха...

Морок высунулся из книг уже наполовину и теперь нервно покачивался в паре метров от нас. От дрожащей меня и бредящей Эйвелин, без сил уложившей на ковер чернявую макушку.

На письменном столе под лампой лежала россыпь «тьманитов». Больших, округлых, размером с крупные анжарские орехи. Что там Райс говорил про цепь, способную пленить исчадие?

Ох, до пленения исчадия ли мне было? Магистр бессовестно спит (и даже не ворочается), а я на ватных ногах до стола не доберусь.

Хоботок приветственно дернулся, и ко мне стремительно подкатился обморок. Существо было очень, очень похоже на тварь с болота. И на тех изнаночных, что торговались у черного алтаря.

Разве что у «Рока» не было щупалец. Всего один хоботок, гибкой змеей танцующий над ковром... Но от этого ни гхарра не легче!

Я до красноты растерла свое лицо, яростно пощипала щеки, пытаюсь прийти в чувство. Не должен целитель, пусть и младший, падать в обморок, когда у него на руках пациент! Неважно, что творится вокруг – хоть разрыв на разрыве, хоть вторжение Керрактского рогатого воинства.

– Данн... Даннтиэль... – Эйвелин закатила свои колдовские глаза, менявшиеся с зелени в золото и обратно. Дернулась всем телом и тихонько застонала.

«Уууу!» – вторил ей хоботок, завывая уж слишком профессионально.

На изнанке я понимала суть их речи, но здесь «ууу» было простым «ууу».

– Сейчас... сейчас... – обещала девушке скорейшее избавление от беды, а сама в отчаянии скребла ногтями ковер.

Мать вархова... Я так боялась, что что-то подобное случится с Софи. Несколько учебников по первой помощи беременным проштудировала! Специально выучила плетения, помогающие в родах и ослабляющие боль. Вдруг «тот самый момент» случится не там и не с тем? В смысле, не с Граймсом и не в лечебнице...

Любая магическая беременность таит в себе опасности. А уж если будущие родители обладают сильной искрой... Или, напротив, пусты, как осенний Звездосвод, но носят одаренное дитя... Словом, глаз да глаз за такими «особыми случаями».

– Позови Райса! – велела «хоботку», бестолково мотавшемуся над столом.

– У-у-у!

Ясно, да... Тут и изнаночный переводчик не нужен. Я бы тоже на месте твари изнанки не стала звать темного магистра. Райс спросонок не просто в разрыв закопает – вообще к праотцу отправит. Или к прааматери.

– Где ваша аптечка? Эйвелин? – потрясла хрупкие плечи, но хозяйка имения окончательно утратила связь с реальностью и потеряла сознание.

Ее тонкая девичья кожа, и без неведомой хвори прозрачная, сейчас вообще просвечивала. Будто изнутри рвалось главное светило Звездосвода, разрывая обычную человеческую плоть.

Хоботок дернулся перед моим носом, указывая в сторону кухни.

– Уууу...

Ощущая, что ко мне тоже подбирается хворь (душевная, крепкая, с какой и профессиональный психиёлог не справится), я поднялась и побежала в указанном направлении. Морок последовал за мной, стелясь черным облачком над полом. Убедился, что я открыла верный шкаф и выудила из него крошечную шкатулку, украшенную красными агонитами, с россыпью маленьких сосудов внутри.

Уже не пытаюсь скрывать магию (От кого? От морока с хоботком? Не смешите мой потерянный душевный покой!), я раскидала по полу

несколько световых плетений и принялась с азартом рыться в аптечке. Открыла каждый флакон и придирчиво понюхала.

– И это все, что есть?

Бестолковый набор, ей Варху! Все больше от ожогов и бесконтрольных выплесков силы. Всего один укрепляющий тоник и восстановитель резерва.

Аптечку в доме Кольтов я набила зельями и мазями на все возможные случаи, какие только в голову пришли. И теперь Софи была счастливой обладательницей средства от укусов ядовитой сифы, когда-то водившейся на анжарских полях, но по заверениям природников давно вымершей. Лет сто назад. Что не помешало мне перестраховаться.

Но сир Рэдхэйвен, похоже, рассчитывал на божественный авось! До чего временами самонадеянны сильные маги...

– Ладно... Это. Это. И вот это, но надо усилить, – сосредоточенно покивала мороку, нервно качавшемуся за спиной.

Испугаться я успею позже. Может, даже умру от ужаса. Но потом.

Подняла голову, поймала взволнованный взгляд золотых щелок в черной тени...

– Мне нужен чернаягодник. Он растет у маяка. Надеюсь, что еще растет, если цапы все не склевали.

Интересно, эта жуткая жуть меня хоть немного понимает?

– Пару горстей... ну... вот так, – я сложила ладони лодочкой и покачала в воздухе.

Изготовлений мазей и зелий не входило в мои прямые обязанности ни в Тарлине, ни в Анжаре. Просто нравилось. Успокаивало и возвращало в жизнь иллюзию контроля. Скромное хобби, позволявшее немножко творчества и экспериментов. Но Граймс мои мази хвалил, а с ним такое нечасто случается.

Морок исчез из господской кухни, а через какое-то мгновение появился в ней вновь. «Выплюнул» из жутковатого изменчивого тела горсть черных ягод. Даже не помял... Хотя – чем ему?

– Сп-пасибо, – просипела, все еще помня, как точно такие же твари тащили Райса по изнанке и пытали его черным ядом... Это трудно забыть. Трудно.

Я растолкла ягоды в кашу и смешала с тоником. Эйвелин нужны были силы на борьбу... С чем-то, что рвалось изнутри. С ярким

светом, который норовил сорвать оковы. Она была крепкой девушкой, я чувствовала в ней яркую искру, но магическая беременность изматывала и не таких.

– Уу! – нервно поторопил морок. Тут он был прав, конечно. В таких случаях и секунда на счету.

Я вернулась в библиотеку, порывисто плюхнулась на ковер. Получившуюся фиолетовую кашицу нанесла на побледневшие губы, виски и запястья Эйвелин. Втерла, впечатала пульсарами, разнося золотые всполохи по дрожащему телу.

– Вы должны держаться, мисс Ламберт. Слышите? – спокойно втолковывала ей в ухо, каждой клеточкой ощущая свое одиночество во всеми покинутом доме. Морок не считался. Он мне, возможно, мерещился. – Ваш малыш слишком ярко сияет, но ему не время, еще совсем не время. Дышите... вот так, так. Вдох... и еще... Ваш малыш непременно...

– Малышка, – поправили меня сзади. – Лита Рэдхэйвен. Как считаете, красиво?

– Д-да... вполне. Очаровательно.

Я не обернулась, продолжая впускать золотистые чары в запястья Эйвелин. Она должна продержаться до утра. А там, может, и сир Рэдхэйвен вернется на судне Ее Величества, и мы вместе доставим его жену в лечебницу.

– Мне тоже нравится, – согласился со мной бархатистый женский голос. – Только им не говорите: они еще не придумали имя.

Тут я выпустила руки Эйвелин и все-таки обернулась.

– Кто вы? – вскинула глаза на красивую женщину, вплывшую в библиотеку из сгустка черного тумана. Златовласую, в элегантном мерцающем платье до пола, с горящими золотом глазами. Странную.

– Будущая бабушка. Сирра Рэдхэйвен, – уведомила гостя. – Но вам, Алисса, можно звать меня Миэль. Мне передали ваши дары. Очень щедро.

«Сирра Рэдхэйвен». Значит, она тут хозяйка. А гостя – я. Выходит, все это время в доме на утесе еще кто-то был? Свекровь мисс Ламберт?

Одно я поняла точно: морок мне все же мерещится. Такая благородная сирра непременно завизжала бы новорожденной квахаркой, узрев в своей гостинной исчадие Тьмы. А раз не визжит, хотя

хоботок колышется прямо перед ее аристократическим носом, значит... психиёлог мне уже не поможет.

Голова шла кругом. Мысль зацепилась за какую-то странность в словах дамы, но я едва соображала. Что за варховщина вокруг происходит?

По ковру, следуя за женщиной, вышагивала птица, подметая густой ворс длинным золотым хвостом... И из-под этого самого хвоста на пол сыпались крошечные джантарики. Мда... Что-то в адаптации «иномирянки Вики» пошло не так. И где-то по пути она спятила.

– Эти девочки... Роза и Лита... очень важны. Есть силы, которые не желают их рождения. Но вместе мы справимся, верно? – сирра, подобрав черный подол, украшенный по краю золотым шитьем, тоже присела на ковер. – Две жизни, две судьбы, две искорки в эрренской ночи. Они должны исправить ошибки и починить все, что сломано.

– Это пророчество? – я глядела на даму во все глаза.

После знакомства с загадочной Терезой Кольт я мало удивлялась предсказаниям. Старалась поскорее выкинуть из головы, чтобы жизнь вновь обрела порядок. Но они упрямо въедались в память.

– Что? Пророчество? Упаси... эмм... Даннтиэль! – лукаво рассмеялась женщина, разбирая темные волосы Эйвелин на отдельные пряди. – Так... робкая надежда.

Что ж, она загадывала сильно дальше меня. Мои робкие надежды касались утра, до которого нам всем еще надо дожить.

Сирра Рэдхэйвен успокаивающе поглаживала живот мисс Ламберт. И золотые жилки, расползавшиеся по просвечивающей коже девушки, начали тускнеть.

– Тяжело удержать в себе сияние, если ты не выкован в огнях Танталы, – «объяснила» старшая хозяйка, мать сира-проклинателя. – Но Эйвелин храбрая девочка. Сильная. Нужно лишь немного потерпеть. Она справится, это ее предназначение, как и всякой нийяры. Не беспокойтесь, мисс...

– Вы?! – мисс Ламберт вдруг распахнула глаза и теперь со священным трепетом косилась на свекровь. Словно не меньше моего удивилась ее присутствию в доме.

Вот товарищ с хоботком ее не смутил!

– Тише, тише, – сирра Рэдхэйвен качала голову невестки в ухоженных руках с идеальным маникюром. Словно баюкала. Даже

напевала еле слышно какую-то потустороннюю песнь. – Если будешь много нервничать, Эйвелин, Лита вырастет трусихой. А она должна быть храброй и сильной, как мать.

– Лита?

– О таком прабабка тэль Лаэлей и не догадывалась, да? – профыркала златовласая дама. – Тоже мне, пророчицы... Толку с них, как с гхарра молока! Только и норовят, что всех запутать...

Она внезапно ухватила мое запястье, повернула ладонью к себе, всмотрелась. Я замерла перепуганной цапой, застигнутой за поеданием бесценного черноягодника. Не то чтобы я в чем-то успела сильно провиниться... Но аура леди заставляла нервничать.

– Не стоит рвать цветы в чужом саду, – погрозила она пальцем, выпустив руку. – Особенно если речь идет о черной лотте. Ай-яй-яй, Алисса...

– Что? Как вы?..

– Древний дар некромантии не самый популярный, и от него попробуй еще избавиться, – укоряюще качала она головой, поджимая красивые губы. – Мы пожинаем, что посеяли, – ее взгляд упал на живот Эйвелин. – И сеем то, что пожали.

Неужто пепел от изнаночной лотты остался на моей ладони? Я внимательно осмотрела кожу, но не нашла черных следов. Хотя...

Определенно, этих символов тут раньше не было. Я словно за мокрую страницу книги подержалась, и часть чернил впечаталась в кожу. Какие-то полустертые символы... Будто отраженные в зеркале или написанные задом наперед.

– Ты отдала слишком много, беглянка, – сирра ткнула пальцем мне в висок, и я медленно сползла на ковер. Бухнулась рядом с Эйвелин, которая наконец прекратила постанывать и ровно засопела.

Тут же осознала, что жутковатая дама права. Обычно я берегла резерв, предчувствуя близящуюся пустоту. Но вид мисс Ламберт так напугал, что я забыла о всякой предосторожности. И отдала все без остатка. Слишком много, всю себя.

Я облизнула шершавые губы, предвкушая мощный магический откат. Эпичный, первый в варховой жизни Алиссы Лонгвуд. И рядом не было ни обезболивающих шариков-артефактов, ни маломальского запаса эшерской дварфовой...

Болезненная резь в глазах сменилась чернотой, в ушах зазвенело. Перед тем как распрощаться с сознанием, я успела почувствовать, что меня куда-то упорно тащит вязкая сладковатая тьма.

Глава 23

Нос мой весьма приятным образом утыкался в теплую, мягкую растительность. Не так чтобы очень густую, но ощутимую. Щеке тоже понравилось по ней скользить, но закралось подозрение, что за наслаждение придется расплачиваться. В Эррене ничего не бывает бесплатным, даже сыр в силках для росох.

Всю ночь я во сне куда-то летела, проваливаясь в вархову бездну. В горло заливался темный туман, он горчил и напоминал о самых дрянных моментах в жизни Алиссы Лонгвуд. Но сейчас тоскливая горечь прошла, и матрас, что, баюкая, покачивал меня на себе, размеренно дышал свежестью и уютом.

– Слезьте с меня! – возмущенно прохрипела, обнаружив в матрасе и иные признаки жизни. Вполне себе человеческие.

– Вообще-то, мисс Ви-и-и-ка, это вы на мне... кхм... отдыхаете, – сообщил сосед снизу.

И моя щека запоздало догадалась, что и мягкость, и теплота, и растительность принадлежат магистру Райсу.

– Почему на вас рубашка расстегнута?

– Граймс завещал лечиться тактильным контактом, – серьезно сообщил мужчина, весьма стесненный моим присутствием в кровати.

– Что вы забыли в моей спальне, сир Райс? – зыркнула на него строго и возмущенно.

На него! На заспанного, носатого и едва одетого магистра! То, что я выкупила у тварей его душу, не означало, что и тело теперь будет спать в моей постели.

Или означало?

– Я в своей, – проворчал Райс, рассеянно похлопывая меня по... кружеву. – И вы в моей. Мы все... в моей. Какие диагнозы в таком случае ставят психиёлоги?

– Финальная стадия огхарревания, – отрешенно пробормотала, елозя щекой по короткой шерсти, покрывавшей магистра в некоторых, строго отведенных для нее местах. – Но почему в вашей? У меня была своя... С красивой медной ручкой на двери...

– Одному Варху известно, почему вы ей не воспользовались... Вика, – окинув меня напряженным взглядом, выдохнул Райс. Подмятый мной. И местами порванный.

Пара пуговиц на рубашке была вырвана с корнем, и я, Имира свидетельница, совсем не помнила, как это натворила. Да и откуда у меня силы рвать чужую одежду? И почему ремень от брюк валяется на полу, рядом с моим розовым платьем?..

На мне, по счастью, оставалась тонкая батистовая сорочка, какие ко всякому приличному наряду прилагаются. С оторванной левой оборкой и расшнурованным «плечом» справа.

Память не давала подсказок. Ни гхарровой капельки. Я не смогла бы даже сказать, сама сюда приползла или меня перенесла чья-то добрая душа. Такая, знаете ли, с хоботком... И, может, не слишком добрая.

Произошедшее ночью показалось сном. Дурным. Вероятно, у меня из-за отката галлюцинации начались. Сообразительный морок-помощник, странная леди с золотом в глазах, птица, метущая хвостом джантарики? Что вообще происходит в странном доме на утесе?

Я попыталась осторожно сползти с застывшего камнем магистра, но вторая рука упрямо легла мне на бедро. Первая уже была там.

– Лежите уже... – недовольно прохрипел Райс. И вздохнул с такой надрывной тяжестью, словно я весила, как общественный вояжер. С шестью пассажирами. – Еще только рассвет, вы совсем без сил. К завтраку восстановитесь.

– Ваша рука. Она на моем бедре, – я без особого страха столкнулась с его черным засасывающим взглядом. Вархова воронка! Того и гляди затянет.

– До этой минуты оно не протестовало.

Каждым кружевным завитком я ощущала степень двусмысленности ситуации. То есть я, младшая целительница, воспитанница мэтра Сайлэ... Так вот я этой ночью тайно пробралась в чужую спальню, влезла в чужую постель, избавилась от лишних преград... И запрыгнула на магистра? Боги Эррена...

– Почему я на вас забралась? – обиженно всхлипнула. – И почему... почему одежду сняла?

– Вы не помните... Вика?

– Ни гхаррова копыта!

– Может, и слава богам, – насмешливо прохрипел Райс, и подозрения закрались самые дикие.

К счастью, мои волосы, беспардонно расстелившиеся по заросшей груди магистра, все еще были светлыми. Они забавно вились, на концах превращаясь в мелкие спиральки. И хоть немножко, но защищали настоящую Алиссу от неминуемого позора.

– Вы черпаете силы из нашей «брачной» связи. Восстанавливаетесь. Полагаю, инстинкт самосохранения присущ даже хавранкам, – магистр чуть приподнялся с подушки, чтобы получше меня рассмотреть. Красные щеки и перепуганные глаза его особенно порадовали. – Чем теснее контакт, тем...

– Не продолжайте, пожалуйста! – взмолилась в панике. – Удивительно, как на вас еще брюки остались.

– О... вы пытались, – глухо рассмеялся он без всякого смущения. – Ночью, когда вы пришли... вам было плохо. Вы бредили, говорили про тварей изнанки. Про птицу, про хоботок... Я хотел спуститься проверить, но вы меня непустили. Вы умеете быть очень, очень настойчивой. Что там произошло?

– Эйвелин стало дурно, она...

Нет, этот его пробирающий взгляд действовал на меня даже хуже, чем предыдущие, превентивно убивающие. От тех хотелось перейти на другую сторону коридора. От этого – провалиться в бездну Керракта.

– Она? – рука магистра перебралась с хавранского кружева на мой локоть и медленно поползла к плечу, исследуя изгибы татуировки.

– Упала в обморок в библиотеке, – я дернулась от его прикосновения, пробившего молнией до самого нутра. И осторожно сползла на соседнюю подушку. – Я пыталась помочь и... наверное, тоже упала. Я не помню, как поднималась вверх. Честно. Могла перепутать двери и...

– Ничего вы не перепутали... Вика, – уверенно прохрипел маг, морщась всю дорогу, что я сползала.

Да как же это не перепутала?

Виноват или бессовестный морок, или мой опустошенный резерв, или брачная привязка. Сама бы я точно не вторглась в комнату Райса! Добровольно. Имея в распоряжении свою спальню и постель.

– Вы выкупили мою душу у тварей изнанки, – напомнил магистр, поворачиваясь на бок и щурясь хищным грикхом, нацелившимся на

жертву. – Что вы намерены с ней делать?

– Ничего не намерена, – слотнула, неприлично тараща на него глаза. Надеюсь, голубые.

Брось, Лисси... Это ведь Райс. В смысле, Ра-а-айс, а не исчадие мрака. То есть исчадие, конечно, и мрачное запредельно, но не по-настоящему. И это не первый мужчина, в постели с которым ты оказалась. Второй. А после Криса, надолго отбившего всякие желания, тебя не так-то просто запугать.

Несмотря на опыт приютов и пансиона, сделавший меня куда взрослее, внутри все нервно трезвонило, дергалось, натягивалось и истерично подпрыгивало. Словно органы именно сейчас решили устроить перестановку и поменяться местами.

Темные воронки напротив засасывали меня на дно, с которого нет выхода. Если провалишься, то уже навсегда.

Расклады мира я освоила еще в детстве, спасибо настоятельнице. Я не была избалованной девицей и знала свое место. Понимала, к чему могу стремиться, а к чему путь закрыт. Но под этим испытующим взглядом сжималась до размеров себя десятилетней. Чувствовала себя маленькой глупышкой, которую вот-вот начнет отчитывать «всезнающий мрачный магистр».

Органы так и не определились с местами и, кажется, свалились в кучу. Легкие прижало чем-то тяжелым (быть может, сердцем), и те не справлялись с дыханием.

С феерически недовольным, укоряющим во всех грехах выражением лица Райс поднялся на локте. Порывисто перекинул себя на меня. И прижал к подушке. Все это – не отрывая серьезного взгляда.

Что он задумал, ради святого гхарра? К чему это все сейчас?

Я резко уперлась ладонями в его плечи, создавая преграду. Отстраняя, не позволяя сократить расстояние.

Райс так смотрел...

Но что видел? Голубоглазую блондинку в батистовой сорочке и хавранских кружевах? С такими же фривольными ажурными нравами? Ну еще бы, я всю ночь по нему ползала, старательно избавляя от одежды!

Но я не была ни хавранкой, ни психиёлогом, ни Викой. Я даже не была уверена, что после всех приключений внутри меня осталась

Алисса. И ее он не видел точно: на младшую целительницу Райс *так* не смотрел никогда.

Каменное сердце спрыгнуло с придавленных легких, и я набрала воздуха в грудь. Продолжила упираться ладонями в плечи мужчины, нависшего надо мной темной карой. Наказанием за былые прегрешения.

Я часто сглатывала и так растерянно моргала, что глаза даже заслезились. Это все лишнее. Это сейчас... не нужно.

Выдающийся нос с горбинкой норовил уткнуться в мой, квадратная челюсть напряженно поджималась. А сам Райс словно бы тоже оцепенел. Как и мое сердце.

– Простите... Вика. Не знаю, что нашло. Дрянная привязка.

Он нахмурился грозовой тучей, резко встал и, на ходу запахивая рубашку, предоставил свою спальню в мое полное распоряжение.

Глава 24

Светило лениво поднималось над Эшерским морем, закидывая свои лучи, словно удочки, в окна имения. В смятенных чувствах я сидела на кровати магистра и наблюдала, как по белому подолу сорочки бодро скачут розовые блики. Как смело перебираются выше, на кожу рук. Как прыгают между пальцев, расцветивая кисти в рыжий и желтый.

Из головы не выходил взгляд Райса. И его тело, стремящееся вжать меня в постель и продолжить «тактильное лечение». С Викой...

Сейчас белокурая хавранка, глядевшая на меня из зеркала (так, словно ни в чем не виновата!), вызывала раздражение. Что в ней привлекло магистра? Она же пустышка, маска. Ненастоящее. Только ли кружева? Или, может, легкая сумасшедшинка? Не всякая иномирянка станет торговаться на изнанке за чужую душу.

Я так завралась, что утонула в собственном обмане. Уже и не выплыть. Не признаться, не объяснить Райсу, что Вики не существует. Есть лишь Лисси... Лисси Лонгвуд, вызывающая в нем раздражение и зубную боль. Чуть-чуть потерянная, чуть-чуть напуганная, бегущая от Вейрона и от себя.

Тряхнув плечами и свалив на кровать Райса свои тяжелые мысли, я натянула платье. Поправила все завязки, вытянула одну из лент и туго затянула волосы на затылке. Каждой мышцей, каждой клеткой я стремилась к порядку. Сегодня особенно.

Внизу на кухне шумели голоса, в основном мужские. Изредка в спор вторгался уставший, но твердый голос Эйвелин.

– *Доброе* утро, мисс Вика? – интонация у хозяйки была вопросительной, что заставило резко потупить глаза. – Все... в порядке?

Я могла лишь догадываться, что ночевка в спальне магистра не осталась незамеченной. И вызвала массу вопросов у Рэдхэйвенов. Я поправила кольцо и мысленно натянула «маску» покрепче. Без Вики мне не выжить.

– Все хорошо.

Казалось, мои пунцовые щеки кричат, что Райс сбежал из комнаты не просто так. И что ночью я бесстыдно раздела его и всесторонне ощупала. Так усердно, что и сейчас ладони горели не меньше щек.

– Все никак не привыкну к зрелищу... Сир Райс у меня в гостях! – надменно профыркал Рэдхэйвен, не успевший еще сменить походный плащ на домашнюю одежду. – Вы все-таки приняли мое предложение обучать Эйвелин «на дому»? Не разово, а на постоянной основе?

– Кхм...

– Ее темный дар брыкается, гормоны шалют, уже всю родню распугали. Немножко самоконтроля нам бы не помешало.

Я бросила взгляд на Эйвелин: неужто она не рассказала мужу о ночном происшествии? Ничего себе «брыкается»! Да такой дар до смерти доведет и не заметит.

– Немножко самоконтроля всем бы не помешало, – Райс потер губы и со вздохом привалился к стене. – Я подумаю о тренировках. Есть одна проблема... с которой я не могу разобраться сам. Потому и прилетел.

– Неужели? Насколько я помню, вы всегда готовы первым броситься к неприятностям... Обгоняя всех прочих желающих.

Королевский мастер выглядел измотанным и раздраженным, уставшим от долгого перелета. Но все таким же загорелым и темноволосым, каким мне запомнился.

Осенью сир Рэдхэйвен приезжал в академию, чтобы разобраться с проклятыми дверями. И изрядно задержался, попав в плен зеленых глаз. С Райсом они не особо поладили, потому как имели различные планы на одну одаренную ученицу.

– Я... не готов рисковать. В этот раз не готов, – Райс сдвинул черные брови и накрыл рот рукой, словно пытался скрыть свои слова. – Если бы речь шла о твари или разрыве... но тут я вынужден быть осторожен.

– И вы точно хотите избавиться от брачной привязки?

– Я намерен ее... аккуратно снять. Безболезненно для обеих сторон.

– Уверены? Эйви рассказала, но я не разделяю ее беспокойства, – Рэдхэйвен сбросил на стул плащ, распахнул удлиненный мундир и глубоко вдохнул воздух родного дома. Приправленный дымком. – Особенно теперь, когда своими глазами вижу прелестную

«привязанную». Виззариёцы ведь как-то выживали, мм? Что вас не устраивает?

– Раздражает, знаете ли, ходить на привязи, – прошипел Райс, наклонившись к загорелому лицу хитанца. Негромко прошипел. Но я расслышала. – Согласовывать каждое действие. Думать о чужих интересах, самочувствии, настроении... Никакой свободы. Никакой независимости. Варховы консультации по поводу каждого шага! Выматывает... знаете ли.

– Знаю. Это называется семейная жизнь, – сверкнул карим глазом Даннтиэль и одернул подкопченный рукав королевского мундира. – Я сам только недавно вкусил.

– Невыносимо.

– А вдруг понравится?

– Я протащил ее по изнанке, Рэдхэйвен! – негромко, но надрывно рыкнул магистр. – Съязвил, что ей безопаснее провалиться в бездну со мной, и... вирра вас задери... провалился! Вышло ли это «безопаснее»? Нет, ни гхарра!

– Не лучший выбор для первого свидания...

– Первое было на болотах.

– Да вы, Райс, романтик!

– С ограниченным запасом терпения...

А говорил, прогулка не предполагалась романтической... Я вздрогнула от воспоминаний и присела на диванчик к Эйвелин. Когда два винторогих гхарра бодаются, лучше не влезать.

Сейчас, когда в имение вернулся хозяин и коридоры наполнились эхом живой беседы, место больше не казалось пустым и заброшенным. Любому дому нужен человек.

Одной Эйвелин трудно было наполнить просторные комнаты жизнью. Но когда она была рядом со своим Даннтиэлем, мир будто взрывался запахами, красками и светом. И сама мисс Ламберт с возвращением мужа начала мягко, уютно светиться, а на бледные щеки вернулся румянец.

Едва ли я хоть когда-то испытывала такие сильные чувства к человеку. Точно не к Кристиану Вейрону, отношения с которым стремились в пропасть болезненной зависимости. Но виззариёская привязка позволила мне ощутить, каково это – когда дурнеет из-за

расставания. Когда в душе от одной мысли, что связь оборвется, образуется колючая дыра.

– Так вы сможете снять эту дрянь, пока я не угробил девчонку? – шипел Кейр негромко.

– Подумаю, сир, подумаю... Как чувствовал, что рано или поздно вам понадобится мое участие, – Рэдхэйвен угрожающе осклабился, и в его зрачках полыхнули многообещающие огненные искры. – И вы сразу станете более сговорчивы...

– Хитанец! – фыркнул раздраженно Райс, будто это слово решительно все объясняло.

– Болотный демон... – Даннтиэль потер подбородок и принялся со скучающим видом рыться в шкафах. Достал из верхнего початую бутылку, разлил в два бокала, один искушающе подтолкнул к магистру. – Дайте взглянуть на вашу бумажку.

Райс кинул смятый лист на стол и до белых пальцев сжал стекло стакана.

– Я не Варх весть какой специалист по виззарийскому, Кейр, – промычал проклинатель и, морщась и игнорируя рассвет, пригубил напиток. – Тут обозначено, что ритуал открывает чувства и призывает... хмм...

– Мне не нравится ваше загадочное «хмм».

Райс так и не отпил, задумчиво крутя в руках любимую эшерскую. Ее я по запаху узнавала с другого конца комнаты. Берёг, видно, для дурных новостей. Которые не заставили себя ждать.

– Хвостик стерся. И теперь этот символ можно прочесть по-разному. Призывает... «любовь». Или «судьбу», – Даннтиэль отвернулся к окну, демонстративно наслаждаясь морским пейзажем.

Распахнул ставни, впустил спокойный утренний ветер. Не тот, что надрывно выл всю ночь о своем одиночестве. Другой – дружелюбный, щекотный.

Рэдхэйвен поскреб в кармане мундира и выудил оттуда горсть дымных камешков, какие Кольт вечно привозит с Саци для своих ментальных трансов. Высек зеленую искорку, окутав себя загадочной изумрудной дымкой. Один из камней бросил Райсу. Тот не стал отказываться от гадости, пахшей ничуть не лучше эшерской, и вместе с хозяином вышел на балкон.

– И если то, что мы знаем о забытом мире, верно, то не удивлюсь, что ритуал действительно... «призывает», – глухо договорил Рэдхэйвен, и две пары темно-карих глаз уставились на меня. – В чем я точно уверен: виззарийский артефакт нельзя обмануть или перенастроить. Он не привязал бы вас к кому-то «неправильному». Так что думаете, Райс... Это череда нелепых совпадений? Любовь? Или судьба?

– Пускай обратно отзовет, ритуал этот, – пробормотала я нервно, вспоминая супружескую спальню Кольтов и большое зеркало. В котором отражалась растерянная голубоглазая блондинка в кружевном сраме. – Туда, где взял...

Слова Рэдхэйвена во всей их коварной сути до меня дошли не сразу. Как до отороженной в северном море цапы. Зато уж когда дошли, я подскочила с дивана и уставилась на Райса раненым зверем. Он ведь не намерен отвечать на глупые вопросы? Какая, к гхаррам, судьба?

Сначала он шутил на изнанке, что «брачные узы» не такие и фиктивные. Теперь это вот!

Я заметалась по кухне, вжалась затравленно в угол... и рывком выскочила в коридор. Таким резвым, что дикие вирры мне молча аплодировали в своем лесу. Схватила первый попавшийся черный плащ и выбежала из дома на край утеса.

Сир Даннтиэль откровенно намекал, что меня магистру прислали боги. Дрянные высшие силы. Как письмо, сверток с книгами или... коробку с эшерской. Вот прямо в его любимое болото, услышав ритуальный призыв природников, и прислали!

И браслет, так кстати оказавшийся на запястье, связал нас с той же судьбоносной целью. Чтобы, вестимо, в первый же день «посылка» не сбежала, очутившись в логове пугающего мужчины...

Но это не может быть правдой. Хотя бы потому, что *таких* совпадений не бывает. Да, в центре пентаграммы лежали часы магистра. Да, там была и моя заколка. Но вархова татуировка – единственное, что связывает нас с сиром Райсом. Ну и еще пара тонн утренней неловкости...

Да и кому понадобилось обеспечивать магистра нежеланной «невестой»? Сомнительная забота. За такое могут и в разрыв закопать навечно. Не все же вокруг смертники-добровольцы, как Тонкин?

Я обогнула широкий дом нервной походкой, распугав сонную стайку ташерских цап, и вернулась к живописному виду на серо-голубое море.

Судьба!

Нет, ну скажут тоже...

Все эти дни я думала, что мое приземление в болото – чья-то глупая шутка. Вот тех же студентов-природников. Ритуал пошел не по плану, моя заколка позвала хозяйку... Или старая книжка притянула случайно надетый браслет... Но это ведь мелочь? От грязи можно отряхнуться, из Анжара – убежать.

Я была уверена, что Райс вот-вот найдет ответ, а вместе с ним – и способ от меня отвязаться.

– С каких пор кого-то заботит моя личная жизнь? – послышалось с балкона, под которым я случайно оказалась. – Настолько, чтобы использовать древние чары давно забытого мира?

– Может, вас хотели отвлечь? – предположила Эйвелин. – Как тот случай с проклятыми дверями... Осенью...

– Ах, «тот случай»... Но от чего отвлечь? От разрывов на болотах? – раздраженно громыхнул Райс. – Да их намеренно устраивают каждую вархову ночь! И я даже догадываюсь, кто.

– Или, напротив, привлечь...

– Эйвелин!

– А что так сразу «Эйвелин»? – возмутилась мисс Ламберт. – Даже таким окаменелостям не чуждо...

– Чуждо, – глухо поспорил Райс, и перила над головой скрипнули.

– Да, вы правы. «Жетемии» на вас ушло бы литров десять, – прикидывала в уме Эйвелин. – Да и не факт, что подействует... А что с разрывами?

– Сначала я думал, что Тьма решила меня известить. Но теперь уверен: это дело рук Дэлии, девицы из...

– Вы ей интересны? – вторгся в беседу голос Рэдхэйвена.

– Маутянке интересен выгодный контракт с академией. И мой кабинет, – неохотно пробубнил Райс. – А также моя спальня... и мои болота.

– Ей интересны *вы*, – профыркал хозяин имения.

– *Мне* она оказывала исключительно расслабляющие услуги.

– Может, хотела оказывать еще какие-то? – равнодушно накидывал идеи королевский мастер проклятий. – Она не намекала на большее?

– Полагаете, я хорошо разбираюсь в дамских намеках?

– Полагаю, вас даже камнем по затылку огреть – не заметите, – признал сокрушенно Рэдхэйвен. – Но вы вполне завидный холостяк, Райс. Очень завидный, если иметь в виду искру, дар и руины в Тарлине.

– Да кому она сдалась, моя искра?! – прошипел магистр, теряя остатки равновесия. – Вы, верно, плохо разбираетесь в том, что нужно современным девушкам. Уж точно не жуткие руины имени Райса. Имения... Райсов...

Сверху что-то зашуршало, нервно защелкало. На траву у моих ног посыпались искорки и опустилось облако зеленого дыма.

Чтобы не помереть во цвете лет от добровольной задержки дыхания (глупее только от ампутации мозгов будет!), я выбралась из тумана и зашагала к цапам. Величавых птиц мое присутствие не смущало. То ли не ждали опасности от «психиёлога», то ли понимали, что легко отобьются длинными красными клювами.

Здесь, на открытом всем ветрам утесе, захлестывало странное щемящее чувство, что в этом мире мне совсем не за что зацепиться. У Софи своя жизнь с Грегом, Мег уехала в Хитану и учится в закрытой академии. От Кристиана я бегу сама. А больше судьба в Эррене меня ни с кем накрепко не связала.

Ну... кроме мрачного носатого кошмара. Не будь нашей связи, я бы, возможно, взмыла в воздух вместе с ташерскими цапами. Или растворилась влажным туманным облаком. Обернулась буйной пеной, что рождали волны внизу.

– Опять бежите! – догнало меня недовольное и укоряющее, очень в стиле ранней версии темного магистра.

– Прогуливаюсь...

Ветер залихватски трепал светлые волосы, что росли из моей бедовой головы. Рассыпал пружинками по плечам, завешивал прядями лицо. Они липли к щекам, лезли в рот. Приходилось отбиваться от них, словно от мух в анжарскую жару.

Кое-как разобравшись с хаосом на голове, я обернулась и украдкой посмотрела на Райса. Прилипла взглядом к горделивому

носу, к квадратной челюсти.

Я помнила, каким благородным и аристократичным он выглядел на изнанке. Чуть заносчивым, величавым, нестигаемым... От того точеного силуэта с широкими плечами и беспокойным плащом веяло тьмой и мраком. Но вместе с тем – уверенностью, безопасностью.

– Вы дрожите, Вика. Полагаю, это как-то связано... с переживаниями.

– Мне не нравятся все эти глупости про случайности и судьбу, – я столкнулась с ним взглядом и быстро отвела глаза.

Замоталась получше в черный плащ и вошла в стаю белоснежных цап. Даже здесь, на пустынном утесе на краю Эррена, я была лишним пятном.

– Я не верю ни в судьбу, ни в случайности. И в первом, и во втором замешаны боги. А им давно нет дела до смертных, – «успокоил» Райс. – Но куда вы все время бежите?

Да почему он за мной ходит, как привязанный?!

Ах да... Он бы и рад отвязаться. Да поводок больно крепкий. Тот и сейчас натягивался, жалил руку, напоминая о нерушимых узах. Которых никто не ждал и не просил.

– Мне нужно домой, – прошептала я, набрав холодного утреннего воздуха в грудь и обходя развалившуюся на траве гостью из Ташера.

– Отсюда путь неблизкий. Пешком так точно.

– Вы поняли, о чем я! – резко обернулась, вновь хлестнув его по щеке непослушными волосами.

Куда делась лента, ответственная за порядок в моей жизни, – одной Имире ведомо. Вероятно, была похищена местным коварным ветром. Он и юбку пытался с меня сорвать, и в кружева норовил забраться, но я не позволяла. «Нравы» у меня были обычные, тарлинские, а не хавранские.

– Все-таки варенье. Из сладких анжарских груш, – покивал магистр своим мыслям и, расчертив лоб глубокой морщиной, протянул мне заколку. Жест был такой незатейливый, словно Райс постоянно в карманах дамские безделушки носит. – Любопытно: ваша любовь к сладостям – причина или следствие?

– Откуда у вас?..

Нет, правда, откуда у Райса в кармане женские заколки? Ее забыла одна из мелкопяточных маутянок, а он сохранил на память? Я с

подозрением уставилась на вещицу.

Она была похожа по конструкции на ту, какой я обычно пользовалась, но без драгоценной инкрустации. Простенькая, но милая россыпь розово-зеленых стекляшек, красиво переливавшихся в утреннем свете.

– Купил. В Аквелуке. Других там не найти, – он все еще настойчиво тыкал мне в руку чужой заколкой, дожидаясь, пока возьму подарок. – Не мог определиться с расцветкой. Маленькое, но сильное средство в борьбе с окружающим бардаком. Подойдет?

Ну если с бардаком...

Привычным жестом я сунула заколку себе в рот, закусил зубами. Так удобнее: чтобы смотать косу в крепкий пучок, мне понадобятся обе руки.

– Квафиф... фая... – сообщила опешившему магистру, явно никогда не наблюдавшему за прихорашивающейся девушкой.

– Вам... может... подержать?

– Я ф-фама, – мотнула головой, отчего чуть не выронила собранную косу. Перехватила поудобнее и, выгадав момент, поймала волосы в капкан серебристых зубчиков. Все, попались!

– Вы очень необычная девушка, Вика.

– Я до тошноты обычная, сир Райс.

– Простите за утренний... кхм... инцидент.

– И вы меня... за ночной, – я позволила легкой улыбке выплыть на лицо и тут же отвернулась.

Несколько чужих светлых пружинков, не попавших в серебряную ловушку, прыгали у меня на носу. То взлетая в воздух от дуновения ветра, то снова шлепаясь на лицо...

И мне очень захотелось снять колечко с самарудом. Грудь горела желанием, чтобы здесь, на утесе, магистр увидел меня настоящую.

То-то бы он удивился!

А потом, может, с разбегу бы в море бросился, осознав, с кем его на самом деле связала шутница «судьба».

– Вы так хотите вернуться домой, Вика? – взгляд Райса обжигал затылок. – И чем будете заниматься в Хавране?

– Искать себя. Мне хочется думать, что где-то найдется место, где я буду действительно нужна. И полезна.

Я нагнулась и провела ладонью по расправленному крылу белой цапы. Оперение было еще влажным, но сама птица – теплой и мягкой. Она предупредительно щелкнула клювом, и я убрала руку. Стоит уважать чужие желания.

– Разве вы еще не нашли себя?

– Все время умудряюсь терять, – хмыкнула с долей горечи.

Я чувствовала, как его взгляд щекотно касается моей оголенной шеи. Скользит к поднятым вверх волосам, изучает открывшиеся уши, торчащие в стороны весьма дурацким образом.

Ненастоящие прикосновения обжигали не меньше реальных. Напоминали о жадном, голодном поцелуе в академии, об осторожных прикосновениях на изнанке, о решительном рывке этим утром в спальне... И я поспешила вернуться в дом.

На крыльце нас встречала Эйвелин, вновь побледневшая, с толстым томиком наперевес. Сир Рэдхэйвен с озадаченным видом стоял позади, аккуратно придерживая девушку за плечо.

– Сир Райс, я тут... нашла... – задыхаясь, пробормотала мисс Ламберт. – Вот вы сказали «Да кому нужна моя искра?», и я сразу подумала... Я вспомнила...

– Да говорите же!

– Про дочерей Мрака.

Глава 25

– Что за дочери Мрака? – я перевела растерянный взгляд с Эйвелин на Райса и обратно.

Все вокруг стояли такие мрачные и посеревшие, словно темного яду напились. Одна я ни гхарра не понимала. Но хавранкам и не положено...

– Был такой культ. Старый, еще с доварховых времен, едва ли он сейчас существует, – неохотно пояснил магистр, кривя губы.

– О них давно не слышно, но не значит, что их нет, – Рэдхэйвен потер уставшее лицо и поманил всех в дом. Стоять на пороге было и глупо, и прохладно.

– Их история больше чем просто страшная сказка. «Дочери» поклонялись Мраку задолго до того, как на изнанку пришла... кхм... Тьма, – прошептала мисс Ламберт.

– Не думал, что вы увлекаетесь доварховой историей и теологией, Эйвелин.

– Жизнь заставила, – вздохнула девушка, косясь на мужа. – И Рисска болтает как не в себя, когда нервничает перед ответственными свиданиями...

– Эти мне «свидания»... вашей Фенриссы!

Пока я возилась с плащом и вешала его на высокий крючок, все прошли в глубину дома. Эйвелин забыла свой «страшный томик» на полке у зеркала, и я подхватила книгу. Покрутила в руках, погладила пальцем ветхий фиолетовый переплет. Открыла на предисловии и пробежалась глазами по строчкам.

«В забытые времена, когда древний Эррен еще не был Вархаррой, Первые боги поклонялись Мраку, спрашивая у него сил на бесконечную борьбу за власть. В темноте и без всяких ориентиров жили простые люди под их покровительством. Так продолжалось до тех пор, пока истинные боги, выкованные в жерле Танталы, не пришли в наш мир.

Они принесли магический огонь из Виззары – забытого мира-источника, затерявшегося на картах. Наделили искрами смертных и воцарились на Звездноводе.

Золотые облака исполнились божественного сияния, и Мрак бежал на изнанку. А вместе с ним и ослепшие, ослабшие Первые. Они затаились на темной стороне бытия, планируя однажды восстать и отвоевать свой мир у Сияющих. Но без щедрых подношений Мрак заснул, и Первые вместе с ним...

Пантеон новых богов был многочисленным, и очень скоро Эррен вновь погряз в раздорах и спорах за власть на золотых облаках. Сии времена называют доварховыми. Лишь когда воцарилось единоверие, в Вархарру пришел мир и покой.

Но осталась немногочисленная группа людей, недовольных таким исходом. Отказавшихся почитать Всемогущего, считавших Сияющих захватчиками и мечтавших вернуть Первых к власти.

Это были слабоодаренные маги, они не представляли большой опасности по одиночке. Однако объединялись в ордены, создавали культы, самый известный и древний из которых – «Дочери Мрака». Они нашли способ усилить свою искру для предстоящей битвы...»

– Думаете, Дэлия из дочерей? – донеслось из библиотеки.

– Такое вряд ли возможно, – подал голос Рэдхэйвен. – Беглянки с Маути всегда служили свету... в его сиятельной ипостаси. Своей защитнице.

– Имиде, – прохрипел Райс согласно. – Но когда мольбы веками остаются без ответа, любой пойдет искать иного... «защитника».

Я вошла в комнату и положила книгу на письменный стол сира Даннтиэля. Рядом с лампой все так же лежала россыпь неограниченных «тьманитов». И несколько штук обнаружилось на ковре.

– Вот, смотрите, – Эйвелин подхватила книгу, пролиставала и принялась зачитывать. – *«На ритуале посвящения Дочери Мрака обязаны были испить полную чашу темного яда. Но он не убивал своих верных подданных. Яд окрашивал их глаза в глубинно-черный, наделял дев сильным ментальным даром и отмечал каждую своим знаком».*

– Ментальным? – я подошла к мисс Ламберт и заглянула в книгу через ее плечо.

На станице был зарисован крошечный цветок чернойгодника. Обычный трилистник, известный всякому, кто читал «Древнюю магическую ботанику» сира Эофа.

– Чтение мыслей, внушение, подчинение, прочая чушь, – пояснил хозяин дома. – И использовали они дар весьма... нетривиально.

– Я слышал об их интересе к сильным магам, – наморщил лоб Райс.

– К их искрам, которые можно передать потомству. «Дочери» никуда не спешили, – хмыкнул Рэдхэйвен. – И с каждым поколением становились сильнее. Если служительницы культа дожили до наших дней, это уже не бездарные глупышки, испившие темного яда. Это крепкие, хорошо образованные сирры.

– Полагаете, Дэлия хотела от меня... кхм...

– Это называется «дети», сир Райс, – нервно улыбнулась Эйвелин. – Вы были бы премилым отцом...

– Разве что для кого-то с щупальцами, – пробубнила я негромко, устраивая свои кружева поудобнее на диванчике.

Голова пухла от новой информации. А Райс заботливым папашей... нет, никак не представлялся.

В мыслях всплыл образ. Очаровательная черноглазая девочка (почему-то рыжая и в новеньком зеленом платье) идет с папой Кейром на прогулку. До болот. Ночью. Собирает плодоядных пиявок в ведерко, приветливо пожимает щупальца мороку, с озорным смехом плюхается в ароматной грязи...

Я потрясла головой, чтобы поскорее вытряхнуть кошмарное видение из головы. Эти «дочери» решительно спятили.

– Как древние сирены, они заманивали в свои сети молодых и горячих магов, студентов академий и наследников рода, – прохрипел Рэдхэйвен. – Был ряд похожих случаев лет пятнадцать-двадцать назад. Меня чаша этого темного яда миновала, а вот давний приятель Кольт однажды чуть не вляпался. Лишь крепкий ментальный дар спас его от участи «донора искры». Он распознал внушение, и девице пришлось спешно покидать Хитанскую академию. По-моему, она даже не успела одеться...

– Данн! – Эйвелин шлепнула мужа по плечу и осуждающе зыркнула глазами.

– Это было не со мной, – шепотом напомнил сир Даннтиэль. – У Дэлии есть метка мрака, Райс?

– Я никогда особо не разглядывал, – поморщился магистр. – Как она выглядит?

Мисс Ламберт развернула к нему книгу, демонстрируя черный трилистник.

– Вроде цветка чернойгодника. Как известно, он цветет лишь в самую темную, беззвездную ночь, следующую за парадом светил...

Райс побледнел. Так резко, словно его сифа-кровопийца выпила в один присест. Магистр порывисто встал с кресла и прошелся по библиотеке, сшибая углы стеллажей. Взгляд его стал каким-то мутным, потусторонним. Он совсем не видел, куда идет.

– Сир, вы... Кейр... – я подскочила к нему, намереваясь остановить хаотичные перемещения. Пока он всю библиотеку Рэдхэйвенам не разнес.

– Не сейчас, В-вика!

Лица на Райсе больше не было. Щеки впали, очертив линию скул. Морщина на лбу углубилась, губы посинели. Феноменальный эффект от одной увиденной картинки.

– Быть того не может. Не может, – бубнил он, продолжая своими плечами наносить ущерб библиотеке.

Он словно искал выход на ощупь, а взглядом был где-то в ином мире. Или времени.

– Та метка появлялась всего в двух местах, – робко продолжила лекцию Эйвелин. – На пятке или в...

– Ям-м-мочке между ключиц, – дрожащим голосом договорил Райс и, внезапно обнаружив перед собой распахнутую дверь, вылетел прочь из библиотеки.

Сир Рэдхэйвен остановил меня, не позволил пойти следом. Он был прав, конечно: меньше всего магистру сейчас нужна консультация «психиёлога».

Неужели Райс действительно видел трилистник на Дэлии? Но где? На шее? На миниатюрных пятках не было точно, я их неплохо разглядела.

– И все же я никак не пойму, – Эйвелин захлопнула книжку и уселась на диван. – Зачем было проводить ритуал сейчас? Почему не подождать парада светил? Тут пишут, что Дочери Мрака подгадывали зачатие на ночь, когда магия замирает... Тогда рождаются дети с самыми сильными искрами.

– Ночь весенних даров тоже подходит, если есть причины спешить, – мастер проклятий озабоченно тряхнул головой и подошел к окну.

Силуэт Райса в черном плаще, раздуваемом ветром, нашелся на краю утеса. Магистр просто стоял, рассматривая волны внизу. Что он видел в темной глубине? Настоящее, прошлое, будущее? Возможное, невозможное?

Мне хотелось подойти к нему. Похлопать по плечу, приобнять со спины. Или облегчить боль одним из целительских плетений. Наверняка ведь есть в справочнике что-то для подобных запущенных случаев?

Но я помнила предупреждающий жест Рэдхэйвена. Чужие желания надо уважать.

– Ну не планировала же маутянка плюхнуться в болото вместо мисс Вики? – Эйвелин наморщила нос и усердно запыхтела. – Или... планировала? А потом внушить чувства, свалить все на природников и... Нет, глупость какая-то! Она ведь и так имела доступ к спальне магистра.

Иметь-то имела, да... Но исключительно в расслабляющих целях. Если верить Райсу. Чем больше он уставал от откатов, тем чаще вызывал Дэлию. Но такое женское коварство не укладывалось в моей тяжелой голове, ей Варху!

Я снова вспомнила маутянку, призывно развалившуюся на розовых простынях... А потом застигнутую в кабинете Райса... И в кустах на болотах... Что, если она ждала момент, когда маг ослабнет и не сможет противостоять внушению?

– На какие хитрости только не идут женщины, чтобы пленить мужчину... – пожал плечами хозяин дома.

– Сказал сир рабовладелец! – профыркала Эйвелин, потирая живот.

Рэдхэйвен отвернулся от окна и быстро прошагал ко мне. Не дав опомниться, поймал за руку, потянул пальцы к себе... И живо сорвал колечко с зеленым самарудом. В ту же секунду прядь, падавшая на мой лоб, предательски порыжела.

– Ой...

– «Ой», – передразнил мастер проклятий и хрипло рассмеялся. – Занятная шутка...

– Как вы?..

Гхаррова западня!

– Я хорошо знаю того, кто накладывал эти чары, – сир Даннтиэль покрутил перед носом колечко и, о чем-то поразмыслив, надел его обратно мне на палец. Оглядел меня придирчиво и кивнул: – Ну вот, так-то лучше. Не будем еще сильнее пугать темного магистра.

Дверь дома хлопнула, и через минуту на пороге появился Райс. С мокрым лицом и налипшими на лоб черными волосами. Словно ему прямо в нос ударила холодная соленая волна. И она явно привела мужчину в чувство: Кейр был уже не такой бледный.

– Нам с мисс Викой надо вернуться в академию, – сухо произнес он, ничего больше не объясняя. – Привязка тянет слишком сильно. Я... едва дошел до края, – Райс кивнул на обрыв в окне.

– Я могу лишь немного ослабить, – развел руками Даннтиэль. – И то временно. Суть привязки отсылает к древней супружеской клятве, но...

– Но?

– Ни один брачный ритуал что в Виззаре, что в Эррене невозможен без божественного благословения, – хитанец задумчиво пошевелил подбородком. – Сир Райс, а вы случайно не испрашивали благословения богов в последнее время?

– Да вы шутник, сир Рэдхэйвен... Последний раз я о чем-то просил богов двадцать лет назад.

– Может, связь была плохая и просьба долетела только сейчас? – хмыкнул Даннтиэль и вытянул из наших запястий пучки золотых нитей. Чуть размотал их в воздухе, закружил сложным пассом, обращая в сверкающие спирали. – Чары истинно божественные, и не мне...

– Не вам?

– Не мне!

– В какой-то момент я решил, что это *ваша* дурная шутка, – признался магистр, стряхивая капли с волос. – В отместку за тот случай на полигоне. Тем более что по заверениям сира Таэли не так много хитанцев имеют доступ к секретному отделу королевской библиотеки.

– Мне нынче, верите ли, не до шуток, Кейр, – буркнул проклинатель, с раздражением осмотрев подкопченные стены родового имени. – Впрочем, от вашего несчастного вида мне становится немного веселее. Самую капельку.

Глава 26

Воздушное судно Ее Величества шло плавно и неспешно. Легкая качка баюкала, но я отгоняла прочь желание прикорнуть на одном из мягких диванчиков.

Никогда не летала на частном транспорте, да еще таком роскошном! Мы с магистром были совершенно одни на гигантской белоснежной палубе и могли занять любое место.

– Вам повезло, Кейр, что виззарийский артефакт привязал вас намертво *ко мне*, – я все же плюхнулась рядом с Райсом. Хоть и был соблазн сбежать от почерневшего попутчика на другой конец корабля. – Мне от вас решительно ничего не нужно. Ни искры, ни руин, ни...

– Ни?

– Ни детей, как... мисс Ламберт... это вот называет, – я так усердно накручивала на пальце кольцо, что уже протерла на коже красную дорожку.

Софи, как ни пыталась, не смогла меня заразить этой ее страстью к замужествам и пеленкам. Нет, я в магических беременностях была уже спец, один из лучших в Анжаре! Но предпочитала оставаться с той, другой, наблюдательно-диагностической стороны. Я видела слишком много нюансов, от которых мужчины седеют, теряют загар вместе с аппетитом... или вот – рукава парадных мундиров подпаливают.

– Как жаль! – ненатурально расстроился магистр. – Возможно, это была бы единственная польза от искры рода Райсов.

– Скажете тоже. Вы вон сколько пользы на болотах приносите! – я нервно поерзала на слишком мягком сидении. – А потом грязи с болот... тоже приносите... немерено.

– Так не любите грязь?

– Я пытаюсь стремиться к порядку. Но меня всюду настигает бардак, – вздохнула сокрушенно. – Начинается обычно с малого и... Да вы и сами все видите.

Не факт, впрочем, то Райс сейчас вообще что-то видел. Весь полет он пялился на облака, окутанные темно-серой дымкой, словно

траурной вуалью.

Над северным Эшерским морем собирался дождь, и белоснежные цапы остались на утесе, отложив полет домой. Но судну Ее Величества, защищенному чарами от любой непогоды, ливень был нестрашен.

Я сонно клевала носом, разглядывая величавый профиль магистра. В деталях вспоминая, каким он мне виделся на изнанке.

Седое море под нами сменилось Либтоунским лесом, затем началась череда магических фабрик, источающих клубы едкого дыма. Выплыл нарядный уютный Тарлин, пестрые лоскутки площадей, одетая в белый камень набережная, усыпанная кофейнями и гостиницами...

Снова леса, поля, фермерские плантации. Аквелук, своеобразный запах которого долетал даже до нашей палубы. И, наконец, Анжар. Когда на горизонте показался шпиль ректорской башни, облака покрасились в багрянец, знаменуя скорые сумерки.

– Вы так хорошо описали место трилистника... – я все же рискнула затеять неприятный разговор, который рвался из меня всю дорогу.

Магистр не стал бы чернеть из-за маутянки. Все-таки мне удалось неплохо его узнать за последние дни. Настоящую боль ему причинял лишь один эпизод из собственной жизни. Все остальные неприятности – откаты, разрывы, столкновения с тварями – ни в какое сравнение с ним не шли.

– И? – выдохнул Райс, не оборачиваясь.

– Будто видели метку своими глазами.

Породистый, недовольно сопящий нос тут же оказался перед моим лицом, и я предусмотрительно отползла дальше по диванчику.

– Я много всякого видел своими глазами... Вика. Уже и не знаю, чему верить!

– Но ваша невеста...

– Носила плотные блузки с высоким воротником, – он почесал подбородок, постучал пальцем по поджатым губам. – Весьма странные моды, особенно для летней тарлинской жары.

– У вас всю дорогу такой вид, будто вы...

– Внезапно понял, что был помолвлен с дочерью Мрака? – едко процедил магистр, не отводя от меня раздраженного взгляда. – Не

увлекался никогда доварховой историей и культурами Первых. Вероятно, зря.

– А ваш отец? – я отползла еще немного, когда он опасно ко мне наклонился и уложил руку на подлокотник.

– Мм?

– Он увлекался.

Я не спрашивала. Я утверждала, хоть и не имела при себе никаких доказательств. Но могло ли быть иначе? Главы древних родов (тех, что вели свое начало от сотворения Звездносвода Сияющего) хорошо знали свою историю.

– Отец всякое читал, – пробормотал Райс угрюмо.

– Вы не спрашивали его, почему он тогда... игнорируя общемировский запрет на использование сильной магии...

– Люди много глупостей творят из-за дрянных эмоций!

– И потому вы предпочитаете состояние кирпича? – я с присвистом вдохнула, получше заматываясь в подаренную Эйвелин темно-зеленую шаль. – Холодного, твердого и квадратного?

– У меня больше граней, чем вы видите, – прохрипел «многогранный» кирпич.

– А решение встречаться тайно точно было вашим? – не унималась я. – А о помолвке вы не распространялись только потому, что боялись гнева отца? И не спешили решать «проблему»?

– Мы договорили, мисс... Вика, – Райс резко встал и подал экипажу команду на снижение.

С неприятным толчком корабль уселся в воздушную посадочную яму, скинув трап на площадку ректорской башни. Нам повезло, что сир Рэдхэйвен вернулся на частном королевском судне и любезно устроил, чтобы оно доставило нас прямо в академию.

– Ничего мы не договорили! – прошипела в спину магистра, цепляясь за его локоть.

Райс, хоть и мечтал отделаться от попутчицы поскорее, все же подал мне руку и помог спуститься.

– Договорили, договорили, – скрипел он, как старое заржавевшее колесо. – И больше не начинайте этот разговор. Иначе я...

– Иначе вы что? – уточнила с вызовом.

Чужой горячий выдох растекся по моему подбородку, и рот обернувшегося Райса оказался как-то уж слишком близко к моему.

Удивленно распахнутому. Магистр ввинчивался в меня темнеющим взглядом. Но, судя по молчанию, жуткого наказания пока так и не придумал.

Из приоткрытой двери доносились приятные звуки: по корпусу академии разливалась бодрая музыка. Точно, сегодня же Бал весенних даров, к которому с таким ажиотажем готовились студенты.

В гнетущем молчании Райс спустился по лестнице и кивнул мне на галерею, ведущую в «наше» крыло.

– Идите в спальню, – приказал сухо, отрывисто.

– А вы? – всплеснула руками, догадавшись, что мрачный маг затеял очередные прятки. – Пойдете на танцы?

– Я скоро поднимусь, – Райс скривился от мелодичных звуков и упрямо поджал челюсть.

Из чего я сделала вывод, что он намерен страдать и в спальню поднимется ни гхарра не скоро. А лишь тогда, когда я засну крепче дикой вирры, впавшей в сезонную спячку. «Поводок», любезно растянутый сиром Даннтиэлем, позволял Райсу огибать меня по самой широкой траектории.

В «Хитанской правде» писали, что преступников всегда тянет на место преступления. Поэтому твари изнанки, пробежавшись по Эррену, часто возвращаются к разрыву. Там-то их и ловят маг-гвардейцы.

Не знаю, правда ли это, но конкретно меня ноги повели в диагностический кабинет. Раз уж привязка временно ослабла, я могла не спешить в пустую спальню. Хотелось вновь посидеть за столом, за которым я заполняла тонны бумаг. Раньше мне казалось, я здесь приживусь.

Я прошлась по кабинету, покрутилась в кресле Граймса... Достала стопочку бланков и стала выписывать шуточные направления на принудительную магическую диагностику Диккинсу, Килире, Фенриссе... А специально для Заккари Тонкина на бланке дописала: «Вероятна полная ампутация мозгов».

Мои дамские завитки все так же кренились вправо, норовя устало упасть на воображаемую линию. То-то сир Альвар удивится партии новых пациентов!

В дверь истерично пробарабанили. С той стороны кто-то жалобно всхлипывал, и я поторопилась отворить.

– О... Н-находка из болота! – удивленно просипел Тонкин черными губами, пошатываясь в проеме. – А ваши... кружевные... они еще?..

– Заткнись, Зак! – пихнула его сзади мисс дэс Морган. – Где сир Граймс? Нам он очень... очень!

– Сир Граймс прогуливает дежурство, – я развела руками и помогла Килире втащить парня в диагностическое.

Вообще-то после моего побега у главного целителя осталось не так много вариантов покинуть кабинет. Право практики было только у нас двоих, а нового ассистента Джонас до сих пор не утвердил.

– Что стряслось? – я повесила зеленую шаль на стул и протерла ладони обеззараживающим зельем.

– Этот идиот сорвал мне бал, вот что! – возмущенно раздувала ноздри девушка, расправляя на себе пышное серебристо-серое платье.

– Я же из благих...

– Скажи еще, что ради меня старался, – шипела разбуженной виррой дэс Морган, нервно накручивая аккуратные красные кудри на пальцы.

Она не на шутку подготовилась к балу: кожа лица сияла драгоценной магической пудрой, а в ушах мерцали серьги с крупными агонитами.

– И ради себя...

– Что вы натворили, Заккари? – я тряхнула парня, подталкивая к кушетке.

В руках у Тонкина была зажата красная подарочная коробка с сорванным бантом. И рядом с ней мне становилось как-то не по себе.

– К-купил... на черном рынке... в деревне. Неизгладимое впечатление с той самой ночи, знаете ли, – он едва заметно пошевелил губами и послушно уселся на голубую кушетку. Коробочку бросил рядом с собой и осторожно сдвинул крышку. – Вы только не трогайте: оно до гхарровой задн... мраком обляпано. Чтоб того торгаша тролли затоптали, ага!

В коробке обнаружился небольшой красный сверток. Кружевной. Каждой своей фривольной ленточкой тяготеющий к хавранским модам.

– Оно по ходу... из спонтанного портала выпало... а рядом разрыв случился... Такое маг-гвардейцы обычно забирают и уничтожают, его же не отмыть. А черные торгаши воруют со складов и... дерут втридорога за иномирские штучки... Врут, что очищенное...

– Вы мне еще лекцию о черном топливе почитайте, Тонкин! – строго осекла парня и опустила его горячую голову на подушку. – И о столкновении магических энергий.

– Если надо... я могу... – Заккари вяло улыбнулся и закатил глаза.

Отравление мраком. Превосходно. Огхаренно. За-ши-бись!

– Он его на вкус пробовал, что ли? – спросила у Килиры, смущенно косящейся на алые кружева. Уж понятно, под чьи красные кудри их подбирали.

– Т-только трогал, – выдохнула девица, накрывая коробку крышкой. – Достал и потер о щеку, придурок. Сказал, ткань нежная, как шелк пера керрактской хары. И на коже у него сразу... видите, вон там?

По шее парня расплзлось черное пятно, словно Тонкин испил свою чашу темного яда.

– Разве сир Райс не учил вас на занятиях, что нельзя ничего подбирать с места разрывов?! – я раздраженно хлопнула дверцей шкафа и покосилась на бланки.

Ох, зря я Тонкину ампутацию прописала. Как говорит Граймс, было бы что ампутировать.

– На них ведь не написано, что с разрыва... – неуверенно запротестовала Килира.

– Ага, точно. Тот торгош был великий путешественник по Междумирью, с даром проходимца высшего уровня! – фыркала сердито, вливая в парня любимый тоник сира Альвара.

Дрожащей рукой нащупала шиватель аур, сняла предохранитель. Боги Эррена... Мрак я из магов еще не доставала. Тем более такой крепкий, намертво вцепившийся в искру! Лишь видела, как это делает Граймс.

– Так, ладно, всем замереть... молиться Варху... и надеяться на лучшее.

Едва я занесла шиватель над шеей Тонкина и с тяжелым вздохом примерилась к пятну, дверь снова распахнулась. Гхаррова бездна, тут вроде не проходной двор?!

– Прошу прощения, Вика, вы не видели сира Райса?

В воздухе возникли голубые глаза мисс Донован. Следом за ними я разглядела белую кожу, обрамленную аккуратными темными завитками.

Мой взгляд скатился на шею с массивным ожерельем и окончательно свалился в глубокое декольте. Я такой разодетой Алексию – серую россоху академической библиотеки – никогда не видела.

– Поищите на балу, – профыркала я, откладывая сшиватель и вытирая испарину со лба. – Наверняка в самом центре отплясывает старинный анжарский танец!

Музыка из коридора лилась и впрямь бодрая. Из тех, под которую хочется задираТЬ юбку до колен и бешено скакать по залу.

– Вы думаете, Кейр... танцует? – покрашенный ярко-розовым ротик мисс Донован удивленно распахнулся.

Грудь содрогнулась от гаденького воспоминания, как перед поездкой в Хитану женщина предлагала магистру пойти на бал вместе. Тогда это вызвало во мне неловкий смех, но сейчас...

– Покиньте кабинет, Алексия. Здесь идет магическая операция! – рявкнула раздраженно на ассистентку Мюблиума. – А сир Райс теряется лишь тогда, когда не хочет, чтобы его нашли.

У меня на руках пытается умереть уж который человек за сутки, а ей подавай черноглазое исчадие! Которое не факт, что танцевать умеет. А если и умеет, то не станет. Ни с мисс Донован, ни со мной, ни с дитем изнанки.

Голубые глаза нервно хлопнули, и дверь быстро закрылась.

– Огхаренно вы ее... – прошелестел Тонкин, убегая расфокусированным взглядом к потолочной лампе.

Кейр Райс

Сшибая плечами углы, он раздраженно направлялся к магистерскому корпусу. Оставалось несколько дел, с которыми нужно разобраться сегодня. До наступления ночи, грозящей новым разрывом на болотах. Рискнет ли Дэлия повторить фокус с «тьманитами»?

Голова заполнялась туманом. Мысли плавали в вязкой жиже без намека на грядущее прояснение. В груди бухало яростью, сердце

щемило. Как обычно, Райс был груб, резок и нетерпим. Очень в его «многогранном» стиле.

«Вика» все верно подметила. Связала ниточки, что оборванными концами болтались в воздухе столько лет. Он и сам их успел соединить, стоя там, на обрыве, и глядя в черноту северных вод.

Но нет никакого смысла ковырять прошлое. Оно остается там, где ты его оставил. Райс бросил свое прошлое под руинами и не собирался лезть и все это откапывать. Тем более – обсуждать с «психиёлогом»!

Нить, связавшая две жизни, теперь не натягивалась до боли. Райс чувствовал, как она свободно колышется в пространстве, оставаясь чем-то значимым, пусть и невидимым. Дает иллюзию свободы, но не позволяет забыть о «второй половинке».

– Кейр... Кейр!

В мысли вторгся чужой окрик, и на секунду послышался *ее* голос. Вернулась? Ослушалась? Райс дернулся, обернулся... и с разгона влип в широкую улыбку мисс Донован. Нет... не *она*.

– Вы разве не в Хитане? – разочарованно уточнил Райс.

– Успела! Я ведь говорила... что постараюсь... к балу, – она запыхалась от бега и тяжело дышала. Хлопала своими голубыми глазами так часто, что это начинало раздражать уже через полминуты. – Общественное судно меня прилично потрепало. Вы ведь знаете, моя слабая искра плохо переносит полеты. И так и норовит выпрыгнуть из горла при каждом взрыве темного топлива... Но я все вынесла ради вас.

– Сочувствую. Не стоило обрекать себя на страдания, Алексия, – заметил сухо. – К чему эти жертвы?

– Это мой выбор, – она обмахнулась рукой и стерла дорожку пота с виска. – Вы уже танцевали? Боги Эррена, неужели я все-таки опоздала?

За спиной Райса гремела музыка, он намеренно обошел зал, даже не заглядывая внутрь.

– И не планировал...

– Я надеялась на встречу, Кейр.

Это было даже сухарю вроде Райса заметно: действительно надеялась. Из столицы мисс Донован прилетела не с пустыми руками. Сверкала разноцветной магической косметикой на лице, какими-то безделушками на шее... Тело упаковала в нечто синее, шелковое,

пошитое по модному хитанскому фасону. Похоже, месячное жалование растратила на наряд.

Алексия вцепилась Райсу в локоть и потянула в зал. Не дав опомниться, подхватила со столика два бокала с дымящимся содержимым, один протянула магистру. Крутанулась перед ним, привлекая внимание к шуршащей юбке и открытому декольте. Райс поморщился: до нее ли сейчас?

– Вам нравится мое платье, сир Райс?

– Оно делает вас... весьма...

Удивительно, как несколько изменений в привычной внешности заставляет увидеть человека иначе. Алексия была привлекательной женщиной. Достаточно молодой еще, но очень одинокой, всю жизнь положившей на помощь старику Мюблиуму. Без нее профессор был как без рук.

Ее было жаль. Стремление мисс Донован изменить судьбу, зашедшую в тупик, Райсу было понятно. Знакомо.

В такие вечера, когда из дверей льется музыка, а лепестки филии вторгаются в нос и все вокруг напоминает о романтике Ахавы... Да, в такие вечера невольно задумываешься: где ты свернул не туда? Есть ли шанс повернуть назад, сделать крюк, попробовать по-другому?

Однако Райс точно знал, что дорога идет только вперед. По-другому жизнь не прожить, в прошлое не вернуться, да и незачем.

– Вы обязаны подарить мне один танец, – вкрадчиво напомнила женщина, отпивая из своего бокала.

Собрав внутри остатки тактичности, в принципе в Райсе не водившейся, он тоже пригубил напиток и выдохнул ей в лицо:

– Не думаю, что это входит в мои обязанности, Алексия.

– Разве сир Джонас не уведомил вас о нововведениях? – она кокетливо хихикнула, довольная шуткой. – Теперь входит, и еще как! И за нарушение полагается...

– Простите, мисс Донован, я не хочу танцевать, – резко оборвал женщину и двинулся к ректору, стараясь не замечать, как сползает на пол неумело разукрашенное косметикой лицо.

Странно, что мисс Донован ждала иной реакции. Этот день ничем не отличался от всех прочих. Кого могла удивить его мрачность и нелюдимость? А нежелание танцевать? Варховщина какая-то! Он же

Кейр Райс, а не премилый детеныш каффы, стремящийся всем понравиться.

Боковым зрением магистр видел, как Алексия дерганной походкой направляется к сиру Вейрону. Что тот вообще забыл на балу? Ублюдох умудрялся разбавлять поиски Алиссы приятным времяпрепровождением в компании старших студенток и младших ассистенток.

Будь ректором Райс, он бы давно придал хитанцу ускорения в сторону анжарских болот. Или еще куда подальше. Но Джонас не хотел проблем с тэль Меерами: академию курировал Королевский образовательный совет и лично Ее Величество.

Останавливать мисс Донован Райс не стал. Ей не двадцать лет, и он не обязан уберегать женщину от неудачных новых знакомств. А может, она именно такого общения и ищет – легкого, приятного и необременительного.

Так и не дойдя до ректора, Кейр развернулся и вышел из зала. Несколько дел... После которых ему придется вернуться в спальню. К ней.

Все мысли занимала светящаяся «хавранка», умудрившаяся приобрести его душу на темных торгах. И не только душу. Всего его с гхарровыми потрохами.

Райс все чаще ловил себя на предательской мысли, что очень даже не прочь ей принадлежать. Накрепко привязался к этой «находке» и не хотел обрывать тонкую нить, что не давала ей убежать.

Но там, на изнанке, она видела его настоящим. А это всякого напугает и оттолкнет.

Воздух в его кабинете был спертый, тяжелым. Кейр открыл окно, впуская запахи анжарского вечера, подошел к столу. Вещи, использованные природниками для ритуала, были аккуратной кучкой сложены на краю. Не совсем в том порядке, в каком он их оставил, но... Дэлия действительно ничего не забрала. Тогда что искала?

Из кучи барахла Райс выудил заколку с самарудами. Привлекательная вещь, некогда украшавшая не менее привлекательную головку... Кейр прикрыл глаза. Видение с рыжей прядью, отрезвляюще бьющей его по лицу, не заставило себя ждать. Сколько еще он намерен бегать? А она?

Глава 27

Алисса Лонгвуд

– Это мой первый собственноручно извлеченный мрак! – с довольной улыбкой сообщила побледневшей Килире.

Девушка не ожидала таких способностей от находки-хавранки и всю магическую операцию стремилась в сторону обморока. Тонкин пока не пришел в сознание, но его шея была девственно чиста. Что до остального – судя по откровенным подаркам, на невинную жертву парень уже не годился.

Я промыла сшиватель ауры под холодной водой и оставила на полке сохнуть. Самое время для порции крепкого анжарского кофе. А потом нужно вернуться в спальню, пока «многогранный» сир-грубиян меня не хватился.

– Мисс дэс Морган, вы можете вернуться на бал, – великодушно разрешила своей невольной ассистентке. Килира хоть и ворчала всю дорогу, но исправно подавала мне нужные инструменты. Тонкина в беде она не бросила. – Я оставлю сир-у Граймсу записку с полным описанием нашего «случая». К утру Заккари восстановится.

– И что мне делать на балу без это дурня? – вяло уточнила девушка и, поправив пышную серебристую юбку, уселась на пустую кушетку.

Пару секунд она сидела ровно. Я даже залюбовалась ее аристократической осанкой, прямой спиной, разворотом плеч... А потом – сразу после яркой зеленой вспышки – Килира стала заваливаться набок. И плюхнулась нарумяненной щекой аккурат в подушку.

– Добрый вечер, лисичка, – прозвучало с порога.

Я вскочила с кресла Граймса, словно меня ужалили ровно под кружева. Попятилась к окну – тому самому, из которого недавно вылетел Вейрон. Но сегодня Кристиан летать не планировал.

Но какая я ему лисичка? Я Вика, психиёлог из Хавраны. Колечко надежно сидело на пальце, сохраняя в себе маскирующие чары.

– Вы что творите? Вы в своем уме, сир? – взвизгнула чужим голосом. Викиным. – Это студентка с третьего курса, а вы ее...

– Отправил в целебный сон. Полезно, приятно, не больно, – рассмеялся негромко Вейрон, прикрывая за собой дверь.

Все повторялось! Разве что в душе не было мокрого Райса, натертого маслами с Саци, а кушетки были заняты студентами в отключке.

– Так значит, твой первый извлеченный мрак? – он показательно похлопал в ладоши и взял с полки промытый сшиватель. – Я тобой *почти* горжусь, Алисса.

– Мне это *почти* приятно. Хотя нет, мне все равно, – пробормотала с долей разочарования, понимая, что совсем не вру.

Если мне и нужно было чье-то одобрение, то не его. Не этого мужчины.

– Я искал тебя столько дней, – он снял предохранитель с сшивателя и неприятно щелкнул металлическими зубцами. – Все думал: вот сейчас отпустит и я уеду... Проклятье! Ты, Лисса, мое проклятие. Независимо от цвета волос.

– Проклятия нет, Крис...

Мисс Хендрик вошла следом за ним. Сегодня диагностическое направление неожиданно популярно! Обычно кабинет обходят тремя коридорами. Благоразумная предосторожность.

Выглядела Эльза ничуть не удивленной. Будто намеренно шла за Вейроном и была готова застать эту самую картину. Ошеломленную меня, парочку студентов без чувств и хирурга-маньяка, угрожающе щелкающего сшивателем...

– Нет? Тогда почему меня так трясет из-за этой девчонки? – прошипел он, окидывая «теоретичку» брезгливым взглядом. – Десять лет на мне висят твои дрянные чары, «кошмарная Хендрик»!

– Я уже не сияю.

Эльза качнула головой, осторожно обходя Криса и подбираясь ко мне. Нервно поправила пуговицу на вороте строгого бежевого платья. По ее простому наряду было не понять, собиралась женщина на бал или нет.

– Если проклятие и было, то больше нет, – она распрямила напряженные плечи и встала передо мной. – Дальше... дальше ты сам себе хозяин. Ты больше не сможешь прикрывать *свои* омерзительные поступки *чужой* магией.

Мисс Хендрик расправила на каждой из ладоней по ярко-синему боевому пульсару. Ничего себе в Анжаре пошли теоретики...

– Ты же не практикуешь? – напомнил ей Вейрон.

– Даже у теоретиков бывают плохие дни. Оставь девочку.

Первый пульсар предупреждающе шлепнулся в стену над головой Криса, оставив красноречивую вмятину. Эльза не шутила.

– Не могу. Она моя. Всегда будет моей.

Вейрон расправил в пальцах магическую леску сшивателя и закрутил ее в смертоносное лассо. Матерь вархова! Петля щелкнула прямо перед нашими носами, чуть не отхватив кусок искры.

– Да по тебе психиёлоги плачут... – я с ужасом поглядела на полоумного.

– Под стол! – Эльза отпихнула меня к креслу Граймса, а сама зашвырнула в Криса второй пульсар, порвав его рукав и опалив магией плечо. – Ты спятил, Вейрон? Хочешь загубить ей жизнь? Ей столько же лет, сколько нам было тогда.

– Ее жизнь принадлежит мне! – рявкнул маг, орудуя сшивателем жестко и грязно. Намереваясь искалечить ауру Эльзы парой до отвращения точных, «выдающихся» движений.

У хирургов не должна подниматься рука на такое варварство! Так же вовсе искры можно лишить. А Крис ведь давал клятву. Защищать, спасать, не вредить. Все мы такую давали, получая право магической практики.

– Лисичка слишком наивна, если думала, что сможет убежать от самого Кристиана Вейрона.

– Как я ошиблась... как ошиблась... – нервно заламывала руки Эльза, сверкая мокрыми глазами. – Надо было еще тогда... Десять лет назад, в Либтоуне...

– Что надо было?

– Не молчать. А я никому не рассказала. Я думала, ты нужен Эррену. Надеялась, ты искупишь содеянное спасенными жизнями. А ты продолжаешь ломать!

– Ты всегда была страшной трусихой, Хендрик! И просто страшной, – профыркал выдающийся хирург. – Меня чуть не вывернуло на тот алтарь, стоило сорвать с тебя дрянное платье.

Мой резерв был предательски пуст. В нем булькала всего пара искорок, сбереженных для отката и не дававших мне отключиться. Я

все спустила на Заккари, на тот момент ничуть не жалея о растрате. Но сейчас совершенно ничем не могла помочь Эльзе. Даже в дрянной сон Криса отправить!

– Не вылезай, – велела шепотом мисс Хендрик, едва я высунула голову из-под стола, чтобы оценить обстановку.

Крис приближался к ней, а Эльза слишком долго не практиковала. Новые пульсары рождались на ее ладонях медленно, лениво, без всякой охоты.

Вейрон равнодушно отпихнул кушетку, мешавшую ему пройти, и Тонкин свалился с нее на пол. Так и остался лежать без чувств в неестественной позе.

– Какой же ты... – в голосе Эльзы слышалась тошнота.

Женщина побледнела, готовая лишиться чувств от отвращения к мужчине, которого я когда-то любила. Или думала, что любила.

– Какой?

– Ты как липкий кошмар, который невозможно забыть. Всякий, кто знал тебя, потом половину жизни хочет отмыться, – выдохнула она, повторяя мысли, что звучали сейчас в моей голове. – Ощущает себя грязным просто потому, что ты к нему прикасался!

– Боюсь, всей «Жетемии» в том шкафчике не хватит, чтобы я захотел к тебе прикоснуться, Хендрик, – поморщился Кристиан.

Он резко присел, спрятался за кушетку с Килирой, стоило Эльзе замахнуть. Новенький пульсар пролетел рядом с выдающимся ухом и шмякнулся в стеклянный стеллаж со снадобьями.

– Меня такой расклад устраивает, – холодно выдохнула Эльза.

– У тебя остался последний шарик, – Вейрон выбрался из складок серебряного платья и снова встал. – Не промахнись, Эльза. Ведь когда я подойду к тебе, ты больше не сможешь практиковать.

– Какие-то неверные у тебя представления о клятве «не навреди»...

– О, я окажу Эррену услугу!

Я выскочила из-под стола Граймса, не в силах больше прятаться от реальности. Может, горсти искорок хватит, чтобы отправить блудливого гхарра в магический сон? А откат я как-нибудь переживу, не впервые.

Острая, как сотня хирургических лезвий, леска сшивателя пролетела рядом с моей шеей. Как будто даже задела что-то –

жизненно важное, магическое. Тошнота горьким клубком подкатилась к горлу, и я, тяжело дыша, нависла над столом. Оперлась на стопку бланков вспотевшими ладонями.

Ох, Имира...

Вейрон замахнулся снова. Он целился не в Эльзу – в меня. Его вполне устраивало, если у нас обеих не станет искры. Послушные, безмолвные куклы, не способные убежать, возразить, дать отпор...

Черное меховое облако подлетело с пола одновременно с замахом сшивателя. Я не сразу заметила кисточки ушей и пышный хвост. Лишь когда облачко повисло на руке Криса, опознала в нем старую знакомую, любительницу цукатов и кексов.

– Это еще что за тварь? – Вейрон брезгливо стряхнул каффу с рукава. Капнул кровью на пол, прищелкнул зубцами-лезвиями. – Плохая девочка! Брысь!

«Плохая девочка» с шипением бросилась на леску, звеня в полете драгоценным ошейником-медальоном. Прыжок вышел неудачным. Самая опасная часть сшивателя пришлась на мохнатое горло, и Крис без капли сострадания щелкнул лезвием.

Клок шерсти черной взвесью рассыпался в воздухе. Джантарик-«тманит» выпал из порванного ошейника. Разбился в крошку об пол диагностического кабинета.

Я взвизгнула одновременно с Эльзой, собрала остатки сил и швырнула усыпляющим плетением в Кристиана. Мисс Хендрик тоже расправила ладонь, посылая в убудка последний боевой сгусток. Но ни ее, ни мои чары не достигли цели. Увязли в черном мороке, что выскользнул из шерстяного облака.

Глаза каффы вспыхнули желтым, от грациозного животного тельца отделился хоботок. Происходящее все меньше напоминало реальность, все сильнее походило на дурной сон, исполненный отборного бреда.

– Гхаррово копыто! – я прошлепала влажной ладонью по столу, пытаюсь найти хоть какой-нибудь «самозащитный артефакт». Желательно, тяжелый.

Морок, еще минуту назад так похожий на нашу Черную Каффу, в панике заметался по палате. Он явно не придумал, что делать после внепланового освобождения. Запутался в складках платья Килиры,

влип хоботком в стену, истерично влетел в шкафчик с зельями... и наконец бросился в руки мисс Хендрик.

Эльза принялась медленно оседать на пол под жалобное свистящее «Уууу!». Из кармана ее платья посыпались сладкие цукаты, припасенные для негодницы.

– У вас в Анжаре всегда такой бардак, Алисса? – нервно уточнил Вейрон, отбрасывая шиватель и рывком поднимая меня на ноги.

А я только уселась рядом с Эльзой: надеялась отлепить от нее бывшую каффу, а ныне исчадие мрака.

– Кристиан, ей нужна помощь, – прошипела «выдающемуся хирургу», хватаясь потными пальцами за бежевую ткань.

– Я в отпуске, лисичка, – прохрипел Вейрон, силой вытаскивая меня из кабинета. В котором решительно всем нужна была помощь целителя, а Граймс так некстати решил прогулять дежурство. – Крепкие искры сильнее прочих страдают от столкновения с Тьмой, ты знала? Уверен, если Эльза нужна Эррену, она выживет.

Я не заметила, как оказалась на его плече вниз головой. Но вряд ли могла как-то повлиять на свое незавидное положение. Хоть и пыталась, да... Вяло болтала ногами, на ходу выплевывая распиравшую горло горечь. Захлебываясь, мычала о том, какой он ублюдок. Грозилась умереть, если вынесет меня за порог...

Я чувствовала, как натягивается ослабленный «поводок». Сир Даннтиэль лишь слегка растянул нашу связь с магистром. Насколько хватит получившейся нити? В какой момент привязка меня убьет?

Дождаясь ответов, я молча дрожала на полу незнакомого вояжера, на каждой кочке заплевывая его новой порцией горечи и невысказанных обид.

– Помнишь, ты предлагала снять домик в деревне? Отличная идея, лисичка, – вбивалось в мою голову. – Нам стоит побыть наедине и во всем разобраться, да? В моем проклятии, в твоём послушании...

– Ты не проклят, – прошептала в мокрую ладонь, стирая грязь с лица. – А я больше не буду послушной. Ты не понимаешь, Крис... Это меня убьет.

Желчь билась в горло, распирая, натягивая мышцы. Серебряная вязь обжигала руку знакомой болью. Это все уже случалось. Я вот так же ехала, ехала... и понимала, что погибну, если немедленно не вернусь к Райсу.

– Да? А ты не боишься, что тебя убью я? – взревел Вейрон с водительского кресла. – Возможно, моя одержимость не лечится. Кто знает? Тогда нам придется с ней жить, Алисса.

– Как ты понял, что это я?

– Мне подсказали равнодушные. Ты была неосторожна, тебя узнали. Побег тебе не удастся, как и все прочее.

Вояжер свернул направо и покатился по неровной грунтовой дороге в сторону одной из заброшенных ферм. Из приоткрытого окна сильно пахло продуктами гхарровой жизнедеятельности, запасом скошенной травы, чуть подгнившей к весне, плесенью и старостью ветхих домов...

Мне в лицо размашистой оплеухой прилетело омывающее плетение. Оно стерло грязь с щек, забило в нос холодной водой. Пока я откашливалась, Крис выволок меня из пассажирского отделения и отнес в покосившийся амбар, усыпанный сеном.

– Такая знакомая... но такая чужая... И как я сразу не узнал мою сладкую девочку? – «любовался» он мной, подбираясь ближе. – А те кружева еще на тебе, лисичка?

– Крис, я не хочу всего этого, – взмолилась растерянno и без особой надежды. – Не *так*. И... никак.

Меня накрывало запоздалым откатом, боль от привязки угнетала. Казалось, я вот-вот отключусь, но вряд ли Вейрона остановит мой обморок. Его вообще ничто не остановит.

– Мы это уже проходили, Алисса. Тебе только кажется, что не нравится *так*, – с укором напомнил он. – Ты моя. Навсегда моя. Я буду брать свое тогда, когда мне это будет нужно. И это не изменится никогда.

– Н-никогда?

– Я увезу тебя в Хитану, сниму квартиру напротив Королевской лечебницы. Со временем ты привыкнешь, вспомнишь о своей любви ко мне. И все станет как раньше. А я буду тебе помогать вспоминать. Столько, сколько потребуется.

Крис, верно, бредил, если думал, что я задержусь в Хитане в его съемной квартире. Он вообще сейчас мало напоминал мужчину, в которого я без памяти влюбилась в Тарлине.

Того широкоплечего красавца-хирурга, что величественной походкой ходил по коридорам лечебницы, обмахиваясь карточками

пациенток. Что игриво прищелкивал шивателем в операционной, заставляя ассистенток томно охать. Что расстегивал пару верхних пуговиц на тонкой рубашке, распространяя вокруг аромат силы и магии.

Вейрон знал себе цену и взирал на суетливых помощниц с легкой насмешкой. Он брал от жизни все, что хотел. Это подкупало, впечатляло, манило... Ровно до того момента, когда тем, что ему хочется, стала я.

– Или ты будешь послушной девочкой, Лисси, или я удалю твою слабую, глупую искорку хирургически. Ты видела: я на это способен, целительская клятва меня не остановит, – спокойно произнес Крис, обрубив мне остатки надежды.

Я присела на куче сена и чуть-чуть отползла назад. Вейрон загораживал проем, и из-за его широких плеч не было видно, в какой местности мы находимся. Да и сгущавшиеся сумерки делали свое дело: сразу за светлой копной волос я наблюдала лишь темноту.

Я нечасто бывала в Анжарской деревне, мало кого тут знала. И до того плохо ориентировалась на местности, что ночью ни за что не нашла бы путь к академии.

– Я не против твоего баловства в лечебнице, но при условии, что буду все контролировать. Видит Варх, с пустышкой мне было бы проще. Но я не хочу лишать тебя маленьких радостей и этого... нелепого ощущения нужности.

Он величаво возвышался надо мной, демонстрируя с лучших ракурсов богоподобную фигуру. Голос, приправленный томной хрипотцой, лился словно с золотых облаков.

– Баловства? Маленьких? Нелепого? – я открывала и закрывала рот, как оглушенная рыбина, выброшенная на песок.

– Ну какая из тебя целительница, Лис? К чему эта наивность? – Крис раздраженно ослабил зажим на воротнике и стянул с себя рубашку через голову. – В Тарлине ты держалась только благодаря моей протекции. Тебя не увольняли, потому что все знали о нашей связи.

– Нет... Нет. Все было не так.

Ему ли не знать: право практики еще надо заслужить! И я год недосыпала, чтобы сдать все положенные зачеты.

Заведующая меня опекала. Дарила свои старые платья, разрешала присутствовать на сложных операциях, показывала, как составлять целебные мази.

– Устроиться в Анжаре тебе тоже помогли, да? Твоя пустая подружка, так удачно выскочившая замуж? – бил по больному Вейрон, с хирургической точностью находя открытые раны. – Я твое будущее, Алисса. Если будешь послушной лисичкой, я устрою тебя работать в Хитане. У меня отличные связи, и даже такую серую бездарность, как ты, я смогу обеспечить хорошим местом.

Я поднялась на ноги и, пошатываясь, отошла к деревянной стене. Та покосилась влево, столбы опасно кренились. Казалось, крыша вот-вот сползет, оставив нас под чернотой Звезднограда.

– Кто ты без меня? Второй сорт, младшая из младших, – напирал «выдающийся хирург». – Тебе никогда не подняться выше. Все, о чем ты с гордостью вспомнишь в старости, – твои отношения с Кристианом Вейроном...

Зачем он говорил все эти мерзости? Это добавляло ему силы? Уверенности? Или ему хотелось меня полностью уничтожить задолго до того, как он доберется до тела? Опустошить, подчинить, унижить, не поднимая руку?

Он чеканил слова, вбивая их мне в сознание. Было время, когда каждое ударило бы наотмашь. Когда я согнулась бы под гнетом обидных смыслов. Но сейчас меня больше беспокоил откат, рвущая руку привязка и чернота снаружи амбара.

– Я был груб и не сдержан, признаю. Но ты сама виновата. Нам было хорошо, пока ты все не испортила.

– Ты был женат, Крис...

Колени подгибались, в ногах не было сил. Словно кто-то вынул из меня стержень и выбросил за ненадобностью. Не опирайся я о стену спиной, давно бы упала обратно на сено.

– Я и сейчас женат. И что? Это мешало тебе крутить передо мной своим задом в узком форменном халатике? Ты вообще осознаешь, как это действует на здоровых мужиков?

– Я не... к-крутила...

– Неужели ты верила, что я так легко отпущу? Позволю совершить глупость, о которой ты завтра пожалеешь? – в несколько шагов Крис настиг меня и саданул кулаком по стене.

Я часто заморгала, дерево за спиной завибрировало, поползло в сторону. Крыша, державшаяся на одном варховом слове, проломилась в нескольких местах, осыпалась на пол, открыв вид на звезды. И я пожалела, что не обернулась морской пеной на том утесе. Или не улетела с белыми цапами в Ташер.

– Видишь, Лис? Я твоя опора, – выдохнул мне в лицо. – Ты зависишь от меня. Я нужен тебе даже больше, чем ты мне.

– Да я за эти несколько дней почти забыла о твоём существовании, – я зажмурилась, стараясь не вдыхать его запах. – Разве что... разве что глаза открылись...

– Врешь, Лисси. Я знаю, что ты скучала.

Он поцеловал, а я не сильно этому удивилась. Я с самого выхода из вояжера с тревогой ждала момента, когда он ко мне притронется. И Крис притронулся. Вытянул из меня весь воздух губами, заставив судорожно вдыхать его аромат. Знакомый, но неприятный.

– Узнаешь? Вспоминаешь? – вернул меня за подбородок к себе. К своему требовательному рту. – Чувствуешь, как бьется в груди беспокойное трусливое сердечко?

– Я не люблю тебя больше. Совсем. Ни гхарровой капельки.

– А кого любишь? Его? – уточнил с глухой злобой, и пальцы Криса до скрипа стиснули ветхий деревянный столб. Так яростно, будто это был не столб вовсе, а мое горло.

– Я не... – сглотнула, запинаясь о мысли.

«Я не знаю?» А кто знает? Я так беспощадно во всем запуталась.

– Пойми, лисичка. У меня лишь два выхода, – вкрадчиво объяснил Вейрон, откидывая меня обратно на сено. – Или обладать тобой... или убить... чтобы не мучила. От моего проклятия нет иного лекарства.

Ох, Имира Сиятельная, покровительница обреченных дев...

Магия сира Рэдхэйвена рассеивалась, и виззарийская привязка буквально отрывала руку от тела, норовя вернуть ее «второй половинке». Казалось, я растворяюсь. В окутавшей меня боли, разлившейся от запястья прямо к сердцу. В отвращении от прикосновений чужого мужчины.

Вейрон без лишних церемоний забрался под розовую юбку и рванул хавранское кружево. С обидным треском оно разошлось по швам и повисло белоснежными лоскутами на длинных пальцах.

– Ох...

Невыносимо жалко. Белье умудрилось пережить и болото, и пиявок, и прогулку по изнанке, и торги с мраком... С десятков ощупываний темным магистром, несколько стирок банными артефактами... Оно героически защищало мой... кхм... от нахального ветра и чужих глаз. И просто не могло погибнуть так глупо!

– Красивое, – Крис помял кружево пальцами и отбросил в сторону. – И ты красивая. Ничего не имею против блондинок.

Имира, Имира, Имира, только не так! Не на прелом сене, не на глазах у богов, не под тяжестью самого омерзительного мужчины Эррена!

– Твоей блудливой богине давно нет дела до обиженных дев, – жестко рассмеялся Крис, подминая меня под себя. Глыба, под которой проще задохнуться, чем сделать нормальный вдох.

Мысли взорвали голову. Губы сами шептали чужое имя. Не потому, что надеялись на защиту, а просто чтобы не дать мне сойти с ума.

– *Он прав*, – вплелось в мои мысли навязчиво и чужеродно, как засохшая травинка впутывается в растрепанную косу. – *Имуре давно нет дела до дев, оказавшихся в беде...*

Вейрон резко оторвался от моей шеи и подскочил с сена. Он тоже услышал вкрадчивый шепот в голове.

В старом амбаре стало светлее, красноватое свечение шло от незапертой двери. С таким рыжим жаром горит пламя в камине и алеет плавящийся металл.

– Шшшш! – в проеме стояла невысокая девушка с двумя темными косами на плечах.

За ней появились вторая и третья... Загорелые, красивые, с очень миниатюрными ступнями. Маутянки входили в амбар, распространяя жар от раскаленных тел. Того и гляди прелое сено загорится, и от деревянных стен останется только пепел!

Я схватила с пола порванное кружево и нервно сунула в карман помятого платья. Что бы эти служительницы партэлей обо мне ни подумали, они ошибаются.

Попыталась встать, но одна из островитянок осекла меня жестом. И настолько знакомым «ш-ш-ш», что я сразу узнала подружку магистра. Дэлию. С пяточками, любящими топтаться по сиру Райсу.

Девушка покрутила пальцем перед моим носом, распространяя с ладони красное марево. И еще немного пошипела для остротки.

– Не трогайте меня! – вскрикнула я, задыхаясь от совсем безрадостных догадок.

Если это тот самый древний культ охотниц за искрами, то их интерес к «выдающемуся» Кристиану понятен. Но что они сделают со мной? Не стоило Дэлию так варварски с простыней выгонять. Пусть бы себе лежала до прихода магистра.

– Сиди, лисичка, я разберусь, – Крис усмехнулся. Не понимал, чего это я переполошилась из-за кучки босоногих девиц. – Я Кристиан Вейрон, хирург Королевской лечебницы в Хитане. Супруг Кларин тэль Меер, родственницы Ее Величества и...

– И тебе пора заткнуться, – вдруг без всякого шипения фыркнула Дэлия и стряхнула с предплечий взвесь красных искорок.

Жар отделился от ее тела, подлетел к Крису и впитался в кожу. Вейрон послушно захлопнул выдающийся рот. Затем закатил выдающиеся глаза. И стремительно уложил выдающееся тело на прогнивший дощатый пол.

– Шшш! – негодуяюще шикнула другая маутянка, с чернявыми косичками, что входила первой.

Дэлия виновато пожала плечом. А затем лениво пнула все то выдающееся, что осталось от Кристиана Вейрона, пускавшего слюни на сено.

– Что вы с ним сделали? – я потеряла гудящий висок.

– Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

Девицы состроили невинные гримасы, что могло означать что угодно. Выдающейся искры Криса мне было совсем не жалко. Если он им пригодится для известных целей – пусть забирают.

Дэлия ухватила меня за локоть и потянула вверх. Я с еще большим энтузиазмом потянулась вниз.

– Не трогай... не трогай меня!

– Шш?

– Вы дочери Мрака, – прошептала, шустрее перебирая руками по полу и отползая от жуткой компании.

– Ш-што? – ошалело распахнула рот Дэлия. – Мы?

– Шш! – снова возмущенное от ее начальницы.

– Она обзывается, – маутянка обиженно засопела. – Мрака!

– Ш-ш-ш... Шш?

– Откат ее совершенно не извиняет. Она сама ухудшает свое состояние, все время пытаюсь куда-то бежать, – Дэлия передернула плечами и наклонилась ко мне. Зыркнула глазами с красноватым огоньком на дне зрачков и снова подала раскаленную руку. – Мы целый час рыскали по лесу не для того, чтобы выслушивать эту вархову чушь.

– Чушь? Да вы... вы... устраивали разрывы! Вы заманивали сира Райса на болота, чтобы внушить ему любовь, соблазнить и...

– И?

– И получить от него... это вот...

– «Это вот» что?

– Ребенка! – выдохнула в загорелое лицо.

– Упаси Имира! – Дэлия аж пошатнулась и руку убрала. – От Кейра?

– Он не так и... плох...

– Может, и не плох. Но не со мной, – разочарованно пробормотала маутянка. – От меня ему нужны только пятки. И лишь в строго отведенные часы. Прекращай уползать!

Бросив попытки поставить меня на ноги, она стряхнула с себя новую порцию «жара». Красные искры приземлились на мои ступни, мигом сковав те невидимыми кандалами. Парализующая магия? Матерь вархова, надо было больше читать про остров Маути!

Дэлия подтолкнула меня в плечо и с интересом наблюдала, как тело послушно заваливается назад. словно неустойчивая тряпичная игрушка, я шаталась от всякого дуновения.

– Когда соглашалась на эту работу, я была готова ко всякому, – угрюмо бубнила «массажистка», зачем-то ощупывая мою шею. – Но уж точно не к тому, что меня будут выпроваживать сразу после сеанса. План был другой. В нем Кейр, счастливый и удовлетворенный, должен был спать, а я... искать. Любые намеки.

Счастливый спящий магистр... Ну да, ну да. Эти маутянки те еще сказочницы.

– И что мы, «до-о-очери мрака», по-твоему, делаем с хорошенькими девами? – Дэлия нависла над моим носом и ухмыльнулась.

– Заставляете выпить темный яд... отмечаете мраком... и...

– И отправляем ночью в чужую постель? За дитем, рожденным от сильного мага? – она так далеко закатила глаза, что те вполне могли обнаружиться на затылке. – За одаренной искрой, что будет служить культу?

– Вот видите, вы и сами все знаете! – я снова попыталась сесть, и вся муть, скопившаяся в организме, резко подпрыгнула к горлу.

– В нашем храме хорошая библиотека... – Дэлия, верно, хотела сказать «в партэле».

Оцепенение с ног до сих пор не прошло. Я даже пальцем не могла шевельнуть. Судьба, видит Варх, надо мной издевалась, выдумывая все новые и новые способы предотвращать мои побеги.

– Не пугайся. Мы не обидим деву, – вдруг вместо шипения изрекла старшая, с косами. – Мы служим богине. Забытой Эрреном. Забывшей Эррен. Но мы продолжаем ей служить, даже если она о нас совсем не помнит.

Девушка приспустила с плеча черный шелк, открывая участок кожи с татуировкой. Это был не цветок чернойгодника, а семилистная лотта, очерченная красным. Я растерянно почесала затылок: разве кто-то еще поклоняется проданной богине, оставившей мир навсегда?

– Мы ищем. Давно ищем, – качнула головой Дэлия.

– Она точно была здесь, в академии. Маутянская магия пути не подводит. Всегда помогает нам найти ее в трудные времена, – грустно изрекла старшая.

– Что ищете? – я попыталась растереть парализованные ступни. Чувствительность возвращалась, кожу неприятно покалывало. – Книгу? На виззарийском?

Маутянки молчали, и от этой тишины горчило в горле. От всего вокруг горчило. Но больше всего – от серебряной ленты, что оплела мою руку до самой шеи и теперь больно сдавливала до костей.

В какой момент я четко поняла, что временный эффект растянутого «поводка» закончился? Что привязка стала такой же короткой, как тогда, на утесе, когда Райс едва смог дойти до края обрыва?

Наверное, когда увидела в глазах Дэлии испуг, а потом сожаление. Оно тоже горчило. И когда в тело хлынула черная тоска, готовая вот-вот обернуться чьей-то смертью.

Глава 28

Кейр Райс

Он еще немного покрутил в пальцах заколку мисс Лонгвуд, ощущая, как в руку отдает искристым теплом. От изящной вещицы пахло сладостью слив, вяленых на анжарском солнце, вареньем из спелых груш, еще чем-то десертным...

– Надо с этим заканчивать, – прохрипел Райс самому себе.

Решительно сунул в карман гребень Donovan и любимый сшиватель Граймса, отмеченный его личной подписью. Какой смысл продолжать хранить чужое? Кейр сегодня же все вернет хозяевам. И хозяйкам.

В целительском корпусе было шумно, звуки шли с диагностического кабинета. Сир Альвар поминал гхарров так громко и самозабвенно, словно пытался призвать на академию дождь из винторогих. Магистр стремительно прошагал к распахнутой двери.

– Какого гхарра?! – первым пришло на ум и ему. Дождя не миновать.

Граймс кружил над лежащей Эльзой, как голодный грикх, узревший жертву. Хватал воздух ртом и нервно потирал ладони.

– Помогайте, Кейр... Я еще не разобрался в ситуации. Но уже готов ампутировать нещадно все, что под руку попадет, – признался бледнеющий док.

Райс помог поднять Эльзу Хендрик на свободную кушетку. Другая была занята мисс дэс Морган, третья – перевернутой лежала на теле Тонкина. Тьма!

– Я отлучился, – виновато сообщил Граймс, расстегивая воротничок бежевого платья и начиная осмотр. – Был срочный вызов в Анжар. Юная миссис Кольт в последние дни особенно тревожна... Оно и понятно: ожидание первенца... и прочие... Здесь был морок.

Док поднял на Кейра острые серые глаза, чуть увлажненные беспокойством.

– Никаких разрывов этим вечером, – магистр хмуро тряхнул волосами и разжал побелевший кулак Хендрик.

Из тонких пальцев выпал порванный ошейник. Тот самый, что Кейр своими руками смастерил в прошлом году для каффы.

– И тем не менее, мой драгоценный, морок тут был. Молодой, неоп-пытный, весьма... кхм... об-бщительный.

Граймс непривычно запинаясь, но ничем другим своего волнения не выдавал. Продолжал бегло осматривать и ощупывать пациентку, диагностировать ауру, проверять искру и защитный барьер. Десяток стандартных процедур, положенных всякому, кто столкнулся с исчадием Тьмы.

– Внутри мрака нет, это... славно, – Альвар еще выше засучил рукава халата. Его плащ и саквояж валялись на полу, брошенные и всеми забытые. – Извлечение мне сейчас далось бы... непросто.

Погладив щеку мисс Хендрик ладонью, по которой растекалось пульсирующее золотое плетение, док отвернулся и подошел к Тонкину.

– Давайте вдвоем, – предложил Райс, помогая Альвару вернуть Заккари на койку. – Вот так, придерживайте плечи.

– Принесите мне записи со стола. Тут уже... проводилось лечение, – Граймс озадаченно почесал висок. – Кейр, живее, что вы как?..

– Как не ваша ассистентка?

– Да, как не она, – едко фыркнул док и поторопил магистра жестом. – Единственное было толковое создание во всем корпусе!

Райс передал целителю стопку бланков со стола, цепляясь глазами за завитки дамского почерка. Они, судя по нервному наклону, тоже норовили куда-то сбежать с листа.

– Так, что тут у нас... извлечение мрака. Весьма успешное. И вам, драгоценный мой, прописана ампутация мозга, – док потряс запиской перед носом спящего студента.

Граймс осторожно сдвинул крышечку с красной коробки и продемонстрировал Кейру очередную «находку». Даже с нескольких метров магистр уловил запах мрака, налипшего на алое кружево. До чего беспечно для в целом неглупого мальчишки!

– Что ж, вам повезло, голубчик, – обращаясь к Тонкину, просопел целитель. – Ампутировать решительно нечего, так что останетесь при своем.

Райс с каждой минутой все сильнее покрывался корочкой мрака. Не изначного – внутреннего, своего. Происшествие в

диагностическом не походило на случайность. Не складывалось в логичную историю о недотепе-студенте, притащившем тьму в коробке.

Перевернутые кушетки, отметины на стенах, обморок Эльзы, оборванный ошейник... И эти бланки. Здесь, в кабинете, совсем недавно был еще один человек. Но куда он делся?

– Это следы борьбы, Альвар, – Райс привлек внимание дока к обожженной стене. – Кто выпустил боевые пульсары? Моим студентам они не по силам, целителей такому не обучают. Это уровень сира.

– Или сирры, – Граймс вернулся к кушетке Эльзы и озабоченно погладил ее по руке. Повернул ладонь к Райсу, демонстрируя остаточный магический след. – Она от кого-то защищалась.

– От морока? – с недоверием уточнил магистр.

Случись на территории разрыв, ему бы первому сообщили. Джонас бы его на изнанке отыскал и заставил штопать!

– Или от какой другой твари... Так, а здесь у нас, – док развернулся к Килире, – сон третьего уровня, много косметики и разочарования. Велика вероятность, что утром юному Заккари все же что-то да ампутируют...

Взгляд Райса упал на кресло, завешенное зеленым. Он видел это изумрудное пятно всю дорогу до Анжара: оно сидело на диванчике слева от магистра и пытало неудобными вопросами.

– Эльза... Где она? – сжав в кулаке зеленую шаль, Райс вернулся к мисс Хендрик.

Та как раз начинала ерзать и постанывать, а Кейр... Кейр как раз начинал ощущать, что тоштона бьется в горло, а привязка стискивает плечо.

– Вейрон... забрал... – прошептала женщина, беспокойно разыскивая глазами кого-то важного. Явно не Райса.

– Куда забрал?! – громыхнул магистр.

За окном расплзалась чернота: в Анжар пришел поздний вечер. Частное судно Ее Величества давно отправилось в Хитану, и найти свободный вояжер в такой час...

Но чем больше прислушивался к своему состоянию Райс, тем яснее понимал: в академии его «привязанной» нет.

– Вояжер, на котором я приехал от Кольтов, еще должен стоять у ворот. Я пообещал их водителю термос крепкого анжарского кофе с

нашей кухни... с капелькой добба... в компенсацию доставленных неудобств...

Не дослушав речь Граймса, Кейр бросился к окну, нашел глазами полигон, дорожку, ворота. За последними чернел гладкий кузов частного вояжера.

Райс едва разбирал дорогу, временами съезжал на обочину, увязал в яме и вновь выбирался на ровную часть. Вояжер опасно дребезжал и с удвоенным энтузиазмом подпрыгивал на анжарских кочках. Магистр по пути прикидывал, какую компенсацию с него потребует отлучившийся водитель Кольтов.

Кейр свернул налево, к гхарровой ферме старика Джафаро, и татуировка обожгла кожу под рукавом с особым усердием. Ясно, первая попытка мимо... Кое-как вывернул обратно на дорогу, взрыв движущими чарами корни деревьев. Направил вояжер вперед, к следующему поместью.

Терял драгоценное время, уводя транспорт то влево, то вправо! Прислушиваясь к ощущениям и вновь возвращаясь к дороге. Каждый неправильный выбор отзывался болью. Казалось, кожу с руки срывают лоскутами.

А ведь он намного крепче девчонки и успел прилично восстановиться прошлой ночью, пока та несносной егозой вертелась на его брюках. «Лечение» работало в обе стороны, хоть временами и напоминало темную пытку...

Нить грозилась оборваться, натягивалась до треска. В какой-то момент Райсу даже показалось, что он видит ее – истончившуюся серебристую паутинку, прозрачную, звенящую колокольчиком в темноте. Она заворачивала направо и убегала за старый тур, что завалился на сломанные ворота крикеточной фермы. Когда-то семейство Тус занималось здесь одомашниванием и разведением диких крикеток, но из-за пары разрывов стало терпеть убытки и перебралось в Аквелук.

Райс проморгался, и нить исчезла. Перед глазами остались лишь покосившиеся ворота. Дальше под изменчивым светом звезд серебрилась крыша сгоревшего двухэтажного дома, а слева от него – ветхий амбар, накренившийся влево.

Вояжер увяз в мокрой грязи. Кейр выбрался из салона и пошлепал вперед. С каждым шагом он все лучше различал в темноте открытую дверь амбара. И стоящую в проеме девушку.

– Шшш!

– Дэлия?

Эти «случайные» встречи начинают надоедать...

– Боюсь, ей уже не помочь, Кейр. Ты опоздал, – островитянка погладила себя по раскрасневшимся плечам. – Мне жаль. Не думаю, что ваши целители справятся лучше наших...

Остроухая дикарка больше не шипела. Чудно, чудно... Все вокруг его обманывают и считают за идиота!

– Что ты с ней сделала? – он дернул маутянку за плечо, игнорируя опасно порыжевшие уши.

– Мы пытались отогреть. Она совсем заоченела, – девушка предупреждающе оскалилась и отшатнулась. – Ты можешь ее забрать.

– Еще как могу, – покивал Дэлии, угрожающе сопя. – И хоть Граймс ни гхарра ни маутянка, пусть только попробует...

Райс вошел внутрь амбара. Первым увидел хитанского хирурга, оплетенного неизвестными красными чарами. Скрипя зубами и борясь с желанием почистить об ублюдка свои сапоги, прошагал мимо.

Бережно подобрал с соломы хрупкое, обмякшее тело «иномирянки». Светловолосая голова без всяких признаков жизни завалилась к нему на плечо. Привязка перестала обрывать руку, но боль из сердца никуда не исчезла.

– Вы помогли, – прохрипел магистр, оглядывая покосившиеся декорации. Гнилое сено, обвалившаяся крыша, три маутянки, парализованный сир Вейрон...

– И хотим твоей помощи.

– В чем? – Райс зарылся носом в копну светлых волн и судорожно вдохнул. Точно, груши. Сладкие, анжарские.

– Дэлия искала, но не нашла, – выдвинулась вперед маутянка с двумя смолисто-черными косами. – Поэтому ты покажешь сам.

– Ты нам должен. Она точно была тут... Ш-ш-ш...

– Магия пути привела сюда.

– Ты видел ее... Ш-ш-ш...

Их шепот нарушался шипением, и Райс не понимал, чего от него хотят. Но сейчас был в том незавидном положении, чтобы согласиться

на любую чушь. Эти торги он не проиграет.

– Кого ее? – уточнил без особого энтузиазма.

– Нашу богиню.

– Мы совершали разрывы... Мы думали, она явится снова...

– Но пока единственная от них польза... Ш-ш-ш...

– Ты вызывал Дэлию после откатов, и она могла искать... хоть какие-то следы, хоть намеки...

– Теперь ты должен услугу.

– Хорошо. Даю слово, – прохрипел Райс, соображая до того паршиво, что начинал уже путать одинаково покрасневшихся маутянок. – Но сейчас мы уйдем.

– Уходите. И да пребудет с вами Сияющая благодать, – чинно кивнула дева с косами и указала на Вейрона. – А этого мы оставим себе и накажем на свой вкус. Ш-ш-ш...

– Мы жаждем попробовать кое-какое...

– Даже знать не хочу, какие у вас вкусы! – оборвал Дэлию Райс и стремительно пошел к вояжеру.

Если Граймс не разбудит его кружевную проблему, он сам доку что-нибудь ампутирует.

Светлая голова качалась из стороны в сторону, в закатившихся глазах не было ни намека на сознание. Но виззарийская привязка продолжала покалывать запястье. А это что-то да значило, так?

Райс осторожно уложил «Вику» на заднее сидение вояжера и захлопнул дверцу. Кинул обвиняющий взгляд на Звездносвод – такой близкий, словно боги в эту минуту подглядывали за ним в магические окуляры. Романтика, Варх дери, Ахавы...

Магистр прошлепал по грязи, огибая вояжер, и уселся спереди. Развернул чужой транспорт и направил к академии. Райса трясло. Всего целиком, от дергающегося кадыка на шее до обмякших колен. Если он потеряет кружевную заразу... Если ниточка навсегда оборвется...

На обратном пути он держал вояжер ровнее, лишь изредка застревая на виражах. Пустая дорога петляла вдоль густого анжарского леса, и из-за высоких деревьев не было видно шпилей академии.

Магистр даже примерно представить не мог, сколько еще ему гнать вперед. Не помнил, сколько времени он добирался до фермы Тус. Тогда он тратил ценные минуты на поиски, а сейчас вдавливал рычаг в

пол и выжимал все что можно из движущих чар. Вояжер у Кольта был крепкий, современный, с хорошим зарядом.

Серые туры, мрачным конвоем стоявшие по обе стороны от дороги, гудели от пронизывающего ветра. Стенали, выли, сея в сердце тревогу. Райс резко обернулся. «Хавранка» была совсем бледной, только губы почернели так, словно она наглоталась темного яда.

– К гхаррам... Я не дам тебе опять убежать, – магистр затормозил и откатил вояжер к обочине. Перебрался в пассажирскую часть, уселся на пол и подтянул девицу к себе.

Погладил ее по белой щеке. Дэлия сказала, что нужно тепло. Но откуда в нем, в Райсе, тепло? Только сгусток черной дряни, обжигающей память.

Он запутал пальцы в светлых волосах, свободной рукой расстегнул на себе рубашку. Прижал холодную голову к груди. Внутри магистра что-то отчаянно бухало, норовя выпрыгнуть и тоже от него сбежать.

Следуя советам главного целителя, Райс погладил. И пощупал. И осторожно поцеловал «иномирянку» за ухом.

Расстегнул несколько пуговиц на спинке платья, ослабил ткань, приспустил с плеч розовые рукава. Еще погладил. И опять поцеловал, без труда найдя почерневшие губы. Варх дери, во что он ввязывается?..

«Вика» вдруг дернулась, уткнулась лбом в его шею и тяжело задышала.

– П-просто лечение, – сглотнула, выплывая из обморока и щекоча Кейра горячими выдохами.

– Потрясающее лечение! – прохрипел Райс, крепче сжимая беглянку в руках. – С огромным списком побочных эффектов!

– Огромным... – согласилась его невозможная находка, она же проблема. – Я очень хочу вылечиться. Очень хочу...

Кейр затащил ее на себя целиком, усадил лицом к лицу. Словно кукла, она пошатнулась и ткнулась носом ему грудь. Да так и замерла в ожидании варховой процедуры, которую еще не факт, что переживет сам «целитель».

Он основательно огладил шершавыми пальцами ее голую спину, рискуя тоже упасть в обморок. Голодный. Схватил проблему за затылок и потащил бледным лицом к себе.

Глаз она не открыла, но пухлые розовые губы просительно распахнулись. Мысленно прокляв всех виззанийцев, маутянок, до кучи керрактских демонов и лично Альвара Граймса, Кейр с глухим стоном припал к сладкому рту.

Уже и не понять было, это старые туры вокруг гудят или он мысленно воеет, наполняя девчонку собой. Своим, вирра его задери, теплом! Тем, что было... Отдающим эшерской дварфовой и сладко-горькой тьмой.

– Кейр...

Холодные ладони осторожно обвили его шею. Будто боялись, что он сбежит от целительских обязанностей. И только пятки темного магистра будут сверкать в анжарской ночи... Он бы без труда избавился от хлипких оков «хавранки», но вместо побега все настойчивее впечатывался в ее сладкий рот.

Он не представлял, как будет расплачиваться с Дэлией. Не понимал толком, что маутянкам от него надо. Явно не йоргены и не новый контракт... Но сейчас все было неважно.

Чужая сладость затапливала его по самые уши. Он тонул. Взрывался от собственного голода, норовил спятить от ее отзывчивости. Едва помнил свое имя. Почти не контролировал свои руки, торопливо разбиравшиеся с завязками и застежками.

«Кейр»... Да, так его зовут. Кажется. И в Тарлине есть целые развалины имения Райсов...

Он сам был развалиной имени Райса. Он был собой. Он не мог быть кем-то другим – менее грубым, более приятным, обходительным. На этих руинах вряд ли что-то могло прорасти.

– Вика... Вика, стой, – отстранил сладкогубую девчонку от себя, пока еще что-то соображал. Ввинтился взглядом в чересчур знакомое, но и незнакомое лицо. – Тебе уже лучше... ты... мы можем остановиться.

Она тяжело дышала, приоткрыв мокрый рот. Губы порозовели, щеки и вовсе стали красными, как два перезрелых анжарских томата. Голубые глаза ошалело моргали... И закрались самые дрянные подозрения. Что она, как и он, совсем не хочет это все прекращать.

– Или...

– Мм? – она поймала в фокус его нос и на том решила остановиться.

– Или ты хочешь большего? – уточнил хрипло, некстати вспоминая кружевной поплавков в озерной воде. Который даже крепкого мужика низведет в мыслях до состояния магической пыли.

– Хочу. Большого, – покивала зачарованно, пялясь на него во все глазищи. Голубые.

Голубые, гхарр его затопчи! Это надо было как-то переварить. Вполне возможно, он просто спятил на фоне злоупотреблений, вот и мерещится... всякое.

– Со мной хочешь? – оставался крошечный шанс, что она его с кем-то спутала. Мало ли в Анжаре Кейров.

– С вами хочу, – опять уверенный кивок.

– Сейчас? Здесь?

Да что она с ним творит?! Еще пара минут, и магической пыли в Анжаре станет немногим больше.

– Вы что-то имеете... против анжарских болот... сир Райс? – удивленно пошевелила губами «Вика».

Вика...

Он с силой потер лицо, продышался. Тьма! Вика так Вика. Психиёлог, чтоб ее гхарры... диагностировали.

Она опиралась на его плечи своими белыми, тонкими пальцами и смотрела с каким-то удивительно растерянным интересом. Невесомая, хрупкая, изящная... Рядом с кружевной девчонкой он чувствовал себя тяжелым камнем, идущим на дно самого глубокого болота.

Ладно, к гхаррам... лечение так лечение. Райс подкинул ее на себе поудобнее. Крепко зажмурился, совершая трусливый побег от голубых глаз. На ощупь нашел вкусные губы, обещавшие ему форменное сумасшествие. И продолжил разбираться с дурацким платьем.

Алисса Лонгвуд

Лечение. Такое странное, такое нужное. В этих настойчивых руках я рассыпалась, как та крыша в ветхом сарае. В сознании оставались лишь ярко вспыхивающие звезды и следующая за ними чернота.

С каждым поцелуем кожа будто трескалась, откалывалась от тела заостенелой оболочкой, обнажая меня до нервов. Необычное ощущение. Будто я окаменела, и только сейчас в тело возвращалась

чувствительность. Внутри просыпалось что-то забытое и грело, грело...

– Вика... Вика, стой, – прохрипел Райс, отстраняя меня от себя. – Тебе уже лучше.

Да как же лучше? Без тепла его губ в тело снова пробирался холод, и на коже нарастала новая оболочка, консервируя Лисси Лонгвуд до лучших времен.

– Ты... Мы можем остановиться...

Грудь беспокойно вздымалась в ослабленном платье, по голой спине гулял ветерок. Я тяжело дышала, разглядывая Райса – каждую черточку, каждую морщинку на хмуром лице. В голову с трудом проникал смысл его слов. Остановиться? Зачем?

– Или?..

Мой взгляд намертво прикипел к породистому носу. Слишком большому для точеного профиля.

– Или ты хочешь большего?

Я едва шевелила губами. Те весьма послушно отвечали на поцелуи магистра, но с извлечением звуков наметилась проблема.

– Хочу... большего...

Тепло, огненным шаром сконцентрировавшееся в животе, наконец нашло себе объяснение. Я поняла, что именно забыла. Я забыла, как желать любви.

Но теперь ой как вспомнила! Раскраснелась не хуже маутянки от нахлынувшего смущения.

– Со мной хочешь?

Его взгляд был таким ошалевшим, что я на всякий случай по слогам произнесла:

– С вами. Хочу.

Поерзала на неудобном магистре. Я многого не понимала из происходящего. К примеру, как оказалась в частном вояжере последнего поколения, из тех, в каких ездят Софи и Грегори. И почему-то не на комфортабельном светлом диванчике, а на полу, на коленях Райса. Не понимала, куда делись маутянки, и Вейрон, и покосившийся амбар, и дырявая крыша, и запах подгнившего сена...

Единственное, что осознавала четко: что жаркий клубок внутри вот-вот меня разорвет, если магистр немедленно не вернется к «целительству». Я растерянно гладела на его губы, стыдясь своей

жгучей жажды. Забытое вспомнилось слишком резко, слишком порывисто, и я не была готова к тому, что оно обрушится на меня вот так.

Райс зажмурился, словно не верил мне. Или думал, что если закрыть глаза, ему удастся спрятаться. Не успев испугаться, я подлетела на его коленях, столкнулась с носом...

– Очень, очень хочу, – прошептала, судорожно набирая воздуха и позволяя утопить себя в поцелуе.

Я едва поспевала за ним. Выкручивалась из тесного платья, торопливо подставляла те части тела, которые нужно было освободить от лишней ткани. Сдергивала рубашку, налипшую ему на спину. Задыхалась от голода, чувствовала, как забытая страсть горячей лавой растекается под кожей, бурлит по венам.

Бесцеремонно хватала его за затылок, сжимала плечи, требовала для себя новых и новых поцелуев. Гладила, ощупывала, диагностировала со всех сторон. Куталась в его запах. Райс пах собой, своей кожей, немного потом, совсем слегка утренним душем...

Состояние мое близилось к обморочному, звезды в голове вспыхивали и гасли, и опять вспыхивали, и снова гасли... Пока на нас обоих не свалилась всепоглощающая чернота, утопив в сладости, как в варховом болоте.

Безумие в вояжере плавно обернулось безумием в спальне на розовых простынях. Я плохо помнила, как мы сюда попали. Только как ехала на водительском месте прямо на коленях Райса и пыталась дремать на его плече, убаюкиваемая фирменной анжарской качкой.

Он меня не будил... до поры до времени. И лишь добравшись до логова, усыпанного лепестками филии, потребовал новую процедуру.

А к утру я поняла, что ни гхарра не вылечилась. Напротив, только сильнее заболела.

Глава 29

Кейр Райс

Сладкий аромат грушевого варенья щекотал нос. Райс поерзал на подушке, приподнялся на локте... и с удивлением обнаружил на груди облако светлых волос. Солнечными волнами они стекали на кровать, огибая магистра с обеих сторон.

К утру все это безумие должно было обернуться сном... Таков закон его мрачного жанра. Но оно не обернулось. «Хавранка» так и лежала на нем, забавно морщась от света и размеренно сопя. Этим утром на Вике было еще меньше одежды, чем предыдущим. И битву за свои брюки он на этот раз добровольно проиграл. Сразу, как уложил проблему в постель.

Спутанные светлые пряди с озорными завитками на концах были раскиданы по его груди хаотично, без всякого намека на порядок. Значит, примерно так выглядит прическа девушки на рассвете, если кто-то половину ночи забирался грубой пятерней в ее волосы... Конкретно за этот бардак в жизни «иномирнянки» был в ответе Райс. Готов был компенсировать любым удобным ей способом.

Ящик для маг-почты требовательно светился фиолетовым, за стеклом кувыркались сразу два письма. Осторожно, стараясь не потревожить спящую, Райс дотянулся до прозрачной дверцы и выудил пальцами конверты. Одно письмо было от юной миссис Рэдхэйвен, второе из Либтоуна, от сира Таэли. Но не ранняя почта удивила Кейра, а совершенно чистая кожа на руке.

– Варх дери... – прохрипел негромко, осматривая запястье со всех сторон.

Серебристая змейка сбежала, не оставив следа! Освободила их от «уз», что вытягивали жилы и разбивали сердце.

Райс выбрался из-под сладко пахнущего тела и попытался осмыслить ощущения. Те осмыслению пока не поддавались. Гудящая голова требовала кофе или чего покрепче.

Оставив невесомый поцелуй на бледной щеке, он натянул на себя брюки, нашел в шкафу свежую рубашку и, подцепив с пола ботинки, вышел за порог. В дверях застрял, как гхарров идиот, пытаясь

насмотреться на вздернутый сопящий нос и приоткрытые розовые губы... Чуть припухшие от его поцелуев, которыми оба всю ночь не могли насытиться. Очень сладкая любительница десертов.

К пробуждению «хавранки» ему нужно было подготовиться. Осмыслить случившееся, составить какой-то план, придумать, как аккуратнее преподнести новость о пропавшей привязке... Морщась от ярких лучей, магистр побрел по коридору, на ходу открывая первое письмо.

***«Сиру Кейру Райсу, магистру Анжарской академии,
от Эйвелин Рэдхэйвен.***

Меня переполняет неловкость, но я обязана поделиться с вами находкой.

Вчерашним вечером Даннтиэля снова вызвали в Хитану, и я решила скоротать ночь за поисками ответов. Тот рисунок браслета, что оставила мисс Вика, мне очень пригодился. К рассвету я обнаружила похожую картинку в книге о церемониальных традициях древней Виззары. Ваш артефакт называется «Серпина Иктафида», что в переводе с виззарийского означает «Укус верности».

Фактически, если верить источнику, «Укус» считался помолвочным артефактом и накладывал определенные чары на будущих супругов. Чтобы дева сберегла чистоту и поближе познакомилась со своим женихом, она должна была неотступно следовать за ним повсюду. Даже если тот участвовал в боях или путешествовал по Междумирью.

Выдержав положенный срок, связанные просили благословения богов на вступление в законный брак. И, получив согласие высших сил, завершали церемонию брачной ночью. А после того, сир Райс, привязка сама пропадала, исполнив свое предназначение. И никакого другого способа ее снять я пока не нашла...»

К письму была приложена магическая копия страницы из книги, где была изображена похожая змейка с зелеными глазами. Райс тут же решил, что не станет сообщать Граймсу, какой удивительной методикой излечился от убивающей привязки.

Второе письмо представляло собой список всех, кто участвовал в поиске и реставрации уцелевших ценностей храма в Либтоуне. Маггвардейцы, магистры, ученые из Хитаны... Отдельным листом шел

перечень добровольцев со всего Эррена, разгребавших руины. Он Райса заинтересовал особенно.

Кто же ты? Тот, кто видел книгу, застрявшую в алтаре. Тот, кто вынес из охраняемой зоны страницу и подбросил ее природникам... Тот, кто задумал все это задолго до того, как случилась ночь весенних даров.

Ответ нашелся довольно быстро, стоило дойти глазами до буквы «Д».

В голове все мгновенно сложилось. И ритуал на болотах, и вещи, подброшенные студентам. И его часы в центре пентаграммы, и прочие безделушки, которые так легко добыть, если у тебя есть академический пропуск в спальни и кабинеты. И слова сира Саливара о том, что из Анжара к ним зачастили...

И даже бардак, случившийся вчера в диагностическом, вписался в картинку. И все это вполне могло сойти за глупую шутку, если бы чуть не окончилось чьей-то смертью.

Райс помял в руке конверты и сунул оба в карман брюк. Выдохнул, сменил направление движения, стремительно перебрался через воздушную галерею в целительский корпус.

К диагностическому кабинету, в котором слышались разрозненные голоса, он почти подбегал. Джонас уже был внутри, это облегчало задачу. Прошептав в ректорское ухо пару фраз, магистр уселся в кресло Граймса и с этой удобной позиции оглядел «место действия».

Мисс дэс Морган все еще сладко посапывала на кушетке в мятом бальном платье. Тонкин, виновато косясь то на девушку, то на прочих, послушно вливал в себя дурно пахнущие снадобья. Красная коробка была огорожена защитными экранчиками со всех сторон и дожидалась прибытия отряда маг-гвардейцев. Это будет уже другое расследование – дело о торговле мраком в Анжарской деревне...

Пожалуй, надо сообщить королевским стражам о странных происшествиях на заброшенной ферме Тус. Пускай поищут следы маутянок и сира Вейрона.

– Думаю, вам пора снова сдать экзамен на сирру, моя сияющая, – Граймс укутывал Эльзу в клетчатый плед и отпаивал крепким альтацитроновым взваром. Временами косился на разруху в диагностическом и опаленные пульсарами стены. – И почаще ходить

на полигон, выпускать накопленный пар. А то я, признаться, вас опасуюсь. Мне с этим еще как-то жить...

Мисс Хендрик чуть не захлебнулась взваром и с трудом подавила улыбку. Утром она выглядела гораздо свежее, чем ночью. Столкновение с мраком не нанесло серьезного вреда. Чем больше Райс узнавал Эльзу, тем яснее понимал, какая перед ним сильная женщина. И понимал это, судя по взволнованному кудахтанью Альвара, не он один.

На пороге показалась взлохмаченная мисс Донован и с интересом похлопала голубыми глазами. Похожими на Викины, но все-таки другими. У Алексии глаза были посажены глубже и опущены более короткими ресницами. А у «хавранки»...

У варховой девчонки прекрасно было решительно все. От сладкой на вкус кожи и дивно пахнущих мягких волос до забавных мурашек, что скакали по ее животу от его щекотных поцелуев. От дрожащей впадинки под коленом до чувственных губ, иступленно шепчущих что-то про «богов Эррена»...

Жаркий удар под дых оказался для Райса неожиданностью. Неподготовленный к такому издевательству, магистр сторбился над столом и выпустил изо рта кипящий пар. Мысли о «Вике» отдавались слишком приятной пульсацией по всему телу, и нужно было время, чтобы прийти в себя.

Он вернул взгляд на Донован и поджал челюсть. Косметика осыпалась на ее нарумяненные щеки, что придавало младшей ассистентке неопрятный вид.

Можно было подумать, что после бала женщина провела бурную ночь в компании выдающегося сира Вейрона. Но нет, Райс точно знал, кому хирург уделял внимание в дурно пахнущем сарае! Их танец с Алексией упрямо всплывал в памяти. То, как Донован поглаживает плечо Вейрона. И как шепчет что-то ему на ухо...

Грудь Райса заколотило яростью. Бах, бах! Словно магическими снарядами, злость ритмичными толчками разрывала грудную клетку. Вот кто надоумил хитанца поближе познакомиться с Викой из Хавраны.

– Вы так бледны, сир Райс, – неуверенной походкой Алексия направилась прямо к магистру. Словно в кабинете не было ни

вызвавшего ее ректора, ни чуть не выронившего сшиватель Граймса. – Дурно спали?

– П-почти не спал. Было не до того, – признался Кейр, цепляясь взглядом за голубые радужки и притягивая мисс Донован ближе. Она послушно шла в распахнутую ловушку.

– Кейр... ты уверен? – подал голос Джонас, и Райс коротко кивнул.

Тряхнул волосами, нахмурился, поерзал в кресле Граймса. Уверен, уверен... Хотя мотивы ее остаются за туманной пеленой, но только слепец не заметит фамилии «Донован» в списке либтоунских добровольцев.

– Уверены в чем?

Алексия уселась в кресло напротив и нервно пробарабанила пальцами по бланкам. На бумаге все так же плясали дамские завитки, уверявшие, что Тонкину положена ампутация мозгов.

Да нет, она Райсу положена. За то, что так долго соображал!

– В том, мисс Донован, что это вы устроили ритуал призыва в ночь весенних даров, – Кейр медленно достал из кармана ее гребень и свои часы. Сверху уложил письмо из Либтоуна. – Не сами, конечно... Вашей искры не хватило бы. Да и дорогое удовольствие, не так ли?

– Уд-довольствие?

– Жалование ассистентки Мюблиума не так велико, чтобы тратиться и на платья, и на косметику, и на джантарную пыль. *Вы* подбросили природникам все это барахло. Передали через Иллону тэль Меер схему, заразили идеей подшутить над преподавателями...

– Милая шутка, разве нет? Вам не мешало развеяться, – не стала отпираться Донован, но на стуле нервно заерзала. – Что в том дурного? Пропишете мне тоже ампутацию?

– Вы вырвали страницу из виззарийской книги, – хлестко перечислял он. – Пользуясь прикрытием добровольческой миссии, похитили реликвию из Либтоунского храма. Использовали зелье внушения на юной мисс тэль Меер, подсказав правильную «раскладку» личных вещей.

– Да я едва знаю виззарийский, сир...

– А вчера вечером... – Райс загнулся, зажмурился, и в ушах раздался вой туров, хлюпанье грязи и визг тормозов. – Вчера вы чуть

не стали причиной нескольких смертей. Здесь, в диагностическом кабинете.

– Ну уж к этому меня не приплетайте! – она раздраженно повела плечом и почесала щеку, стирая остатки вчерашних румян с одной стороны лица. – Я сюда лишь раз заглянула, и на тот момент все тут были живы. Ваша ненаглядная х-хавранка хлопотала над Тонкиным, и мисс дэс Морган была в сознании...

– Ваш «танец» с сиром Вейроном...

– Просто танец, Кейр. Вы же отказались, – Алексия скрестила руки на груди и подняла на него глаза.

Интересный взгляд. Прямой, упертый, уверенный в своем праве.

– Зачем? – устало спросил у голубых глаз.

Часы в центре пентаграммы оказались не случайно. Целью был он. Природники не сами придумали уложить в «главный угол» гребень Донован. Правда, запутались с виззарийским... Сложный язык, неоднозначный в трактовках, Рэдхэйвен прав.

– Вас это так сильно удивляет?

– Крайне сильно, – угрюмо кивнул.

В кабинете повисла тишина. Только сшиватель в руках Граймса пощелкивал, отбивая секунды. Казалось, прошла вечность, пока Алексия поднялась со стула, расправила плечи и возвысилась над столом величественной статуей.

– Я уже говорила, Кейр. Вы одиноки, как и я. Ваши чувства неочевидны, Варх свидетель, но мои давно как на ладони...

– И вы решили их открыть?

– Я решила открыть вам глаза! – Алексия всплеснула руками. – На то, что происходит вокруг. На мир, на романтику Ахавы. Когда внутри все пылает, когда сердце бьется чаще, громче, и...

«И руки сами забираются под варховы кружева», – мысленно проворчал магистр.

– Вы умная женщина, Алексия, – признал Райс, следя за ее ломанными, истеричными жестами и все меньше веря в устроенный фарс. – Какая, к линиялым гхаррам, романтика?

Слишком четкий план, слишком аккуратное исполнение. Это не было ни шуткой, ни импульсивным проявлением чувств.

– Знаете, есть миры, в которых считают, что голубые глаза – признак заплутавшей истинной судьбы. Ваша судьба я, в том нет

никаких сомнений.

Мисс Донован отряхнула ладони от невидимой грязи и, поджав губы, уселась обратно на стул.

– Вы, ми-и-илочка, в болото не шлепались, пиявок кружевным задом не собирали. В обморок на каменный пол не падали, к разрыву не гуляли. Седины сиру Райсу не добавляли, – язвительно прокряхтел док, привлекая в себе внимание. – Рановато вы на себя лавры истинной нацепили. Рановато, моя вредоносная... А то, что женщина умная, так даже хорошо. Мне хоть будет, что ампутировать.

Сшиватель Граймса опасно клацнул, леска засеребрилась, и Алексия вжалась в кресло по самые плечи.

Алисса Лонгвуд

Рой чешуекрылых парил в животе так отчетливо, что проснулась я от щекотных ощущений внутри. Будто меня всю ночь накачивали жидкой «Эйфорией», и теперь эффект выветрится не раньше, чем через месяц. Заболела. Как гхарру пить дать, заболела!

Посопев в розовую подушку, пахнущую Райсом и вчерашним безумием, я вяло поднесла к лицу ладонь. Гхаррова западня... Вчера я умудрилась забыть.

Там, в вояжере, я совсем спятила, сгорела в желании, обрушившемся на бедную Лисси. Но сегодня отчетливо увидела на пальце перстень с маленьким самарудом. Невинное украшение, сделавшее меня заложницей собственной маски.

Тяжелая голова в отчаянии бухнулась назад в подушку. Вика. С Райсом ночью была Вика.

Это ее светлые волосы он накручивал на пальцы, ее пухлые губы зацеловывал до полуобморока. Милое голубоглазое создание с ажурными хавранскими нравами... Которые вчера ему со всех сторон и продемонстрировала.

Я вернула на тело батистовую сорочку, сверху натянула розовое платье. Порылась в кармане юбки, нашла порванное кружево... и с обиженным стоном отбросила его на кровать. Тьма! Сколько еще раз Лисси Лонгвуд планирует прогуляться по академии с голым задом?

Голова кружилась, воспоминаний было слишком много. И неприятных, связанных с Вейроном, маутянками и подкрадывающейся смертью. И приятных – настолько, что хотелось схватиться за дверной

косяк, зажмуриться и представить все снова в деталях. Выдающихся и... и вообще.

Меня пошатывало после круговорота ночных испытаний. Я выбралась в коридор и осторожно поплелась в целительское. Уверена, Граймс не пожалеет для меня фирменного тоника и пары пульсаров, приводящих в чувство.

Только сейчас заметила, что татуировка с руки пропала. Что за варховщина? Райс нашел способ избавиться от привязки и даже не потрудился мне сообщить?

В диагностическом грохотали голоса, и я привалилась к стене. Слишком много людей. А я чувствовала себя предательски голой, хоть тело и прикрывали две юбки.

– Она будто звала меня, манила заглянуть в разлом в алтаре... Но целиком книгу я вынести из храма не смогла, – объясняла кому-то мисс Донован. Ее голос вылетал из приоткрытой двери и звонким эхом разлетался по коридору. – Я плохо читаю по-виззарийски, но что-то поняла. Там говорилось о ритуале, призывающем любовь к тем, кто ее ищет. К тем, кто в ней нуждается. И я нуждалась! И вы тоже, пусть и не замечали...

Глуша любопытство усердным сопением, я приблизилась к двери и заглянула в щель. На месте Граймса с видом недовольного, во время спячки разбуженного грикха сидел мой магистр. С полнейшим недоумением он взирал на распинавшуюся мисс Донован.

– Что вы забыли в Либтоуне? – с недоверием прохрипел Райс. – Прошу меня простить, Алексия, но на добровольца вы тянете так же, как я – на закройщика платьев Ее Величества...

– Керроу там кое-что потерял. И я надеялась найти.

– Найджел Керроу? – магистр приподнялся на стуле.

Я тоже распахнула рот. После событий прошлой осени про бывшего ректора старались не говорить. Сплетни ходили всякие, но никто точно не знал, что же с ним произошло. Очень загадочный случай.

– У серых мышек, младших помощниц и секретарей, есть преимущество. Их никто не берет в расчет. В Эррене всех обладателей слабой искры считают за людей второго сорта, сир Райс. На каких и посмотреть лишний раз зазорно, – Алексия нервно поправила рукава на платье и потянулась за салфеткой.

С минуту она увлеченно стирала с лица косметику и, лишь закончив, продолжила.

– Пока Керроу с Мюблиумом пили анжарский добб и обсуждали плетения, я разбирала бумаги в соседней комнате. Никто даже не думал заглянуть за дверь и убедиться, что «мышки Донован» там нет! Я довольно быстро догадалась, что происходит. Стала следить и...

– Весьма интересно, весьма интересно, – Джонас выдвинулся вперед и потер ладони.

– Ну нет, не рассчитывайте, сир ректор, – Алексия усмехнулась. – Дела Керроу – это дела Керроу. Я всегда уважала этого мужчину. Мага, сумевшего скомпенсировать свою слабость, найти в ней силу. Меня интересовал артефакт, принадлежавший Найджелу. Очень мощный накопитель энергии, заряжающийся от самой материи мироздания. Не наш, а сеймурский... Там технологии накопления энергии вышли на новый уровень.

– Для чего его использовал Керроу? – допытывался Джонас, надеявшийся получить ключ к главной загадке прошлого года.

– Ему нужно было переместить кое-что из Анжара в подземный храм в Либтоуне. Мало кому хватит своей искры на такой портал, – помощница Мюблиума говорила монотонно, ровно, будто не раз готовилась к этому допросу. – Ни в спальне, ни в кабинете ректора я ту вещицу не нашла. Скорее всего, артефакт остался в храме... И я записалась в добровольцы. Мне тоже не хватало искры, чтобы сотворить... задуманное.

– Нашли? – равнодушно бросил Райс.

– Утрачен, – горестно вздохнула мисс Донован. – Вероятно, в разрыв провалился. Но я нашла кое-что лучше.

– Книгу...

– Она сама раскрылась на нужной мне странице. На ответах, которых так жаждало мое сердце. Слово сама Имира вняла мольбам и дала подсказку!

А маутянки вчера сказали, что богиня давно не слышит дев. Не спасает их от беды.

– Чего вы надеялись добиться с помощью ритуала?

– Вашего внимания.

– Всего-то? – фыркнул Райс, чернея лицом до кончика породистого носа.

– В ночь весенних даров это... немало, Кейр. Вы удивитесь, но мне не чужды простые женские желания.

– О, уверен, ваши желания не так просты! Зачем вы вчера подходили к сиру Вейрону?

– Выживает сильнейший. Я хочу выжить.

– Вам что-то угрожает?

– Нет, но...

– Алексия! Вы хоть понимаете... какой вред могли... нанести? – Райс встал, уперся кулаками в стол и навис над Донован.

– В природе так же. Самки вирры борются за крепкого самца, способного подарить достойное потомство, – спокойно отвечала женщина, почти не тушуясь под черным взглядом. – Это научный подход. Борьба за лучшее заложена в каждом из нас. А чужакам не место в нашей спокойной гавани. Ни Вейрону, ни ей.

– Вы будто из дремучего анжарского леса... вылезли... – жутковатое шипение Райса пробрало до мурашек.

Лучше бы он орал, ей Варху. А так даже мне за дверью становилось страшно.

– Я слабая женщина, но я готова бороться за свое счастье.

– Ваша борьба – дрянной ритуал, призывающий чувства? – Райс с грохотом хлопнулся обратно в кресло.

– Я не верю в стойкий эффект от древнего шаманства, – передернула плечами Алексия. – Мне лишь нужно было оказаться у вас перед глазами, даже когда те закрыты. Поселиться ненадолго в вашем сердце. Мой образ коснулся бы ваших мыслей, льды, годами сковывавшие ваши чувства, растаяли бы... Стена, воздвигнутая от всех, рассыпалась бы в пыль. А эшерская дварфова, которую вы пьете без меры всякий раз после разрыва...

– Поясните, – потребовал Райс. – Про эшерскую.

– Вы должны были решить, что дело в ритуале. Поверить в свои чувства ко мне. В ночь весенних даров был такой бедлам в диагностическом...

– И?

– И я взяла несколько пузырьков «Жетемии» и по десять капель добавила вам в настойку. В каждую бутылку, – пробубнила Алексия. – Но, видно, доза была маловата... или природники что-то перепутали...

– Я с некоторых пор не пью. Вынужденно, – магистр почесал сдвинутые брови и с раздражением уставился на собеседницу.

Все в кабинете молчали, даже Граймс опустил активированный сшиватель на кушетку. И я тоже сопела в дверное полотно, стараясь дышать максимально тихо. Сколько продолжается этот допрос? Почему Алексия пошла на *такое*?

– У меня оставался всего один пузырек, – женщина пробарабанила ногтями по столу. – Магия Ахавы иссякала, и я решила... превысить разумную...

– Вы использовали «Жетемию» на балу?

– Весь бутылек, Кейр! Да что вы за сухарь-то такой обмороженный, что полный флакон «Жетемии» вас не берет? – вспыхнула она. – Мне не так-то много от вас нужно. Всего капля любви и немножко тепла.

– Непоправимое все же не случилось, – прокряхтел Граймс и медленно выпустил воздух из легких. – Пф-пф-пфф...

– Капля... – заторможенно повторил магистр. – Вы не любите меня, Алексия.

– Это не имеет значения, – отмахнулась та. – Со временем наверняка полюбила бы. Мое желание завести семью – с вами! – оно гораздо важнее, чем вся эта романтическая чушь про бабочек в голове. Или где им там место?

– Семейю?

– Кейр, вы будто не понимаете! Вы носитель уникального дара, сильной искры. Наши дети никогда бы не услышали фразы «второй сорт».

– Дети? Наши? – Райс закашлялся. И кашлял довольно долго, пока кресло под ним отчаянно не захрипело. – Что вас навело на мысль, мисс Донован, что я стремлюсь к семейной жизни? Что я вообще способен на чувства?

– А вы не способны?

– Едва ли! – рявкнул на нее Кейр, и внутри все обидно поджалось. – Вы правда считаете, что вытянули бы счастливый билет, наградив меня любовной одержимостью?

Кабинет затянуло ненастьем. Казалось, там гроыхает гром. Или беснуется сам Варх Всемогущий, в ключья разрывая Звезднозвод.

– Я делала это не для себя.

– Пра-а-авда? – Райс резко встал, обошел стол и выдернул женщину из кресла. Усадил на кушетку и задрал ее юбку. – Вы тоже из «Дочерей Мрака»?

Алексия ахнула и пристыженно опустила ткань. Но все, что выше колен, Райса и не интересовало. Он скинул с ее ног туфли и внимательно оглядел пятки. Меток на них не было.

– Что значит «тоже»?

– Отвечайте!

– Нет! – взвизгнула Алексия, когда Райс дернул ворот на блузке, лишив ту пары пуговиц. – Вы что, трилистник ищите?

– Вы не посвящены? – магистр разочарованно уставился на женскую шею.

– Я *просвещена*, – профыркала мисс Донован. – Я читала о культе в одной из библиотечных книг. Я много читаю, сир Райс.

– Вдохновились?

– Вдохновилась, – без капли стыда кивнула Алексия. – Умные женщины, способные на все ради своих целей.

– В особенности на то, чтобы обманывать, притворяться, втираться в доверие и выставить мужчин идиотами!

– Капля любви, сир Райс. В ночь весенних даров. И моя дочь не металась бы в выборе между партэлем и мелкой должностью в богами забытом Анжаре. Местом младшей помощницы третьего сотрудника крошечного отдела...

– Вы так говорите о несуществующей дочери, словно уже и имя ей придумали! – Кейр яростно передернул плечами. – А фамилия, верно, будет моей?

– Ей не светила бы пожизненная роль серой моли при забывчивом старике, который даже не помнит имени ассистентки, – Донован отрешенно потерла нос. – Я хочу детей, но не желаю им участи слабоодаренного мага. Не желаю, чтобы их до костей выворачивало в вояжерах и воздушных судах. Рано или поздно вы смогли бы полюбить. Если и не меня, то нашу дочь или сына.

– Вы рассчитывали, соблазнив меня обманом и заманив фальшивкой, получить настоящие чувства?! – стены вздрогнули от животного рыка, какой вряд ли мог выйти из умудренного опытом магистра. – Полагаете, разобравшись во всем и узнав правду, я испытывал бы к вам что-то, кроме отвращения?!

Райс хлестнул кулаком по шкафу со снадобьями. Полочка, аккуратно заставленная зельями, задрожала. И стеклянными хлопьями осыпалась на пол диагностического кабинета.

Магистр с силой потер раскрасневшееся лицо и озадаченно уставился на созданный беспорядок. У меня из груди рвался вскрик, но я усердно заталкивала его обратно.

Кейр прав, во всем прав. Невозможно получить настоящие чувства обманом. Невозможно сорвать маску и сделать вид, что я не притворялась другой девушкой. И что всей этой фальши между нами не было.

Райс мне этого никогда не простит. Никогда. Страшно представить, что он скажет, узнав, что я ничуть не лучше спятившей Алексии и его погибшей невесты! Что так же, как и они, воспользовалась его доверием, не показав своей истинной сути.

А ведь я заболела. Целиком и полностью. От моих обычных, не миниатюрных пяток до вьющихся кончиков инородно светлых волос. Но Райс... он не знал меня настоящей. Он попросту не мог заболеть в ответ. В нем неоткуда взяться этой коварной хвори.

Если бы он только догадался, если бы опознал в хавранке меня! Но, как и все прочие, Райс видел перед собой лишь пустышку. Голубые глаза, глупые светлые кудри и белоснежное кружево на аппетитном теле.

Все это время Кейр смотрел *так* на Вику. Желал ее, дрожал в ее объятиях, целовал ночью всюду, куда дотягивался. Рассказывал чужестранке о своем прошлом, открывал душу, выставляя самое секретное напоказ. Девушке, что вот-вот снимет привязку и улетит домой. Той, кому тут не место.

Не мне рассказывал, не Алиссе...

От горьких мыслей болело, в горле саднило. Внутри обрывались какие-то нити, со звоном лопались натянутые струны.

Второй раз я этого не перенесу. Нет, нет, только не так. Я сделала шаг назад. И еще один. И со всех ног понеслась к выходу из академии.

Магистр отвязал меня от себя. Подарил свободу утром нового дня. Отпустил так легко... И он явно не из тех мужчин, кто станет догонять, если я побегу.

Глава 30

Это было невероятной удачей – обнаружить в припаркованном за воротами частном вояжере дремлющего Саргаарда. Я истерично сорвала с пальца кольцо, разметала рыжие волосы по плечам и забарабанила в окошко что есть сил.

– Мисс Алисса? – захлебнулся удивлением водитель Кольтов и поспешно придал себе бодрый вид. Оправил форменный пиджак, виновато спрятал под кресло термос.

– Отвезите меня... к Софи... пожалуйста! – посмотрела на Саргаарда с мольбой, и он понимающе вдавил рычаг в пол.

Всю дорогу до дома Грегори меня трясло от дрянных фантазий. Я представляла, с каким разочарованием смотрел бы на меня магистр, случись у нас *тот самый разговор*. Пойми он, с кем на самом деле провел ночь.

Я мысленно хлестала себя обвинительными словами, которые полагалось прокричать Райсу мне в лицо. Воображала самые страшные, самые грубые оскорбления, что вылетали бы из его рта... такого умелого и вкусного.

От слов было не так больно, как от его взгляда. От разочарования, сочившегося чернотой из-под ресниц. От того, как Райс отдалялся от меня, как с отвращением на лице уходил во мрак, проваливался на глубину... И откуда-то издалека хрипел: «*Мисс Лонгвуд, как вы могли? Со мной! Зачем?*»

Лучше будет, если он вообще никогда не узнает правды. Этот мой побег – он во спасение. Нас обоих. Мне вдруг стало очень важно, что подумает обо мне *этот мужчина*. И я точно не переживу его очередной упрекающий взгляд. Разрушусь до основания и едва ли даже за год соберусь обратно.

И в жизни Кейра Райса определенно хватит женщин, вздумавших им манипулировать. Обманувших его ожидания, использовавших чары, скрывших истину...

Вяло вспоминался разговор Райса с мисс Донован. До чего жестока с магистром судьба! Все, что в нем видят женщины – шанс заполучить сильную искру, чтобы передать потомству. Вот и весь

интерес. Даже маутянки из партэля – и те хотели его как-то использовать.

Словно кроме звучного родового имени и крепкого дара у Кейра ничего нет. Ни настойчивых губ, ни глубоких всезнающих глаз, ни этого замечательного носа, ни умелых рук, с азартом разыскивавших пропавшие кружева...

Я нервно подпрыгивала на светлом диванчике, пытаюсь не вспоминать, что происходило на нем ночью. Шмыгала носом из-за того, что все равно вспоминала. Глупая, глупая Лисси! Зачем так сильно запуталась? Почему не призналась сразу?

Если бы призналась, ничего бы этого не случилось. Ни брачных уз, ни путешествия по изнанке, ни безумия в вояжере... И мне не пришлось бы в панике ускользнуть из Анжара. Сбегать от жаркого, нестерпимого, волнующего настоящего – в надежде, что оно как можно скорее станет прошлым и согласится меня отпустить. Так... правильнее.

В дом Кольтов я влетала ташерской цапой, размечтавшейся, что ее наконец-то прибило к верному берегу. Хотя каждая несносная мурашка на коже кричала: свой берег я оставила позади.

– Лисси! – вскрикнула Софи, выбегая мне навстречу.

Я без лишних объяснений уткнулась в ее мягкую шею и разревелась. Нет, до величавой цапы я не доросла: они стойкие, крепкие и не тратят влагу по пустякам.

– Лисс, ты чего? Эй? – подруга наглаживала меня по волосам, накручивая завитки на пальцы. Как это делала всегда, пытаюсь меня успокоить. Я по ней так скучала. – Это твой хирург? Он нашел? Обидел?

– Кристиан? – я недоуменно шмыгнула носом.

Причем тут Вейрон? Он случился со мной в какой-то прошлой, давно забытой жизни.

– Я получила записку, и... знаешь... она меня ни гхарра не успокоила! – с укором прошипела Софи, втаскивая меня в гостиную. – Если бы не Грег... и не сир Альвар... я бы места себе не находила! Но целитель был так любезен...

– Граймс? Любезен? – я снова удивленно хлюпнула.

Хотя под носом у Кольта любой станет паинькой, даже закоренелый язва.

– Они с Грегом заверили меня, что дурного с тобой не случится. Но вот! Оно все же случилось, да?

– Обойдемся... без дам-мской... п-паники, – прошептала, цитируя магистра, и прижалась к подруге теснее.

От нее шло тепло, но оно полагалось другим – Грегу, малышке Розе. А мне нужно было украсть совсем немного, чтобы отогреться! В объемном животе Софи кто-то возмущенно пихнулся, объясняя мне, что каждая капелька тепла на строгом учете. И воровство не приветствуется.

– Роуз Эштон-Кольт! Угомонитесь, юная леди, – Софи шутливо погрозила животу пальцем и усадила меня на диван.

Ее движения с каждым месяцем становились все более неуклюжими. Что приводило ее супруга в восторг: Грег мог часами любоваться, как Велисофья бродит по старому саду, натываясь на вековые туры и цепляясь юбкой за кусты роз.

Пользуясь случаем, я быстро продиагностировала ее состояние. В целом, все было неплохо, но...

– Тебе уже совсем скоро. Совсем-совсем! – прошептала подруге.

Саяра, прислужница Кольтов, споро развела огонь в потухшем камине и подала утренний чай с легким завтраком прямо в гостиную. Принесла мой плащ и забытый саквояж, а также сложенный стопочкой комплект пристойного дамского белья и свежее платье глубокого изумрудного оттенка. Порой мне казалось, что все в доме Грегори немного менталисты.

Я достала из саквояжа пропуск в Центр адаптации иномирян и задумчиво покрутила в руке. Я окончательно запуталась, но пора навести порядок в своей жизни. И начать надо прямо сегодня – с выполнения обещаний. В конце концов, в Хитане меня ждет настоящая Вика, и она надеется на помощь.

– Я изучил рисунки внимательнее, – Грегори спустился по лестнице и кивнул мне вместо приветствия. – В плетении был временной сдвиг лет на семь или восемь... Плюс-минус. Эта ваша хавранка забралась непросто в другой мир: она залетела в будущее.

– Имира Сиятельная!

Мы с Софи ахнули, мысленно представив, каково это – расстаться с кем-то на столько лет. Мне вот уже без всякой привязки дурнело, а я покинула академию всего пару часов назад. Но это пройдет, так ведь?

– Привези ее сюда, Алисса, – задумчиво произнес Грегори. – Посмотрим, как вернуть девушку домой. Эй, морковка, ты чего так побледнела?

Софи неуклюже выбралась из диванных подушек и, распахнув синие глаза двумя перепуганными блюдцами, подошла к мужу.

– Ты ведь не собираешься?..

– Чего я не собираюсь? – серьезно уточнил Грег, привлекая жену к себе и пытаясь дотянуться до ее лица. Объемный живот Софи служил препятствием, но и Кольт был тем еще упрямым.

– Лететь в Хаврану вместе с той иномирянкой! – взволнованно протараторила подруга.

– Разве что на минутку-другую...

– Грег! Семь лет!

– Я сразу вернусь.

– А если нет? Если ты... не сможешь... в моменте? – она пихнула сильнейшего мага Эррена в плечо, и Грег карикатурно поморщился. – И пропустишь другой, гхарр тебя затопчи, момент!

– Ну что ты такое придумала, морковка? *Тот* момент я ни за что не пропущу, – Кольт прижался губами ко лбу супруги и, почти уверена, внушил ей очередную порцию спокойствия.

Я перевела тоскливый взгляд в окно. Полезно все же, когда в доме есть менталист, который знает все твои желания и все твои страхи. И может забрать боль и заставить забыть.

Я подхватила с дивана саквояж и сверток с бельем и поднялась наверх, в гостевую спальню. Сейчас Софи был нужен только Грег. Его поддержка, его любовь. В их теплых эмоциях было приятно купаться, наблюдая со стороны, но я никогда не забывала, что это счастье *чужое*.

По пути сюда, прыгая в вояжере, я размышляла – смогу ли оставить всех в Эррене? Софи, малышку Розы, сира Грегори, Альвара Граймса, мисс Хендрик? Но сейчас, облачаясь в чужое платье, осознала: все они справятся без меня.

Да, они нужны мне, чтобы не чувствовать себя потерянной. Но нельзя же все время цепляться за прошлое и за других? Впиваться в них ногтями, словно в канаты, что прочно соединяют тебя с миром?

Может, я – как лепесток филии, подгоняемый ветром? И лишь утратив все «привязки», смогу наконец отыскать настоящую себя? Не ту рыжую веснушчатую девочку, что с приюта слышала про «второй

сорт», и не ту, над «баловством» которой посмеивался Вейрон... Какую-нибудь другую. Какая могла бы понравиться сиру Райсу.

Темная, изумрудно-хвойная ткань была мне очень к лицу. Не будь я такой бледной и заплаканной, могла бы кому-то показаться хорошенькой. Грегори не потребовал свое кольцо обратно, и я не торопилась расстаться с «Викой»: осторожно засунула украшение в потайной кармашек на поясе и затянула завязки.

До Хитаны я добиралась общественным воздушным судном: билеты добровольцев по-прежнему оплачивала корона. Время в облаках пролетело незаметно. Будто только что отщелкнулись магические тросы и корабль взметнулся вверх – и вот мы уже приземляемся в нарядной столичной гавани.

Пока брела по людной улице мимо королевского двора (из-за высоченных ворот можно было разглядеть только шпили замкового комплекса), я вспоминала слова черного обелиска с изнанки.

«Дочь Илии тэль Меер и Марибо Браксаарда».

Кто эти Илия и Марибо? Какой была их связь? Прозаичной, порочной и грязной, как любила рассказывать настоятельница приюта? Или чувственной и настоящей, сильной, яркой, чистой? Мне никогда уже не узнать той истории.

Тэль Мееры – известный древний род, весьма многочисленный и крепкий. Быть может, они и сами не помнят, была ли у них некая Илия... И жива ли она по сей день. Девуцу могли выдать замуж за герцога из далекого Ташера и забыть, вычеркнуть из семейного древа.

Браки в Эррене заключаются между равными. По многим причинам, но главная из них – крепкое, наделенное сильной искрой потомство. Будущее всякого малыша зависит от уровня его магии, а «от линялого гхарра не родится благородная хара».

Илия тэль Меер... Воображение рисовало картинку, какой была моя мать. Похожей на пышненькую Иллону с третьего курса? Или на Ее Величество? А может, на супругу Кристиана? Я как-то увидела ту в «Либтоунском Вестнике» на третьей полосе.

Девуцы тэль Меер обычно светловолосы. Наверное, рыжим и зеленоглазым был водитель моей... кхм... матушки. Марибо Браксаард. Он представлялся мне очень красивым, пусть и слабо одаренным.

Знал ли он, что стал отцом? Был ли беспечно молод или умудрен сединой? Собственноручно ли отнес малышку в приют? Любил ли меня хоть минуту?

Корни родового древа крепко держат тебя на твоей земле. Связывают с миром невидимыми узами, прошлым, историей предков. Но у меня не было ничего из этого – ни семейных вечеров, ни альбомов с портретами, ни рассказов о прабабушках и прадедушках.

Я словно сразу родилась на чистом листе, и по телу бродила пугающая легкость. Казалось, я парю над этой землей без всяких подъемных чар. И мне не за что зацепиться, чтобы притянуть себя обратно.

Любил ли меня в этом мире кто-то, кроме Софи?

Весь остаток пути до Центра адаптации я глотала слезы и сопли, размазывала их по мокрым щекам. Думала то о бросившем меня отце, то о Райсе, так и не узнавшем за маской настоящую Алиссу. Но у самого входа решительно провела по лицу омывающим плетением и стерла всякие следы печали. Хватит. Я здесь по делу.

В Центре царил неразбериха. Мой пропуск сработал лишь с третьей попытки, зато в фойе никому до меня не было дела. Все куда-то бежали, меня направление раз в пару секунд и сталкиваясь на поворотах.

Стражи окутывали стены защитными плетениями, в мой нос чуть не прилетело свежее анти-проклятье. Я увернулась и, пригнувшись, поползла к зеленой диванной зоне. Налетела на взволнованного мага с дурацкими усиками, извинилась и выбралась в коридор. Варховщина какая-то!

Хавранка-психиёлог ждала не меня. Нож выпал из ее руки с тонким звоном, и Вика удивленно распахнула рот... Пришлось с порога напомнить девушке, что я пришла добровольно.

– Мисс Лонгвуд! – она едва не потеряла сознание от облегчения.

– Я вроде бы придумала, как вернуть вас домой. Точнее, не я, а Грегори. Но какого гхарра тут происходит? – уточнила у нее шепотом. – Внизу просто стихийное бедствие! Пропуск не работает, по коридорам летают бесхозные чары...

– Они ждут Ее Величество, – призналась Вика, поправляя на шее узкий воротничок.

Кто-то своевременно позаботился о том, чтобы принарядить хавранку в синее платье и укороченный плащик, подбитый белыми перьями. Будто знал, что я прибегу вызволять потеряшку и той не помешает нормальная одежда. И обувь, что просто бесценно.

– Ее Величество?

– Элсинор хотела меня увидеть. Наверное, дело в дневнике, который я вела от скуки. Тот рыжий гад стащил записи!

Такого поворота я не ожидала. Я была намертво заражена желанием помочь хоть кому-то – если не себе, то настоящей Вике. И любопытствующая королева никак не вписывалась в план, в котором я везу хавранку к Кольтам... Я уже и вояжер успела арендовать. И договорилась с водителем, чтобы ждал нас возле главных ворот.

К гхаррам! Королева удовлетворит свое любопытство в какой-нибудь другой раз.

Я подошла к Вике, натянула капюшон ей на голову и поманила за собой. В коридоре сновали люди, и хавранка благоразумно спрятала лицо поглубже в тень.

– Вы сильно рискуете, помогая мне? Алисса? – шепотом окликнула меня, когда мы выбрались в фойе.

«Мне уже совершенно нечем рисковать», – подумалось с грустью. Я обернулась и молча мотнула головой. Протянула девушке кольцо с самарудом и жестом велела надеть на палец. Две «Вики» нашли друг друга, объединившись в единое голубоглазое целое.

– Что это, черт дери?! – она нервно потрясла перед носом светлым завитком.

– Маскировка. Иногда защита, иногда... проклятие, – призналась ей со вздохом и плотнее прижала к груди саквояж.

– Вы мисс Лонгвуд? Из Анжара? – окрикнул меня маг, что встречал в первый день.

Я взволнованно обернулась, молясь, чтобы никто не опознал мою пациентку. Воровать интересных иномирянков у Ее Величества – затея не самая законная. И наше приключение может закончиться по ту сторону ворот королевского двора... Где-то в районе подземной темницы.

– Я взяла себе еще одну подопечную. Из Энхарада, новенькая, – я нервно сглотнула и помахала Викиным досье так быстро, чтобы имя на обложке слилось в единое синее пятно.

Боги Эррена! К такому «Целительство для чайников» не готовило тоже. До чего бесполезная книженция, если подумать.

– Н-натали, – выдавила тоненьким голосом Вика.

– Мы восстанавливаем события по методу сира Жокко и...

– Хорошо... Хорошо, – отрешенно отмахнулся сир целитель и побежал в другую сторону, позволяя нам беспрепятственно покинуть Центр адаптации.

Мы с подопечной одновременно выдохнули, выбравшись на свежий воздух. Тут пахло свободой. Сладкой, сочной, весенней. Многообещающей.

Я потеряла щеки и огляделась в поисках вояжера. Сначала нашла глазами водителя: тот лениво отхлебывал взвар из термоса. А затем взгляд переместился влево... и уперся в черный силуэт магистра Райса.

– Тьма! – пискнула перепуганно.

То есть... самая настоящая тьма! Во плоти главного ее исчадия. Мужчина приближался, цепко выловив мое бледное лицо в толчее. Взгляда не сводил с моих прикушенных губ.

– Вика, идите к вояжеру, – выдохнула сдавленно и ткнула пальцем на водителя. – Ничего не бойтесь. Садитесь внутрь и ждите.

Еще бы мне самой ничего не бояться! Коленки обложило ватой, под ребрами обожгло, ноги подломились. Я вжала в грудь карточку «Вики, психиёлога» и потупила глаза.

Центр адаптации окружали премилые зеленые лужайки, усыпанные лепестками филии и исчерченные узкими пешеходными дорожками... А мы с Кейром не виделись с самого утра.

– Мисс Лонгвуд? – без особого удивления прохрипел магистр, подобравшись ко мне вплотную.

– Си-и-ир Ра-а-айс, – промямлила, нервно поглаживая обложку Викиного досье.

Я лихорадочно перебирала в уме, при каких обстоятельствах рассталась с ним, будучи собой. В голове словно клубок перепуганных змей копошился, не давая никаких подсказок!

– А вы все бежите?

– Бегу, да... Еще бы не бежать.

Вдохнула с присвистом: точно, мы расстались с ним в диагностическом кабинете. На мне было порванное платье и белье, на

нем – красные следы, оставленные кулаками Вейрона. Кейр сам велел бежать, и я послушалась.

– Когда-то нужно остановиться, – выдавил он севшим голосом и потер уставшее лицо.

Райсу тоже мало удалось поспать этой невозможной ночью. Он был весьма занят... мной.

– Не сегодня, – попыталась улыбнуться, но вышло фальшиво. – Много дел. Новая подопечная и... все такое.

Райс с любопытством заглянул в карточку, покивал чему-то. И, сощурившись, проводил тяжелым взглядом силуэт моей «новой подопечной». Вика как раз неуклюже забиралась в парящий над дорогой маг-вояжер. Из-под темного капюшона выбивались светлые кудри и прыгали на ветру.

Меня это вполне устроило. Когда Райс смотрел в мои глаза, внутри не рождалось ни одной здоровой мысли. Все как одна глупые и опасные. Очень хотелось дотронуться до его щеки, провести пальцем по коже, коснуться губ. Но пока он глазел на убегающую Вику, я успела прийти в себя. Собрала разбитые кусочки, резко выдохнула и припустила вслед за подопечной.

– Мисс Лонгвуд! – гневный окрик настиг меня у самого вояжера.

Сердце судорожно сжалось, некстати подбросив воспоминания о безумной ночи. Райс не знал, что провел ее с Алиссой. Но я-то помнила все!

Нет, нет, никаких прощаний. Кусочки вновь рассыпались, я с трудом впихнула себя в вояжер и велела водителю трогаться. Поерзала на сидении, лихорадочно дергая шторку и наблюдая в щель за черным силуэтом.

Райс, как и ожидалось, не стал меня догонять. Вместо этого он вошел в Центр адаптации и принялся что-то уточнять у рыжего сира.

– Кто это? – напряженно поинтересовалась настоящая Вика. – Это тот мужчина, что вас преследовал и пугал?

– Сир Райс? Нет, что вы, – я откинулась на мягкую спинку и медленно выпустила пар из надутых щек. Переволновалась. – Это магистр, он...

«Он пробрался мне в сердце без всякой привязки и накрепко там застрял. Но у Лисси Лонгвуд есть опыт тяжелых расставаний. Такая уж у нее судьба».

– Давайте о чем-нибудь другом, – попросила виновато, чувствуя, как в уголках глаз снова собираются слезы. – Путь неблизкий, нам предстоит пересечь весь Эррен и добраться до южной провинции.

Я с тоской уставилась в окно, ковыряя взглядом меняющийся пейзаж. Мы как раз выезжали из столицы в направлении Либтоуна.

Почти такой путь мы проделали с магистром на днях. Ели сладкие анжарские орехи в Аквелуке, гуляли по Тарлину, лакомились запеченным в травах хлебом.

Мокли в Фонтане четырех стихий, устраивали разрыв в центре города, исследовали древний храм, чуть не застряли на изнанке... Летели воздушным судном, гостили на утесе, наблюдали за перелетными цапами... Возможно ли столько всего успеть за одни сутки?

Теперь мы с иномирянкой двигались в обратную сторону. К началу. В Анжар. Иногда дремали на противоположных диванчиках, порой делали остановки, перекидывались пустыми фразами.

Я не удержалась и вновь купила тот самый хлеб. Угостила Вику засахаренными орехами, провела по Тарлину мимо руин имения Райса и к главной городской лечебнице. Подопечной было полезно размять ноги, а мне хотелось попрощаться. Потом мы снова ехали, ехали, ехали...

В Аквелуке стемнело, и мы побродили по пустому парку. Водитель пил кофе, я рассказывала Вике про светила нашего Звездносвода, а потом мы долго молчали.

– У вас все хорошо, Алисса? – выдернула меня из мыслей хавранка и указала пальцем на мокрую щеку.

– Нет, не все, – пробормотала неохотно. – Я тоже пойду в Хаврану. С вами. Я хочу потеряться, Вика. Сбежать от настоящего и оставить его позади. Тогда оно станет прошлым, верно?

– Некоторые люди оставляют в нашей жизни такой сильный и важный след, что никаким временем его не стереть, – задумчиво прошептала женщина, забираясь обратно на диванчик. – Это навсегда остается с нами. И не становится по-настоящему прошлым.

Я привалилась к вояжеру и воздела глаза к темному небу. Такому же черному, как пытавший меня взгляд Райса. В Хитане он смотрел так требовательно, будто чего-то ждал. Извинений, объяснений? Одному гхарру известно, чего.

Внутри болело, как случается при всякой свежей колотой ране. Но потом непременно станет легче. Я это уже проходила.

В отличие от Кристиана, Райс не станет меня искать и заваливать письмами. Магистр не из тех, кто догоняет убегающих. Он отпустит свою кружевную «Вику», как уже однажды отпустил Алиссу. Теперь нас не связывает никакая магия.

К воротам имения Кольтов мы подъехали перед самым рассветом. В открытых дверях встречала Саяра, рассеивая темную дымку вокруг, отгоняя пугающие тени.

Старый сад жутковато трещал, причудливые черные пятна стелились по дорожкам. Мне даже показалось, что на ветхой скамейке кто-то сидит, но призрачную фигуру тут же заволокло мраком ночи.

Софи дремала наверху, и Грегори спустился к нам один, на ходу застегивая белую рубашку. Вид он имел усталый и чуть взлохмаченный, но в зеленых глазах не было ни намека на сон. Будто он всю ночь провел в бурной деятельности, временами охраняя отдых любимой женщины.

Я сообщила ему о своих намерениях покинуть Эррен, и сир Кольт сдержанно кивнул, не требуя объяснений. Следующий час он посвятил общению с хавранкой: описывал ситуацию со сдвигом, рассказывал, как трудно выстроить портал в нужное ей время, узнавал, нет ли у нее памятной вещи из родного мира...

Из гостиной постоянно звучало «в моменте, в моменте», и я отрешенно подумала: свой момент я упустила. Он остался где-то за спиной, в шуршащем анжарском лесу. И сколько ни оглядывайся, туда уже не вернуться никаким волшебным порталом.

Я заглянула в комнату и увидела, как фигуры Вики и Грегори тают в кружеве золотых чар. У них получилось настроиться на ориентир! Вскоре сир Кольт вернется назад, восстановит резерв и совершит еще один переход. Со мной.

То ли изумрудное платье Софи было слишком узким, то ли я сама разрывала его грудью, но воздуха стало не хватать. Я накинула на плечи плед и вышла на порог дома Кольтов.

Хотелось напоследок насладиться весенним анжарским пейзажем. Увидеть, как утренний свет разгоняет тени, как ласкает сонную листву,

как расцветивает все вокруг яркими красками... Как розы вдруг из серых становятся красными, а скамейка – вовсе не черной, а синей.

– Мать гхаррова! – вскрикнула, обнаружив на лавке все ту же черную фигуру, что привиделась мне перед рассветом.

Я торопливо размазала влагу по щеке и спрятала красный нос в плед.

– Я все еще вселяю в вас ужас? – поинтересовался магистр, невозмутимо закидывая ногу на ногу.

Он бы еще «Либтоунский Вестник» раскрыл и кофе пригубил из чашки, ей Варху!

– Вы меня до сердечных болей доведете своими внезапными появлениями, – пробубнила растерянно. Забыв упомянуть, что без его появлений сердце у меня болит ничуть не меньше. – Что ты... Что вы тут делаете?

– Прилетел ночью воздушным судном. Искал одну... беглянку.

Ночью. Да просто огхарреть!

– Какую еще беглянку? – притворно удивилась.

– В вашем центре таких зовут «попаданками». Согласен с этим определением: она очень крепко попала, – прозвучало угрожающе. Настолько, что мурашки на спине скопом подпрыгнули и принялись прятаться кто куда.

Райс покрутил в пальцах небольшую голубую карточку. Такие выдают в Хитане по запросу – с общей информацией о поступивших иномирянах. Не всем подряд, конечно, выдают, но у магистра неплохие связи и громкая фамилия.

– «Вика, психиёлог, Хаврана», – зачитал он по слогам и нахмурился. – В Центре мне сообщили, что именно *вы* курировали ее пребывание здесь. И вывезли незаконным образом. Должен предупредить, вас разыскивают маг-гвардейцы Ее Величества...

– Имира Сиятельная!

Маг-гвардейцев в саду Кольтов и не хватало!

– Они найдут вас не так быстро, как я, – «успокоил» магистр и равнодушно отбросил карточку на землю. – И где же... кхм... Вика?

– Она вам нужна?

– Нужна, – кивнул сосредоточенно, рождая в груди новую порцию боли.

– И с чего вы взяли, что я повезу ее сюда?

– Да как-то... по наитию. Алисса, – черные брови сошлись на переносице.

– Вика вернулась домой, – отрезала я, жмурясь до звездочек в глазах. – Сир Кольт сопроводил ее порталом в Хаврану. Временной сдвиг в точности неизвестен, Грегори настраивался по личному ориентиру девушки. Боюсь, вам ее никогда не найти.

– Ясно, – сухо бросил магистр и встал с лавки. Прошелся по мокрой садовой дорожке к вековому туру, задумчиво постучал по стволу. – Мне кажется, я дал вам неверный совет.

– К-когда?

Голова шла кругом. Вот что бывает, если заврешься и вконец запутаешься.

– Когда велел вам бежать. Делать то, что вы умеете лучше всего! – проворчал Райс, продолжая изучать рисунок на коре тура.

– Да нет, хороший был совет, – пожала плечами, с которых как-то незаметно скатился плед.

– Проблемы нужно встречать лицом, а не ждать, пока они ударят в спину, мисс Лонгвуд. Куда бы вы ни скрылись, прошлое все равно унесете с собой, самым ценным багажом.

– Лисси! – выкрикнули со стороны крыльца, и я резко обернулась.

Софи дерганной походкой шла к нам, кутаясь в светло-голубую шаль. Она едва умещалась в красивую сорочку: прозрачный трисольский шелк трещал на объемном животе. Необыкновенно синие глаза – как та лавка, что стояла в старом саду, – были возбужденно распахнуты.

– Ох, сир Райс... – она не сразу нашла моего угрюмого собеседника. – А вы, верно, к Грегу?

– Мы уже пообщались ночью, пока вы спали, миссис Кольт, – огорошил нас обеих магистр. – Мне была нужна его консультация. По паре вопросов. У вас очень красивый сад, – Кейр примял ботинком камешки на дорожке, почесал пальцем выдающийся нос. – В имении Райсов тоже когда-то был... Не такой большой, но для Тарлина более чем.

– Мы с Алиссой жили в Тарлине, – улыбнулась Софи. – Совсем рядом с вашим... в смысле, с тем, что осталось от вашего... Пройдите в дом, сегодня сыро, – подруга включила радушную хозяйку,

продолжая поглядывать на меня крайне взволнованно. – Входите, входите! Саяра уже готовит крепкий кофе...

Райс послушно направился к крыльцу. Софи обхватила меня за плечи и резко развернула к себе. Тьма! Судя по убийственному синему взгляду, сир Грегори сообщил супруге о моем плане побега.

Или не сообщил? Знай Софи, что я собираюсь натворить, она бы захватила с кухни самую тяжелую сковородку, чтобы без всякой магии ампутировать мои глупые мозги.

– Тебе не нужно уходить. Слышишь? – подруга впиалась взглядом в мое лицо. – Не нужно.

– Я поброжу тут, ладно? – я выпуталась из уютных объятий и виновато улыбнулась.

– Ладно, – подозрительно легко согласилась Софи и, ежась от утренней прохлады, вернулась в дом.

Я вдохнула, набирая полную грудь сладкого анжарского воздуха. Никто не пытался удержать меня силой. Я могла расправить крылья, отряхнуться от прошлого и полететь в поисках нового берега.

Меня не связывала виззарийская привязка. Не сжимала в объятиях подруга. Не отговаривал сир Кольт, не ловил сильными руками Райс... Я была свободна как никогда. И от этой свободы было необъяснимо больно.

Гуляя по чужому саду, я задыхалась от мысли, что окажусь в мире, где нет магистра. Что никогда не смогу вернуться. Что даже если захочу, больше его не увижу. Это слишком экспериментальная медицина! Но есть ли иной способ избавиться от коварной хвори?

Я обхватила ствол толстого дерева и уперлась лбом в мокрую шершавую кору. В то самое место, которое недавно изучал пальцами Райс.

Грегори Кольт вышел на крыльцо и спустился по ступеням в сад.

– Что ты решила, Алисса?

Глава 31

Хавранское солнце забралось на макушку местного Звездносвода, намекая на приближающийся обед. В животе голодно булькнуло, и я поправила поясок на белом халате. Еще полчаса, и можно спускаться в столовую.

Здесь все происходило строго по расписанию. Этот порядок был желанным, нужным: он позволял не сойти с ума.

– Алиса, перестели в пятой палате, Руслана Ивановича выписали утром. Чудо, не иначе! – в дверях показалась главная сестра и восторженно развела руками.

«Чудо»... Еще бы! Настоящая магия.

Я украдкой ухмыльнулась, но сердце кольнуло легкой грустью. Руслан Иванович был очень задорным, мудрым и терпеливым стариком. С ним было приятно вести беседы за вечерним чаем и порцией горьких пилюль.

– Он оставил тебе свои кроссворды. С ответами, – хохотнула Марта, выгребая из шкафа стопку чистых простыней и вручая мне. – Сказал, что хоть так ты выучишь, как зовется самая длинная река в Африке. Ты правда не знала?

Робко улыбнулась главной сестре: я правда не знала.

Местность, в которую «высадил» меня Кольт, оказалась весьма глухой и малолюдной. Она больше походила на окраину Аквелука, чем на промышленный городок. Сельская школа, церковь, несколько улиц с двухэтажными домами, библиотека...

Лечебница тут была всего одна, и в ней вечно не хватало рук. Так что Марта, ответственная за подбор персонала, приняла меня без всякого собеседования. Даже не спросила, откуда я такая неопытная приехала: чтобы менять простыни и разносить снадобья по палатам, много знаний не требуется. Она приняла меня за горожанку, бегущую от неприятностей, и я не стала спорить.

Снаружи слышался необычный гул. Я испуганно высунулась из окна и задрала голову к небу. Там летела огромная серая птица, собранная из металла. Ровно такая, как описывала Вика!

– Тут рядом построили аэропорт, привыкай, – пояснила дородная Марта. – Обед через двадцать минут. Не опаздывай, а то опять все мясо в супе пропустишь.

Вархова бездна! Я взяла белье и торопливо пошла к палатам. Надо успеть с простынями до обеда. Еда тут была непривычной, но вкусной и вполне питательной (пока в ней оставалось мясо).

На тумбе, где обычно Руслан Иванович хранил свои наручные часы, карандаш и блокнот для записей, высилась гора журналов. Те самые кроссворды. Я бегло пролиставала верхний... и поняла, что ничего не поняла.

Буквы чужого языка складывались в слова, а те в предложения, и их суть весьма четко проявлялась в моей голове... Но смысл данного развлечения – монотонно писать известные тебе ответы на понятные тебе вопросы – от меня упорно ускользал. Тут бы с вопросами без ответов разобраться...

Я натянула пальцем цепочку, обнимавшую мою шею. На тонкой серебряной нити болталась маленькая голубая жемчужина. Грегори велел не снимать кулон даже ночью, и это было в моих интересах: крошка-артефакт удерживал в себе крепкие чары взаимопонимания и служил маячком.

Сир Кольт так и не объяснил, как в подарках Софи оказалась виззарийская змейка. Просто пожал плечами и обещал «кое-что» проверить. Впрочем, теперь это было неважно. Все закончилось... Оно ведь закончилось, да? Зато у Грегори появился официальный предлог навещать Хаврану и собирать диковинки, от которых столько неприятностей.

Перед порталом я попыталась объяснить Софи, что мне важно отпустить канаты и побыть одной. Найти себя, свой путь... если еще осталось, что искать. Что я совсем раскрошилась, на очень мелкие кусочки.

Я сдернула с больничной койки мятое белье и сложила в хлопковый мешок для стирки. Еще вчера на этой постели лежал Руслан Иванович. Как обычно, за чашкой невозможно сладкого чая он рассказывал мне о местах, в которых побывал.

Старик почти всю жизнь проработал на рыболовном судне (оно не летало по воздуху, а плавало по морям). Обогнул со своей командой ту

вархову Африку, побывал на опасном южном мысе, попробовал мясо какой-то редкой рыбыны... И все вспоминал, вспоминал его необычный сладковатый вкус.

Потом он, как обычно, смеялся над моими «выдумками» о двуглавом чивари и темных «чертях» с хоботками и щупальцами. Утешал, если вдруг начинала плакать. А после сообщал, что я форменная дурочка, раз решила убежать от прошлого.

Сказал, что прошлое мы всегда носим с собой. В самой надежной памятной шкатулочке. И в какой-то момент оно обретает очень большую ценность.

«Просто я его... так люблю... Со мной никогда такого!.. Я, выходит, даже не знала, как это случается, когда по-настоящему. А он... так ничего и не понял», – захлебываясь, объясняла старику.

А сама бережно складывала в воображаемую памятную шкатулочку воспоминания. О том, как Кейр целовал меня в вояжере. И потом, в своей спальне, на розовых простынях. Не отступаясь, не скрывая голода, не стесняясь сокрушающего желания, в котором меня практически утопил.

«Ну что ты, дочка, не убивайся!»

Руслан Иванович всегда меня так называл, то «доченькой», то «деточкой». Редко когда Алиской.

«Да как тут не убиваться?»

«Этот твой махистр... Он совсем дурак, если не увидел тебя настоящей. Такой доброй, такой отзывчивой. Просто... запутавшейся, да?»

От этих слов убиваться хотелось еще сильнее, но я держалась. И пока сидела в палате у старика, и пока прибирала, и когда помогала Марте насыпать таблетки в маленькие стаканчики. А уж потом, в своей каморочке, давала волю слезам.

Вчера за ужином главный врач сказал, что Руслан Иванович у нас до конца... В смысле, до своего конца. И плакать у меня стало целых две причины.

Здесь, в пустой Хавране, энергия не восполнялась. Но в моем резерве оставались какие-то крохи магии, горсть неиспользованных целительских искорок. И я той же ночью, выплавав все излишки влаги из организма, вернулась в палату к старику.

Не думала, что сработает: искорок было совсем мало. Но Марта верно сказала – случилось чудо.

Люди здесь были хорошие. Добрые, сильные духом. Они никогда не опускали руки, сражались до последнего. И все они как-то справлялись без магии. Удивительный мир.

Я пыталась учиться новой медицине, но пока получалось плохо. В особо тяжелые дни мне казалось, что Райс за мной приглядывает. Что стоит буквально за спиной и проверяет, как я справляюсь. От этого появлялись силы, и я снова шла смотреть, как Марта накладывает повязки, как Наталья ставит уколы, как главный врач осматривает покрасневшие шрамы на теле прооперированных.

Виззарийская ниточка, которая вроде бы оборвалась с исчезновением татуировки, на самом деле никуда не делась. Я все ярче осознавала, как крепко вляпалась. Как сильно полюбила. Тяжелый взгляд Райса мерещился мне за каждым деревом, за каждым поворотом!

В снах ко мне приходил его нос. Он водил хороводы мурашек за моим ухом, грел их дыханием. Старательно собирал запах с кожи.

И рука. Она поправляла волосы – влажные, сбившиеся от беспокойного сна. Натягивала на плечи сползшее одеяло, гладила по спине.

И губы. Они целовали то висок, то плечо, то шею. Сдували соринки с щек. Иногда шептали что-то хриплое, ласковое, успокаивающе интимное.

И еще *его* запах. Он щекотал ноздри всю ночь и пропадал с рассветом.

С приходом темноты воспоминания о нашей сумасшедшей ночи оживали. Кажется, я даже постанывала, зарываясь лицом в подушку. К счастью, меня поселили без соседок, и никто не стыдил за откровенные сны, которые могли вогнать в краску даже смелых фантазеров.

На новом месте я засыпала так крепко (сказывались последствия междумирского перехода), что с утра, очнувшись, долго не могла вспомнить, где я. Искала за окном родной Тарлин, потом привычный Анжар. Пыталась нащупать на подушке мужчину, будто только что

исчезнувшего. Ловила вялыми пальцами призрак, мираж, потерянный мной навсегда.

Но он не был моим, хоть я и выкупила его душу на темных торгах. Кейр не хотел никого к себе привязывать и не хотел ни к кому привязываться сам. И, конечно, узнай он правду, никогда не простил бы обмана.

За окнами снова загудело: летел очередной самолет. Наверное, настанет день, когда я перестану их пугаться, но... не сегодня.

Теперь я сама была иномирянкой и понимала все, о чем говорила Вика. Это пробирающее до дрожи желание вернуться домой. В свой мир. Это ощущение, что ты потерялся, заблудился еще сильнее, чем прежде.

Я уселась на свежую постель и горестно вздохнула. Руслан Иванович, мой единственный собеседник, излечился и уехал. Теперь мои вечера будут наполнены одиночеством, кроссвордами и горьким содержимым «шкатулки воспоминаний».

Я опаздывала на обед, но не могла заставить себя подняться с пустой кровати. Грела голубую жемчужинку в руках, с отчаянием понимая, что побег был очень глупой затеей. Всю горечь и боль, от которых бежала, я прихватила с собой.

– Софи интересуется, не нагулялась ли ты, Алисса? – на шкафу появилась тень, сильно похожая на Грегори Кольта, и я порывисто обернулась. – Граймс уверяет, что моя жена родит в ближайшие дни. Она мечтает, что лучшая подруга будет держать ее за руку в этот важный час. Но, конечно, свое решение ты должна принять не ради нее, а ради себя.

Слова сира Кольта просачивались сквозь тело, не оставляя отпечатков. Мне вполне хватило его колдовских зеленых глаз и протянутой руки, чтобы за какие-то секунды принять вархово решение. Отчаянно сопя, я бросилась мужчине на шею, и та мгновенно намокла от моих слез.

Это было крайне неприлично и весьма опасно! Я раньше себе с сиром Грегори такой фамильярности не позволяла. Держалась почтительно и на расстоянии, как и положено с сильнейшим магом Эррена и жутковатым мужем любимой подруги.

Но сейчас уткнулась ему в ухо и ревела, ревела, позволяя похлопывать себя по плечу.

– Я договарюсь, чтобы место в Центре оставили при тебе, – проворчал Кольт, выводя пальцами порталные руны. – Хотя похищать иномирянку из-под носа Ее Величества было рискованно...

Глава 32

Застежка саквояжа надрывно лязгнула, но так и не закрылась. Я вынула из чемоданчика личный шиватель и пару бутылков. Попробовала снова. Но тот так и остался открытым. Тьма!

И нечего так стонать... Да, раньше его так не набивали, но и повода не было. А теперь бедолага трещал по швам, разрываемый флаконами с моими экспериментальными мазями. Запасы из личного ящика серьезно истощились за дни моего «отсутствия», но и остатков хватило, чтобы сделать чемоданчик неподъемным.

Ничего, Лисси Лонгвуд и не с таким справлялась. Большая часть моих вещей уже была отправлена бывшей хозяйке в Тарлин, а оттягивающий руки саквояж я как-нибудь до воздушной гавани дотащу.

– Я потом вам еще пришло, – виновато обернулась к Граймсу. – Эти мне нужны как образцы, чтобы...

– Я в курсе, моя быстроногая. Вы уже несколько раз объяснили, – прокряхтел сир Альвар, распихивая инструменты по шкафам. Новую помощницу он себе так и не завел. – Уверены, что не хотите остаться в академии? Место свободно.

– Я не... не смогу, – поджала губы и составила саквояж со стола на пол.

Фу-у-ух! Беременная вирра меньше весит!

Надо было согласиться на помощь Саргаарда. Водитель Кольтов довез меня сюда и предложил подождать, пока я соберу оставшиеся вещи. Но я вспомнила, сколько хлопот ему уже доставила, и отказалась.

– Уверены, что успеете обернуться до родов миссис Кольт? Без вашей поддержки эта упрямая барышня отказывается дарить сиру Грегори наследника, – едко проворчал целитель.

– Я отвезу образцы в Хитану и сразу обратно. Малышка Роза обещала пару дней подождать, – улыбнулась Граймсу, и тот, сухо кивнув, вышел из диагностического кабинета.

А я вернулась к борьбе с застежкой. С самого утра все было против меня!

Сначала ректор Джонас устроил допрос в кабинете. Требовал прояснить ситуацию с Вейроном. Пришлось как на духу признаться, что состояла с Крисом в непристойных, порочащих честь младшей целительницы отношениях. Которые попыталась прекратить, но у знаменитого хирурга были иные планы. Поэтому мне пришлось сбежать.

Ректор участливо кивал, не перебивая. А затем сообщил, что Вейрон долго меня искал, но в итоге покинул академию в ночь весеннего бала и не вернулся. Маг-гвардейцы, направленные сиром Райсом к заброшенной ферме Тус, не нашли никаких следов.

Меня мало волновала судьба Кристиана. То, что происходило между нами в Тарлине, не было любовью. Теперь, когда было с чем сравнить, я знала это наверняка.

Крис любил не меня, а власть надо мной. Его жена владела всем – звучным именем, репутацией, капиталами, его карьерой... Зато рядом с «послушной лисичкой» он мог выпускать внутренних демонов. Управлять мной, владеть, как безвольной пластилиновой марионеткой. Это прошлое тоже осталось со мной – грязными пятнами на красивой «памятной шкатулке».

Я больше не боялась случайной встречи с Крисом. Чувствовала себя в его отношении такой же сильной, как мисс Хендрик. Вейрон больше не сможет меня ранить – ни словами, ни действиями. Я утратила свою уязвимость перед ним, обретя другую.

Иногда быть собой и идти намеченным путем – это и есть самое сложное. По совету удивительной сирры Терезы я решила стоять на своем. А что мое? Целительство – мое. Магия – мое. Софи, Грег, их малышка, которая вот-вот увидит свет. Эррен. Помощь другим. Вот это все мое. И на этом я буду стоять. А порядок... он когда-нибудь приложится.

Я больше не хотела бежать. Очень надеялась стать собой. И больше никогда не теряться.

Но для начала мне нужно было закрыть вархов саквояж! Я нагнулась, аккуратно прижала негодя коленом, примяв ему правый бок, и вернулась к борьбе с застежкой.

– Это ваше, мисс Лонгвуд, – прилетело куда-то в область некружевного зада, спрятанного под весьма плотной юбкой.

Проклятье! Сущее наказание!

Я распрямилась, сдула рыжую прядь с лица и обернулась к Райсу. Ну что за мужчина!

Не могу сказать, что пробиралась в академию тайно, под прикрытием ночи, прижавшись к стенам... Но уж точно я не кричала на весь корпус: «Явилась Алисса Лонгвуд, бегите все на нее смотреть!» Как Кейр узнал о моем коротком визите – загадка.

– Мое, да. Благодарю, – забрала из его рук заколку с самарудами. – Где вы ее нашли? Я обыскалась.

– На болотах, – черные глаза не мигали. Вообще.

Теперь и я перестала мигать. Выдающийся нос гипнотизировал не хуже взгляда. Райс молчал, в моей голове тоже не рождалось мыслей. Во всяком случае, приличных.

– Вы передумали перебираться в Хаврану вслед за подопечной? – он сощурился, с интересом разглядывая мои краснеющие щеки.

– Я б-была там. Недолго, – во рту пересохло, и голос стал шершавым.

– Куда побежите теперь?

– Мне предложили место в Центре иномирян. Не на добровольных началах, а вполне с зарплатой, – протараторила сумбурно. – Спонтанные порталы образуются все чаще, скоро мы в дырявый Сеймур превратимся. Возможно, понадобятся приемные пункты первой адаптации в Тарлине и Анжаре...

– Похищение иномирянки их не смутило? – он насмешливо задрал нос. – Вдруг случится рецидив?

– Сир Кольт убедил сира Рэдхэйвена убедить Ее Величество не казнить меня за произвол, – пробубнила виновато. – Хотя письмо сира Жануара было пропитано холодком, что верно то верно...

– Не бойтесь «случайной» ампутации мозгов разгневанными хитанскими коллегами?

– Ох, это ерунда! – я отвернулась от магистра и вновь водрузила непослушный чемоданчик на стол. Выложила еще пару склянок и попробовала закрыть. – Сир Граймс уверяет, что эта процедура на благо. Без мозгов жить гораздо легче. Не всем же быть теоретиками?

– Выходит, вы готовы рискнуть.

– У меня не так много вариантов трудоустройства, сир Райс, – пробубнила, не оборачиваясь.

Отвяжется он, наконец? У меня едва оставалась сила воли, чтобы не броситься ему на шею!

– Не думали о работе психиёлогом? Слышал, это очень популярное направление.

На стол передо мной упало колечко. С крошечным самарудом, напитанное очень знакомыми маскировочными чарами.

Колечко крутанулось на столе, звякнуло и замерло. По плечам пробежала дрожь. Матерь гхаррова!

– Вы не...

Он не может этого знать!

Мой взгляд перепрыгнул со стола на неподъемный саквояж, с него – на темнеющего лицом магистра, а оттуда – к открытой двери, ведущей в коридор. Где-то там мое спасение от позора.

– Не вздумайте бежать. Я догонять не люблю, но умею, – с угрозой прошептал сир Райс и навис черной тучей над столом. – И, видит Варх, побегу. Потом, правда, буду крайне раздраженным... «Вика».

– Я не Вика, – выдавила из себя несвойственным тонким голосом.

– Знаю. Вы Алисса. Алисса Лонгвуд, – покивал Райс сердито. – Рыжеволосая заноза-целительница с потерянными зелеными глазами. Временами с голубыми. Временами блондинка. Но заноза – абсолютно всегда.

Может, и не так нужны мне эти склянки, что тянут целительский чемоданчик к земле? Новые рецепты придумаю. Налегке куда больше шансов оторваться от мрачного преследователя.

Нет, без моих мазей я из академии не уйду! Я ведь за ними пришла, а не затем, чтобы случайно столкнуться с магистром и увидеть его выдающийся нос еще раз.

– Это была не я. Под маской так легко быть кем-то другим, не собой.

– А может, как раз собой?

– Не думаю. Нет, – помотала головой, выискивая пути отхода. Все рефлексы разом орали: «Беги!» – Вика исчезла. Мне больше нет в ней нужды. И вам тоже. Это пустая обманка... Совершенно пустая.

Я нервно защелкнула чемоданчик, набитый мазями собственного изготовления и пухлыми блокнотами. Рецептами заинтересовались в

Хитане, и было глупо не воспользоваться шансом. Застежка наконец поддалась, но облегчения это не принесло.

Черный взгляд Райса жегся, но не обвинял, и это было... странно.

– Я сейчас еду в Тарлин, – сообщил магистр будничным тоном, и жуткий мрак на его лице рассеялся. – Договорился встретиться там с Рэдхэйвеном и посмотреть, что можно сделать с развалинами моего имения. Они всю округу держат в страхе.

– Вы решились разобраться с прошлым? – промычала, кусая губу. – Это... хорошо, да.

– Велика вероятность, что мы приступим сразу, – он вновь нахмурился, отчего его тон сделался отменно суровым. – Нам может понадобиться целительская помощь. Кто знает, с чем мы столкнемся... И с кем.

– В Тарлине есть хорошая лечебница, – пробормотала растерянно.

– Поедьте со мной, мисс Лонгвуд. Вы ведь совершенно свободны, – требовательный взгляд уперся в мои губы, пришлось прикусить их сильнее. – Как белоснежная цапа, дрейфующая во льдах в поисках своего берега.

Скорее уж, как истерично гребущая от него в противоположную сторону. Как можно дальше.

– Я направлялась в Хитану, – напомнила Райсу.

– Столица, в отличие от вас, никуда не убежит, – магистр подхватил мой саквояж и вышел из кабинета, предполагая, что я последую за своими вещами.

Последовала, конечно. Он только что воспользовался моей растерянностью и похитил единственные экспериментальные образцы!

Поездку Райс явно спланировал заранее. Академический транспорт подбросил нас к гавани, воздушным судном мы добрались до Аквелука, а там пересели в арендованный вояжер. Одному Варху известно, почему Кейр не взял билеты на прямой рейс до Тарлина и предпочел трястись по ухабам в моей молчаливой компании.

Он сам сел за руль и велел мне переместиться с пассажирского места вперед, по правую руку от себя. Прижав к груди саквояж, я устроилась на широком кресле. В последний раз, когда магистр управлял вояжером, я сидела у него на коленях.

Мы плавно тронулись, покачиваясь на дорожных ямах.

– Ехать прилично, можете поспать, – разрешил Райс, и я с воодушевлением зевнула.

Вчера у Кольтов я провертелась до утра, так и не сомкнув глаз. Сейчас от мерной качки накаtywала дрема. Веки слипались, пейзаж за окном сливался в одно зелено-желтое пятно... А потом стал совсем черным, увлекая меня на сонную глубину.

– *Если землю удастся очистить от мрака, я хочу построить там дом, – прокралось в ухо спустя какое-то время. – Не такой, как был при родителяx. Двух этажей вполне хватит, я думаю. Как считаете?*

Вряд ли магистр обращался ко мне: я ведь спала. Вероятно, он тоже мне снился, как это часто бывало в последние дни. В Хавране не было ночи, чтобы Райс не пришел и не обнял меня, словно настоящий. Не подозревала в себе раньше столь живой фантазии.

– *Я пока не составлял проект, – продолжал рассказывать Кейр, разбавляя бархатом голоса черноту моего сна. – Так что вы можете подумать и сообщить, в чем нуждаетесь. Может, вам будет полезен кабинет или отдельная лаборатория для изготовления мазей и прочих снадобий? Или вам интересно заняться садом, и стоит отвести больше места для насаждений?*

Кабинет, лаборатория, сад... Какой занятный сон. Намного лучше тех кошмаров, что обычно приходят в тяжелую голову.

– *Впрочем, пока это лишь идея. Если вы не захотите жить на земле со столь дурной репутацией, я пойму. В любом случае я продолжу работу в Анжаре, удобнее будет иметь жилье там. Есть несколько свободных домов на территории академии. Один, вполне приличный, по соседству с Граймсом и мисс... неважно.*

Я поерзала в кресле, укладывая голову удобнее, и магистр затих. Лишь через минуту продолжил.

– *Фамилия Райсов многим в Тарлине внушает ужас. Поэтому пойму, если вы захотите оставить себе свою. Хотя я бы предпочел...*

Его слова вбирались в мое ухо сквозь дрему и казались сном. Глупым и неправдоподобным. Лисса Райс... Это было бы, пожалуй, красиво. Жаль, что очень далеко от реальности.

Я провалилась глубже, и хриплый голос исчез. И вернулся в уши, лишь когда вояжер затормозил в центре Тарлина, а на мое плечо осторожно легла рука.

– Приехали, Алисса.

Рэдхэйвен уже был тут. Прогуливался по руинам имения без всякой брезгливости и ужаса, присущих местным. Теплое весеннее солнце выманило из земли травы, устроив на развалинах буйство зелени.

– Не думал, что тут еще способно что-то расти, – сир Райс ковырнул камень, оплетенный цепким вьюном. Нагнулся, сорвал пробившийся сквозь фундамент розовый цветок и удивленно на него уставился. – Филия... Эта дрянь везде пролезет!

Оба мага увязли по колено в разнотравье, выискивая на развалинах центр случившегося разлома. Я же переминалась с ноги на ногу на дороге, с тревогой вглядываясь в застывшие камни. Вдруг из них опять выскочит кто-то с щупальцами и хоботком?

– Вот здесь был очаг разрыва. Трещина в материи давно заросла, но остаточные сгустки мрака еще ощутимы, – сообщил сир Даннтиэль, расправляя в ладонях огромный светящийся шар. – До ночи провозимся, Райс.

– Я не спешу, – кивнул магистр, выводя сложное плетение над фундаментом. – Мисс Лонгвуд... в пассажирской части вояжера есть все, чтобы вы не скучали.

Я вернулась на диванчик, выудила из корзины термос с крепким взваром, открыла свежий номер «Либтоунского Вестника»... И поняла, что от волнения не могу прочесть ни строчки. Отложила газету, поставила чашку на пол и прилипла к окну. Наблюдать за работой двух сильнейших магов Эррена было куда интереснее.

Сгустки тьмы одомашненной каффой терлись о ноги Рэдхэйвена и послушным черным ручейком уползали на изнанку. Прорехи в материи, из которых сочился сладковатый мрак, зарастали на глазах, стоило Райсу раскидать вокруг фиолетовые руны. Никаких хоботков и щупалец до самого вечера не показалось. И с каждым часом аура места становилась чище, не оставляя от себя обычного жутковатого послевкуся.

Временами я разоряла саквояж, выдавая магам восстанавливающие тоники и средства для укрепления резерва. Щекотала шею Райса целительскими пульсарами всякий раз, когда он тратил силы сверх нормы. Приносила мужчинам взвар и анжарский кофе, заставляла делать перерывы и что-нибудь съесть. Так, в мелких

хлопотах, и не заметила, как наступил вечер и на Тарлин опустились густые сумерки.

Ближе к ночи, когда атмосфера места стала вполне дружелюбной, я отважилась пройти по развалинам. Вдвоем Райс и Рэдхэйвен умудрились сгрести камни, оставшиеся от стен, в две аккуратные кучи по сторонам. И теперь тут можно было гулять, не рискуя переломать ноги.

Руины Райсов тут и там забились розовой филией. Это вызывало невольную улыбку. Сколько раз мы бродили с Софи мимо старого имения, и никогда тут не росло ничего, кроме трисольской колючки и серого вьюна!

Я побродила по фундаменту, воображая, в какой комнате стояла бы, если бы дом был цел. Длинный узкий прямоугольник походил на коридор. А слева, вероятно, была круглая столовая с видом на сад.

Опустила взгляд на заросли, в которых что-то блеснуло. Камни тут были особенно черными, будто опаленными в пожаре. Я подцепила пальцами сверкающую находку и обернулась к магистру.

– Сир Райс, это похоже на... помолвочный браслет, – я продемонстрировала тонкую серебряную ленту, изъеденную временем и порванную в месте, где когда-то была застежка.

Он взял у меня украшение, покрутил в руках... и отбросил в сторону, к груде разобранных камней.

– Прошлые к прошлому, Алисса, – прохрипел магистр.

– Как ее звали? Вашу невесту?

– Тайлин. Но не думаю, что имя было настоящим.

– Порвать помолвку не всякий маг сможет... – я огляделась, вспоминая, что беспардонно топчусь по руинам чужой памяти.

– Отец, верно, посчитал, что я накрепко околдован и не поверю его словам о «дочерях», – проворчал Кейр. – И не сегодня, так завтра утолю желания «невесты», отдав искру на служение мраку...

Магистр поморщился и, порывшись в кармане, достал порванный ошейник Черной Каффы. Отбросил его туда же, к браслету.

Я ахнула, вспомнив, как Кристиан орудовал сшивателем перед самым горлом пушистой беглянки. Как желтый тьманит выпал из медальона и раскрошился при ударе. Как из мягкой шерсти выплыл небольшой гибкий морок и бросился к Эльзе... А опустошенное тельце каффы упало между кушеток.

– Это Вейрон, он сшивателем... порвал, – судорожно сглотнула.

– Я знаю, Эльза все рассказала. Морок сбежал.

– А что случилось с каффой? Она сильно пострадала? С-совсем сильно?

Не хотелось говорить «погибла». Но какое существо переживет такое?

– Вы разве не знаете, что у них девять жизней? – насмешливо хмыкнул Кейр. – Теперь каффа это просто каффа. Граймс тщательно ее продиагностировал на предмет мрака и накачал тониками, и мисс Хендрик забрала беглянку себе.

В голове не укладывалось, что морок вот так легко разгуливал по академии! Проникал в спальню Райса, устраивался на подоконнике, прятался в шкафу, выпрашивал лакомства, рассыпал всюду черную шерсть...

– В моей жизни так много мрака, что я не заметил его у себя под носом. Видите, мисс Лонгвуд, как легко меня провести? – темные глаза опасно прищурились, и я поспешила отвернуться к развалинам. – Надев на каффу тьманит, я случайно пленил черную душу, добровольно завещанную Мраку. Едва ли она планировала так надолго задержаться в теле животного...

– Думаете, это была Тайлин?

Кейр растерянно осмотрелся, оглаживая взглядом темные очертания руин.

– Черные души, покинув изнанку, всегда ищут что-то знакомое, значимое. Тянутся к прошлому. Но истина известна только Тьме.

Глава 33

Рэдхэйвен распрощался с нами, сообщив, что должен вернуться к жене, пока Эйвелин его рогами не наградила. В черно-золотую полосочку. Его силуэт растаял в портале, а мы, не сговариваясь, побрели по улице. Стоять ночью вдвоем возле пустого вояжера с удобным диванчиком было неловко.

– Расскажите, – потребовал Райс.

– Мм? – я повернула голову к магистру.

– Где живет *ваше* прошлое.

– Почти там же, где и ваше, сир Райс, – я шла вперед и задумчиво считала завитки на знакомом кованом заборе. – Знаете, я часто гуляла в этом районе, неподалеку от развалин. Вот там была тропа, по которой я шла в Тарлинскую лечебницу на дежурство, – указала рукой на черноту справа. – А в той стороне чудесное озеро. Мы с Софи часто обедали на берегу, сидя прямо на траве.

Я всмотрелась в темные крыши отдаленных домов и нашла знакомый шпиль. Место, где коротала ночи за учебниками для юных целителей.

– Вон там пансион мэтра Сайлэ, – показала шпиль Райсу. – От него отходит широкая улица, я видела ее из окна каждый день. Она ведет в Тарлинскую лечебницу и в главный городской партэль. Одна дорога, две стороны. Мы с Софи твердо решили сделать все, чтобы оказаться на правильной. А вот в том районе, – махнула в сторону узенькой улочки, убегающей вправо, – комната, которую мы снимали с подругами после выпуска.

– Покажете?

– Пойдемте, – согласилась великодушно и принялась огибать высокое здание. – После того, как я переехала в Анжар, а Софи вышла замуж, тут осталась только Мег. Но и она недавно перебралась в Хитану, дождавшись своей очереди на обучение. Теперь там живут какие-то другие девушки, мечтающие о славном будущем в Эррене.

– Хотите проверить? – магистр встал перед закрытой дверью коренастого дома.

Я неуверенно повела плечом: хозяйка наверняка видит третий сон, будет неловко будить ее в такой час. Не дождавшись внятного ответа, Райс без стука вошел внутрь. И вернулся через пару минут.

– Хозяйка пока не сдала никому комнату. Она не против, если мы останемся здесь на ночлег, – сообщил магистр. – Все лучше, чем в вояжере.

Я не успела возразить, вспомнив, что свободная комната тут всего одна. И в ней до сих пор черный потолок и весьма дурацкие простыни.

– Ох, Лисси! – хозяйка радушно распахнула дверь и втащила меня внутрь. – Мне прислали твои вещи. Я так удивилась! И все ждала, ждала, что ты за ними явишься...

Какой-то бытовой магией (не иначе!) я оказалась сначала в узком парадном коридоре, а потом и на лестнице. Хлопнула ресницами – и вот уже женщина вручает мне два комплекта постельного белья, а после бежит в хозяйскую комнату. И несет оттуда корзинку, набитую стыдным девичьим барахлом.

– Я там у вас прибиралась на днях, как Мегги уехала, – протараторила она, запыхавшись. – Нашла кое-какие магические побрякушки, все сложила сюда, мне чужого не надо.

«Противообморочный» камешек Софи, мой завивающий артефакт, заговоренная штопальная игла, крошечный фонарик для чтения ночью... Мотки тесемок и лент, что-то кружевное, пуговицы и застежки...

Я забрала «побрякушки», стремительно поднялась в спальню и уселась на свою кровать. Фух! Как ни беги от себя, от прошлого... А все равно однажды найдешь себя на том же самом месте. Ровно в той же точке. В окружении все того же барахла.

Чего в этой спальне не было раньше, так это магистра. Райс сел напротив, на койку Мег, и молча уставился на меня.

От пристального пыточного взгляда напала такая жажда деятельности, что я вскочила и принялась суматошно застилать постель. С укором покосилась на черный потолок, который как ни оттирай, а он все равно с пятнами. Простонала, обнаружив фиолетовую кляксу на матрасе – несмываемые последствия неудачного эксперимента.

– Значит, здесь провела юность мисс Алисса Лонгвуд? – с интересом уточнил Райс, почесывая выдающийся нос.

– После пансиона, да, – выдохнула покорно.

– Здесь совершала ошибки, влюблялась, плакала по ночам в подушку?

– И такое бывало, – согласилась я, глядя на ту самую подушку, впитавшую не одно ведро слез.

– Сир Вейрон? Вы от него бежали в Анжар?

– Да, – кивнула. – Я влюбилась в него до того, как узнала, что он женат не только на своей работе. Успела потерять всякую волю. Сразу поняла, что пропала.

А я ведь всегда знала, что не буду с Крисом счастлива. Ни в какой из реальностей. В наших отношениях всегда было слишком много боли, зависимости, вины, эмоциональных взлетов и падений... Я словно задыхалась в них, они изматывали.

– Вы его еще любите?

– Нет, – спокойно пожала плечами.

От этой зависимости я избавилась. Довольно большой ценой: я вляпалась в другую. Еще более серьезную. Она как раз сидела напротив и буравила меня глазами. Черными, как анжарская ночь, следующая за Парадом Светил.

– Тогда от кого вы хотели сбежать в Хаврану?

– Я не знаю. Это просто инстинкт – бежать. Наверное, от боли. Я очень не люблю боль.

– Разве кто-то собирался сделать вам больно? – Райс откинулся спиной к стенке, и старая кровать под ним надрывно всхлипнула.

– Не собирался. Но сделал бы, узнай он правду.

– Которую из всех «правд»?

– Что я фальшивка, двуличная пустышка и обманщица! Такая же, как все прочие.

Я суетливо прошла по такой знакомой комнате, разглядывая непривычно голые полки шкафов.

– Звучит кошмарно! – Кейр не улыбался, но голос его звучал издевательски спокойно. – Может, он бы не так уж сильно разозлился?

– Я не очень верю в сказки, сир Райс, – я закатила глаза и, собрав в кулак остатки хладнокровия, поправила на себе одежду. – Граймс говорит, что работа делает целителей циничными и отбивает всякое человеколюбие. И что рано или поздно я тоже покроюсь толстой кожей, как у незрелого альфа-цитрона. Вот, может, уже начинаю...

– Не торопитесь с кожурой.

Райс подтянул меня за ткань юбки и поставил перед собой, ровно между двух колен. Огладил ладонями бедра и остановился на талии. Поднял задумчивое лицо вверх, упираясь взглядом в мой подбородок.

– Ну и как вам Хаврана?

– Хорошее место. Но не мое, чужое, – просипела еле слышно, смущаясь от внезапной близости. – Там такие летают «птицы»... Вы бы их только видели...

– Видел. Я был там тоже, – хрипло сообщил магистр. – Я дал вам убежать, но не мог же оставить без присмотра?

– Что?!

– И это было единственным условием, при котором мисс Велисофья согласилась отпустить вас в другой мир. Вы ведь не думали всерьез, что о вас никто не забеспокоится?

Магистр был в Хавране? Пошел за мной в другой мир? В голове не укладывалось!

– Но... зачем? – я ошеломленно покачнулась в его руках.

– Понадеялся, что вы сами захотите вернуться.

Душа требовала каких-то доказательств, и Райс, похоже, решил их мне предоставить. Он порылся в кармане пиджака и вытащил оттуда черное кружево. Несколько тонких лоскутков, словно бы сотканных из полупрозрачного мрака. Каких и на одну сорочку не хватит.

Общение с сиром Кольтом на него дурно повлияло, ей Варху!

– Белое трагически порвалось, и я позволил себе кое-что для вас приобрести. Могу заверить, я был впервые в магазине подобного толка и... это было тем еще испытанием, – сосредоточенно пожаловался магистр. – Но все лучше, чем на черном анжарском рынке.

– Сир Райс! – я вспыхнула, продолжая ошалело глазеть на клочки черного кружева.

И это я еще Тонкину ампутацию прописывала? Все в Эррене будто помешались на хавранском сраме! Да, удобном, да, приятно облегающем и всесторонне привлекательном, но...

– Мисс Лонгвуд?

– Я такое не ношу, – заверила его строгим-престрогим шепотом.

– Пра-а-авда? – ладони Райса вновь сползли на мои бедра.

Я весь день старалась не впускать в себя воспоминания о той единственной ночи, в которой все было слишком остро. Сладко.

Жарко. Невыносимо!

Но сейчас они хороводом выскочили из «памятной шкатулки» и ударили болезненным разрядом в живот. Ровно в то место, в которое уткнулся носом вархов магистр, заставив меня покрыться испариной под тонким платьем.

– Вероятно, вы считаете меня безэмоциональным куском мрака, но во мне сейчас очень много самых противоречивых чувств, мисс Лонгвуд, – сообщил Райс, собирая невероятным носом мурашки под моим пупком.

Его прикосновения жглись даже через платье. Негодяй! Разве можно так с бедной девушкой?

– Почти все ваши чувства не имеют отношения ко мне, – заявила уверенно, упираясь ладонями в его плечи. Вынужденная мера при подкашивающихся ногах.

– Напротив, почти все они имеют отношение к вам, – покивал задумчиво. – Особенно вот это острое желание отшлепать вас по кружевному...

– Он не кружевной!

– Может им стать в любой момент, – Райс осторожно потянул пояс, и тут уж даже до от замороженной цапы дошел бы его намек.

– Вы заблуждаетесь. Между мной и той девушкой с голубыми глазами, которая вам, вероятно, понравилась, – огромная пропасть, – протараторила я, задыхаясь. – Начнем с того, что я не люблю розовый и... словом, огро-о-омная.

– Вот сейчас и проверим.

– Нечего тут проверять... Я не Вика. Совсем не она!

Магистр потянул за ленту на лифе платья, заставляя меня нагнуться. Бережно, но настойчиво усадил к себе на колено. Провел шершавым пальцем по шее к ямочке между ключиц.

– Алисса, я давно вас узнал, – выдохнул строго.

– Врете...

– Поначалу не мог взять в толк, как вы это все провернули. Временами сомневался и думал, что спятил. Там, в Хитане, я рассчитывал на ваше признание. Думал, вы отважитесь сбросить маску... А вы предпочли сбежать.

Я бы и сейчас сбежала, если бы меня не держали так крепко!

– Насколько давно узнали? – заерзала на его колене. – В смысле... до того как... или после того? Или, Имира меня прибери, во время?!

– Во время чего?

Взгляд его был возмутительно невинным. Словно Граймс наградил Райса магической амнезией или вовсе не Тонкину мозги ампутировал. Сир Альвар на нервной почве на всякое способен.

– Кейр!

– Намного, намного раньше, – признался, опустив подробности.

– Почему вы не сказали? – я дернулась на его колене, как ужаленная. – Как вы могли... не сказать?!

– Как я мог?! – громыхнуло в нашей девичьей спальне с черным потолком.

Райс меня все-таки шлепнул. Быстро, легонько, но ощутимо. Так, что все содержимое юбки взволнованно поджалось. И послушно опустилось обратно на твердое колено.

– Простите меня, – простонала виновато. – Я не думала, что все так далеко... Я не планировала плюхаться в ваше болото...

– Моему болоту не помешают перемены и новые впечатления, – Райс притянул мое лицо к губам и коротко поцеловал, напоминая о своем невозможном вкусе.

Это было так уютно и так знакомо. Словно я давным-давно каждое утро просыпаюсь от таких вот нежных, осторожных прикосновений.

– Понимаю, вам кажется, что вечно хмурый магистр шатался на ваши дежурства как по расписанию исключительно с целью воровства обезболивающих артефактов, – Райс закатил глаза и погладил мой подбородок. – Которые, видит Варх, ему ни гхарра не помогают уже лет пять... однако...

Еще один осторожный поцелуй, чуть дольше первого, чуть требовательнее... Моя сила воли объявила капитуляцию. Я прижалась к его губам, обвила руками шею. Мне нужно еще немного, совсем капельку тепла.

– Алисса, давайте договорим, а потом уж... Ох... Ну что за вархова!..

Меня притянули ближе, теснее, поцеловали глубоко, голодно. И я ни гхарра не поняла, потом мы договорим или сейчас, или уже никогда.

Райс прижался губами к моей макушке. Оставил отпечаток на лбу, на виске, клюнул в нос. Вернулся ко рту, затапливая жгучим желанием, которое ощущалось теперь даже в воздухе.

– Рыжие волосы мне больше нравятся, – сообщил сдавленным хрипом. – И глаза... глаза должны быть зеленые. А вот запах правильный. И вкус...

Он отрывался от меня и припадал снова. Жадно, яростно, разрывая тишину шумными вдохами.

– Вархова беглянка... Когда ты уже остановишься? Когда дашь себя поймать? Я ненавижу бегать, мисс Лонгвуд. Умею, временами практикую, но терпеть не могу.

– Кейр... вы... вы договорить хотели, – жалобно промычала в его рот, чувствуя, как умелые руки разбираются с пуговичками на спине.

– Перехотел!

– Нет уж договорите! – вымаливала себе передышку.

Мне и подышать хотелось немного, и мысленно подготовиться к тому, к чему мы неминуемо двигались. К постели, к ней ведь? Узкую кровать я успела застелить всего одну, и простыни на ней были весьма дурацкими – девичьими, с зелеными листочками-цветочками.

Жаркие ладони сбежали с моей спины и обхватили за щеки. Развернули лицо к Райсу, не позволяя отвести глаз.

– Я помню, Алисса, что ты не поклонница брачных уз. Ты это доступно объяснила, но я вынужден настаивать, – прохрипел мне в сопящий нос. – И после всего измывательства... После всего спектакля, что ты тут устроила... Ты обязана тихо и послушно согласиться.

– Спятели вы, сир Райс. Вы меня едва знаете.

– А я по наитию...

– Это сумасшествие!

– Не думаю. Тем более что есть некоторая вероятность, что по виззарийским законам мы уже женаты.

Меня мягко стряхнули с колен и подтолкнули к узкой кровати, на которой и одному уместиться с комфортом непросто.

– В свою очередь обещаю больше не обливаться эшерской. Согласен, из нее выходят паршивые духи, – севшим голосом добавил Райс. – Ложитесь, Алисса. Вы устали, ноги едва держат.

Я послушно уселась на свою кровать, не отрывая глаз от магистра. Уложила голову на подушку. Мне нравился его замороженный взгляд. Нравилось, что он не торопится подойти. Нравилось знать, что рано или поздно он подойдет.

Я так привыкла каждую ночь засыпать под его размеренное, шумное дыхание, что вчера в доме Кольтов извертелась. От тишины, от пустоты, оттого что некому было погладить по голове. Пришлось спуститься вниз и попросить у Саяры усыпляющих капель. Но вторую ночь без него я, видит Имира, не переживу.

– И вы сможете забыть про обман и полюбить меня по-настоящему? Так сильно, как я вас?

– Я уже люблю. По-настоящему. Понарошку я, боюсь, не умею, мисс Лонгвуд, – пробормотал он едва слышно, поднимаясь с постели Мег. – И если уж люблю... то люблю. Вы подвинетесь? В Хавране у вас была кровать побольше.

Облизнув пересохшие губы, я отползла назад и вжалась лопатками в стенку, передавая ровно половину постели в распоряжение сира Райса. Он скинул ботинки и пиджак и с тихим скрипом опустился рядом.

– Боитесь? – спросил, когда я вздрогнула под его теплой ладонью.

– Боюсь, что вы опять мне снитесь, сир Райс.

– А я часто вам снюсь?

– Каждую ночь, – призналась, уже не понимая, что из всего было сном, а что явью. И где проходила настоящая граница реальности.

– Тогда я тоже должен признаться.

– В чем? – глянула на него замороженно, подчиняясь требовательному движению и подползая вплотную к мужчине.

– Мне сразу понравилась новая ассистентка Граймса. В первый же день. Такая растерянная, такая упертая. И такая... зеленоглазая. Но я идиот, грубиян и в желаниях девушек ни гхарра не разбираюсь. Твари изнанки – единственная понятная мне компания.

– Они от вас тоже без ума.

– Я долго не признавался себе в неуместном интересе. В то время как ноги сами тащили в целительский корпус под дурацкими предложениями. Но мне хватило ума понять...

– Что понять? – переспросила шепотом, убаюканная его хрипом.

– Что я буду совершенно несвоевременным в жизни этой потерянной, заблудившейся, от чего-то бегущей девочки. Что я в ней не нужен. Что девочка закрылась, заколотилась наглухо, – бормотал Райс, гипнотизируя меня голосом. – Что она не готова впустить кого-то еще в свою жизнь и со всеми своими проблемами желает разбираться сама. Хотя, видит Варх, она ни гхарра не умеет разбираться с проблемами.

– Нужны. Вы очень нужны в ее жизни, – сообщила магистру, водя пальцем по выточенным из камня чертам. По породистому носу с горбинкой, по упрямому квадратному подбородку.

– Если нужен, значит, я в ней буду.

Глава 34

Алисса Лонгвуд

– Мы опоздаем! – я жалобно поглядела на нос Райса, гордо направленный прямо по курсу нашего следования. Он словно сам был готов разрезать золотые облака, помогая воздушному судну лететь быстрее.

– Успеем. Насколько я заметил, миссис Кольт весьма и весьма упряма. И если уж собралась ждать подругу... – проворчал Кейр, прижимая меня к своему боку.

– Но это еще хуже! – простонала и спрятала от ветра лицо в воротнике его плаща.

Рядом с нами на лавку никто сесть не рискнул. Разглядев наши мрачные лица, все пассажиры, следующие до Анжара, предпочли другие места.

Утреннее счастье, растопившее внутренности до состояния желе, сменилось тревогой. Оставив меня дремать, Райс успел сходить в Тарлинское отделение магпочты и вернулся с волнительными новостями.

Он написал Джонасу с просьбой выделить дом для супружеских пар (из тех, что стоят на территории за главными корпусами). А еще – оставить место младшей целительницы за мисс Лонгвуд. О чем немедленно сообщить Граймсу, приступившему к поискам новой ассистентки...

И получил ответ: *«Сир Альвар срочно покинул академию ранним утром. У миссис Кольт начались роды, и едва ли он вернется раньше вечера»*. Все прочие просьбы ректор обещал исполнить. И мы, похватав вещи, понеслись в воздушную гавань.

Из-за страха за подругу мне почти не удавалось мыслить рационально. Я лишь нервно прижималась к Райсу, ища тепла. Но стоило окунуться в его терпкий запах, как в мыслях всплывала невозможная ночь, проведенная на узенькой кушетке, созданной для одинокой девушки... Тем страннее было уместиться на ней вдвоем. Райс со всех сторон свешивался с кровати, грозился к утру скатиться на пол. Но магистр за жизнь привык к неудобствам – ко сну в кресле,

на полу, на алтаре, на болотах... Одним словом, он ни разу не пожаловался.

В полете я то кусала губы от волнения, что Софи натворит бед, пытаюсь меня дождаться. То невольно улыбалась в черный воротник, вспоминая все, о чем мы говорили вчера с Кейром. И все, что мы с ним делали. Уфф...

Не помню, чтобы мне бывало так волшебю. Я будто растворилась в нем и лишь к утру собралась заново. Все было так правильно, нужно и на своем месте... Как у двух идеально подогнанных деталей в древнем временном артефакте.

На рассвете я даже не удивилась, что Райс попросил ректора выделить дом сегодня. Сама бы не хотела провести новую ночь без магистра. Конечно, мы могли вернуться в мрачную берлогу, созданную для одного... Но так было правильнее.

Всю дорогу, что летела воздушным судном, прижавшись к Райсу, я отчаянно клевала носом. Назвать сном происходившее вчера язык бы не повернулся. Мы подремали час или два... Не больше.

И теперь в голове перекатывалась сонная каша из обрывков слов и воспоминаний. Что-то про мрачные руины, на которых построится новое. Про сад, лабораторию и миссис Лиссу Райс...

На лавке имения Кольтов сидел абсолютно белый Грегори. Почти без движения, словно статуя. Загар на его лице остался воспоминанием. Кулаки сжимали старую древесину, временами выводя пальцем надпись, выскобленную на синей краске. В его руке искрились дымные камешки, источая плотный зеленый туман.

– Она здесь, – прохрипел сир Кольт, кивая на открытую дверь. – Граймс велел мне выйти, и я... сегодня весьма послушен.

Райс, глухо откашлявшись, присел рядом с Грегори, а я вошла внутрь. Софи лежала на диване в гостиной, мокрая и бледная. Сир Альвар смазывал ее губы тоником, но пить не заставлял. Вместо этого Саяра услужливо подносила простую воду.

– Я боюсь навредить, Алисса, – пояснил он, отрешенно глядя перед собой. – Случай... весьма непрост.

– А я сразу вам говорила! – проворчала, на ходу скидывая с плеч плащик. – Софи не маг, артефакты и чары ей лишь вредят.

– Знаю, моя быстроногая... Но дитя наделено искрой. Я пытался облегчить боль магией, но сделал хуже, – прокряхтел док, нервно щелкая шивателем.

Я крепко сжала руку подруги и сунула ей в пальцы наш старый «антиобморочный» камешек. Раньше я всякий раз напитывала его энергией, если Софи приходилось идти в людное, магически активное место.

Поймала ее усталый синий взгляд. Она с ночи мучилась, вконец измоталась. И явно намеревалась провести в страданиях весь день, выгибаясь на диване от сильных спазмов.

– Софи... Соф! Прости, что я так задержалась. Я осталась ночевать в Тарлине с сиром Райсом и...

– Все нормально, Лисси, – успокоила она и путанно добавила: – Роуз Эштон-Кольт есть в любой из реальностей. А раз есть, значит, будет.

– Я целитель, а не философ, – напомнила ей, закатив глаза, и жестом велела Саяре подложить больше подушек под спину и голову. – Хорошо бы еще ты в ней осталась. Иначе сир Грег разнесет все реальности к линиялым гхаррам. А я только нашла...

Софи попыталась улыбнуться через боль и откинулась на подушку.

– Дышите, миссис Кольт. Глубже, малышке Роуз нужен кислород. Вот так: «Уфф... ффухх... уфф... фу-у-ух», – раздувающий щеки Граймс был изрядно комичен, но мне было не до смеха. Я сама забыла, что надо дышать, и теперь вместе с Софи и Альваром старательно делала вдохи.

Сейчас, сжимая белую и мокрую руку подруги, я чувствовала себя невероятно нужной. Важной в ее жизни. Софи, как всякая простачка, плохо переносила крепкую магию, даже целительские пульсары и сильные снадобья. Что уж говорить о заряженных обезболивающих артефактах.

Методы Райса, какими он справлялся с откатами, ей тоже по понятным причинам не подходили. Эшерская роженицам запрещена, а массаж раскаленными пяточками не всякий здоровый вынесет...

– Дыши, Соф. И сядь, вот так, да, – я подложила еще подушек ей под спину и принялась растирать поясницу, вдавливая кулаки в чувствительные точки. – И дыши. Уфф... Фу-у-ух...

В Хавране я присутствовала на родах: подавала Марте чистые пеленки, таскала теплую воду, протирала пациентке лицо. Ставила охлаждающие компрессы, дышала вместе с ней. Массировала низ спины, как показывала акушерка, она же главная сестра, на которой держалась вся лечебница.

Мне даже доверили омывать малыша, я потом весь вечер трещала об этом в палате Руслана Ивановича. Старик смеялся, умилялся, а потом мы тайком ходили посмотреть на спящего щекастого кроху.

– Выпейте это, миссис Кольт, – Граймс достал из саквояжа бутылек с синей жидкостью. – Это временно блокирует искру. Медицина экспериментальная, но в нашем случае...

– Во мне нет искры! – прорычала Софи, выгибаясь на диване.

– Сейчас есть. И из-за этого вам настолько дурно, что вы едва справляетесь, совсем обессилели, – строго прокряхтел док. – Алисса, убедите подругу выпить. Эффект недолгий, не больше суток.

Пот струями катился по лбу Софи, а я суматошно вспоминала все, что читала о магических беременностях у «пустышек». Ни гхарра я полезного не читала! Этот феномен был мало изучен, в Эррене браки заключались с равными, никто не стремился передавать искру простачкам.

– Экспериментальная медицина?! – провыла Софи.

– До сих пор мои целительские эксперименты были весьма удачными, – профыркал Альвар.

– Позовите Грега...

– Чтобы он от волнения за вас устроил кратер на пол-Анжара? Ну нет, моя упрямая, ну нет. У меня кроме вас есть еще пациентка... недолеченная.

– Софи, пей, – я строго поглядела на подругу и влила ей в рот синюю жижу.

Док прав: рабочие у него методики. Действенные. И если говорит, что искра пробудится в Розе спустя сутки, значит, так и будет. А пока она едва не убивает Софи, не привыкшую к магии внутри.

Я продолжала массировать поясницу кулачком, облегчая участившиеся спазмы. Если бы старательно не дышала вместе с подругой, наверняка сама бы упала в обморок от волнения.

– Ну вот, мисс Лонгвуд, а вы говорили, что не нашли себя, – флегматично протянул Граймс, откладывая сшиватель ауры.

Нам с ним оставалось просто ждать, что чудо свершится само по себе. Без нашей магической помощи.

Грегори Кольт

Грегори медленно шел по саду, не разбирая тропы. В одной руке он покручивал золотое перо, в другой сжимал иссякший дымный камень с Сади.

Из дверей дома его настиг сначала детский крик, а потом и другой возглас – громкий, радостный. Алисса сообщала всему Анжару, что у малышки Розы черные волосы и синие глаза. И что это правильная реальность, в которой есть все, что нужно для счастья.

Он выронил дымный камешек из обмякших пальцев и уткнулся лбом в старый тур. Рано или поздно его сладкая морковка низведет Грегори до состояния магической пыли. Видит Варх, низведет!

Сил на обратный путь не было, он просто слушал тонкое «мяу, мяу», доносившееся из имени. Словно там попискивала новорожденная каффа. Его дочь, анжарская Роза... То, что нужно для старого заброшенного сада.

Возле беседки у озера очертился черным женский силуэт. В глубине души Грег ждал его, понимал, что придется завершить начатое: срок подошел.

Впервые с этой женщиной он встретился в доме Рэдхэйвена месяц назад. Точнее, думал, что впервые. Уже после он вспомнил, что видал Миэль раньше: в юности, в Хитанской академии, где Данн представил ее как свою мать.

А еще она незримо присутствовала на их с Софи первой свадьбе... Сумбурном бракосочетании у алтаря в подвале. Мало кто знает, что они с морковкой повенчаны Тьмой.

Миэль подарила им божественное благословение взамен на услугу, и Грегори обещал исполнить все, что будет угодно богине. Он был согласен на все, лишь бы вернуть себе правильную реальность. Ту, в которой у него есть две синеглазые девочки, одна постарше, а вторая... та, что нынче громко и недовольно мяукала из дома.

Месяц назад на утесе, в тихой беседе, заглушаемой шумом волн, Миэль напомнила ему о долге. Их разговор остался тайной для всех, но лег камнем на сердце. Женщина сообщила слишком многое, слишком важное, и Грег не посмел отказать. Да и кто посмел бы? Ей?

– Твоя услуга зачтена, – улыбнулась златовласая сирра, кутаясь в темный плащ, пошитый из мрака. – Долг считается выплаченным.

– Вы явились лично, чтобы это сообщить?

– А ты не жаждал этой встречи, Грегори? У тебя больше не осталось вопросов? – ухмыльнулась божественно прекрасная Миэль, характером больше походившая на анжарскую сифу-кровопийцу.

Поговаривали, они тоже пропали из Эррена... Но Грег уже во всем сомневался.

– Я бы предпочел сейчас сжимать руку супруги и смотреть на новорожденную дочь.

– Успеешь, – она равнодушно повела плечом. – У тебя впереди многие годы счастья. Ты все сделал правильно, а я лишь захотела присутствовать при таинстве рождения этой девочки. Свое дитя я оставила слишком рано, а будущее Розы... Впрочем, не буду торопиться тебя пугать, Грегори Кольт.

Он напрягся, шумно вбирая ноздрями сладко-горький воздух: у ног сирры Рэдхэйвен вился мрак с хоботком. Исчадию изнанки совсем не место в его доме, в его саду... рядом с его собственной дочерью!

– Не бойся, эту беглянку я заберу с собой, – улыбнулась Миэль, приманивая пальцем молодой морок. – Душа девы так черна, что я обязана вернуть ее на изнанку. Она добровольно завещана мраку еще при жизни юной Тайлин, испившей темный яд. Дева отмечена грехом, душа принята мной по закону. Так что не морщись, сир Кольт... У каждого своя сторона. Ты исполнил обещание и более ничем со мной не связан.

Обещание... Тьма попросила от него сушью мелочь, нелепицу: положить виззарийский браслет в хавранские вещи. Кольт тщательно исследовал артефакт, обнаружил внутри древние брачные чары и еще сильнее удивился.

Для Софи, дважды благословленной и дважды венчанной в двух реальностях, змейка была бы обычным украшением. И Миэль дала божественную клятву, что браслет не навредит никому. *«Это лишь шутка... Над упертым старым приятелем, который временами все-таки враг».*

И Грег повиновался. Нет смысла спорить с богиней. Нет шанса нарушить данное слово, которое Кольт держал при любых

обстоятельствах. Когда обещал «что угодно», он готов был и жизнью пожертвовать. Своей. Лишь бы сначала дождаться рождения дочери.

– Полагаете, ваша шутка удалась? – сощурился, не спеша приближаться к женщине.

От Миэль разило мраком, и это было ощущением не из приятных.

– Полагаю, что да. Порой любовь – самое большое наказание, какое только может случиться, – звонко рассмеялась сирра. – Она же и подарок. Для старого друга, которому я задолжала. Он просил благословения богов, заключая помолвку... совсем не с той девой, что предназначалась судьбой. И я оставила право благословения за собой.

– Своеобразные у вас шутки!

– «Божественные», – фыркнула Миэль. – Природа неискоренима.

– Что ж, тогда, надеюсь, вы не будете возражать...

– Мм? – в золотых глазах взметнулись искры любопытства.

– Я рассказал сирру Райсу об оказанной вам услуге. И он решил преподнести вам ответный дар, – прохрипел Грег, боковым зрением отмечая приближение магистра. – Тот самый, который одновременно и наказание, и подарок. Любовь.

– Мне не нужна любовь, мой дорогой, – рассмеялась темная сирра, сияющая не хуже золотых облаков.

У нее была статья Имиры, красота Имиры, гордый лик Имиры... Но больше не было доброты и нежности, с которой богиня смотрела с древних скульптур и портретов.

– Любовь всем нужна, – вышла из кустов маутянка.

В последние дни Грег все чаще находил следы крошечных пяток в своем саду. Но смиренно терпел, молясь, чтобы Софи не заметила девиц.

– Вы были преданы... забыты... осквернены... – выбралась из-за тура вторая. – Но мы искали.

– Мы искали...

Сад наполнялся маутянками. Они преклоняли колени перед проданной богиней, чьи храмы давно разрушены или превратились в места для экскурсий.

– Мы почувствовали, что вы вернулись в Эррен. Магия пути привела нас в Анжар.

– Но вы забыли... о девах... которых клялись опекать...

– Не забыла, – взволнованно заявила Миэль. – Я... я не забыла!

– Мы хотим напомнить вам. О своей любви. О любви чистых дев, – маутянка с двумя черными косами встала с колен. – Тех, кто верен вам всей душой. Тех, кто продолжает слать молитвы Имире Сиятельной в самые трудные времена.

Грег чуть поморщился, узнав как минимум трех из «чистых дев». До знакомства с Софи он частенько захаживал в партэли на Тарлинской набережной. И в невинности конкретно этих дам сильно сомневался.

Впрочем, любовь не выбирают... Особенно когда она подарок. И временами наказание.

Эпилог

Четыре года спустя

– М-м-м...

Мое мычание вяло отбилося от защитных экранов кабинета темных практик.

Нет, определенно, было что-то в той идее – заколачиваться наглухо в ночь весенних даров. Где-нибудь в тарлинском доме, в лаборатории или в садовой беседке... Там, где меня не найдут ни природники, ни сын, ни муж. Ни еще кто-либо, решивший отпраздновать вархову ночь!

– Алисса, не вертись так... *так*, – удрученно прохрипели снизу, напомнив, что я лежу вовсе не на магическом мате.

– У-у-у... – прикинулась исчадием и решительно сползла с Кейра. – Это было плохой идеей. Снова.

– Хорошей.

– Ужасной!

– Мне все понравилось...

– Пфф! – сдула спутанные волосы с лица и пристально посмотрела в черные глаза. Те как раз пытались открыться и встретить новый весенний день.

Я поерзала по полу пятой точкой, упакованной в нежно-розовые кружева (ироничный подарок мужа в честь «романтики, Варх дери, Ахавы»). И только в них.

Выудила из-под мятого зада несколько твердых кварцевых кристаллов, стряхнула с бедра джантарную пыль... И вспомнила наконец, как оказалась в гхарровом кабинете.

Меня сюда призвали!

Снова. Ровно в тот момент, когда я открыла черную бархатную коробочку, выудила из нее нежно-розовое кружево и решила примерить...

– Каждый раз срабатывает, – довольно прохрипел Райс, наощупь находя свой подарок и похлопывая по нему ладонью. – Ты все еще моя судьба, Лисс.

Как мальчишка, ей Варху... Он будто всякий раз надеялся, что я не призовусь. И можно будет сделать вид, что я вовсе не судьба этого мрачного носатого исчадия.

Но я упрямо призывалась, да. Каждый год, стоило Кейру начертать виззарийскую пентаграмму и бросить в нее какие-нибудь личные вещи. В этот раз он хотя бы обустроил площадку для «приземления». Расстелил маты, расставил свечи...

Все лучше прошлогодних «сиятельных даров», когда я плюхнулась в озерцо за полигоном. Романтика Ахавы, болот и плотоядных пиявок!

– Кейр! – я ошеломленно указала на подоконник, залитый солнечным светом. – Уже утро!

– Без паники, – Райс поерзал затылком по полу и поднялся на локтях. Огляделся, щурясь. Подтянул к себе черную горку тряпок.

– Да как без паники, как без паники? – вспомнила о кое-чем крайне важном. Смертельно важном. – Мы оставили его одного на всю ночь!

– Не одного. Я договорился с няней, – проворчал магистр, натягивая брюки.

Я, оценив свои кружева, торопливо сграбастала его рубашку. Пока еще осталось, что сграбастать.

– Это с какой же? – недоверчиво усмехнулась.

Весь Анжар наслышан о наших «особых обстоятельствах». И весь Анжар вот уже год отказывается работать в нашем доме. Найти няню на ночь весенних даров... Не из Хитаны же Кейр ее вызвал?

– С самой надежной, – муж скривился в коварной улыбке. – С такой, которая не сбежит, даже если очень захочется.

– Опять наказал кого-то из природников? – догадалась со вздохом.

Если раньше Райс пугал студентов ночевкой на болотах и ловлей исчадий мрака, то теперь на факультете появилась новая страшилка. Трехлетняя, черноглазая, рыжеволосая.

– Всего лишь своего младшего ассистента, – Райс поднялся, сгреб с пола розовые кристаллы и закинул в ящик стола.

Потянулся, задрал руки к потолку, помял затекшую шею, вздохнул полной грудью... И бессовестно растратил половину восстановившегося резерва, перенеся нас порталом к порогу дома.

– Расточительство, – деловито прошипела ему в подмышку.

– Все равно ночью опять восстановим, – коварно заверил магистр, толкая дверь. – А разрывов давно не было...

– Слава Варху, вы вернулись! – Тонкин уже ждал у порога, трясясь и нервно наматывая круги.

Закрались самые дрянные подозрения. Кто-нибудь наверняка пострадал... но кто?

– Брось, Заккари, это всего лишь трехлетний мальчик...

– Это-то и пугает! – парень расширил глаза, выискивая щель между нами.

Родители подопечного вернулись, и это давало «няньке» право покинуть здание. Выгадав удобный момент, Тонкин скользнул в просвет и был таков.

Едва за парнем захлопнулась дверь, в коридор выползло... оно. Это вот. К которому гхарр привыкнешь, но вариантов особо нет.

Следом за *этим* вышел и наш сын. Безобидно симпатичный, отменно лохматый, никем не расчесанный, в милой травянисто-зеленой пижамке и с шоколадной кляксой у улыбающихся губ. Он явно убедил Тонкина, что завтракают в нашем доме исключительно десертами.

Запах горячего шоколада, доносившийся с кухни, совсем слегка разбавлялся душком, идущим от давно почившей росохи. Несмотря на свою вероятную смерть, росоха продолжала бодро передвигаться по нашему дому, теряя шерсть и обнажая гнилые косточки. За ней с раздражающим шуршанием волочилась синяя ленточка.

– И где ты откопал такую... кхм... прелесть? – хрипло уточнил Кейр, поднимая чучелко за повязанный на костлявую шею бантик. Яркий, новенький, праздничный.

– Колючке Розе понравится? – с нотками восторженного ехидства уточнил сын.

– Уверен, все семейство Кольтов будет... эм... потрясено твоим подарком, – озадаченно покивал Кейр.

О да, потрясено... Скоро впечатлительная Софи нас на порог пускать перестанет.

Достаточно вспомнить, как прошлым летом Роза Кольт кричала на весь Анжар, когда к ним в сад прискакал квахарчонок со сломанным крылом. Мы не сразу поняли, что из гнезда он выпал давно... слишком давно. И его возвращения уже не ждут.

В дремучие времена в Эррене считалось, что дети с древним даром некромантии рождаются только у проклятых. Глупости, ей Варху! Просто способности поднимать усопших выродились за ненужностью – почти сразу, как на изнанке заснул Мрак.

И все же на прогулках по деревне нас сопровождали перешептывания, напоминая о словах сирры Рэдхэйвен. Не стоит рвать цветы в чужом саду...

Вряд ли проклятый дар стал главной причиной, по которой родители Кейра не прилетели с Саци на рождение малыша. Райс им писал, но ответа не получил. Их больше не интересовали ни искры, ни наследники.

А вот дедушка Марибо Браксаард явился. Я его не звала, не искала: прошлое надо оставлять в прошлом. Но однажды во сне пробормотала имена родителей, и Райс нашел одного из них.

Медные волосы, зеленые глаза... Отец и правда был очень красив, хоть и немолод. И он любил меня – все те несколько дней, что имел возможность подержать на руках. И все те несколько часов, что вез в своем вояжере в приют. И все те несколько минут, что отдавал дитя настоятельница. И после любил тоже.

Этого мне вполне хватило, но он рассказал намного больше. И хоть в наших беседах сквозила неловкость и невольный холодок, я внимательно слушала о своей матери.

Илии уже не было в живых: она оплатила грехи рода сама. Погибла, пытаясь подарить супругу наследника. Тот мужчина был весьма жестким человеком, властным, служил при дворе, решал чужие судьбы. Илия тэль Меер не была счастлива в договорном браке.

«Поначалу я жалел молодую девушку, так неудачно выданную замуж, – откровенничал Марибо. – Возил ее, видел слезы и... иные следы супружеских несчастий. Такая юная, такая хрупкая и уже поломанная. Утешал, как мог. Я был старше ее на десять лет, повидал всякое... Но оказался уязвим к чистой красоте.

Илия была самой одаренной из трех сестер тэль Меер: получила статус сирры уже в семнадцать, научилась накладывать удивительные иллюзии. Она часто пользовалась даром прямо в моем вояжере, скрывая синяки и иные отметины. Я видел... все.

Ее супруг часто странствовал с Его Величеством, а она оставалась одна. Самое счастливое время, несмотря на то, что он запирали ее в летней резиденции. Ни подружки, ни учебы, ни культурных поездок, ни встреч с родней... Обидная судьба для сирры. Она могла бы сиять в любой из магических областей, а вместо этого служила источником искры для чьих-то наследников.

Мои жалость и забота быстро переросли в нечто большее. Она сбегала из дома под одной из иллюзий, обманывая прислугу и стражей. Мы виделись и в любви находили утешение. Но все зашло слишком далеко.

Дар скрыл ее положение, супруг задержался, запутал с Его Величеством на тропях Междумирья... Но по возвращении он убил бы ее, узнай... Узнай он, что...

Илия так надеялась, что девочка, среднеодаренная и не носящая имени тэль Меер, сможет стать более счастливой, чем она. Что грехи наших родов не лягут на ее плечи. Что она не будет выдана замуж силой за тирана и получит достойное образование. Я передал настоятельница шкатулку с фамильными драгоценностями тэль Мееров. Их должно было хватить на обучение в любой из академий.

В газетах писали дрянные сплетни, подогревали слухи о нашем романе. Меня уволили и королевским указом отослали очень далеко, в Ташер, на службу в морозное герцогство Эквенор. И я покорно уехал, надеясь, что это спасет Илли. Но я ошибся. Мне стоило... мне стоило забрать вас обеих с собой».

Марибо и сейчас служил в Ташере – в Северном пределе, в отряде герцога Эквенора. А в Эррене оказался случайно: сопровождал сира Нетфорда в личной поездке. Тут-то его и нашел Райс, обратившись ни много ни мало к маутянской магии пути.

Отец пробыл в Эррене до самых моих родов. Вместе с Кейром, бледнея, дожидался на лавочке, пока Граймс предъявит им малыша. И даже пустил сентиментальную слезу, придержав ладонью маленькую рыжую головку.

Но потом был вынужден отправиться в Северный предел: он присягнул на верность герцогу. Там, в ташерских льдах, Марибо нашел свое лекарство от боли и вины.

Я тоже нашла себя. Здесь, в Эррене.

Началось все с Софи и тонкого крика, с которым появилась на свет ее дочь. Потом за мной темным порталом прилетел сир Рэдхэйвен и потребовал моего присутствия на родах Эйвелин. Лита изматывала маму не меньше, чем Роза.

Это были самые странные роды, на которых мне довелось бывать. В конце я вновь завалилась в обморок от истощения. И наутро, разглядывая в окне бушующее северное море, долго не могла понять – приснилось или нет?

Солнечное сияние, заливающее просторную спальню Рэдхэйвенов посреди черной ночи. Сотня хоботков, торчащих из стен. Россыпь фиолетовых рун, невольно слетевшая с рук бледной мисс Ламберт... Парочка разрывов, которые суматошно заштопал сир Даннтиэль, кусая губы от волнения. Истошный визг золотой птицы, легкая поступь «будущей бабушки»...

Приснится же!

После Граймс, впечатлившись успехами ассистентки, доверил мне принимать роды Эльзы. В тот раз все прошло спокойно и по плану. Разве что сир Альвар в финале свалился в обморок, и у меня зачесались руки что-нибудь ему ампутировать... в профилактических целях. Ну, скажем, язык.

И со временем ко мне стали обращаться сирры из Хитаны, Тарлина, Либтоуна. Совершенно незнакомые дамы просили сопровождать их магическую беременность, интересовались иномирскими методиками, соглашались на целительские эксперименты.

В итоге я прошла курсы высшего магического акушерства в столице, освоила несколько видов массажа на острове Маути, составила с десятков обезболивающих мазей на основе чернойгодника и растений со всего света. Запатентовала часть снадобий, передала их рецепты в аптеки и лечебницы.

В саду Кольтов было по-весеннему свежо и радостно, как и положено в праздник: сегодня дочь Грегори отмечала четырехлетие. Рыжая лохматая голова Райса-младшего (за которым глаз да глаз!) нашлась у озера. После долгого разговора с Кейром наш сын оставил затею с мертвой росохой и теперь качал синеглазую девочку на качелях.

Роза росла очень хорошенькой и похожей на Софи. И Грегори начинал нервничать заранее. У ее женихов не было шансов, пока жив сир Кольт.

Лита золотом волос пошла в бабушку, а вот глаза определенно получились мамины. Дети задорно хохотали, запуская в озеро шуточные пульсары и разбрасывая фейерверки искр во все стороны.

– Ты мне должна обещание, Алисса.

Я нервно обернулась и обнаружила за плечом сирру Рэдхэйвен. Спину сковало ледяной коркой: это была уже третья наша встреча и я не забыла, что первые две окончились обмороком.

Обещание... Обещание?!

От Миэль пахло горькой сладостью и за версту веяло Тьмой. Побывав на изнанке, я теперь всегда ощущала этот аромат и без труда опознавала признаки заражения мраком. В работе это пригодились, но сейчас...

– Не бойся, беглянка.

– Чего вы от меня хотите? – отступила назад, в кусты.

Пусть кто-то менее страшный мне скажет, что это не лучший момент для побега!

– Услугу. Обещание. Твоя плата, Алисса, – спокойно напомнила женщина, складывая фрагменты в моей голове в совершенно жуткую картину. – Однажды, спустя многие годы от нашего в твоей разговора, твой сын спросит о книге, что открывает путь в забытую Виззару.

– Я видела лишь одну страницу, – выдохнула изумленно. Наверное, я еще не проснулась, не очухалась после сумасшедшей ночи.

Ту памятную страницу, похищенную мисс Донован из храма Имиры, Кейр до сих пор хранил в нашем доме, в магическом сейфе. Доставал лишь раз в год, исключительно ради «романтики Ахавы» и всей этой болотно-кружевной чепухи.

– Нет, беглянка. Ты, в отличие от Райса, видела две, – Миэль согрела мою ладонь в своей руке, и тело прошибло молнией. – Когда твой сын спросит о Виззаре, ты расскажешь ему, где побывала. И откуда принесла его проклятый дар.

Мои ладони похолодели от одних воспоминаний. Изнанка бытия, усыпанная черными лоттами. Призрачный город, мрачные тени и всезнающий обелиск.

– Если нарушишь обещание, черная душа твоего мужа вернется в мои чертоги, Алисса, – женщина покачала головой. – И уж я найду, как себя поразвлечь... Мои дети всегда ждут этой встречи.

– К чему это все? – спина предательски уткнулась в старый тур.

– Я могла бы попросить, объяснить... Но природа людей такова, что они часто... разочаровывают, – вздохнула Миэль. – Поэтому честный обмен предпочтительнее.

– Честный? Но я не знала, на что соглашаюсь!

– Но ведь согласилась? – золотисто-медовые глаза удивленно округлились.

Она будто трехлетке втолковывала прописные истины. Спокойно, сдержанно и почти без раздражения в голосе.

– Согласилась, – виновато признала, кляня себя за глупость.

Но не могла же я оставить Райса на алтаре в объятиях черных щупалец?

– Мой брат упивается властью и единоверием, забыв о главном. Моя мать давно выпустила нити из рук... Приходится плести судьбу Эррена самой, – путанно объяснила Миэль. – Обещай, Алисса. Ты сделала этот выбор еще на изнанке, в зале подношений. Осталось лишь пройти путь до конца.

Я нашла глазами темный силуэт моего сира-грубияна. Он опять всю ночь сжимал меня в руках, боясь отпустить. Не в силах напиться, надыхаться.

Нить, что связывала нас с Кейром теперь, была куда крепче виззарийской. И за его душой я готова была вновь спуститься в любую междумирскую бездну, если потребуется.

– Я... обещаю.

Конец

(История Вики из Центра адаптации – «Сдавайтесь, мистер Уэйн! или Мой волшебный арест». Следующая книга цикла – «Стихийное бедствие в Академии Междумирья»)

От автора

Дорогие читатели, спасибо всем, кто так же, как и я, полюбил мрачного сира Райса и зеленоглазую лисичку Алиссу. Всем, кто с интересом наблюдал за приключениями нашего двуглавого «чивари», поддерживая героев и автора. Тем, кто только сейчас присоединился к циклу «Веер Междумирья», и тем, кто читает про великих магов Эррена с первой книги.

Ниже я хочу рассказать о других историях, входящих в серию. Вы можете опираться на эту информацию, если с каким-то из упомянутых второстепенных героев захотите познакомиться поближе и подробнее узнать его историю.

Книга, посвященная Грегори Кольту и Софи Эштон называется «Властелин моих кошмаров, или Невеста на обмен». В ней Лисси Лонгвуд – персонаж второстепенный, подруга главной героини. Именно в этой истории мы узнаем, как же Грегори умудрился задолжать Тьме.

С четой Рэдхэйвен, Эйвелин и Даннтиэлем, мы впервые встретились тут: «Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!». Во второй книге серии в качестве второстепенных персонажей появляются: сир Кейр Райс, Алисса Лонгвуд, Альвар Граймс, Эльза Хендрик и Миэль. Действие также происходит в Анжарской академии.

Книга, повествующая о судьбе настоящей попаданки «Вики, психиёлога» (на самом деле ее зовут Натали), – «Сдавайтесь, мистер Уэйн! или Мой волшебный арест». Алисса и Грегори Кольт там фигурируют в качестве второстепенных персонажей.

Кроме того, у нынешней истории есть небольшой «мидквел», посвященный отношениям Альвара Граймса и Эльзы Хендрик: «Анжарская академия. Теория и практика любовных чар». Сюжет развивается параллельно этой книге, часть событий показана с другой стороны. Там же описано прошлое Эльзы и Кристиана Вейрона.

И, конечно, я приглашаю вас в Сеймур – мир порталов и открывателей, центральный для Веера. В мою новую историю «Стихийное бедствие в Академии Междумирья».

Нырря в очередной портал, мы переносимся из Эррена в Сеймур, как однажды сделал Грегори Кольт. И спешим познакомиться с Адамианом Чейзом, загадочным деканом факультета стихийной магии, и юной менталисткой Иви Рэйвенс, так некстати свалившейся на его голову...

До новых встреч на тропах «Веера Междумирья»!